

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА 4/2015

Китай – США – Россия:
«круглый стол» в ПДВ

Малое предпринимательство
в Китае

Сухопутные войска НОАК

Роль Чукотки в развитии
Дальнего Востока России

70-летие Победы над Японией
во Второй мировой войне

1-я жк-3.

Российская академия наук
Институт Дальнего Востока

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

4/2015

Июль — Август

Научный и общественно-политический журнал,
выходит шесть раз в год на русском и четыре
раза в год на английском языках
Издается с марта 1972 года

Выпускается под руководством
Отделения глобальных проблем
и международных отношений
РАН

Учредители: Российская академия наук, Институт Дальнего Востока РАН

Главный редактор В.Я. Портяков (доктор экономических наук, проф.)

Редакционная коллегия

Я.М. Бергер, д.и.н., (зам. главного редактора), А.В. Болятко,
д.воен.н., проф., О.Н. Борох, к.э.н., А.В. Виноградов,
д.полит.н., К.В. Внуков, к.и.н., Чрезвычайный и Полномочный
Посол, С.А. Горбунова, д.и.н., А.С. Давыдов, к.и.н. (зам.
главного редактора), А.И. Денисов, к.э.н., Чрезвычайный и
Полномочный Посол, А.З. Жебин, к.полит.н., В.О. Кистанов,
д.и.н., А.В. Ломанов, д.и.н., С.Г. Лузянин, д.и.н., проф.,
А.Е. Лукьянов, д.филос.н., проф., В.М. Мазырин, д.э.н.,
А.В. Макаров, д.ю.н., проф., Н.Л. Мамаева, д.и.н.,
П.А. Минакир, академик РАН, А.В. Островский, д.э.н., проф.,
Л.С. Переломов, д.и.н., М.Л. Титаренко, академик РАН.

Иностранные члены редколлегии

А. Ачария, проф., директор Института китайских
исследований (Нью-Дели, Индия), М. Бастид-Брюгер, проф.,
Национальный центр исследований по общественным наукам
(Париж, Франция), У Эньюань, проф., Академия
общественных наук Китая (Пекин, КНР), Ху Аньган, проф.,
Университет Цинхуа (Пекин, КНР), Чжу Сяньлин, проф.,
Цзилиньский университет (Чанчунь, КНР).

Редакция

К.В. Асмолов зав. отделом Кореи
Е.В. Белилина
зав. отделом внешней политики
А.Н. Карнеев
зав. отделом истории и
внутренней политики
А.Н. Коробова
зав. отделом культуры
А.С. Крушинский
зав. отделом экономики
Л.С. Лаврова экспедитор
Е.А. Лапшина зав. редакцией
О.И. Мальцева
и.о. ответственного секретаря
Г.П. Манча редактор
Д.Б. Славинский оператор ЭВМ
А.Б. Старостина
зав. отделом идеологии и
философии
А.В. Шлындов зав. отделом Японии

Содержание

Информационное сообщение по итогам заседания Совета глав государств-членов Шанхайской организации сотрудничества (г. Уфа, 9–10 июля 2015 года).....	4
ПОЛИТИКА	
<i>С. Уянаев.</i> Китайский проект «Один пояс — один путь»: концепция, план, сотрудничество с Россией	8
<i>Ян Юйхэн.</i> Договор 2001 г. как правовая основа российско-китайского стратегического партнерства	22
Круглый стол в ПДВ	
Отношения КНР и США на современном этапе: состояние, перспективы и вызовы для России.....	35
ЭКОНОМИКА	
<i>В. Чуванкова.</i> Роль и место малого предпринимательства в экономике КНР на новом этапе экономической реформы	80
ДИСКУССИОННАЯ ТРИБУНА	
<i>Ху Аньган.</i> Путь китайской модернизации (1949–2014).....	90
ВОЕННОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО	
<i>А. Шлындов.</i> Сухопутные войска Народно-освободительной армии Китая на пути модернизации	110
ГОСУДАРСТВО И ОБЩЕСТВО	
<i>О. Почагина.</i> Одинокие матери в современном Китае: статус и проблемы.....	128
РОССИЙСКИЙ ДАЛЬНИЙ ВОСТОК	
<i>В. Заусаев.</i> Чукотка: новая модель развития Дальнего Востока?.....	141
ИСТОРИЯ	
<i>Б. Горбачев.</i> Внешняя помощь Китаю в годы войны с Японией (1937–1945 гг.) (окончание).....	147
<i>И. Чернышев.</i> Операции Красной Армии против Квантунской армии в 1945 г. (по материалам газеты «Амурская правда»).....	160
КУЛЬТУРА	
<i>Е. Войтишек, Л. Червинская.</i> Концептуальное искусство в Китае: социально-политический аспект	168

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

Хуан Лилян. Память о войне и победе священна.....178

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Научная конференция ЦПИП ИДВ РАН.....181

Содержание журнала «Форум Северо-Восточной Азии» (КНР) за первое полугодие 2015 г.....187

Contents 189

Summary.....190

Информационное сообщение по итогам заседания Совета глав государств-членов Шанхайской организации сотрудничества (г. Уфа, 9–10 июля 2015 года)

9–10 июля 2015 года в г. Уфе состоялось заседание Совета глав государств-членов Шанхайской организации сотрудничества (далее — ШОС или Организация). В нем приняли участие Президент Республики Казахстан Н.А. Назарбаев, Председатель Китайской Народной Республики Си Цзиньпин, Президент Кыргызской Республики А.Ш. Атамбаев, Президент Российской Федерации В.В. Путин, Президент Республики Таджикистан Э. Рахмон, Президент Республики Узбекистан И.А. Каримов.

На заседании председательствовал Президент Российской Федерации В.В. Путин.

В заседании участвовали Генеральный секретарь ШОС Д.Ф. Мезенцев и Директор Исполнительного комитета Региональной антитеррористической структуры (РАТС) ШОС Чжан Синьфэн.

В мероприятии также участвовали и выступили главы делегаций государств-наблюдателей при ШОС — Президент Исламской Республики Афганистан А. Гани, Премьер-министр Республики Индии Н. Моди, Президент Монголии Ц. Элбэгдорж, Премьер-министр Исламской Республики Пакистан Н. Шариф, заместитель Министра иностранных дел Исламской Республики Иран И. Рахимпур.

Присутствовали заместитель Генерального секретаря Организации Объединенных Наций Дж. Фелтман, Председатель Исполнительного комитета -Исполнительный секретарь Содружества независимых государств С.Н. Лебедев, Генеральный секретарь Организации Договора о коллективной безопасности Н.Н. Бордюжа, Генеральный секретарь Ассоциации государств Юго-Восточной Азии Ле Лонг Минь и Исполнительный директор Совещания по взаимодействию и мерам доверия в Азии Гун Цзяньвэй.

Главы государств в доверительной и конструктивной атмосфере обсудили состояние и перспективы развития ШОС, в том числе ход реализации решений Душанбинского саммита 2014 года. Подчеркнуто, что эволюция Организации проходит на фоне непротых процессов в глобальной политике и экономике, основной тенденцией которых является формирование полицентричной модели мироустройства.

Главы государств считают важным укрепление роли ШОС в создании справедливого, открытого и равноправного международного порядка в интересах обеспечения надежной безопасности и устойчивого прогресса всех стран. В этих целях они приняли Стратегию развития ШОС до 2025 года, в которой определены основные направления углубления взаимодействия в сферах политики, безопасности, экономики и гуманитарного сотрудничества. Первоочередные задачи практической деятельности Организации отражены в Уфимской декларации, подписанной по итогам саммита.

Главы государств провели обстоятельный обмен мнениями по ситуации на пространстве ШОС, актуальным региональным и международным вопросам, в том числе обстановки в Афганистане, на Ближнем Востоке и в Северной Африке, на Украине. Госу-

дарства-члены ШОС выражают готовность укреплять многостороннее сотрудничество в целях обеспечения безопасности и стабильности в регионе и в мире в целом.

Главы государств приняли Совместное заявление в связи с 70-й годовщиной Победы над фашизмом во Второй мировой войне, в котором выражается глубокая признательность тем, кто ценой огромных человеческих жертв и материальных потерь избавил мир от угрозы порабощения и уничтожения, и подтверждается готовность всемерно укреплять всестороннее сотрудничество с мировым сообществом на основе взаимного доверия, взаимной выгоды, равенства, взаимных консультаций, уважения к многообразию культур, стремления к совместному развитию, сообща формируя эффективную модель межгосударственных отношений. Дана высокая оценка проведенным в государствах-членах ШОС торжественным мероприятиям, посвященным 70-летию Победы в Великой Отечественной войне. Подтверждено намерение принять активное участие в памятных мероприятиях по случаю 70-летия Победы китайского народа над японским милитаризмом и окончания Второй мировой войны, которые состоятся в сентябре 2015 года в Китае.

Главы государств, исходя из принципа открытости ШОС, приняли решения о начале процедуры приема Республики Индии и Исламской Республики Пакистан в ШОС, а также о предоставлении Республике Беларусь статуса государства-наблюдателя при ШОС и статуса партнера по диалогу ШОС — Азербайджанской Республике, Республике Армения, Королевству Камбоджа и Федеративной Демократической Республике Непал.

Подчеркнута приверженность углублению сотрудничества с государствами-наблюдателями и партнерами по диалогу по вопросам противодействия новым вызовам и угрозам, развития торгово-экономических связей и культурных обменов.

Главы государств позитивно оценивают желание Ирана стать членом ШОС и надеются, что всеобъемлющее урегулирование ситуации вокруг иранской ядерной программы будет стимулировать углубление сотрудничества Ирана с ШОС, а также создаст условия для рассмотрения вопроса о его членстве в ШОС в соответствии с установленными критериями.

Государства-члены считают, что скорейшее вступление в силу для каждой стороны Протокола о гарантиях безопасности к Договору о зоне, свободной от ядерного оружия, в Центральной Азии внесет значительный вклад в обеспечение региональной безопасности и укрепление глобального режима ядерного нераспространения.

Главы государств высказались в пользу развития взаимодействия ШОС с международными и региональными структурами, прежде всего с ООН и ее специализированными институтами, СНГ, ОДКБ, АСЕАН, СВМДА.

Главы государств считают важным продолжить совместные усилия по привлечению стран-членов ООН в соавторы новой редакции «Правил поведения в области обеспечения международной информационной безопасности», распространенной в январе 2015 года от лица государств-членов ШОС в качестве официального документа ООН.

Главы государств подчеркнули необходимость наращивания совместных усилий в борьбе с терроризмом, контрабандой оружия, торговлей людьми, проникновением боевиков и активистов террористических, экстремистских и сепаратистских организаций и движений на территории государств-членов ШОС. В этой связи компетентным органам государств-членов поручено усилить информационные обмены и сотрудничество в сфере охраны правопорядка и безопасности, а также начать проработку вопросов, связанных с реализацией Программы сотрудничества государств-членов ШОС в борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом на 2016–2018 годы.

Главы государств высказали удовлетворение результатами выполнения Антинаркотической стратегии государств-членов ШОС на 2011–2016 гг. и поручили приступить к проработке проекта Антинаркотической стратегии государств-членов ШОС на 2017–2022 гг. В целях усиления борьбы с незаконным оборотом наркотических средств, психо-

тропных веществ и их прекурсоров принято Заявление глав государств-членов ШОС по противодействию проблеме наркоугрозы.

Главы государств подчеркнули необходимость наращивания коллективных усилий по противодействию традиционным и нетрадиционным вызовам и угрозам безопасности, углублять диалог и сотрудничество по обеспечению комплексной безопасности, прежде всего по борьбе с терроризмом, сепаратизмом, экстремизмом, незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, трансграничной организованной преступностью, а также по укреплению международной информационной безопасности, реагированию на чрезвычайные ситуации.

Главы государств выступили за дальнейшее развитие деятельности Региональной антитеррористической структуры ШОС в борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом.

Главы государств отметили, что среди вызовов и угроз международной безопасности выделяются возрастание масштабов терроризма и экстремизма, объединение усилий различных террористических группировок и выступили за наращивание совместной борьбы мирового сообщества с террористическими организациями, в соответствии с резолюциями Совета Безопасности ООН.

Главы государств считают важным предпринимать совместные усилия в целях обеспечения устойчивого социально-экономического роста, создания благоприятных условий для торговли и инвестиций, развития сотрудничества в высокотехнологичных отраслях экономики, совершенствования транспортно-логистической, информационно-коммуникационной и иной инфраструктуры.

Главы государств считают необходимым продолжить работу над созданием Фонда развития (Специального счета) ШОС и Банка развития ШОС с целью стимулирования торговых и инвестиционных связей в регионе, а также ускорить процесс вступления в силу Соглашения между правительствами государств-членов ШОС о создании благоприятных условий для международных автомобильных перевозок, подписанного 12 сентября 2014 года в г. Душанбе.

Главы государств подтвердили поддержку инициативы Китайской Народной Республики о создании «Экономического пояса Шелкового пути» и выступили за налаживание консультаций и информационного обмена между соответствующими ведомствами государств-членов ШОС.

Главы государств выступают за разработку конкретных мер по стимулированию многостороннего взаимодействия в сферах промышленности, энергетики, транспорта, телекоммуникаций, науки и инноваций, сельского хозяйства. Они считают целесообразным привлечение к этой работе Делового совета ШОС и Межбанковского объединения ШОС.

Главы государств поддержали дальнейшее углубление сотрудничества в области культуры, науки и техники, здравоохранения, образования, туризма и спорта, в интересах укрепления отношений добрососедства, взаимного уважения и плодотворного взаимодействия на пространстве ШОС.

Главы государств заслушали и одобрили доклады Генерального секретаря ШОС о деятельности Организации за истекший год и Совета РАТС ШОС о ее деятельности в 2014 году, в которых отмечен значительный вклад постоянно действующих органов ШОС в улучшение координации и практического взаимодействия в рамках Организации.

Главы государств приняли решения о назначении Р.К. Алимова (Республика Таджикистан) Генеральным секретарем ШОС и Е.С. Сысоева (Российская Федерация) Директором Исполнительного комитета Региональной антитеррористической структуры ШОС на период с 1 января 2016 года по 31 декабря 2018 года.

Главы государств высоко оценили результативность и уровень организации председательства Российской Федерации в ШОС. В этот период состоялись заседания Совета глав правительств государств-членов (г. Астана, 14–15 декабря 2014 г.), Совета министров

иностранных дел (г. Москва, 3 июня 2015 г.), Совета РАТС (г. Душанбе, 19 сентября 2014 года и г. Ташкент, 10 апреля 2015 года), генеральных прокуроров (г. Ташкент, 7–8 октября 2014 года), Форума ШОС (Ханты-Мансийск, 10–11 марта 2015 г.), Встреча секретарей советов безопасности (г. Москва, 14 апреля 2015 г.), Совещание руководителей компетентных органов государств-членов ШОС по борьбе с незаконным оборотом наркотиков (г. Москва, 21 апреля 2015 г.), совещания министров юстиции (г. Владивосток, 18–19 сентября 2014 г.), образования (г. Барнаул, 8 октября 2014 г.), сельского хозяйства (г. Москва, 9 октября 2014 г.), министров, отвечающих за внешнеэкономическую и внешнеторговую деятельность (г. Астана, 19 ноября 2014 г.), здравоохранения (г. Москва, 7 июля 2015 г.), культуры (г. Москва, 20 апреля 2015 г.), транспорта (г. Уфа, 15 мая 2015 г.), внутренних дел и общественной безопасности (Душанбе, 4–5 июня 2015 г.), обороны (г. Санкт-Петербург, 29–30 июня 2015 г.), встречи руководителей национальных туристских администраций (г. Москва, 25 марта 2015 г.), глав служб государств-членов ШОС, отвечающих за обеспечение санитарно-эпидемиологического благополучия (г. Москва, 17 апреля 2015 г.), а также других мероприятий на различных уровнях.

Главы государств дали высокую оценку председательству Российской Федерации в ШОС и выразили признательность российской стороне за гостеприимство, оказанное в ходе мероприятий в г. Уфе.

Председательство в ШОС на предстоящий период переходит к Республике Узбекистан. Очередное заседание Совета глав государств-членов ШОС состоится в 2016 году в г. Ташкенте, Республика Узбекистан.

Китайский проект «Один пояс — один путь»: концепция, план, сотрудничество с Россией*

© 2015

С. Уянаев

В статье рассматриваются географические рамки, основные цели, принципы и методы реализации китайской инициативы «Экономический пояс Шелкового пути и Морской Шелковый путь XXI века». Анализируются принятая в марте 2015 г. правительственная концепция и план действий по данному проекту. Автор исследует возможности и вызовы, существующие для российско-китайского взаимодействия.

Ключевые слова: КНР, инициатива, Шелковый путь, пояс, концепция, Россия, транспортная инфраструктура, вызовы, перспективы.

Китайская инициатива «Экономический пояс Шелкового пути¹ и Морской Шелковый путь XXI века²» со времени ее оглашения осенью 2013 г. стала предметом повышенного внимания не только в КНР, но и в России.

Причин интереса к данному проекту, как представляется, несколько. Во-первых — уровень, с которого были оглашены данные инициативы: с ними выступил высший государственный руководитель Китая. Во-вторых — их комплексный, географически масштабный, явно выходящий за рамки собственно Китая характер со стратегическим видением конечных целей. В-третьих — они стали заметной частью и показательным примером общего роста внимания в сегодняшней КНР к вопросам внешней политики, подчеркнутого такими параллельными событиями, как специальное дипломатическое совещание по развитию отношений с соседними странами (октябрь 2013 г.)³, создание Совета государственной безопасности (ноябрь 2013 г.)⁴.

В последующий период новая идея (к концу 2014 г. она, имея сухопутную и морскую составляющие, чаще стала называться «Один пояс — один путь» или просто «пояс—путь») неуклонно перемещалась на одно из центральных мест в международной политике КНР, обретала все более четкие контуры. Это, в частности, нашло отражение в материалах центрального дипломатического совещания по вопросам иностранных дел, которое прошло 28–29 ноября 2014 г.⁵ А 28 марта 2015 г. параллельно с ежегодным форумом в Боао, где о «поясе — пути» вновь активно говорили с участием практически всех

Уянаев Сергей Владимирович, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник ИДВ РАН. E-mail: svuyav@yahoo.com

* Подготовлено при содействии РГНФ, совместный исследовательский проект РГНФ-ВАОИ № 14–27–09001 «Пути укрепления безопасности и сотрудничества в Восточной Азии».

высших руководителей КНР, была обнародована, по сути, развернутая программа под названием «Концепция и план действий по совместному строительству Экономического пояса Шелкового пути и Морского Шелкового пути XXI века».

В весьма объемном документе, подготовленном Государственным комитетом по делам развития и реформ, а также двумя министерствами — иностранных дел и коммерции, идея была подробно структурирована по базовым характеристикам — географии, целям и задачам, принципам, направлениям и механизмам реализации⁶.

Как подчеркнул еще в феврале 2014 г. газета «Жэньминь жибао», «Экономический пояс Шелкового Пути и Морской Шелковый путь XXI века — это главные особенности внешней дипломатии Китая в новой эпохе»⁷.

«Один пояс — один путь»: где «пункт назначения»?

Формулируя в сентябре 2013 г. общую цель инициативы, Председатель Си Цзиньпин, указав на «новую жизнеспособность прежнего Великого Шелкового пути», в древности «соединившего Восток и Запад», предложил «объединить усилия... способствуя постепенному формированию крупномасштабного регионального сотрудничества... с целью обеспечить между евроазиатскими странами более тесные экономические связи и более обширное взаимодействие»⁸. Очевидно, что уже в этом определении отражен крупный, геостратегический характер выдвинутого проекта, призванного за счет внешнеполитических механизмов, на путях международного сотрудничества обеспечить интересы страны в ближнем и дальнем зарубежье Евразии.

Такая оценка подкрепляется и тем, что одновременно Председатель КНР сформулировал пять основных аспектов-направлений реализации данной инициативы. При чем на первое место было поставлено согласование между странами-участницами «политических установок для развития», и лишь затем говорилось о привычном для восприятия термина «Шелковый путь» «сотрудничестве в транспортной инфраструктуре». Тремя другими сферами совместного строительства были названы торговые и инвестиционные свободы, финансы, а также гуманитарные контакты. Иными словами, даже в начальных определениях «пункты назначения», к которым в итоге должны привести «новые Шелковые пути», выглядели как диверсифицированные, долговременные и системные цели, прямо связанные с развитием страны.

Действительно, обращаясь к общему для нынешнего Китая политическому фону, трудно не заметить, что авторы концепции с первых шагов стремились вписать ее в стратегические задачи выдвинутой годом ранее высшим китайским руководством «мечты о великом возрождении китайской нации»⁹. Инициатива «Один пояс — один путь» вполне соответствует роли одного из мощных инструментов реализации этого общенационального ныне лозунга — лозунга решающего наращивания комплексной мощи и выхода таким образом на «передовые мировые рубежи».

В условиях, когда (на примере снижения прироста ВВП) экономика КНР в последние годы столкнулась с истощением ряда прежних источников роста (потенциал экстенсивного развития, дешевый труд и т.п.), повышенную актуальность приобрели новые, в том числе внешние рычаги, предусматривающие дальнейшее продвижение «политики открытости и выхода вовне»¹⁰. Не случайно, что уже вскоре после первоначального оглашения новой идеи Си Цзиньпин, говоря, о курсе «в отношении сопредельных стран», подчеркнул, что «стратегической целью китайской внешней политики является служение задаче национального возрождения»; при этом «Китай совместно со своими соседями должен работать для ускорения формирования Экономического пояса Великого шелкового пути и Морского шелкового пути XXI века, включая «в качестве фундамента создание зон свободной торговли», а также инвестиционное сотрудничество, создание, таким образом нового образца региональной экономической интеграции»¹¹.

Важным уточнением, которым китайское руководство сопроводило идею Экономического пояса, стал также тезис о «необходимости развития западных регионов КНР», который, в частности, был подчеркнут высокопоставленными сотрудниками МИД КНР на представительной экспертной конференции в ноябре 2014 г. в Пекине¹². Вместе с тем, оглашенные спустя четыре месяца программные «Концепция и план», где в соответствующем разделе вначале также говорится о значении Синьцзяна и других западных районов, полностью включили в «Один пояс — один путь» уже практически все провинции и регионы страны.

«Концепция и план»: от идеи к рамочной «дорожной карте»

Упомянутая правительственная «Концепция» от 28 марта 2015 г. (далее — Концепция) уточнила не только внутренний, но и внешний географический охват «пояса и пути», заодно дав авторитетное представление о пространственном масштабе проекта.

Первоначальные оценки здесь были разные. Так, в комментарии, опубликованном в правительственных СМИ в конце октября 2013 г., было указано, что сухопутный коридор Экономического пояса Шелкового пути (ЭПШП), начинаясь, естественно, в Китае, делится на пять субрегионов — Центральную, Западную и Южную Азию, европейские страны — бывшие республики СССР, а также Россию. «Объединенная» идея — сухопутный и морской «шелковый путь» вместе — называлась проектом, который распространяется на несколько десятков (имея в виду пять субрегионов — не менее 40) стран и может обеспечить «взаимовыгодное сотрудничество и общее процветание» для более чем 3 млрд человек¹³.

В других материалах список расширялся за счет стран Центральной и Западной Европы и Северной Африки, зато порой публиковались карты, где новый путь шел в обход России¹⁴.

В специальном разделе Концепции от 28 марта представлена версия, которую, надо полагать, в КНР считают базовой. Согласно документу «сухопутный пояс», начинаясь в Китае, и пролегая по территориям Азии, Европы и Африки, включает три главных линии — через Центральную Азию в Россию и Европу (Балтию); опять-таки через Центральную Азию, а также Западную Азию в страны Персидского Залива и Средиземноморья; в Юго-Восточную и Южную Азию к Индийскому океану.

«Морской путь», стартуя от берегов Китая, имеет два главных маршрута — «через Южно-Китайское море и Индийский океан в Европу»; «через Южно-Китайское море в Южную часть Тихого океана»¹⁵.

В рамках «Евразийского сухопутного моста» и параллельно названным маршрутам были также выделены несколько «транспортно-экономических коридоров», в том числе «Китай—Монголия—Россия», «Китай—Пакистан» и «Бангладеш—Китай—Индия—Мьянма».

При такой постановке вопроса непосредственно «Шелковая зона» существенно расширяется, недаром весной 2015 г. китайские эксперты вели речь уже о 65 странах с населением в 4,4 млрд человек¹⁶. Более того, в Концепции подчеркивается, что инициатива Китая не ограничивается районами прохождения древних путей и «носит кооперационный характер, открытый для всех стран и региональных организаций». Теоретически это делает географические границы «пояса и пути» вообще не лимитированными, хотя понятно, что на деле они существуют.

Говоря в целом, Концепция, отразив, похоже, многомесячную экспертную дискуссию и большую работу, проделанную руководством и правительственными органами, в том числе по продвижению идеи за рубежом, явилась, по существу, рамочной «дорожной картой». В восьми разделах документа в концентрированном виде и представлено общее видение целей, направлений, форм и методов строительства «Одного пояса — одного пути».

При этом очевидно, что основой остались положения, изначально озвученные Председателем КНР в сентябре–октябре 2013 г. Это, прежде всего, касается самого крупного в документе (четвертого) *раздела о «пяти приоритетах»*. Они предлагаются в виде будущих «сфер сотрудничества» — «политические контакты и координация политических установок», «транспортные коммуникации», «торговые свободы», «финансы», «общественные и гуманитарные связи».

Но в прежних приоритетах появились уточнения и показательные акценты.

Во-первых, подчеркнут определяющий статус «политической координации». Она названа «важной гарантией» итоговых перспектив проекта. Это, похоже, обещает высокую степень активности китайского руководства в деле «укрепления» многоплановых «межправительственных контактов» с десятками стран, отнесенными к «Одному поясу—одному пути».

Во-вторых, наряду с задачей совместного со странами региона строительства сухопутного Трансевразийского моста сформулирована «приоритетная» и «жизненно важная» цель обеспечить не просто транспортные коммуникации, а системную «взаимосвязанность инфраструктуры», включая координацию участниками «своих планов по строительству инфраструктурных объектов и систем технических стандартов». Кроме того, введено в оборот понятие «сетевых коммуникаций», подчеркнут их комплексный характер, «объединяющий» не только собственно железнодорожные, шоссейные и водные магистрали, включая сопутствующую дорожную (портовую) инфраструктуру, но и трубопроводную сеть транспортировки энергоресурсов, а также и трансграничную сеть линий оптоволоконной связи.

В-третьих, недвусмысленно прописаны цели в области торгово-инвестиционной области, которую, как отмечалось выше, в Пекине видят «фундаментом» всего проекта. Концепция однозначно декларирует намерение в рамках общей идеи обеспечения «глобальной либерализации торговых режимов... обсуждать со странами «пояса и пути» создание зон свободной торговли», совместно продвигать такие меры, как устранение/снижение тарифных барьеров, унификация таможенных и других регулирующих торговых процедур. Это же касается сферы инвестиций, которую авторы Концепции предлагают сделать «двигателем торговли», распространить на самый широкий спектр промышленного и аграрного производства — от разведки и разработки ископаемых, других видов энергетики, включая ядерную, до марикультуры и лесного хозяйства. Приглашение в Китай инвестиций из стран «пояса и пути» соседствует здесь с прямым акцентом на «поощрение» участия китайских компаний» в региональном инфраструктурном строительстве, причем не только инвестициями как таковыми: в контексте тезиса о «разделении труда» говорится, что китайские компании должны «действовать непосредственно на местах», использовать здесь свои практические возможности и менеджмент.

В-четвертых, ранее названное сотрудничество в сфере финансов и денежно-кредитной политики обрело в Концепции форму призыва к полноформатной «финансовой интеграции». Речь идет о создании системы «валютной и инвестиционной стабильности», доступе «к кредитной информации», расширении валютных свопов. В Концепции говорится о задаче развития азиатского рынка ценных бумаг, о продвижении разнообразных форм сотрудничества, включая выпуск участниками проекта «юаневых» облигаций в Китае, а также эмиссию китайскими учреждениями облигаций в юанях и в иностранных валютах за рубежом. Полученные средства могли бы, согласно документу, использоваться в странах вдоль «пояса и пути».

Важная роль при этом отводится к Азиатскому банку инфраструктурных инвестиций /АБИИ/ — учреждаемой по инициативе Китая кредитной организации, которая будет финансировать региональные инфраструктурные проекты¹⁷. Были названы и другие важные финансовые структуры — Банк развития БРИКС, предполагаемая аналогичная структура в рамках ШОС, а также Фонд Шелкового пути, на учреждение которого

Китай, согласно сделанному еще в начале ноября 2014 г. заявлению председателя КНР, готов направить 40 млрд долл.¹⁸ Правительственные эксперты называют это шаг своего руководства «лишь началом», тем самым подчеркивая инвестиционные возможности Китая на фоне того запроса на инвестиции, который де-факто существует во многих странах предполагаемого «пояса—пути»¹⁹.

Наконец, в-пятых, область, которая по-прежнему носит простое название «Обмены между людьми», представлена в документе системой многопланового гуманитарного сотрудничества. По мнению авторов, она должна включать сферы образования (на нее КНР выделяет 10 000 стипендий), культуры и искусства, туризма, здравоохранения, молодежной политики, науки и технологий, а также взаимодействие по линии партийных и парламентских структур и неправительственных организаций.

Принципиально важной частью «Концепции и плана» видится раздел о «механизмах кооперации» (Разд. 5). Его актуальность связана с необходимостью понимания того, как реализация проекта, столь масштабного по зоне охвата и числу потенциальных участников, может выглядеть на практике, в том числе с учетом наличия на просторах Евразии уже действующих различных интеграционных объединений со своими целями и регламентами.

Авторы Концепции, похоже, не склонны видеть здесь почву для недоразумений и провозглашают, что, продвигая свою инициативу, Китай будет использовать возможности и «двусторонних, и многосторонних кооперационных механизмов».

Двусторонние отношения КНР предполагает развивать «на всех уровнях» и «по всем каналам», используя как уже существующие, так и новые совместные рабочие группы, комиссии и комитеты, специально нацеленные на подготовку «дорожных карт», пилотных проектов и других материалов, связанных с инициативой «Один пояс—один путь».

В части международных структур говорится о намерении «поддержать деятельность и использовать возможности» существующих в зоне «пояса—пути» объединений. Приводится их большой перечень — от АТЭС и ШОС до субрегиональных механизмов по типу структуры «Большой Меконг». Предполагается задействовать также потенциал международных выставок, конференций, научных симпозиумов.

Тем не менее, следует заметить, что раздел носит весьма лаконичный характер. А потому показательный вынос на первое место потенциала двустороннего сотрудничества видится неслучайным и может свидетельствовать не столько о функциональной форме деятельности китайской дипломатии, сколько о ее возможных подходах к лимитам, с которыми проект может столкнуться в связи с деятельностью тех или иных региональных структур.

Не случайно в другом разделе Концепции, где говорится о практической работе, уже проделанной по проекту за полтора года, упоминаются двусторонние переговоры с лидерами более 20 стран (с рядом из них подписаны профильные меморандумы о взаимопонимании). При этом лишь одна ссылка касается встречи в многостороннем формате (6-й Форум китайско-арабского сотрудничества).

В контексте декларируемой, таким образом, «готовности действовать в различных сценариях» заслуживает внимания помещенный в отдельном разделе (*Принципы Концепции*) тезис о том, что Китай не только, как и прежде, привержен «политике открытости», но и намерен строить ее новый вариант. Речь идет о «модели открытости по всем азимутам» и направлениям (*quan fangwei kaifang*).

Возможен вывод, что, исходя из такого максимально расширенного понимания «открытости», Китай рассчитывает на взаимность со стороны партнеров, а следовательно — на позитивное восприятие ими нового «Шелкового проекта» и готовность «идти навстречу». Не случайно незадолго до принятия Концепции министр иностранных дел Ван И прямо подчеркивал, что в АТР необходимо придерживаться «новых концепций открытости, а не замкнутости»²⁰.

В данной связи уместно отметить, что Концепция выдержана в подчеркнуто благожелательном духе, испещрена призывами к миру и развитию, взаимовыгодному сотрудничеству, учету озабоченностей всех сторон, взаимному выигрышу, уважению и доверию. Более того, имиджу идеи полностью уделен заключительный (восьмой) раздел. В нем подчеркивается, что, будучи инициатором идеи, КНР тем не менее видит «пояс—путь» площадкой, где действуют «равноправные консультации», учитываются «чаяния» всех стран—участниц, уважается принцип инклюзивности, понимаемый как «возможность разнообразия и необязательность во всем добиваться полного единства».

Взгляд из России

Не секрет, что внешняя реакция на китайский проект, в том числе в России, была не только внимательной, но и, в ряде случаев, достаточно осторожной. В частности, некоторые российские специалисты усмотрели в китайской идее потенциальные элементы конкуренции с российским проектом создания Евразийского Союза, который, как известно, в форме Евразийского экономического союза официального вступил в силу в январе 2015 г.²¹

Для такой реакции имелись внешне понятные причины, связанные, в частности, с публикацией в октябре 2013 г. в китайской правительственной печати ряда материалов, где оценивались «преимущества», которыми Китай в сравнении с Россией (и США) обладает в Центральной Азии²². В данном контексте российские эксперты имели в виду и осторожные высказывания самих китайских коллег, озвучивших, в частности, мнение, что «самым большим вызовом» проекту ЭПШП на пространстве Центральной Азии «является налаживание отношений с Россией». При этом, правда, нельзя было не заметить, что китайские эксперты в любом случае подчеркивали «необходимость не допустить», чтобы региональные действия Китая «оказали негативное влияние на китайско-российское взаимодействие»²³.

Сложившаяся сентябре—декабре 2013 г. «настороженная выжидательность» обуславливалась, похоже, и тем, что российская сторона практически не имела внятных и прямых сигналов из Пекина относительно своего участия в данном проекте. Исключением были лишь редкие публикации в китайских СМИ, где говорилось, что «некоторые участки Шелкового пути проходят по территории РФ»²⁴. В то же время на ряде форумов, в частности, на прошедшей в конце ноября 2014 г. в Урумчи встрече представителей 24 городов из 8 стран, расположенных вдоль нового Шелкового пути, представители России по факту отсутствовали²⁵. И такая ситуация сохранялась практически до встречи в формате Владимир Путин — Си Цзиньпин в феврале 2014 г. в Сочи.

Думается, что именно сочинские переговоры, на которых, согласно сообщению печати КНР, стороны обсуждали «совместное строительство экономического коридора Шелкового пути»²⁶, следует считать некой этапной точкой.

Не случайно практически одновременно в правительственных СМИ Китая появились публикации, где указывалось, что «без участия России» — этой «узловой станции» и даже «надежды» на пути из Европы в Азию — «экономической полосе Шелкового пути не бывать»²⁷. «Созданию Экономического пояса Шелкового пути, конечно же, не обойтись без поддержки и участия России. КНР и РФ являются традиционными партнерами в деле общего строительства этого пояса», — подчеркивалось на сайте «Жэньминь жибао» 28 марта 2014 г.²⁸

Внимание в России привлекла и данная авторитетными китайскими экспертами характеристика «Экономического пояса» как «инновационной модели сотрудничества», которая «не содержит в себе интеграционных интенций», не преследует целей создания формального сообщества и «направлена исключительно на улучшение среды многостороннего сотрудничества и налаживание эффективных партнерских отношений»²⁹. Китайские коллеги уточнили, что новая инициатива — это не «скрытая идея

лидерства Китая», а крупный «геоэкономический план открытого взаимодействия, основанного на многополярности»³⁰.

Такого рода уточнения, а они последовали, повторим, уже ближе к весне 2014 г., были не лишними.

Согласованные совместные формулировки относительно сотрудничества по китайскому проекту были впервые зафиксированы в российско-китайском заявлении, принятом в мае 2014 г. по итогам официального визита в КНР В.В. Путина.

«Россия считает важной инициативу Китая по формированию «Экономического пояса Шелкового пути» и высоко оценивает готовность Китайской Стороны учитывать российские интересы в ходе ее разработки и реализации», — говорится в документе. — «Стороны продолжают поиск путей возможного сопряжения проекта «Экономического пояса Шелкового пути» и создаваемого Евразийского экономического союза. В этих целях они намерены и дальше углублять сотрудничество между компетентными ведомствами двух стран, в том числе для осуществления совместных проектов по развитию транспортного сообщения и инфраструктуры в регионе»³¹. При этом важными стали слова министра иностранных дел РФ С. Лаврова, который отметил, что сопряжение Экономического пояса Шелкового пути с процессами евразийской интеграции может коснуться модернизации Транссиба и Байкало-Амурской магистралей, причем по темам совместной работы планируется запустить российско-китайский экспертный диалог³².

Такой диалог можно считать начавшимся, по меньшей мере, с лета 2014 г., когда группа экспертов РФ участвовала (27–28 июня) в столице Китая в международном Форуме «мозговых центров» 12 стран на тему «Строительство и перспектива Экономического пояса Шелкового пути»³³, в ряде других (в том числе уже упоминавшихся) симпозиумов и конференций³⁴. Совместная экспертная работа (в основном по инициативе китайской стороны) заметно активизировалась в 2015 г.³⁵

Важной точкой отсчета в пока нащупываемом дороге российско-китайском взаимодействии по вопросам, связанным с проектом «пояс—путь», могут, похоже, считаться двусторонние договоренности, достигнутые по итогам 19-й межправительственной встречи, состоявшейся в ходе визита в Москву (октябрь 2014 г.) премьера Госсовета КНР Ли Кэцзяна. По итогам переговоров стороны подписали ряд документов, имеющих непосредственное отношение к тематике формирования евроазиатских транспортных и экономических коридоров — Соглашение в области высокоскоростного железнодорожного сообщения, Соглашение по организации российско-китайских парков высоких технологий под символическим названием «Шелковый путь»³⁶.

Наконец, к лету 2015 г. Москва и Пекин представили согласованное видение перспектив сопряжения евразийских проектов двух стран, которое нашло документальное отражение в специальном Совместном заявлении РФ и КНР, подписанном в ходе приуроченного к юбилею Победы визита в Москву Председателя Си Цзиньпина. На высшем официальном уровне стороны декларировали намерение предпринять взаимные усилия по налаживанию соответствующей совместной работы в различных форматах, определили ее рамочные направления. К ним были отнесены продвижение инвестиций и торговли, включая постепенное «упрощение ее режимов», развитие транспортной инфраструктуры, строительство «важных для региона малых и средних предприятий», сотрудничество в различных областях кредитно-финансовой деятельности. Была выражена поддержка запуску практических механизмов «по взаимному сопряжению процессов строительства ЕАЭС и Экономического пояса Шелкового пути», в том числе в рамках Рабочей группы с участием представителей внешнеполитических ведомств обеих стран³⁷.

Транспорт как сфера «сопряжения»

Приведенные подвижки и поэтапные импульсы к сотрудничеству, проявившиеся (прежде всего на официальном уровне) в 2014–2015 гг., заметно снизили «градус остротности» в российских экспертных подходах к масштабным региональным планам Китая, хотя и не исключили его полностью. Основной причиной скептицизма, как правило, продолжали служить оценки (не только российские), что китайский мега-проект все же чреват нарастанием расхождения интересов двух стран на постсоветском пространстве³⁸.

Однако с учетом крупного содержательного элемента китайской инициативы — плана построения «Евразийского сухопутного моста» из Китая в Европу, практически все эксперты сошлись, пожалуй, в одном. От России с ее естественным транзитным потенциалом (в рельсы Транссиба) он был заложен еще столетие назад) требуется адекватная реакция, по меньшей мере, на транспортную составляющую идеи «пояса—пути»³⁹.

Не удивительно поэтому, что, как показывает практика начавшегося с обеих сторон поиска «путей сопряжения», первостепенное внимание обращено на транспортное сотрудничество, где в заметной степени просматриваются встречные интересы и России и КНР⁴⁰.

Тема строительства трансасиатских транспортных коридоров существует не один год. Проект «Один пояс — один путь» — знак того, что для КНР она актуализируется. Лежащей на поверхности причиной может считаться неуклонно растущий товарооборот Китай—Европа, который применительно лишь к торговле с ЕС (главный торговый партнер КНР) составил в 2014 г. свыше 615 млрд долларов⁴¹.

С точки зрения перемещения товаров из Китая, в том числе с его тихоокеанского побережья, в западном направлении вплоть до Атлантики, имеются, как известно, несколько основных маршрутов. Прежде всего, это морской маршрут — через Индийский океан, минуя южную оконечность Африки (либо через Суэцкий канал) к европейским портам либо северной Атлантики (Роттердам), либо Средиземноморья (Пирей)⁴². Маршрут этот (совпадающий, к слову, с линией Морского Шелкового пути XXI века) долгов — порядка 35–45 дней. Однако в силу целого ряда факторов (грузоподъемность, дешевизна) он является пока основным, и на него приходится абсолютно большая часть всех китайских грузов, перемещаемых в Западную Азию и Европу. В этом находит отражение и мировая тенденция — на морской транспорт приходится порядка 70% мировых грузопотоков⁴³.

Сухопутные маршруты из Китая (пока речь ведется о железных дорогах) потенциально имеют три главные линии. Первая предусматривает основной транзит через Россию, с выходом через Забайкальск/Маньчжоули или Наушки (в этом случае после монгольского участка) на Транссиб. Вторая идет через Казахстан (погранпереходы Алашанькоу—Достык и Алтынколь—Хоргос) и уже затем выходит на российские железные дороги. Наконец, существует проект третьего маршрута, который, минуя РФ, через Алтынколь следует в Туркменистан, Иран и далее на Ближний Восток⁴⁴.

На основе доступной информации (она пока носит фрагментарный характер), следует сделать оговорку, что удельный вес транзитных ж/д перевозок из Китая в Европу пока очень невелик. Формирование контейнерных поездов имеет, судя по всему, пока пробный, экспериментальный характер. Хотя несколько конкретных маршрутов уже получили известность. Так, в декабре 2014 г. в Мадрид прибыл состав из 82 контейнеров, сформированный в г. Иу (провинция Чжэцзян) и преодолевший за 21 день 13 тыс. км.⁴⁵ Еще ранее, летом 2013 г., СМИ сообщили об открытии маршрута Чжэнчжоу—Европа: контейнерный состав, за 15 дней пройдя порядка 11 тыс. км. из провинции Хэнань в центральном Китае, доставил грузы в немецкий Гамбург. Было запланировано, что в 2014 г. по этому маршруту пройдут грузы стоимостью более 1 млрд долларов. Аналогичные составы направлялись также по маршруту Чунцин (Западный Китай) — Дуйсбург. Всего за

2011—начало 2015 гг. на данном направлении состоялось 233 рейса, включая 16 в страны Центральной Азии⁴⁶.

Все перечисленные маршруты следуют через территории Казахстана, России, Беларуси и Польши⁴⁷. В целом, по данным таможенной статистики КНР, через Маньчжоули и Алашанькоу в 2014 г. в Европу было отправлено грузов на сумму примерно 5 млрд долл.⁴⁸ Не трудно посчитать, что это составляет менее 1% от стоимостного объема торговли КНР — ЕС.

Приведенные примеры показывают, что сухопутные маршруты не столь протяженны как морские, и требуют существенно меньших сроков доставки (их можно довести до 10–14 дней). Но эти конкурентные плюсы граничат и с очевидными минусами — более высокими тарифами, необходимостью прохождения нескольких погранпереходов, таможенной бюрократией, несовершенством в целом ряде случаев транспортной инфраструктуры. Кроме того, на основе уже имеющегося опыта эксперты говорят о проблеме сохранности грузов на протяженных центрально-азиатских участках. Тем не менее, при условии устранения этих барьеров и оптимизации тарифов сухопутные перевозки, в том числе китайский транзит через территорию РФ, обладают немалыми перспективами.

Сойдутся ли коридоры?

Сегодня, когда речь идет о транзите с тихоокеанского побережья в Европу через РФ, похоже, уже трудно говорить, что для китайских грузов самым привлекательным сухопутным маршрутом может являться Транссиб, или по крайней мере его восточная часть, включая линию Чита — Новосибирск. В условиях, когда в Китае сооружено 11 тыс. км современных скоростных ж/д магистралей, а еще 12 тыс. км строится, в том числе с востока на запад, Китаю выгоднее проходить значительную часть маршрута в сторону Европы (порядка 4 тыс. км) по собственной территории (до границы с Казахстаном). Причем речь идет не только об отсутствии для КНР здесь транзитного тарифа, но и о скорости: сегодня участок протяженностью свыше 3 тыс. км поезд «Пекин—Урумчи» проходит за 34 часа, в то время как «скорому» Пекин—Москва даже на меньший участок по Транссибу (Чита—Новосибирск) требуется на 14 часов больше⁴⁹. Попутно будет уместным оговориться, что в расстоянии преимущество «казахского» маршрута сравнительно невелико — трасса Пекин—Урумчи—Астана—Москва (8200 км) не намного короче линии через Забайкальск по Транссибу (8950 км)⁵⁰. Более того, наиболее коротким (7650 км) является рельсовый путь через Монголию с выходом в Улан-Удэ на Транссиб⁵¹. А это значит, при условии модернизации (обеспечения высокой скорости движения) у последнего все-таки могут появиться транзитные шансы.

Тем не менее, ныне «транзитный» вопрос в рамках транспортного сотрудничества по «шелковому проекту» для России состоит скорее пока в том, как обеспечить взаимовыгодный маршрут *после* китайско-казахстанских переходов. Задачей является создание условий, чтобы китайские грузы не пошли затем на центрально-азиатский юг и на Ближний Восток в обход России, а все-таки, принося транзитную прибыль, стабильно выходили на российские железные дороги — на западную часть Транссиба (на участок Барнаул — Новосибирск — Екатеринбург, либо на расположенные западнее линии Челябинск — Уфа — Самара или Оренбург — Казань — Нижний Новгород) и далее в Восточную и Западную Европу.

А как же восточная часть Транссиба? О ней, видимо, тоже вполне уместно говорить, однако не в плане «транзита», а с точки зрения взаимовыгодного китайского инвестиционного участия в программах назревшей модернизации дорожной инфраструктуры региона, включая строительство мостовых переходов Тунцзян — Нижнеленинское и Хэйхэ — Благовещенск. Такая инфраструктура в любом случае сохраняет свою ключевое

значение не только для внутренних потребностей РФ, но и для транспортного обеспечения российско-китайской торговли, особенно ее регионального сегмента.

Имея в виду упомянутые вопросы, эксперты двух стран говорят сегодня о целом ряде совместных проектов, которые вписываются в транспортное сотрудничество в рамках «пояса — пути». Прежде всего, это упомянутое Соглашение в области высокоскоростного железнодорожного сообщения, по которому стороны будут изучать возможности превращения трассы Москва — Пекин в современную магистраль — звено коридора Европа — Азия, уделив первоочередное внимание строительству высокоскоростной дороги «Москва—Казань»⁵². По итогам российско-китайских переговоров в Москве в мае 2015 г. «китайская сторона согласилась инвестировать в этот проект порядка 300 млрд руб.»⁵³.

Известного внимания заслуживает и описанный недавно на страницах журнала «Проблемы Дальнего Востока» проект строительства ж/д линии «Западный Китай—Алтай—Новосибирск», которая прошла бы через западный участок российско-китайской границы⁵⁴. Образуя таким образом едва ли не самый короткий маршрут трансзиатского коридора, такой проект предельно упростил бы важный для Китая вопрос пограничных переходов. Есть понимание, что такая ветка прошла бы параллельно линии российско-китайского газопровода «Западная Сибирь — Китай», меморандум по которому был подписан 7 ноября 2014 г. в Пекине. Вопрос о газопровode наталкивается на ряд серьезных технологических и экологических проблем. Тем не менее, потенциально оба проекта выглядят перспективно.

Кроме того, в последнее время все чаще обсуждается тема сотрудничества в освоении Северного Ледовитого океана, что имеет прямое отношение к «морской части» китайской идеи нового «шелкового пути». Здесь актуален поиск взаимовыгодного варианта привлечения Китая к дальнейшей разработке этого непростого, но перспективного морского маршрута, тем более что уже реализован пилотный проект, в рамках которого РФ оказала помощь в проведении по этому маршруту каравана китайских судов⁵⁵.

Понятно, что, исходя из масштабности и диверсифицированности проекта «нового Шелкового пути», сотрудничеством лишь в области железнодорожных и морских перевозок взаимодействие двух стран в идеале могло бы не ограничиваться. Ведь работа, развернувшаяся вокруг строительства российско-китайских газопроводов, эксплуатация и дальнейшее расширение нефтепровода Сковородино—Мохэ, поставки российской нефти по нефтепроводу Казахстан—Китай — эти примеры могут считаться частью картины сотрудничества в транспортных коридорах. В этом контексте можно говорить о таких направлениях и проектах, как упомянутые выше совместные парки высоких технологий, а также альтернативная энергетика. В последнем случае речь может идти о сооружении солнечной станции в Крыму, который, как известно, также рассматривался в Китае в качестве звена «Экономического пояса»⁵⁶. Понятно, что в ближайшее время в силу деликатных политических факторов⁵⁷ совместные проекты в Крыму маловероятны, но ситуация может поменяться.

Не трудно заметить, что практически все описанное выше пока сопровождается словами «проект» и «перспектива». Потенциальные встречные интересы должны избавиться от нездоровой конъюнктуры, обрести финансовую почву и лишь тогда, похоже, сторонам удастся не только на взаимовыгодной основе «свести» транспортные коридоры, но и гармонизировать сотрудничество по другим направлениям.

Вопросы для решения

Вряд ли приходится рассчитывать здесь на легкий успех. Поиск взаимоприемлемого сопряжения интересов двух стран на евразийском пространстве — составная часть масштабного и многообразного российско-китайского диалога, оценивать который лишь в свете всегда выверенных совместных деклараций, не замечая встречающихся порою

расхождений интересов — значит с ущербом для обеих сторон упрощать дело. В этом диалоге, говоря в целом, случаются и «нестыковки», которые зачастую имеют естественный характер. Понимание этого только помогает их преодолению. Напротив, неизменное «единство» по типу советско-китайского «братства» 1950-х гг. может таить последующие десятилетия пустоты и потерь.

Определенные вызовы связаны и с конкретными перспективами «сопряжения» российской концепции Евразийского экономического союза и китайской инициативы «Один пояс — один путь». В обеих странах не является секретом, что речь идет, прежде всего, о «соотношении» центрально-азиатских проектов каждой из них⁵⁸. С одной стороны, это вызвано тем, что оба находятся пока в разной степени становления. С другой — имеют место определенные различия во взглядах, например, на экономическое развитие региона. В позициях присутствуют те или иные акценты, связанные, в частности, с деятельностью ШОС и других региональных структур.

К примеру, в приведенной выше китайской правительственной Концепции «Одного пояса — одного пути» от 28 марта 2015 г. вновь ясно подчеркнута, что «фундаментальным приоритетом» проекта является продвижение зон свободной торговли, что, к слову, КНР давно хотела бы видеть и на площадке Шанхайской организации сотрудничества. Как это будет сочетаться с торговыми ограничениями, предусматриваемыми для своего внутреннего рынка уже действующим Евразийским экономическим союзом? Возможны ли здесь некие изъятия из действующих регламентов, или другие компромиссы в духе, скажем, предлагаемого некоторыми китайскими экспертами формата ЕАЭС+1 (ЕАЭС+КНР)? Не случайно, в майском (2015 г.) Совместном заявлении о сопряжении евразийских проектов двух стран сюжет о торговых режимах представлен в весьма осторожных формулировках: «продвижение к зоне свободной торговли между ЕАЭС и Китаем» хоть и поставлено в качестве вопроса для «рассмотрения», однако лишь в виде «долгосрочной цели»⁵⁹.

Какой в контексте китайской инициативы будет роль той же ШОС? С учетом «свободы рук», вытекающей из Концепции от 28 марта в виде двусторонних форматов, не ждет ли организацию некое снижение притягательности, в частности, на экономическом треке? Несмотря на то, что роль «совместной работы на площадке ШОС» подчеркнута в упомянутом Совместном заявлении, подобные вопросы пока ждут ответа. Вряд ли случайно, что в Уфимской декларации ШОС (10 июля 2015 г.) говорится лишь о «поддержке» китайской инициативы, дипломатично отмечается важность соответствующих консультаций по ЭПШП между заинтересованными ведомствами государств-членов ШОС⁶⁰. В то же время в документе симптоматично умалчивается естественная, казалось бы, роль ШОС в качестве многосторонней площадки для выработки и принятия решений по китайскому проекту. Естественная хотя бы потому, что, согласно официальной концепции, в охватываемую «Одним поясом — одним путем» зону входят все 18 участников ШОС, включая ее полноформатных членов и наблюдателей, а также партнеров по диалогу, в том числе вновь принятых — Азербайджан, Армению, Непал и Камбоджу.

Но на другой чаше — подкрепляемые готовностью действовать заверения китайской стороны, что, не являясь формально интеграционным проектом, пояс Шелкового пути не только «не дублирует и не соперничает с ЕАЭС и ШОС, но способен дать интеграции в рамках СНГ новые преимущества»⁶¹. Не менее важно также, что, как отмечалось в правительственной «Жэньминь жибао», развитие Дальнего Востока Китая считает составной частью своей трансконтинентальной инициативы. А это означает включение в нее и важных для РФ программ совместного подъема российского Дальнего Востока и Северо-Востока КНР⁶². Такой подход виден и в Концепции от 28 марта, где говорится о задаче «усилить сотрудничество» трех провинций Дунбэя с дальневосточными регионами РФ, более того, говорится о других направлениях регионального сотрудничества, включая связи между районами верхнего и среднего течения Янцзы с российским Поволжьем.

Все это — хорошая отправная точка для сотрудничества, тем более, что партнерскому подходу, сопровождающему современную историю российско-китайских отношений, вряд ли есть оправданная альтернатива. Очевидно, что это хорошо понимают в руководстве обеих стран, о чем, среди прочего говорит состоявшееся в середине апреля 2015 г. официальное подключение России к деятельности созданной по инициативе Китая и важной для перспектив «одного пояса — одного пути» структуры — Азиатского банка инфраструктурных инвестиций⁶³.

Дело за дальнейшей практической работой, в ходе которой несомненно актуальным для сторон будет внимательный, соответствующий духу и букве двусторонних деклараций учет интересов и возможных озабоченностей друг друга.

1. Китаю и Казахстану нужно создать "экономический коридор Шелкового пути" — председатель КНР Си Цзиньпин. URL: http://russian.news.cn/china/2013-09/07/c_132700808.htm;
2. Комментарий: совместно построить новый "морской Шелковый путь". URL: <http://russian.people.com.cn/31520/8417089.html>.
3. Си Цзиньпин: Китай будет продвигать дружеские отношения с сопредельными странами. URL: <http://russian.people.com.cn/31521/8437415.html>.
4. МИД КНР: Совет государственной безопасности будет учрежден с целью улучшения системы и стратегии национальной безопасности. URL: <http://russian.people.com.cn/31521/8455927.html>.
5. Си Цзиньпин чуси чжуньян вайши гунцзо хуйи бин фабяо чжуньяо цзянхуа [Си Цзиньпин принял участие в Центральном рабочем совещании по иностранным делам и выступил с важной речью]. URL: http://www.fmprc.gov.cn/mfa_chn/wjdt_611265/gjldrhd_611267/t1215440.shtml;
http://news.xinhuanet.com/english/china/2014-11/30/c_133822694_2.htm.
6. URL: http://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/topics_665678/xjpcxbayzlt2015nnh/t1249618.shtml.
7. Дух «Шелкового пути»: новая глава через древность и современность. URL: <http://russian.people.com.cn/95181/8546618.html>.
8. URL: http://russian.news.cn/china/2013-09/07/c_132700808.htm.
9. Си Цзиньпин посетил выставку "Путь возрождения" в Пекине. 30/11/2012. URL: <http://russian.people.com.cn/31521/8041475.html>; "Chinese dream" resonates online after Xi's speech. -30.11.2012. URL: <http://en.people.cn/90882/8041941.html>; Открытие предстоящих сессий ВСНП и ВК НПККК станет стимулирующей силой для осуществления "Китайской мечты" — достижения великого возрождения китайской нации. URL: <http://russian.people.com.cn/31521/8135452.html>.
10. О динамике экономических процессов в нынешнем Китае и роли в них «политики открытости» см. например: *Портяков В.* Трансформация модели экономического роста в КНР: современные тенденции и перспективы. // Пробл. Дальнего Востока. № 4. 2014. С. 55–67.
11. URL: <http://russian.people.com.cn/31521/8437415.html>.
12. Во юань оуя со цзюйбань «Сычоу чжи цзинци дай юй чжунэ ушн хэцзо гоци яньтаохуй [Институт Евразии нашей Академии провел международный семинар «Экономический пояс Шелкового пути и прагматическое сотрудничество между Китаем и Россией»]. URL: http://www.ciis.org.cn/chinese/2014-11/15/content_7372145.htm.
13. Где именно проходит «экономический коридор Шелкового пути»? URL: http://russian.china.org.cn/exclusive/txt/2013-10/24/content_30273750.htm; Годовой обзор: новый Шелковый путь, новая идея, новое процветание. URL: http://russian.news.cn/china/2013-12/26/c_132997832.htm.
14. URL: <http://maxpark.com/community/politics/content/3107644>.
15. URL: http://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/topics_665678/xjpcxbayzlt2015nnh/t1249618.shtml.
16. URL: <http://www.chinausfocus.com/finance-economy/one-belt-and-one-road-far-reaching-initiative/>
17. URL: <http://ru.china-embassy.org/rus/zgxw/t1251070.htm>.
18. China pledges 40 bln USD for Silk Road Fund. URL: http://news.xinhuanet.com/english/china/2014-11/08/c_133774993_2.htm.

19. Об этом эксперты и официальные лица КНР говорили на упомянутой Конференции в КИМП МИД КНР, накануне которой было объявлено о «40-миллиардном китайском взносе». URL: http://www.ciis.org.cn/chinese/2014-11/15/content_7372145.htm.
20. URL: <http://russian.people.com.cn/n/2015/0203/c31521-8844870.html>.
21. *Святослав Терентьев*. «Шелковый путь»... мимо России. URL: http://inst.eurasec.com/aktual_tem/4015/; *Дергачев В.* Будет ли Евразийский Союз частью китайского суперпроекта. URL: http://www.dergachev.ru/analit/The_Great_Silk_Road/04.html#.VFUHyAKGimw; *Лузянин С.Г.* Китай: «шелковая политика» возвышения. URL: <http://news.rambler.ru/24174931/>; *Сергеев М.* Пекин дипломатично подвинул путинский проект Евразийского союза. URL: http://www.ng.ru/economics/2013-10-14/1_pekini.html.
22. Какие различия существуют в стратегиях Китая, США и России в Центральной Азии? URL: <http://russian.people.com.cn/95181/8420655.html>; «Экономический пояс Шелкового пути» — какими конкурентными преимуществами обладает Китай в Центральной Азии? URL: <http://russian.people.com.cn/31518/8420265.html>.
23. С какими вызовами сталкивается Китай в развитии плана о создании экономического пояса Шелкового пути? URL: <http://russian.people.com.cn/95181/8421456.html>.
24. URL: http://russian.china.org.cn/exclusive/txt/2013-10/24/content_30273750.htm;
25. Экономический пояс вдоль Нового шелкового пути создают 24 города из 8 стран. URL: <http://chinalogist.ru/book/news/za-rubezhom/ekonomicheskij-poyas-vdol-novogo-shejkovogo-puti-sozdayut-24-goroda-iz-8-stran>.
26. URL: <http://russian.people.com.cn/31519/8531021.html>.
27. URL: <http://russian.people.com.cn/31518/8501331.html>;
28. URL: <http://russian.people.com.cn/95181/8582183.html>.
29. URL: <http://russian.people.com.cn/31857/209641/8608834.html>.
30. URL: <http://russian.people.com.cn/95181/8519807.html>.
31. URL: http://news.kremlin.ru/ref_notes/1642.
32. URL: http://www.mid.ru/brp_4.nsf/0/C0CE36DCDAABF0E444257CBB0020E494.
33. URL: <http://russian.people.com.cn/n/2014/0628/c31518-8747925.html>.
34. URL: http://www.ciis.org.cn/chinese/2014-11/15/content_7372145.htm.
35. Ученые ИДВ РАН весной 2015 г. получили не менее пяти приглашений на проводимые в КНР представительные конференции по теме «Один пояс — один путь».
36. URL: <http://government.ru/news/15201/>
37. Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о сотрудничестве по сопряжению строительства Евразийского экономического союза и Экономического пояса Шелкового пути. 8 мая 2015 г. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/4971>.
38. См. например: *Алина Терехова*. Москва дистанцируется от китайского проекта нового Шелкового пути. URL: http://www.ng.ru/economics/2015-01-20/4_china.html; Китай обходит Россию в борьбе за сферы экономического влияния в Центральной Азии. URL: <http://chinalogist.ru/book/news/biznes/kitay-obhodit-rossiyu-v-borbe-za-sfery-ekonomicheskogo-vliyaniya-v-centralnoy-azii>; *Рилтон К.* Уживутся ли в Центральной Азии китайский проект Шелкового пути и Евразийский экономический союз? URL: <http://russian.eurasianet.org/node/61461>; более ранние оценки см.: *Роберт М. Катлер*. Российско-китайское соперничество за энергетические ресурсы в Центральной Азии. URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=1935#top; China in Central Asia. Rising China, sinking Russia. Sep 14th 2013. URL: <http://www.economist.com/news/asia/21586304-vast-region-chinas-economic-clout-more-match-russias-rising-china-sinking>; *К.В. Сыроежкин*. Китай в мире — или мир в Китае? URL: <http://www.notum.info/news/politika/kitaj-v-mire-ili-mir-v-kitae>.
39. См. *Ларин А.Г., Матвеев В.А.* Китайская стратегия продвижения на Запад и новый «Шелковый путь» // Пробл. Дальнего Востока. № 5. 2014. С. 13–14; *Ларин А.Г., Матвеев В.А.* Найдется ли место России на «Шелковом пути»? URL: <http://ati.su/Media/Article.aspx?ID=4300&HeadingID=13>.
40. ОАО «РЖД» в мировой транспортной системе. Сотрудничество с Китаем. URL: http://inter.rzd.ru/static/public/ru?STRUCTURE_ID=5009&layer_id=3290&refererLayerId=162&id=135.

41. China's Total Value of Imports and Exports by Major Country (Region), Dec. 2014. URL: <http://english.customs.gov.cn/newsroom/statisticsdetail/8ca69a5d-6f88-4cf2-b0d2-f9e5143d992b>; <http://english.customs.gov.cn/newsroom/statisticsdetail/82839017-47c1-49cb-8da6-ab6653bb4504>.
42. Подробнее см. например: Ли Кэцян: порт Пирей будет превращен в жемчужину сотрудничества Китая с Грецией и ЕС. URL: http://russian.news.cn/china/2014-06/21/c_133424547.htm.
43. В 2007 г. из Китая в Европу было перевезено 15 млн т TEU, большая часть морским путем. При этом на транзит через Россию пришлось 100 тыс т, или менее 1 процента всех перемещенных грузов. По прогнозам, в 2016 г. китайский грузопоток в Европу составит 35 млн т. URL: <http://urfortrans.ru/articles/article/75s.globaltimes.cn/soccer/index.htm>.
44. Объем грузоперевозок через погранпереход Алтынколь–Хоргос будет увеличен. URL: <http://chinalogist.ru/book/news/za-rubezhom/obem-gruzoperevozok-cherez-pograperehod-altynkol-horgos-budet-velichenin>.
45. В Мадрид прибыл первый железнодорожный состав Иу — Синьцзян — Европа. URL: http://russian.news.cn/importnews/2014-12/10/c_133844180.htm.
46. URL: http://russian.china.org.cn/exclusive/txt/2015-02/28/content_34914830.htm.
47. URL: http://world.lb.ua/news/2013/08/06/217840_kitay_germaniya_pustili_poezda.html.
48. China-Europe Trains Transports Some USD5 billion Worth of Goods in 2014. URL: <http://english.customs.gov.cn/Statics/13186f97-af87-45bb-ba58-4b771d049542.html>.
49. Подсчеты по сайтам chinatour.net и tutu.ru и. URL: http://www.tutu.ru/poezda/view_d.php?np=23551d60; <http://chinatour.net/train/Checi.php?Checi=T177>.
50. См. сайт www.tutu.ru.
51. Маршрут поезда 0033 Пекин–Улан-Батор–Москва URL: http://www.tutu.ru/poezda/view_d.php?np=46e77f0c; О создании «транспортного коридора на базе Улан-Баторской железной дороги» высшие руководители РФ, КНР и Монголии говорили на полях саммита ШОС в Уфе URL: <http://sco-russia.ru/transcripts/20150709/1013603180.html>.
52. URL: <http://russian.people.com.cn/n/2014/1015/c95181-8795343.html>.
53. Заявления для прессы по итогам российско-китайских переговоров. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/49433>.
54. Пробл. Дальнего Востока. 2014. № 3. С. 89–91.
55. URL: <http://www.pravda.ru/economics/rules/globalcooperation/02-05-2014/1206269-china-0/>; <http://russian.people.com.cn/n/2014/0715/c95181-8755637.html>.
56. URL: <http://politobzor.net/show-18824-kitay-nameren-masshtabno-investirovat-v-krym.html>.
57. В марте 2015 г., выступая перед журналистами после окончания сессии ВШНП, Премьер Госсовета КНР Ли Кэцян заявил, что вопрос Крыма, за которым «стоит комплекс причин», должен решаться путем диалога. URL: <http://ria.ru/world/20150315/1052604152.html>. Тем самым де-факто подтверждена позиция КНР, согласно которой Пекин «уважает территориальную целостность Украины», но одновременно не разделяет тезис о «российской аннексии Крыма», считает украинский кризис «имеющим свои причины» и не участвует в политике антироссийских санкций.
58. См. например: *Pan Zhiping*. Silk Road Economic Belt: A Dynamic New Concept for Geopolitics in Central Asia. URL: http://www.ciis.org.cn/english/2014-09/18/content_7243440.htm; *Лукин А.В.* Идея «экономического пояса Шелкового пути» и евразийская интеграция. URL: http://igpi.ru/bibl/other_articl/1406820606.html.
59. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/4971>.
60. URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/PyhhPKOjP2Lj5IJmFSa5CWlGaHxRxA6.pdf>.
61. URL: <http://ru.china-embassy.org/rus/zewlzxdu/t1189263.htm>; <http://www.interfax.ru/400597>.
62. *Ван Иээй*. Три важных аспекта поездки Ли Кэцяна в Россию. «Жэньминь жибао», 17.10.2014. URL: <http://inosmi.ru/foreast/20141017/223738019.html>.
63. Минфин: Россия стала соучредителем АБИИ. URL: <http://www.baltinfo.ru/2015/04/14/Minfin-Rossiya-stala-souchreditelem-ABII-488961>.

Договор 2001 г. как правовая основа российско-китайского стратегического партнерства

© 2015

Ян Юйхэн

В статье утверждается, что последовательное и всестороннее развитие отношений России и Китая в духе российско-китайского Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве от 2001 г. приносит реальную пользу не только народам двух стран, но и служит делу упрочения мира, безопасности и стабильности на региональном и глобальном уровнях.

Ключевые слова: Китай, Россия, стратегическое партнерство, безопасность, сотрудничество, договоры, влияние, стабильность.

С начала XXI в. между Китаем и Россией был заключен целый ряд соглашений, которые придали мощный импульс двустороннему сотрудничеству по многим направлениям и внесли неоценимый вклад в укрепление климата доверия между двумя странами.

Главным среди них является «Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой», подписанный в 2001 г. Документ вобрал в себя многовековой позитивный опыт развития связей между двумя странами. Опираясь на общепризнанные принципы и нормы международного права, он стал юридической базой современных российско-китайских отношений и поднял сотрудничество между двумя государствами на новый уровень — уровень стратегического партнерства, которому придавал статус закона. Также Договор стал генеральной программой взаимодействия Китая и России на десятилетия вперед¹. Содержание документа охватывает все основные области и направления российско-китайских отношений и отражает исторические традиции добрососедства и дружбы между российским и китайским народами, миролюбивую внешнюю политику обоих государств. Помимо стратегического взаимодействия, модель отношений России и Китая, закрепленная в Договоре, зиждется на равноправном доверительном партнерстве. Документ констатировал наступление самого благоприятного периода развития российско-китайского диалога во всей его истории².

Подписание Договора стало свидетельством намерения Китая и России преодолеть асимметрию в двусторонних отношениях, сложившуюся по типу «в политике горячо, в экономике холодно»³.

После заключения Договора, все последующие соглашения сторон подписывались с соблюдением духа и буквы этого «большого» документа.

В течение 14 лет после принятия документа происходит активное развитие двустороннего сотрудничества по трем равноценным направлениям: политическое партнерство, экономическое взаимодействие, гуманитарные связи. Быстрыми темпами расширяется практическое сотрудничество в торгово-экономической, инвестиционной, финансовой, энергетической, научно-технической, межрегиональной и иных сферах. Поддерживается интенсивный диалог на высшем и высоком уровнях, укрепилось политическое

взаимодоверие. Регулярно происходят встречи глав правительств России и Китая, двусторонних комиссий, подкомиссий и рабочих групп, охватывающие практически все сферы двустороннего сотрудничества⁴.

Сделан важный шаг в развитии гуманитарных связей, укреплении взаимопонимания и дружбы между народами двух стран, в частности, проведен Год России в Китае и Год Китая в России, а также Год русского языка в Китае и Год китайского языка в России. Это существенно укрепило социальную базу российско-китайских отношений⁵.

Значение Договора для развития двусторонних политических отношений

Как известно, между КНР и СССР было время жестокой идеологической борьбы, когда две страны из «медового месяца» их отношений перешли в период взаимного отчуждения. В период антагонизма между Китаем и СССР в 1960-е гг. было утрачено взаимодоверие. Имели место акты открытой агрессии, межчеловеческое общение было сведено на нет. Китай и СССР готовились даже к вероятной ядерной войне. Не только на уровне руководителей обоих государств и правительств складывался климат настороженности и даже враждебности, но и рядовые граждане были вовлечены в разгоравшийся конфликт.

Так, для защиты от бомбардировок и ядерного оружия в июне 1969 г. Госсовет сформировал орган руководства общекитайской противовоздушной обороной (ПВО). Затем по указу Центрального военного совета в каждой провинции, каждом городе, каждом автономном районе были созданы группы народной ПВО. С того времени Китаем было вложено много сил и ресурсов в объекты общегосударственной противовоздушной обороны.

В результате бескомпромиссной полемики с КПСС в середине 1960-х гг. по решению ЦКП Китай покинул социалистический лагерь. Это изменило соотношение сил между США и СССР во время «холодной войны», а также в определенной степени повлияло на политическую расстановку сил на Востоке и Западе.

В конце 1980-х — начале 1990-х гг. оба государства не стали поддерживать состояние конфронтации, повернув развитие своих двусторонних отношений и ход мировой истории в новое русло. Уважая и признавая право друг друга на путь развития, выбранный с учетом собственной специфики, обе страны предпочли деидеологизировать вопросы двусторонних отношений. С учетом этих обстоятельств и был заключен «Большой договор».

Ныне Китай и Россия строят взаимодействие на основе принципов равенства, взаимной выгоды и взаимного доверия, стремясь ко все более широким горизонтам сотрудничества и совместного подъема. Для обеих стран важно выраженное в статье 3 Договора уважение выбора пути развития, что свидетельствует об отказе сторон поучать друг друга, навязывая ту или иную модель социально-экономического устройства страны⁶.

С окончанием «холодной войны», по мере снижения накала идеологического, военного и экономического противостояния двухполюсного мира, единственная оставшаяся сверхдержава — США получила возможность навязывать международному сообществу собственную внешнеполитическую линию, разными способами побуждая его принять модель «демократического» развития по-американски. США не особенно считаются с тем, что каждая страна мира имеет собственную историю, культуру, мировоззрение, устройство внутренней жизни, в силу чего американская модель подходит далеко не всем.

Тем не менее, Китай и Россия определили принцип своего диалога: двустороннее стратегическое партнерство не направлено против третьих стран. Это сотрудничество нового типа отличается от союзнических отношений КНР и СССР 1950-х гг., и, конечно же, не имеет ничего общего с их соперничеством в период «холодной войны». Названный принцип не только максимально соответствует общим интересам развития двух

стран, но и позволяет им сохранять нужную вариативность действий при выработке собственной внешней политики. Обе страны не хотят, чтобы выбор целей, направлений и характера их собственной дипломатической активности оказался ограниченным в силу «особых союзнических отношений» между ними. Поэтому именно современное стратегическое партнерство КНР и России предоставляет обеим странам широкий простор для самостоятельного решения своих международных проблем и развития связей с другими субъектами международных отношений.

Ст. 7 «Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой» от 16 июля 2001 г. гласит: «Военное и военно-техническое сотрудничество между Договаривающимися Сторонами, осуществляемое на основе соответствующих соглашений, не направлено против третьих государств»⁷. Одновременно в Совместном заявлении глав государств России и Китая, опубликованном в тот же день, говорилось, «что дружественные отношения двух стран являются межгосударственными отношениями нового типа, строящимися на основе невступления в союз, неконфронтационности и ненаправленности против третьих стран»⁸. Этот принцип постоянно подчеркивается в совместных заявлениях КНР и РФ на протяжении двух последних десятилетий. При этом констатируется необходимость углубления обмена мнениями по вопросам, представляющим взаимный интерес.

Итак, за несколько десятилетий отношения между нашими двумя странами кардинально изменились: они прошли путь от взаимного недоверия до отношений стратегического партнерства и сотрудничества. Характер новых отношений и зафиксировал «Большой договор», в ст. 1 и 2 которого говорится о том, что Договаривающиеся Стороны на долгосрочной основе всесторонне развивают отношения в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права, принципами взаимного уважения суверенитета и территориальной целостности, взаимного ненападения, невмешательства во внутренние дела друг друга, равенства и взаимной выгоды, мирного сосуществования. Договаривающиеся Стороны обязались в своих взаимоотношениях не применять силу или угрозу силой, взаимно поддерживать политику, касающуюся защиты государственного единства и территориальной целостности⁹. Тот факт, что Китай и Россия обязались не прибегать к силе в своих взаимоотношениях, свидетельствует о приверженности сторон строительству дружественных отношений.

Политическое значение Договора подчеркивалось руководителями двух стран во все последующие после его заключения годы. В частности, в Совместном заявлении Президента России и Председателя КНР в связи с 10-летием Договора проводится мысль о том, что во многом благодаря этому документу «отношения между Россией и Китаем строятся на деидеологизированной основе, равенстве и взаимном доверии, признании территориальной целостности и уважении интересов друг друга, уважении суверенного права выбора общественного устройства и пути развития, невмешательстве во внутренние дела, взаимной поддержке в ключевых вопросах суверенитета, безопасности и развития, взаимной выгоде, всестороннем сотрудничестве, отказе от конфронтации. Они не являются союзническими и не направлены против третьих стран»¹⁰.

Российско-китайский договор не является договором о блоке или союзе. В нем нет обязательств по совместной обороне от агрессии, которые, например, содержались в советско-китайском договоре о дружбе, союзе и взаимной помощи, заключенном в 1950 г. Взвешенный текст Договора 2001 г., отсутствие в нем идеологических установок или заведомо невыполнимых, сугубо декларативных обязательств свидетельствуют о том, что лидеры двух стран намеренно придавали документу долговременный характер, стремясь избежать ошибок договора 1950 г., который «умер» задолго до официального истечения его срока (де-юре он действовал в период острого политико-идеологического и даже силового противостояния Москвы и Пекина, когда на границе двух стран происходили вооруженные столкновения)¹¹.

Таким образом, Договор юридически зафиксировал суть многократных заявлений лидеров РФ и Китая о том, что российско-китайское сближение не направлено против кого бы то ни было, в том числе США. Запад как в начале века, так и ныне, не рассматривается Китаем и РФ в качестве врага, ибо сотрудничество с ним отвечает стратегическим, политико-экономическим интересам обеих стран. По словам Президента РФ В.В. Путина во время «прямой линии» с российским обществом 16 апреля 2015 г., Россия никакую страну не считает врагом и никому не рекомендует считать ее врагом¹². Однако российско-китайское сближение особенно сейчас стимулируется рядом негативных тенденций международного развития, которые в последние годы активно поощряются Вашингтоном¹³. Россия и КНР не стремятся к созданию антиамериканского военизированного блока, но такой союз может стать вероятным, если США решатся на открытый вооруженный конфликт, угрожающий жизненным интересам РФ и КНР.

Некоторые исследователи как в РФ, так и в Китае полагают, что в условиях нарастания новых угроз целесообразно вывести взаимодействие на уровень военно-политического союза. Оформленный в терминах международного права такой союз позволил бы усилить позиции обеих стран на мировой арене и покончить с остатками взаимного недоверия, препятствующего переходу их диалога в иное качественное состояние¹⁴.

Один из ведущих китайских политологов-международников Янь Сюэтуан предлагает противопоставить американской стратегии укрепления и развития союзов наращивание в следующем десятилетии стратегического сотрудничества Китая с Россией вплоть до создания отвечающего интересам обеих стран союза¹⁵.

Можно ли это сделать, опираясь на положения Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой от 2001 г.? Его ст. 9 гласит, что в случае возникновения ситуации, которая «может создать угрозу миру, нарушить мир или затронуть интересы безопасности», а также в случае «возникновения угрозы агрессии против одной из Сторон» они незамедлительно «вступают в контакт друг с другом и проводят консультации в целях устранения возникшей угрозы»¹⁶.

Договор не ограничивается процитированными положениями: он содержит комплекс тезисов о взаимных обязательствах по неприменению каких либо силовых действий по отношению друг к другу (ст. 1 и 2). А ст. 4 прямо констатирует факт оказания взаимной (моральной) поддержки политики друг друга в вопросах, касающихся защиты государственного единства и территориальной целостности двух государств. То есть в случае возникновения угрозы в отношении страны-партнера Договор не исключает вероятности принятия нашими государствами самых решительных мер для ее устранения (но при их взаимном на то согласии и необязательно с применением военной силы (*Прим. авт.*)).

В Договоре свод этих мер не прописан, и военная помощь в его статьях не упомянута, следовательно нельзя полагать, что документ является неким «зачатком» юридического обоснования военно-политического союза. Положения ст. 9 Договора призваны смягчить угрозы в адрес Договаривающихся государств со стороны третьих мировых акторов, хотя и не становятся свидетельством вступления сторон в союзнические, блоковые отношения. КНР и Россия при формулировании этой статьи руководствовались тем, что снижение потенциальных внешних угроз является одной из предпосылок формирования мирной среды для взаимодействия и соразвития.

Борьба с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом

В ст. 20 Договора 2001 г. сказано, что «Договаривающиеся Стороны в соответствии со своим национальным законодательством и международными обязательствами каждой из них активно сотрудничают в области борьбы с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом, а также в области борьбы с организованной преступностью, незаконным обо-

ротом наркотических средств, психотропных веществ, оружия и другой преступной деятельностью. Договаривающиеся Стороны сотрудничают в борьбе с нелегальной миграцией, в том числе с незаконным перемещением физических лиц через свои территории»¹⁷.

В оценке значимости этих вопросов две страны выступают с однонаправленных позиций, что создает солидную базу для сотрудничества. Они взаимодействуют как в вопросах теории (выработка понятийного аппарата и четких формулировок соответствующих документов), так и практики (стремление к официальному признанию предложений и утверждению их в качестве международно-правовых норм)¹⁸.

Борьба с указанными «тремя злами» и нелегальной миграцией не достигнет успеха без упорядочения и оптимизации диалога сторон по пограничному вопросу.

Ст. 6 Договора прямо фиксирует обязательство сторон, руководствующихся международно-правовыми принципами территориальной неприкосновенности и нерушимости государственных границ, неукоснительно соблюдать государственную границу между ними¹⁹.

В целом наши страны урегулировали пограничные вопросы. Окончательная делимитация российско-китайской госграницы, как и успешная реализация на протяжении последних 11 лет Соглашения по укреплению мер доверия в военной области и взаимном сокращении вооруженных сил в районе границы, а также по совместному хозяйственному использованию отдельных островов и прилегающих к ним акваторий пограничных рек, способствовали превращению границы между двумя государствами в «границу мира и дружбы»²⁰.

Однако в России есть исследователи, довольно скептически относящиеся к вопросу об окончательности урегулирования пограничной проблемы²¹. Так, в оценке китайско-российского Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве 2001 г. известный российский ученый Ю.М. Галенович не склонен видеть юридический документ, который полностью закрывает спор о территориях. И хотя в тексте Договора содержится положение о том, что у Китая нет территориальных претензий к России (а у РФ — к КНР) (ст. 6), исследователь полагает, что через 20 лет — по истечении срока действия Договора — эти претензии неизбежно возникнут.

По его мнению, это произойдет в силу того, что китайская и российская стороны по-разному понимают одну и ту же формулу об отсутствии территориальных претензий. Китайцы считают, что территории, которые раньше были предметом споров, принадлежат им по праву. Отсюда согласие с вышеприведенной формулой. Просто в силу сложившихся обстоятельств китайское руководство дало отсрочку в решении этой закоренелой проблемы²². Ю.М. Галенович, в частности, пишет: «Договор, подписанный между РФ и КНР в 2001 г. является вынужденным для нашей стороны: откладывалось решение вопроса о подписании нового договора о границе между КНР и Россией и подтверждалось существование соглашения об ограничении, по сути дела в одностороннем порядке, наших вооружений и вооруженных сил вдоль российско-китайской границы»²³.

Китайская сторона имеет свою точку зрения по данной проблеме. В частности, существует мнение, что ныне после урегулирования Китаем и Россией вопроса о прохождении линии границы, эта граница стала мирным, «процветающим коридором». Таким образом, наиболее острая причина для конфликтов на межгосударственном уровне была нивелирована. Но взамен, вне рамок двусторонних отношений, пришли новые опасности, с которыми сталкивается целый ряд стран мира. В некоторых районах проживания нацменьшинств (в Китае — в Синьцзян-Уйгурском автономном районе (СУАР)) наблюдаются всплески сепаратистских, экстремистских и даже протеррористических настроений, подогреваемых из-за рубежа. Это угрожает целостности и стабильности самой КНР, а также безопасности граждан сопредельных СУАР российских территорий.

Приграничные районы обеих стран находятся вдалеке от политических и экономических центров КНР и России. Уровень развития экономики там ниже, чем в других

районах двух государств. Поэтому зачастую приграничные территории выпадают из-под контроля «центров» и не так уж сложно нарушать границу, в частности, тем людям, которые заинтересованы в поисках разного рода доходов, и криминальным элементам. Нарушители хорошо знают географические условия и состояние правоохранительной сферы, а также бытовую обстановку по обеим сторонам границы. Преступив закон в одной стране, криминальные элементы могут легко скрыться в соседнем государстве, пользуясь недостаточным взаимодействием пограничных служб в борьбе с трансграничной преступностью. Однако Договор 2001 г. заложил солидную основу для сотрудничества по борьбе с «тремя злами», создав благоприятные условия для систематической работы по конкретизации контактов и взаимодействия между правоохранительными и судебными органами обеих стран. Заключение Договора 2001 г. продемонстрировало готовность Китая и России на деле поддерживать крупномасштабное международное антитеррористическое сотрудничество, вступившее в новую фазу после террористических атак 11 сентября 2001 г.

Углубление доверия между официальными структурами и народами двух стран

Наличие общих угроз делает логичной ст. 21 Договора, которая гласит, что стороны «придают важное значение развитию контактов и сотрудничества между федеральными (центральными) органами законодательной и исполнительной властей обеих государств»²⁴. Результатом разрешения пограничного вопроса путем консультаций, достижения компромиссов в духе взаимопонимания и равноправия обеих сторон стало укрепление взаимного доверия между руководством и простыми гражданами двух стран.

Значение стратегического партнерства КНР и РФ для стабильности глобальной обстановки

Китай и Россия являются державами мирового значения, поэтому влияние их стратегического сотрудничества на глобальную обстановку трудно переоценить.

Принцип ненаправленности против третьей стороны четко прослеживается в практике китайско-российского взаимодействия на мировой арене: оба государства активно развивают сотрудничество в рамках международных и региональных организаций, но будучи верными духу и букве подписанных ими документов, они не выступают в качестве союзников друг друга в международных конфликтах.

Китай и Россия расширяют взаимодействие в ООН и ШОС, но при этом учитывают то, что в случае конфликта КНР или РФ с третьей стороной, они не обязаны участвовать в действиях, предпринимаемых партнером для защиты его интересов. Так, позиция Китая по вооруженному конфликту в Южной Осетии (2008 г.) состояла в следующем: КНР призывала стороны к сдержанности и немедленному прекращению войны, искренне желала урегулирования споров путем диалога во имя сохранения мира и стабильности в этом регионе. По нашему мнению, в этой ситуации между Китаем и Россией сотрудничества не было. Более того, по поводу установления дипломатических отношений между Россией и Абхазией и Южной Осетией Китай заявил, что обе они являются частью Грузии.

Похожая ситуация возникла в процессе кризиса на Украине в 2014 г. Придерживаясь принципа «Всегда уважать суверенитет и целостность территории независимых государств», Китай полагает, что ситуация, сложившаяся на Украине, вызвана сложными историческими причинами и реалиями; для решения возникших проблем необходимо их всестороннее рассмотрение и оценка²⁵. По этой проблеме КНР заняла позицию нейтралитета, то есть не стала на сторону России, Крыма или сторонников федерализации, за-

падных стран и временного правительства Украины. Китай выдвинул тезис о неотложности задачи по продвижению политического решения²⁶.

Что касается России, то когда в 2012–2013 гг. между кораблями КНР и «периферийных» стран региона Южно-Китайского моря (Филиппин и Вьетнама) имела место конфронтация из-за акватории островов Наньша (Спратли), РФ, исходя из своих интересов продолжала укрепление военного сотрудничества с Вьетнамом, не приняв сторону Китая в этом конфликте. Так, 7 августа 2013 г. в Москве представители РФ и СРВ обсудили синхронизацию поставок вооружений и военной техники, утвердили пятилетний план подготовки вьетнамских офицеров в военных вузах России. По заявлениям руководства российского Министерства обороны, «объем сотрудничества с Вьетнамом в военно-технической области беспрецедентен»²⁷.

Углубляется сотрудничество РФ и КНР в решении проблем ограничения стратегических наступательных вооружений (СНВ), сохранения режима нераспространения ядерного оружия и средств его доставки, предотвращения гонки вооружений в космосе. Россия и Китай как постоянные члены Совета Безопасности ООН выступают по этим вопросам с консолидированных позиций. Они выступили против выхода США из Договора об ограничении систем ПРО от 1972 г., считая, что создание Вашингтоном системы национальной ПРО и ПРО ТВД обесценит потенциал сдерживания и будет иметь серьезные последствия не только для наших стран, но и для глобальной безопасности²⁸.

Российские и китайские представители тесно сотрудничают в Генеральной Ассамблее ООН и на Постоянной конференции по разоружению в Женеве по решению проблемы предотвращения развертывания в космосе противоспутникового оружия, систем космического базирования, средств оптико- и радиоэлектронного подавления, а также оружия на новых физических принципах (НФП), которое не относится к оружию массового поражения. Благодаря этому сотрудничеству в 2005 г. была принята резолюция ГА ООН «Меры по обеспечению транспарентности и укреплению доверия в космической деятельности», за которую проголосовали 158 государств, а против — только США при воздержавшемся Израиле²⁹.

Китай и Россия оказывают друг другу поддержку и в отношениях с международными организациями. Например, после того как Китай вступил в ВТО, он стал активно содействовать России в получении ею членства в этой структуре.

Обретение Китаем официального статуса наблюдателя Арктического совета, полноправным членом которого является Россия, позволило нашим двум странам, получившим еще одну площадку общения и взаимодействия, нарастить эффективность их работы на мировой арене, повысить свое влияние, расширить присутствие в политико-экономической жизни мира и уменьшить оказываемое на них давление извне. Обе стороны полагают, что их сотрудничество является ключевым условием и фактором создания благоприятного международного климата.

На платформе таких международных структур, как Шанхайская организация сотрудничества (ШОС) и БРИКС, Китай и Россия шаг за шагом наращивают потенциал сотрудничества по многим глобальным и региональным вопросам. Они также укрепляют взаимодействие в рамках ООН, Всемирного банка, Международного валютного фонда, Всемирной торговой организации и др., согласовывают позиции по ряду международных проблем, например, по ситуации в Сирии и на Корейском полуострове.

Значение китайско-российского Договора для поддержания мира, стабильности и развития Северо-Восточной и Центральной Азии

В немалой степени благодаря Договору 2001 г. стратегическое сотрудничество между КНР и РФ стало примером взаимодействия для других стран СВА, а также соседнего Центрально-азиатского региона (ЦАР).

В начале 2000-х гг. после заключения Китаем и Россией «Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве» по модели этого документа были подписаны договоры КНР с Казахстаном, Кыргызстаном и Таджикистаном, а также с Узбекистаном. Таким образом бывшая пограничная линия между Китаем и СССР протяженностью более 7000 километров стала полосой мира и сотрудничества. Это придало отношениям между Китаем и государствами Центральной Азии новый мощный импульс.

В ст. 12 Договора 2001 г. констатируется, что обе стороны «прилагают совместные усилия по поддержанию глобального стратегического баланса и стабильности»³⁰. Они координируют действия по предотвращению и регулированию конфликтов на международной арене. Китайско-российское стратегическое сотрудничество и партнерские отношения имеют большое значение для поддержания мира, стабилизации обстановки и экономического развития в Центральной Азии. Оно выражается в следующем:

1) Стабильные политико-экономические отношения между региональными лидерами могут создать благоприятный инвестиционный климат и для «стержневых», и для «периферийных» стран. В настоящее время в свете развития глобализационных процессов стабильность производственных, инвестиционных и торговых рынков стран-лидеров может предоставить другим региональным государствам шанс продолжительного и устойчивого развития. Миграция факторов производства — капиталов, товаров, рабочей силы и т.д. способна стимулировать совместное развитие в регионе.

2) В случае возникновения конфликтной ситуации между двумя странами-лидерами другие государства ЦА оказываются перед необходимостью определить свою концептуальную позицию и место в кризисной расстановке сил, что не способствует безопасности региона. Напротив, мирная и стабильная региональная обстановка является необходимым условием для дальнейшего процветания всех стран, развития торгово-экономических связей. Поэтому стратегическое сотрудничество и партнерство Китая и России играет важную роль для прогресса ЦАР и СВА.

3) Применительно к Центрально-Азиатскому региону, соседствующему с «проблемным» Афганистаном, РФ и Китай учитывают возможность террористических вызовов со стороны базирующихся в Исламской Республике Афганистан (ИРА) экстремистских формирований. Они полагают, что наряду с совершенствованием оборонительных возможностей в противостоянии международному терроризму и наркотрафику, следует уделять внимание и оказанию содействия ИРА в плане развития ее экономики и перестройки национального хозяйства Республики на мирные рельсы³¹.

Китай и Россия являются одними из самых влиятельных государств в СВА и поэтому прилагают большие усилия к решению корейской проблемы. В силу геостратегического положения РФ и Китая военно-политическая ситуация на Корейском полуострове напрямую затрагивает их безопасность. Обе стороны заинтересованы в том, чтобы его пространство не стало ареной вооруженной борьбы, будь то военный конфликт между Севером и Югом или же агрессия США против КНДР по иракской модели. Неприемлем для обеих стран и вариант мирного поглощения Южной Кореи КНДР по германской модели, что автоматически дает американо-южнокорейской коалиции доступ к сухопутным границам России и КНР. Поэтому обе страны считают шестисторонние переговоры реальным путем решения проблемы Корейского полуострова и призывают участников переговоров проявлять терпение, гибкость, приверженность мирному решению ядерной проблемы на полуострове³².

Таким образом, наши государства реализуют установки ст. 11 Договора, где сказано, что обе «стороны выступают за строгое соблюдение общепризнанных принципов и норм международного права, против любых действий, направленных на оказание силового давления или на вмешательство под каким-либо предлогом во внутренние дела суверенных государств и прилагают активные усилия для укрепления международного ми-

ра, стабильности, развития и сотрудничества, тесно взаимодействуя в предотвращении международных конфликтов и в их политическом урегулировании».

Сотрудничество в области экономики, энергетики, обороны и военных технологий

В ст. 16 документа установлено, что Договаривающиеся Стороны на основе взаимной выгоды развивают сотрудничество в торгово-экономической, военно-технической, научно-технической, энергетической, транспортной областях, в ядерной энергетике, в финансовой, космической, авиационной областях, в сфере информационных технологий и других сферах, представляющих взаимный интерес, содействуют развитию приграничного и межрегионального торгово-экономического сотрудничества между двумя государствами, всемерно способствуют развитию обменов и сотрудничества в области культуры³³.

Переход отношений между Китаем и Россией от соперничества в период «холодной войны» до сотрудничества стратегических партнеров и соседей позволил перенаправить ресурсы, ранее использовавшиеся для поддержания обороны, на цели внутреннего развития и экономического взаимодействия.

Уже к 2008 г. Китай стал третьим по значению мировым торговым партнером России, а РФ вошла в десятку крупнейших торговых партнеров Китая. В настоящее время КНР занимает первое место среди коммерческих контрагентов РФ. В 2014 г. российско-китайский товарооборот составил 88,4 млрд долл.³⁴ Оживление инвестиционной и торговой активности, особенно на приграничных территориях, явилось отражением удачного использования конкурентных преимуществ двух стран.

Сотрудничество в области энергетики и военных технологий является лучшим примером экономической взаимодополняемости КНР и России, представляющей собой конкурентное преимущество двух стран на мировой арене. Сотрудничество в оборонной сфере позволяет Китаю приобретать передовые военные технологии и оборудование, что уже повысило уровень оснащения НОАК. Россия же благодаря экспорту вооружений в Китай имеет возможность получать немалую прибыль, в силу чего ряд предприятий ВПК РФ смогли легче преодолеть трудности, вызванные распадом СССР, и нарастить производство новейшей военной продукции³⁵.

Сотрудничество в области энергетики, в первую очередь в сфере поставок российских нефти и газа, соответствует интересам КНР в плане удовлетворения ее энергетических потребностей. Экспорт энергоносителей в Китай приносит России существенные доходы. РФ открыла для себя китайский импортный рынок нефти и нефтепродуктов, получила доступ в нефтеперерабатывающую отрасль Китая. Это способствовало диверсификации углеводородного экспорта России и в целом снизило риски истощения источников экспортной выручки на нефтяном направлении.

В сфере оборота рабочей силы, обе страны также взаимно дополняют друг друга. В России есть обширные и малонаселенные земли. Китай обладает высокоэффективными, сравнительно недорогими трудовыми ресурсами. За счет притока рабочей силы из Китая Россия уже решила некоторые проблемы на малозаселенных землях Дальнего Востока³⁶. За счет оттока трудовых ресурсов Китай в определенной мере снизил накал проблемы избыточности своей рабочей силы.

Однако, по данным официальной статистики КНР, с 2010 г. численность китайского персонала в РФ сокращается. В 2010 г. она составляла 21 тыс. человек³⁷. К концу в 2012 г. в России были заняты 18,8 тыс. китайских рабочих (4 тыс. — по договорам подряда и около 15 тыс. — в сфере услуг)³⁸, которые трудились в основном на Дальнем Востоке РФ и в Сибири. К концу 2013 г. численность китайской рабочей силы сократилась до 14,3 тыс. человек (5,5 и 9,8 тыс. соответственно)³⁹, что было связано с особенностями договорных условий и завершением ряда подрядных проектов, а также с тем, что некото-

рые регионы РФ проводят курс на свертывание найма рабочих из Китая для сезонных аграрных работ⁴⁰.

Однако в настоящее время проявились новые перспективы для китайско-российского двустороннего сотрудничества в сфере трудовых ресурсов, особенно в сельском хозяйстве Забайкалья⁴¹.

Военное сотрудничество сторон получило новое наполнение, перейдя от «простых» ВТС к оперативной и боевой подготовке штабов и войск с отработкой вопросов взаимодействия при проведении антитеррористических операций. Ст. 14 Договора констатирует возможность перехода от двустороннего сотрудничества к многостороннему: «Стороны способствуют укреплению стабильности, утверждению атмосферы, доверия и сотрудничества в регионах, прилегающих к их территориям, и содействуют усилиям по созданию в них многосторонних механизмов взаимодействия по вопросам безопасности и сотрудничества»⁴².

Уже проведен ряд совместных военных учений РФ и КНР в рамках ШОС под кодовым названием «Мирная миссия», которые продемонстрировали способность вооруженных сил стран-партнеров противостоять угрозам и вызовам XXI в., прежде всего — терроризму. Соглашение между государствами-членами ШОС от 2007 г. о проведении таких военных учений дало правовую базу для их подготовки и проведения на регулярной основе, что и реализуется в настоящее время.

Ценность создания института совместных учений «Мирная миссия» на двусторонней и многосторонней основе в формате ШОС в ЦАР вполне очевидна. Эти учения способствуют приобретению и совершенствованию войсками и штабами вооруженных сил наших стран такого важнейшего качества, как оперативная совместимость, то есть способность совместно и эффективно действовать в условиях боевой обстановки⁴³.

Ввиду указанного выше следует подчеркнуть следующие обстоятельства:

Во-первых, стратегическое партнерство и сотрудничество Китая и России играет ключевую роль и в деле противостояния мировому гегемонизму. Взаимодействие двух государств в международных организациях, включая ООН, не дает Западу во главе с США беспрепятственно вмешиваться во внутренние дела других членов мирового сообщества, открыто попирает суверенитет, а также самовольно менять их социально-экономическую модель развития. Поэтому можно утверждать, что стратегическое партнерство КНР и России, будучи ненаправленным против третьих сторон, является фактором стабилизации и сбалансирования международной обстановки в силу самой политико-экономической авторитетности государств-партнеров. 17 апреля 2014 г. в рамках традиционной ежегодной «прямой линии» В.В. Путин прямо заявил, что «российско-китайские отношения будут существенным фактором мировой политики и существенным образом будут влиять на современную архитектуру международных отношений»⁴⁴.

Во-вторых, стратегическое партнерство Китая и России содействует тенденции мультиполяризации структуры международных отношений, способствует регулированию и реформированию мирового политического и экономического порядка, а также поддержанию многообразия мировоззренческих ценностей и моделей развития. В настоящее время торговля между РФ и КНР быстро растет. Но главное заключается в том, что обе страны являются мощными факторами мировой стабильности. Россия высоко ценит то, что Китай так дорожит отношениями наших двух стран⁴⁵.

В-третьих, стратегическое партнерство и сотрудничество между Китаем и Россией показывает всему миру положительный пример добрососедства («доброжелательности к соседям») между двумя крупнейшими государствами.

История отношений Китая и России (СССР) показала, что создание политического и/или военного союза между ними не является оптимальным выбором для двух стран. КНР и РФ не имеют намерения объединиться в особую силовую группировку для противостояния западным странам. Наоборот, обе страны надеются поддерживать нормальные отноше-

ния с США и его союзниками, крепить взаимное доверие и на его основе осуществлять долгосрочное многостороннее сотрудничество с западными партнерами⁴⁶.

Китай и РФ идут по пути своего возрождения. В силу особых исторических причин обе страны прошли путь «расцвета—спада—подъема». Можно сказать, что интенсивное социально-экономическое развитие является общей целью двух стран. Менталитет времен «холодной войны» не способствует прогрессу мирового сообщества. КНР и РФ стремятся к тому, чтобы избежать новой «холодной войны», а строительство новых китайско-российских отношений не послужило базой для подготовки к силовому конфликту с западными странами. В «Совместной Декларации Китайской Народной Республики и Российской Федерации о международном порядке в XXI веке», подписанной 2 июля 2005 г., Президент России и Председатель КНР ясно указали, что «международное сообщество должно полностью избавиться от конфронтационного и блокового мышления, стремления к монополии и доминированию в международных делах, попыток разделения государств на ведущих и ведомых»⁴⁷.

На основании вышеизложенного можно сделать следующие выводы.

1. Формирование политико-договорной базы между двумя государствами — сложное и многоплановое явление, носящее закономерный характер для всех стран, связанных официальными отношениями друг с другом и различными международными структурами. Оно обусловлено исторической базой и традициями, сложившимися в отношениях государств на протяжении длительного времени, их географическим расположением, а также масштабом и политико-экономическим весом⁴⁸.

2. «Большой» китайско-российский Договор 2001 г. стал программным документом, обеспечивающим долгосрочное и стабильное развитие двусторонних отношений, и ознаменовал их вступление в качественно новый этап. В Договоре юридически закреплена концепция о вечной дружбе между двумя странами, утверждены принципы равноправия и доверительности, стратегической значимости взаимодействия и партнерства в качестве основы китайско-российских отношений, намечен курс по оказанию взаимной поддержки и неуклонному наращиванию многопланового практического сотрудничества. Таким образом, Договор заложил прочную политическую и правовую основы для развития отношений Китая и России в новом веке⁴⁹.

3. Совпадение интересов Китая и России в области международной безопасности и потенциал их военного взаимодействия проявляются в сфере борьбы с терроризмом, сепаратизмом, экстремизмом. Обе страны стремятся также к расширению диалога в области экономики, культуры, науки и техники. Однако проблемы конфликтов, носящих характер вмешательства во внутренние дела суверенных государств, остаются за рамками их сотрудничества.

4. В целях расширения областей кооперации, а также минимизации расхождений во взглядах на международные проблемы, КНР и РФ выстраивают новые отношения стратегического партнерства. Их ключевыми принципами являются невступление в союз, неконфронтационность и ненаправленность против третьих стран. Отношения именно такого уровня и характера более всего соответствуют устремлениям Китая и России, ибо они предполагают сотрудничество на мировой арене с полным учетом собственных геополитических интересов двух стран.

---

1. Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой (Подписан в г. Москве 16 июля 2001 г.). URL: <http://www.rg.ru/2009/03/20/russia-kitai-dok.html>. Срок действия Договора — 20 лет с даты обмена ратификационными грамотами. Он автоматически продлевается на последующие пятилетние периоды, если ни одна из сторон не заявит в установленном порядке о своем намерении прекратить действие Договора.

2. Совместное заявление Президента Российской Федерации и Председателя Китайской Народной Республики в связи с 10-летием Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой. URL: http://news.kremlin.ru/ref_notes/966.
3. См.: *Тимофеев О.А.* Российско-китайские отношения на современном этапе и перспективы их развития. URL: <http://www.amursu.ru/attachments/article/11560/10.pdf>.
4. URL: http://news.kremlin.ru/ref_notes/966.
5. Там же.
6. См.: Независимая газ. 2001. 3 авг.
7. См.: Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой. URL: <http://www.rg.ru/2009/03/20/russia-kitai-dok.html>.
8. См.: Московское совместное заявление глав государств России и Китая (Подписано в г. Москве 16 июля 2001 г.). URL: <http://www.lawmix.ru/abrolaw/7601>.
9. Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой. URL: <http://www.rg.ru/2009/03/20/russia-kitai-dok.html>.
10. Совместное заявление Президента Российской Федерации и Председателя Китайской Народной Республики в связи с 10-летием Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой. URL: http://news.kremlin.ru/ref_notes/966.
11. *Лукин А.В.* Россия — Китай: друзья или соперники? // Независимая газ. 2001. 3 авг.
12. Рос. газ. 2015. 16 апр.
13. *Лукин А.В.* Указ. соч.
14. *Клименко А.Ф.* Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве от 16.06.2001 г: военно-политические аспекты российско-китайского сотрудничества // Доклад на "круглом столе" в ИДВ РАН (7 июля 2014 г.), посвященном 13-летию подписания Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между КНР и РФ. URL: <http://www.ifes-ras.ru/publications/online/1522-doklad-af-klimenko>.
15. *Янь Сюэтин.* Инерция истории. Китай и мир в следующие десять лет [Лиши дэ гуаньсин. Вэйлай шинянь дэ Чжунго юй шицзе]. Пекин, 2013. С. 206–209. Цит. по: *Портяков В.Я.* К вопросу о комплексной мощи Китая: подходы к оценке, структура, динамика, перспективы // Китай в мировой и региональной политике: История и современность. Вып. 19. М.: ИДВ РАН, 2014. С. 20–21.
16. Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой. URL: <http://www.rg.ru/oficial/doc/dogovorbi/kitai.shtm>.
17. Там же.
18. См.: *Клименко А.Ф.* Указ. соч.
19. Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой (Подписан в г. Москве 16 июля 2001 г.). URL: <http://www.rg.ru/2009/03/20/russia-kitai-dok.html>.
20. *Клименко А.Ф.* Указ. соч.
21. *Чжоу Цзяньин.* Эволюция взаимоотношений между Китаем и Россией в 2001–2006 гг.: Автореф. канд. дисс. ДВГУ, 2010. С. 5.
22. См., в частности, *Галенович Ю.М.* Россия — Китай: шесть договоров. М.: Муравей, 2003. С. 346; Его же. Наказы Цзян Цзэминя. М.: Муравей, 2003. С. 304.
23. *Галенович Ю.М.* Россия — Китай: шесть договоров... С. 356.
24. *Лукин А.В.* Указ. соч.; Жэньминь жибао. 2014. 10 февр.
25. См.: Вай цзяо бу фа янь жэнь Цинь Ган цзяо ань ли хуй бяо цзяо у кэ лань кэ ли ми я гун тоу вэнь ти цзяо и цао ань да цзи чэ вэнь [Представитель министерства иностранных дел Цинь Ган ответил на вопросы журналистов о голосовании в СБ ООН по проекту резолюции по вопросу о референдуме о статусе Крыма]. URL: http://www.mfa.gov.cn/mfa_chn/fyrbt_602243/dhdw_602249/t1137691.shtml.
26. Там же.
27. Союз медведя и дракона: О российско-вьетнамском ВТС. URL: <http://castrussia.ru/opinion/695/696/>
28. *Клименко А.Ф.* Указ. соч.
29. Там же.

30. Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой. URL: <http://www.rg.ru/oficial/doc/dogovorbl/kitai.shtm>.
31. Подробнее см.: *Сафронова Е.И.* К вопросу об оптимизации экономических отношений по линии «ШОС-Афганистан» // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2012. № 17. С. 280–293.
32. *Клименко А.Ф.* Указ. соч.
33. URL: <http://www.rg.ru/2009/03/20/russia-kitai-dok.html>.
34. URL: <http://www.tpp-inform.ru/news/19063.html>.
35. *Макиенко К.* Прощай, Китай! URL: <http://www.cast.ru/comments/?id=315>.
36. *Дьяченко В.Н.* Использование приграничного положения в развитии внешнеэкономических связей // Управление экономическими системами: электрон. науч. журн. URL: <http://www.uecs.ru/uecs69-692014/item/3039-2014-09-16-11-04-05>.
37. О состоянии российско-китайских отношений (к 10-й годовщине подписания Договора о дружбе). URL: <http://rodon.org/polit-110722111022>.
38. China Statistical Yearbook 2013. Cooperation with Foreign Countries and Regions. URL: <http://www.stats.gov.cn/tjsj/ndsj/2013/indexeh.htm>.
39. China Statistical Yearbook 2014. Cooperation with Foreign Countries and Regions. URL: <http://www.stats.gov.cn/tjsj/ndsj/2014/indexeh.htm>.
40. *Дьяченко В.Н.* Указ. соч.
41. См. подробнее: URL: <http://vostok.today/news/1962-kitajskij-investor-podtverdil-peredachu-emu-115-tys-ga-zemli-v-zabajkale-v-poluvekovuju-arendu.html>.
42. Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой. (Подписан в г. Москве 16 июля 2001 года). URL: <http://www.rg.ru/2009/03/20/russia-kitai-dok.html>.
43. URL: <http://www.ifes-ras.ru/publications/online/1522-doklad-af-klimenko>.
44. Путин: РФ продолжит развивать отношения с Китаем. URL: <http://ria.ru/world/20140417/1004289212.html>.
45. Пуизин гао ду пин цзя чжун фан дуй э чжун лан го гуань си дэ чжэнь ши [Путин высоко оценил Китай, который ценит русско-китайские отношения]. URL: http://rusnews.cn/ezhongguanxi/ezhong_zhengzhi/20080214/42045141.html.
46. *Лю Мин.* Ши цзи чжи цзяо дэ чжун э гуаньси [Китайско-российские отношения на стыке столетий] // Journal of Changshu College. 2003. № 3. С. 71.
47. Совместная декларация Китайской Народной Республики и Российской Федерации о международном порядке в XXI веке. URL: <http://www.chinaconsulate.khb.ru/rus/xwdu/t202295.htm>.
48. *Алимов Р.К.* Таджикистан — Китай: на пути друг к другу. Возможен ли равноправный и взаимовыгодный диалог? М.: ИДВ РАН, 2012. С. 19.
49. URL: <http://rodon.org/polit-110722111022>.

Круглый стол в ПДВ

Отношения КНР и США на современном этапе: состояние, перспективы и вызовы для России

Журнал «Проблемы Дальнего Востока» уделяет постоянное внимание отношениям между КНР, США и Россией, проблемам их взаимосвязи и влияния на процесс становления и совершенствования современной мировой архитектоники, актуальность которых в нынешней непростой международной ситуации возрастает многократно. Именно поэтому эти проблемы стали предметом обсуждения участников круглого стола, состоявшегося 10 июня 2015 года в редакции ПДВ.

Дискуссия развернулась в рамках трех тематических блоков:

- 1) Развитие китайско-американских отношений на современном этапе;
- 2) Факторы взаимодействия и соперничества Пекина и Вашингтона на региональном и глобальном уровнях;
- 3) Взаимоотношения России, США и Китая в контексте нынешней ситуации с учетом украинского фактора.

В ходе обсуждения было подтверждено, что отношения «нового типа», установление которых провозгласили в 2013 г. США и КНР, представляют собой приемлемую для обеих сторон более сбалансированную основу модели их сосуществования и взаимодействия.

Однако, в то же время, это не устраняет присущих китайско-американским отношениям многочисленных противоречий и разногласий, острота которых, скорее всего, будет усугубляться по мере усиления совокупной мощи Китая в процессе превращения его из региональной в одну из ведущих мировых держав.

Что касается России, то она всегда выступала и выступает за развитие нормальных и эффективных политических и деловых отношений между Вашингтоном и Пекином, но при условии, что общий их вектор не будет направлен против ее интересов, а взаимосвязи США и Китая не превратятся в «рычаг» для оказания давления на нашу страну. Во всяком случае, Китаю следует четко понимать, что любые американские действия, направленные против России, будут нацелены и на то, чтобы в итоге ослабить Китай.

В обмене мнениями по этим вопросам приняли участие: и.о. директора Института Дальнего Востока (ИДВ) РАН, профессор МГИМО (У) МПД РФ, доктор исторических наук **С.Г. ЛУЗЯНИН**; заместитель директора ИДВ РАН, главный редактор журнала «Проблемы Дальнего Востока», доктор экономических наук, профессор **В.Я. ПОРТЯКОВ**; заместитель главного редактора ПДВ, главный научный сотрудник ИДВ РАН, доктор исторических наук **Я.М. БЕРГЕР**; заместитель главного редактора ПДВ, ведущий научный сотрудник ИДВ РАН, кандидат исторических наук **А.С. ДАВЫДОВ**; заместитель директора Института стран Азии и Африки при МГУ им. М.В. Ломоносова, зав. отделом истории и внутренней политики ПДВ **А.Н. КАРНЕЕВ**; руководитель Центра ин-

формации и документации ИДВ РАН, кандидат филологических наук **Е.Н. РУМЯН-ЦЕВ**; заместитель руководителя Центра изучения и прогнозирования российско-китайских отношений ИДВ РАН, кандидат исторических наук **С.В. УЯНАЕВ**; ученый секретарь ИДВ РАН по связям с общественностью, кандидат исторических наук **А.С. ИСАЕВ**; главный научный сотрудник ИДВ РАН, доктор политических наук **В.Е. ПЕТРОВСКИЙ**; профессор МГИМО (У) МИД РФ, кандидат исторических наук **Ю.А. ДУБИНИН**; доцент Санкт-Петербургского государственного университета, доктор политических наук **Я.В. ЛЕКСЮТИНА**; старший научный сотрудник ИДВ РАН, кандидат политических наук **В.Б. КАШИН**; старший научный сотрудник ИДВ РАН **К.В. АНТИПОВ**; сотрудник МИД РФ, аспирант ИДВ РАН **Д.Н. ШАКУРА**.

Вел заседание круглого стола заместитель главного редактора журнала «Проблемы Дальнего Востока» Я.М. Бергер. Ниже публикуются выступления его участников.

Лузянин С.Г.:

Большая группа экспертов в российской, западной и китайской политологии активно обсуждает состояние и перспективы так называемого треугольника «Россия — Китай — США». Причем независимо от противоположных оценок отношений между РФ и КНР или РФ и США, большинство едины в том, что данного «треугольника» де-факто или де-юре не существует, а речь идет, скорее, о некоей виртуальной возможности трехстороннего сотрудничества и различных акцентах отношений внутри трех пар — китайско-американской, российско-китайской и российско-американской.

В этой связи очевидно, что проведение этого «круглого стола» редакцией журнала «Проблемы Дальнего Востока» чрезвычайно важно как с точки зрения общественно-политической, так и экспертно-научной.

Я бы выделил 7 основных тезисов, которые, возможно, позволят несколько заострить дискуссию, определить точки совпадения и расхождения.

1) Происходит достаточно быстрое обновление блоковой американской политики в Восточной Азии, идущее как на институциональном, так и на идеологическом уровнях. Используя свои двусторонние военно-политические союзы (японо-американский, американо-южнокорейский), США активно формируют «антикитайские группы» (Австралия, Вьетнам, Индия, Мьянма), пытаясь институционально оформить их в некие «структуры безопасности». Понятно, что до создания аналога «азиатского НАТО» еще далеко. Но процесс, к сожалению, для интересов КНР и РФ складывается неблагоприятно. В основе «американского вызова» КНР и РФ несколько базовых «аргументов»: а) общее возвышение Китая в мире и регионе Восточной Азии, которое якобы несет угрозу и вызывает необходимость сдерживания Поднебесной; б) обострение территориальных (островных) споров КНР в Южно-Китайском (ЮКМ) и Восточно-Китайском (ВКМ) морях с Японией, Вьетнамом, Филиппинами и рядом других государств. За последние годы американо-вьетнамские отношения, например, вышли фактически на уровень полноценного стратегического сотрудничества. На ноябрь 2015 г. (после очередного саммита АТЭС в Маниле) запланирован официальный визит американского президента во Вьетнам, на котором тема военно-политического сближения скорее всего будет центральной.

2) В регионе СВА, несмотря на островные и прочие трудности, не сложилось открытого противостояния по российско-европейской/украинской модели. Среди азиатских стран нет единства по вопросу о присоединении к антироссийским санкциям, а те, кто присоединился (Япония и др.), сделали это чисто формально. США не удастся сформировать в Восточной Азии единый антироссийский фронт. Украинский кризис сковал часть американских военно-политических ресурсов, объективно затормозив процесс «возвращения США» в АТР. При этом Вашингтон, реагируя на глобальное возвышение Китая, вынужден проводить «двойное» сдерживание — против России и против КНР. Многие китайские ученые признают, что украинский кризис дает Китаю своеобразную «передышку» в плане геополитического китайско-американского соперничества. При этом следует учитывать,

что это соперничество сочетается с дальнейшей регионально-экономической интеграцией и кооперацией США и КНР. Отношения «нового типа», которые три года назад провозгласили лидеры двух стран Б. Обама и Си Цзиньпин, будут скорее всего усилены. В октябре 2015 г. Председатель КНР Си Цзиньпин планирует посетить США и провести полномасштабные переговоры с Б. Обамой о согласовании общего видения по проблеме реализации проекта Транстихоокеанского партнерства (ТТП) и другим вопросам.

3) Ключевым трендом в системе США — РФ — КНР остается дальнейшее сближение России и Китая. Визит Председателя и Си Цзиньпина в Москву 8–9 мая 2015 г. на празднование 70-летия Великой Победы и подписание 37 официальных двусторонних документов еще раз подтвердили приоритетность целей китайской политики в глобальном масштабе. Что касается украинского кризиса, он лишь отчасти стал дополнительным фактором углубления российско-китайского стратегического партнерства, хотя и не единственным. Концепция «поворота России» на Восток была, как известно, разработана задолго до украинских событий. Начало ее нынешней реализации — скорее совпадение по времени, чем закономерность. 3 сентября 2015 г. состоится визит российского президента в КНР, приуроченный к завершению празднования 70-летия Победы, в ходе которого российско-китайские связи, несомненно, получат дополнительный положительный импульс. Причем нынешняя специфика российско-китайского сближения в сфере безопасности состоит в том, что оба государства вплотную подошли к той черте, которая отделяет партнерство от военно-политического союзничества. Но в нынешних условиях ни Москва, ни Пекин не хотят ее переступить и не планируют создание двустороннего военного союза. В рамках существующего партнерства многие атрибуты союзнических отношений неформально присутствуют и успешно развиваются — регулярные военные (сухопутные и морские) учения в двустороннем и коллективном (ШОС) форматах, совещания министров обороны и пр. Базовым документом российско-китайского партнерства, как известно, является двусторонний Договор 2001 г., который содержит статью 9 о режимах консультаций в случае угроз для одной из сторон со стороны третьих держав.

4) Выдвижение Председателем Си Цзиньпином глобального проекта «Один пояс — один путь» — это отражение новой фазы китайского возвышения, формирование на длительный период обновленной сухопутной (евразийской) и морской геополитики КНР. И хотя китайские ученые в один голос говорят о том, что речь идет исключительно об экономическом развитии и экономических шагах, большинство экспертов склонны видеть, что за фасадом заявленных грандиозных экономических мер просматривается новая формирующаяся китайская геополитика растущей сверхдержавы.

5) 8 мая 2015 г. накануне празднования Дня Победы Си Цзиньпин и В.В. Путин подписали в Москве в числе прочих документов Заявление о возможностях «стыка» Экономического пояса (ЭП) и Евразийского экономического союза (ЕАЭС). Стратегической площадкой этого стыка объявлена ШОС, которая после саммита в Уфе 8–10 июля 2015 г. вступит в этап радикальных преобразований (принятие Стратегии развития до 2025 г., расширение состава участников и пр.). В КНР и других странах идет активная экспертная разработка механизмов реализации Сухопутного пояса. Вопросов пока больше, чем ответов. Например, какие инструменты (транспортные, инвестиционные, торгово-экономические или иные) будут использованы Пекином в качестве основных и приоритетных? Какие страны попадут в зону Пояса в первую очередь, а какие во вторую? Планируется ли реализация некоей «сквозной» инвестиционной / транспортной политики в отношении двадцати одного государства в рамках Пояса, или речь пойдет об интенсификации двусторонних моделей КНР с каждым из потенциальных участников? Пока на все эти вопросы нет точных и аргументированных ответов ни у китайских, ни у других ученых. Имеются лишь разрозненные факты и политические заявления китайского руководства о важности и чрезвычайной полезности проекта для всех участников. Причем полезность Пояса и Пути пока точно не аргументируется китайскими представителями, но при этом практически на всех конференциях и форумах, посвященных данной теме, постоянно го-

ворится о необходимости использовать предоставленный Китаем «исторический шанс» и возможность для развития.

6) Очевидно, что проекты в рамках «Один пояс — Один путь» скрыто несут антиамериканскую направленность. Можно предположить, что создаваемый Китаем мега-проект не будет открыто позиционироваться Пекином как некая альтернатива Транстихоокеанскому партнерству (ТТП). Для этого нет пока необходимых ресурсов и политической воли.

7) Относительно перспектив китайско-американских отношений среди западных и китайских экспертов превалируют два подхода. Один строится на приоритете роста взаимозависимости в финансово-экономической сфере двух стран, которая автоматически «купирует» региональные и геополитические противоречия, является гарантией от конфликта. Более того, часть западных ученых считает, что декларируемые противоречия между США и КНР — некая «внешняя имитация конфликтности». На самом деле стороны уже обо всем и давно договорились.

Другой подход предполагает неизбежный рост противоречий (вплоть до военного конфликта), который не может быть смириван усилением финансово-экономической взаимозависимости. Причем подъем Китая и переход его в новую весовую категорию сверхдержавы, как отмечают отдельные китайские эксперты, только усиливает внутреннюю китайско-американскую конфликтность, которая, всегда будет присутствовать в отношениях Китая и Америки, поскольку обусловлена противоположными геополитическими интересами.

Понятно, что между этими двумя крайними позициями имеется масса экспертных вариаций. Однако почти все они укладываются в некую дилемму — либо «экономическая выгода» обоих и отказ от «взаимного сдерживания», либо стратегическая дуэль и вытеснение одного из двух на «обочину» геополитики.

Портяков В.Я.:

В китайско-американских торгово-экономических отношениях можно условно выделить два уровня — двусторонний и глобальный. «Условно» потому, что многие, казалось бы, чисто двусторонние аспекты связей нередко имеют и более широкое мирохозяйственное значение.

Китай и США являются друг для друга важными торговыми партнерами. В 2014 г. объем их двусторонней торговли, по данным таможенной статистики КНР, превысил 555 млрд долл., из которых экспорт КНР в США составил 396 млрд долл., а импорт КНР из США — 159 млрд долл. Доля США во внешнеторговом товарообороте Китая составила 12,9%, в том числе в экспорте 16,93% и в импорте — 8,11%.

По несколько отличающимся американским данным¹, импорт США из Китая составил 466,65 млрд долл., экспорт США в Китай — свыше 124 млрд долл., товарооборот двусторонней торговли — около 590,7 млрд долл. Доля Китая в товарообороте США — 14,65%, в экспорте 7,64% и в импорте 19,37%. То есть главная ось китайско-американской взаимозависимости — это экспорт товаров, произведенных в Китае, на американский рынок или, наоборот, импорт Соединенными Штатами товаров китайского происхождения. По сути дела, источником формирования такой модели действия американского бизнеса, специально направлявшего инвестиции, технику и технологии в Китай с его дешевой рабочей силой для организации там производства продукции для самой Америки, но с существенной экономией на издержках.

Показательно, что в китайском импорте из США половина приходится на машины и оборудование, а в экспорте — еще больше (52,8%). Другие ведущие позиции — текстиль и обувь (15%) и химикаты (8%). В импорте весома также доля сельхозпродукции (16%, главным образом соевые бобы).

В контексте кризиса 2008–2009 гг. была предпринята попытка изменить ситуацию. США перестали наращивать объем инвестиций в экономику КНР, сохранив его

примерно на уровне 2,6 млрд долл. в год, тогда как у Японии и Германии ежегодный объем инвестиций в Китай вырос вдвое. Более того, по неофициальным данным, было выведено 15–20% прежних американских инвестиций в Китай.

Тем не менее, улучшить баланс двусторонней торговли пока не удалось. Его saldo продолжает складываться с серьезным перевесом в пользу Китая (см. табл. 1).

Таблица 1.

Американо-китайская торговля (млрд долл.)

Год	Экспорт США в Китай	Импорт США из Китая	Баланс
2011	104,121	399,371	-295,249
2012	110,515	425,626	-315,110
2013	121,736	440,447	-318,711
2014	124,024	466,656	-342,632

Источник: URL: <https://www.census.gov/foreign-trade/balance/c5700.html>

Ситуация предопределяет нередкие обвинения в адрес Китая в якобы недобросовестной конкуренции, заниженном курсе юаня и т.п.

В то же время высокий уровень экономической взаимозависимости признают обе стороны. Америка начинает прислушиваться к китайскому совету «стремиться к обоюдному выигрышу» и особенно резких движений не делает.

Китай, в свою очередь, нередко демонстрирует наличие у него такого мощного инструмента давления на Вашингтон, как покупка американских ценных бумаг (в настоящее время Пекин владеет ими на сумму примерно 1150 млрд долл.).

Одной из важнейших текущих проблем двусторонних связей в данной области является подготовка инвестиционного соглашения, которое может снять серьезные барьеры на пути китайских инвестиций в США и стимулировать их приток.

На глобальном уровне все зримее становятся элементы состязательности, если не прямого соперничества двух стран. С 2013 г. Китай опережает США по объему внешней торговли товарами, с 2014 г. — по ВВП в расчете по паритету покупательной способности (ППС). Многие эксперты считают, что Китай, на словах не покушаясь на устои существующего миропорядка с лидерством США, на практике создает подконтрольную ему сеть международных финансовых институтов (Азиатский фонд инфраструктурных инвестиций, финансово-банковские структуры БРИКС и т.п.), призванную подорвать монополию и влияние патронируемых американцами структур — МВФ, Всемирного банка, Азиатского банка развития.

Наконец, концепция «одного пояса и одного пути», по сути дела, предлагает если не в полном смысле выделить Китаю зону его преобладающего экономического влияния, то явно выступает контрмерой и антитезой Трансатлантического и особенно Транстихоокеанского партнерства.

В США с нарастающим раздражением относятся к активности Пекина в создании новых финансовых организаций «с китайским акцентом». Недавно Б. Обама прямо заявил, что определять правила игры в мировой экономике должны США, а не кто-либо другой.

После обострения отношений России с Западом Москва пытается подтолкнуть Китай к более решительным действиям по «деамериканизации» мирового порядка, в т.ч. в глобальной экономике. Однако Китай дает понять, что в отношениях с США будет руководствоваться исключительно собственными интересами, тем более что в сфере экономики отношения Китая с Россией ни по масштабам, ни по структуре не являются сколько-нибудь весомой альтернативой китайско-американским связям. Показательно, что в январе-апреле 2015 г. экспорт Китая в США вырос на 9% при общем росте экспорта КНР на 1,6%, тогда как его экспорт в Россию сократился на 35,6%.

Давыдов А.С.:

7–8 июня 2013 г. в усадьбе Анненберг в Калифорнии в ходе встречи Президента США Б. Обамы и Председателя КНР Си Цзиньпина было официально продекларировано установление между двумя державами отношений «нового типа». Это событие имело свои причины и особую предысторию.

За почти четыре десятилетия со времени визита Р. Никсона в Пекин в феврале 1972 г. до прихода в Белый дом администрации Б. Обамы сформировалась устойчивая модель противоречивых и конфликтных, но многоплановых и очень тесных китайско-американских связей, основой которых являлась их базовая стабильность с тенденцией к постоянному углублению, покоящаяся на обоюдном понимании важности и глобальной значимости отношений двух стран при чередовании в них подъемов, порождаемых экономической взаимозависимостью и обоюдовыгодной конъюнктурой, и спадов на почве периодически возникающих кризисных ситуаций.

Долгие годы после Второй мировой войны американо-китайские отношения отличались враждебностью и высокой степенью недоверия. КНР и США и сейчас не союзники. Их интересы во многом не совпадают, а взгляды на мир зачастую противоречат друг другу. Недоверие по-прежнему сохраняется. Вместе с тем, эти страны не являются сегодня врагами. Не считая Китай противником, Вашингтон видит в нем, прежде всего, конкурента и важного торгового партнера.

Проблемы, связанные с преодолением мирового финансово-экономического кризиса, совпали по срокам с приходом Обамы во власть, выдвинувшись на первый план и во взаимоотношениях США и КНР. Резко ухудшив ситуацию в Америке, кризис, наоборот, способствовал подъему Китая на качественно новый уровень — по сумме совокупных показателей он стал реально претендовать на место второй державы мира. Это привело к изменению характера американо-китайских отношений: США начали ощущать свои определенные слабости, а Китай — силу, что придало ему крепнущее чувство уверенности в себе.

В сложившейся ситуации власти США, осознав свою неспособность одновременно осуществлять единоличное «руководство миром», а главное — нести за него ответственность — и при этом решать сугубо внутренние проблемы, предложили китайцам разделить бремя мирового лидерства в формате G-2, ни на минуту не ставя, однако, под вопрос свое главенство в этом «дуумвирате». Американское предложение о «двойке» было решительно отклонено Пекином.

Будучи не в состоянии помешать подъему Китая, США узрели свою основную цель в том, чтобы не оставить КНР иного выбора, кроме как стать полноценным участником международной системы правил и институтов, созданных ими самими и их союзниками, и добиться, чтобы комплексная мощь Китая не выходила за рамки этой системы.

Но добиться этого Западу оказалось не под силу. Даже после органичного встраивания в глобальную систему свободного рынка и заверений в том, что он не намерен посягать на ее основы, Китай дал понять миру, что политическому диктату со стороны США и Запада подчиняться не будет.

Рост могущества КНР неизбежно отразился на ее внешнеполитическом поведении, претерпевшем качественные изменения. Его прежняя модель, обусловленная «заветами Дэн Сяопина» периода 1980–90-х гг. о необходимости накопления сил и потенциала при одновременном, но временном воздержании от излишней внешней активности, уступила место открытому, энергичному и прагматичному внешнему курсу, направленному исключительно на отстаивание своих экономических завоеваний и защиту собственных региональных и глобальных политических интересов самыми разнообразными средствами, вплоть до силовых.

Эскалация взаимного недоверия привела к тому, что администрация Обамы, начавшая свой китайский курс с реверансов в адрес КНР, объявила об экономическом и военно-политическом «возвращении США в тихоокеанскую Азию», провозгласив ее приоритетной сферой своих интересов.

На это заявление Китай прореагировал нервно. Последовал ряд шагов со стороны Пекина по укреплению собственных позиций в Северо-Восточной Азии и АТР в целом, причем не только торгово-экономических и политических, но и военных. Особое внимание было уделено наращиванию и модернизации военно-морского флота и военно-воздушных сил НОАК.

В совокупности с усилением американского военного присутствия в регионе ситуация в нем стала угрожающе накаляться. И все же в конечном итоге возобладал обоюдный разум. Сдерживающими факторами выступили: взаимная боязнь непоправимого ущерба в случае доведения взаимоотношений до роковой черты; обоюдное тяготение к приоритетному решению возникающих проблем мирными средствами; общее понимание того, что силовые методы в таких случаях являются нежелательным и крайним способом; стремление, несмотря на минимум склонности у обеих сторон к уступкам и компромиссам, искать и достигать договоренностей по ключевым разногласиям во избежание еще большего обострения отношений.

Мотивировка этой сдержанности коренилась во взаимозависимости и обоюдо-выгодной заинтересованности сторон в поддержании несмотря ни на что нормальных отношений, обусловленных переплетением торгово-экономических уз, производственно-технологическим взаимодействием и тесными валютно-финансовыми связями — т.е. тем накопленным совместным «багажом», который на данный момент «перевешивал» все существующие между ними раздоры и конфликты.

С учетом фактора повышения геополитического веса и влияния КНР политика США в отношении Китая претерпела в последние годы определенную трансформацию, совершив отход от импульсивности и реактивности к большей взвешенности и упорядоченности. Неудивительно поэтому, что и в КНР стали чаще задумываться о приведении своего американского курса в большее соответствие со складывающейся геополитической реальностью.

Первый сигнал о серьезных намерениях в этой области прозвучал в январе 2011 г. в совместном заявлении руководителей США и Китая по итогам поездки в Америку тогдашнего Председателя КНР Ху Цзиньтао, где стороны обязались прилагать «усилия по установлению отношений... основывающихся на взаимоуважении, взаимной пользе и взаимовыигрыше».

Востребованность нового качества в отношениях Китая и США усилилась после изменений в руководстве обеих стран — избрания Си Цзиньпина сначала генеральным секретарем ЦК КПК, а затем — Председателем КНР и кадровых перестановок в американской администрации после президентских выборов 2012 г.

Следуя, в определенном смысле, западной традиции и нормам ее политтехнологий, КНР предприняла попытку отказа от «обезличенности власти», характерной для двух предыдущих поколений ее лидеров, и вступила на путь «взращивания» харизматичного вождя.

Среди важных составляющих имиджа нового китайского руководителя не последнее место было отведено выдвиганию им концептуальных новаций. Так, наряду с доктринами «китайской мечты» и «экономического пояса Шелкового пути», возникла идея «выстраивания между великими державами отношений нового типа», которая нашла позитивные отклики и у американской администрации.

Конечно, обоюдное желание сторон улучшить качество взаимоотношений мотивировалось не только этим. Одним из главных побудителей было стремление отодвинуть их от края обрыва, на котором они балансировали на протяжении нескольких последних месяцев 2012 — начала 2013 гг. из-за обострения ряда двусторонних и региональных конфликтов (кибершпионаж, Сирия, территориальные споры в Восточно-Китайском и Южно-Китайском морях и др.).

Не исключено, что эта инициатива со стороны КНР одновременно была нацелена и на нейтрализацию «американской перебалансировки в АТР». Узрев слабости Обамы

во внешнеполитической сфере, китайцы решились затеять собственную «перебалансировку», смысл которой состоит в том, чтобы не отвечать «грубостью на грубость», а начать с Америкой более тонкую игру, активнее привлекая ее к взаимодействию.

У китайской стороны предтечей выдвижения идеи выстраивания «отношений нового типа» стал официально провозглашенный в отчетном докладе XVIII съезду КПК подход к установлению «нового соотношения сил» между двумя странами. И хотя в партийном документе постулировалось, что этот подход имеет универсальный характер и распространяется на отношения КНР и с другими основными государствами, в фокусе оказались, прежде всего, США.

Подразумевалось, что в отличие от прошлого, когда вследствие асимметричности сил Китай в отношениях с Америкой играл преимущественно пассивную роль, теперь этот разрыв сократился, и роль КНР становится более активной, что придает китайско-американским отношениям форму более сбалансированного сотрудничества.

В то же время Китай ясно обозначил намерение воздерживаться от борьбы за гегемонию и избегать сценария «холодной войны» времен советско-американского противостояния. Он фактически солидаризировался с мнением о том, что во взаимосвязанном мире обоюдновыгодные решения дают больше преимуществ, чем «игра на выбывание», и при столкновении с транснациональными проблемами и глобальными угрозами у всех стран существует общность интересов.

Что касается США, то у них в качестве выбора пути дальнейших взаимоотношений с КНР, по мнению авторитетных международных экспертов, имелось три основных возможности:

- а) усиление стратегического соперничества;
- б) сохранение существовавшего положения;
- в) переход к созданию нового механизма сотрудничества, в котором, наряду с признанием стратегического соперничества двух государств, были бы определены ключевые области общих интересов, совместная работа над которыми «сужала бы зияющую пропасть недоверия» между ними².

11 марта 2013 г. советник президента США по вопросам национальной безопасности Т. Донилон, выступая на собрании Азиатского общества в Нью-Йорке, официально объявил об идеях построения новых отношений между США и Китаем, заявив, что США приветствуют подъем мирного и процветающего Китая, отказываются от концепции «столкновения двух держав» и намерены по-прежнему внимательно относиться к китайско-американским отношениям, расширять сотрудничество, корректировать различия, прикладывать усилия для создания отношений нового типа между двумя странами. Углубленный диалог по военным вопросам является необходимой составляющей процесса поиска таких отношений, подчеркнул он³.

Углублению новых тенденций в отношениях США и Китая должно было, по замыслу руководства обеих стран, способствовать и обновление их внешнеполитических команд. В КНР Ван И сменил Ян Цзечи на посту министра иностранных дел. А новым госсекретарем США стал Дж. Керри.

Первый после вступления на пост госсекретаря США визит в КНР Дж. Керри совершил 13–14 апреля 2013 г. с целью определения и уточнения повестки нового этапа взаимоотношений.

Определяющей для подготовки намеченной в США встречи американского президента с Председателем КНР стала поездка в Китай в мае 2013 г. вице-президента США Дж. Байдена, встретившегося с Си Цзиньпином. Стороны подтвердили договоренность о совместном формировании отношений нового типа, характеризующихся отказом от конфронтации и противостояния, взаимоуважением, сотрудничеством и обоюдным выигрышем. Они констатировали общую ответственность за сохранение мира и стабильности, важность поддержания стратегических контактов. Большое внимание было уделено проблемам торгово-экономического сотрудничества, укреплению межрегионального взаимо-

действия, форсированию переговоров по соглашению о двусторонних инвестициях, улучшению координации макроэкономической политики.

Американская сторона констатировала, что дальнейшее развитие Китая в полной мере соответствует интересам США. Была достигнута договоренность об укреплении контактов и усилении координации позиций обеих стран.

Запланированная на 7–8 июня 2013 г. встреча лидеров двух стран в Калифорнии предоставляла им шанс «подтянуть» политические отношения между Америкой и Китаем, приблизив их к экономическим, которые выглядели впечатляюще. По некоторым их параметрам у Пекина имелись все основания почувствовать себя равным Вашингтону.

В 2012 г. КНР вышла на первое место в мире по объему международной торговли. Суммарный объем импорта и экспорта США составил 3,8 трлн долл., а Китая — почти 3,9 трлн долл. В том же году общий объем американо-китайской торговли достиг 484,6 млрд долл. В апреле 2013 г. дефицит торгового баланса США с Китаем вырос на 34,8% — с 17,9 млрд долл. до 24,1 млрд долл.

Не только абсолютные цифры прироста внешней торговли КНР, но и качество этого прироста, в том числе на американо-китайском направлении, выглядели весьма внушительно. Доля высокотехнологичной продукции в импорте США из Китая стремительно росла. Согласно официальным статистическим данным США, импорт высокотехнологичных товаров из КНР в 2010 г. составил 115,7 млрд долл. (31,3% общего объема импорта из Китая) по сравнению с 19,2% (29,4 млрд долл.) в 2003 г. По прогнозам Всемирного банка, в следующем десятилетии Китай должен опередить США по уровню сбережений⁴.

В ходе встречи в Анненберге с китайской стороны прозвучали предложения построить новые отношения в контексте четырех тезисов: повысить уровень взаимодоверия и открытого диалога, а также институализировать встречи политической элиты двух стран по всем возможным каналам («двадцатка», АТЭС и пр.); «открыть новые горизонты экономического сотрудничества, осуществить смягчение ограничений на экспорт в КНР высокотехнологичной продукции, развитие двусторонней торговли и инвестиционных институтов; найти новую форму взаимодействия, всячески поощрять и стимулировать сотрудничество по острым международным проблемам; найти новый способ «преодоления разногласий» и активно способствовать военному сотрудничеству в рамках нового типа взаимоотношений.

Ответ Обамы на китайские инициативы был более общим и нивелированным. В итоге китайская сторона резюмировала, что для выстраивания с США двусторонних отношений «нового типа» Китаю предстоит выдержать три крупных испытания:

- 1) установление геостратегического баланса между КНР и США в АТР;
- 2) состязание за рынки и право выработки правил международной торговли;
- 3) разработку соответствующих норм поведения в киберпространстве⁵.

Основным политическим итогом состоявшейся встречи, по мнению российских и зарубежных наблюдателей, стало повышение уровня доверия между руководителями США и Китая. Стремление нового китайского лидера поддерживать отношения с США в «нормальном и правильном русле» вылилось в его важное заявление о том, что в Тихом океане «достаточно места для таких двух больших стран, как Китай и США. Одновременно это означало, что по мере роста своей комплексной мощи КНР стремится к большей сбалансированности отношений с Америкой, намерена играть роль мировой державы, но совместно с другими странами «работать над решением общемировых проблем».

Сторонам в целом удалось договориться о необходимости укрепления сотрудничества в военной сфере путем обновления модели взаимоотношений между вооруженными силами двух государств, улучшения координации их экономической политики. Важным достижением при обсуждении вопросов региональной безопасности стали максимальное сближение их позиций и подходов по денуклеаризации Корейского полуострова и согласие в том, что добиваться урегулирования территориальных разногласий, в

т.ч. по островам в Восточно-Китайском и Южно-Китайском морях, следует «исключительно политико-дипломатическими методами».

В числе сохранившихся противоречий остались сирийский вопрос, проблема прав человека в Китае и экономические разногласия в связи с курсом юаня, торговым дефицитом США и пр. К успехам саммита можно было отнести также две договоренности — о сокращении взаимных выбросов в атмосферу парниковых газов и совместной борьбе против киберугроз.

Встреча логически подытожила усилия Китая с целью убедить США в целесообразности перевода сложного комплекса взаимоотношений двух стран от движения к конфронтации или взаимодействия под американским доминированием на рельсы конкурентного сосуществования, но при взаимном учете ключевых интересов обеих сторон.

Чтобы уменьшить беспокойство США по поводу своей растущей мощи, Китай декларировал отсутствие у него намерения разрушить существующую международную систему под американским патронатом. Более того, он предложил создание некой двусторонней структуры, «выходящей за рамки традиционных способов появления новых мировых держав».

КНР фактически поддержала США в вопросе о предоставлении большей ответственности странам, которые приобретают статус мировых держав, что по существу означало формальное «закрытие Китаем глаз» на действия американцев в обход коллективных международных органов при условии, что такая возможность будет зарезервирована и за самими этими странами.

Таким образом, в ответ на прежние американские предложения о форматах взаимоотношений с КНР в виде «большой двойки» или «кимерики» Пекин представил свой план разграничения сфер мирового влияния, вокруг которого, очевидно, и должны были разворачиваться поиски приемлемой для обеих сторон модели китайско-американского сосуществования и взаимодействия.

10–11 июля 2013 г. в Вашингтоне состоялся 5-й раунд американо-китайского стратегического и экономического диалога с участием высокопоставленных представителей двух стран, который, по оценкам международных аналитиков, стал отправным пунктом в закладывании фундамента тех самых «отношений нового типа», о необходимости которых договорились за месяц до этого лидеры США и КНР.

Выстраивание таких отношений предполагало, в первую очередь, устранение препятствий в торгово-экономической области, в сферах сетевой безопасности и интеллектуальной собственности, в вопросах вооружения Америкой Тайваня, денуклеаризации Корейского полуострова, территориальных споров в регионе Восточной Азии. И хотя очевидно, что данный форум не смог снять всех существующих противоречий, по оценкам аналитиков и общему признанию сторон, после состоявшейся в июне встречи Б. Обамы и Си Цзиньпина отношения двух стран продолжили более сбалансированное развитие.

Благодаря инициативам обоих лидеров открылись новые возможности укрепления межгосударственного военного сотрудничества, участились различные межармейские обмены и контакты. Китай выразил согласие принять участие в международных военно-морских маневрах «Римпак-2014».

Одновременно в политических и экспертных кругах США и Китая обратили внимание на возникновение важной проблемы, затронувшей планы развития и интересы обеих стран. Суть ее состояла в том, что экономических, политических, военных и иных ресурсов США, включая факторы т.н. «мягкой силы», определенно не хватало для того, чтобы в одно и то же время осуществлять «перебалансировку» в АТР и отстаивать свои интересы в Сирии, Иране и других регионах мира.

В этой связи примечательным стало заявление нового помощника президента по национальной безопасности С. Райс во время выступления в Джорджтаунском университете о том, что «перебалансировка в АТР как краеугольный камень американской внеш-

ней политики» фактически рассматривается Вашингтоном в качестве составной части поиска нового типа отношений с КНР. То есть Китаю попросту предлагалось воспринять ее как должное и смириться с эскалацией американского присутствия в Азии.

Пекин не замедлил с ответом, пояснив, что достижение Штатами целей стратегии их «перебалансировки» в долгосрочной перспективе потребует темпов вложений, сопоставимых с темпами роста Китая, что само по себе маловероятно с учетом внутризкономических и политических проблем в США. К тому же, по мере роста комплексных возможностей Китая, который будет неизбежно оказывать влияние на соседние регионы, гибкость американской глобальной стратегии будет становиться все более ограниченной по причине возрастающего «высасывания» из США ресурсов на нужды АТР. Другими словами, Китай дал понять, что не намерен, даже в условиях выстраивания «отношений нового типа», мириться с посягательствами США на его сферы влияния и интересы в тихоокеанской Азии.

В сфере безопасности обе стороны поддерживали контакты по вопросам, касающимся Восточно-Китайского и Южно-Китайского морей. Сотрудничество двух стран охватывало вопросы, касающиеся ядерной проблемы Ирана и Корейского полуострова, сирийского кризиса, почти все важные международные и региональные темы.

Интенсивность контактов между США и КНР не ослабла и в 2014 г. 24 марта в Гааге в рамках саммита по ядерной безопасности состоялась встреча Обамы и Си Цзиньпина.

Наряду с констатацией благоприятных тенденций в развитии двусторонних связей в ходе встречи была отмечена сложность современной международной обстановки, воздействие на нее кризиса вокруг Украины и ряда других негативных факторов. Американская сторона выразила сомнения в мотивах наращивания Китаем морского и космического потенциала, в целесообразности создания им зоны противовоздушной обороны.

Китай, со своей стороны, высказал недоумение по поводу попыток тотального контроля киберпространства со стороны Агентства национальной безопасности США, проникновения в правительственные и банковские структуры КНР. В целом была констатирована стабилизация отношений двух стран, признание того, что, несмотря на некоторые расхождения, они способны открыто выражать свое мнение, налаживая конструктивное сотрудничество при урегулировании актуальных проблем.

Тем не менее, в апреле 2014 г. обозначились резкие расхождения в позициях двух стран по проблемам развития ситуации в азиатском регионе. США раскритиковали Китай за создание опознавательной зоны ПВО в Восточно-Китайском море, одновременно заявив, что поддерживают Японию по поводу территориальной принадлежности островов Дяоюйдао (Сенкаку).

КНР, в свою очередь, решительно отмежевалась от намерений Запада относительно введения санкций против России в связи с ситуацией вокруг Украины, чем вызвала недовольство, в том числе и в США, объявивших что «события наподобие аннексии Крыма Россией предсказуемо могут резонировать в других частях мира, включая Азию». МИД КНР в своем заявлении указал, что санкции не способствуют разрешению проблемы и могут привести лишь к усилению напряженности.

Некоторые эксперты, в частности китайские, не без оснований полагали, что учитывая проводимую США стратегию реформирования и их возрастающее военное присутствие вблизи Китая, перспективы построения нового типа отношений выглядят удручающими. Очередная поставка вооружений Тайваню или новый всплеск «цветных революций», например, в Центральной Азии, вблизи от границ КНР, возможность катализа протестных технологий с участием западных институтов и СМИ могут способствовать нагнетанию внутривнутриполитического давления в стране, которое загонит китайское руководство в угол и лишит его пространства для маневра, необходимого для того, чтобы занять во внешней политике решительную и гибкую позицию.

Следствием этой озабоченности стали инициативы Пекина по строительству экономического пояса Шелкового пути. Если американский «поворот к Азии» нацелен на создание реальной угрозы морским транспортным путям, по которым осуществляется до 90% китайской внешней торговли, то прокладывание Китаем во взаимодействии с Россией сухопутных коммуникаций через Евразию позволяет не только дистанцироваться от американских угроз, но и впоследствии установить контроль над этим субконтинентом.

Пока очевидно, что даже в обновленном виде китайско-американские отношения не застрахованы от резких перепадов. Провозглашение в июне 2013 г. «установления между Америкой и Китаем отношений нового типа» несколько разрядило накалившуюся атмосферу противоборства двух стран, но в долгосрочном плане не должно никого вводить в заблуждение. Реальная разрядка между США и КНР станет возможной лишь тогда, когда в результате геополитических маневров, которыми обе стороны заняты постоянно, они «нащупают» такую парадигму разграничения зон и сфер влияния, которая безоговорочно устроит обоих.

Лексютин Я.В.:

На протяжении периода, прошедшего с начала XXI в., США и Китай ведут поиск путей гармонизации их двусторонних отношений, развивающихся в условиях объективно крепнущего соперничества между государством — мировым лидером и стремительно наращивающей мощь потенциальной сверхдержавой. Обе стороны неоднократно предлагали различные концептуальные модели развития американо-китайских отношений, которые позволили бы им сосуществовать бесконфликтно. Наиболее известными из них, выдвинутыми американской стороной, были концепция «ответственного акционера» и инициатива «G-2». Проиgnорировав американские предложения, предлагавшие Пекину, по сути, роль «младшего брата», китайская сторона выдвинула в 2013 г. новаторскую идею построения «отношений нового типа между великими державами».

Вашингтон воспринял ее, и оба государства, казалось бы, достигли взаимопонимания относительно того, какими они хотят видеть их двусторонние отношения. Однако, как показывает развитие событий, задача построения «отношений нового типа между великими державами» остается лишь красивым и броским слоганом, характер взаимоотношений между двумя странами не меняется. Официальная риторика высокопоставленных представителей США и Китая о крепнущем двустороннем сотрудничестве и установлении «отношений нового типа» между ними имеет мало общего с реальностью: в американо-китайских отношениях по-прежнему происходит углубление противоречий и соперничества. Они затрагивают вопросы, связанные с проблематикой Южно-Китайского и Восточно-Китайского морей, с кибербезопасностью, свободой Интернета в КНР, с ситуацией в Гонконге. Продолжает усиливаться соперничество двух стран в АТР, на Ближнем Востоке, в Африке и Латинской Америке.

США и Китаю не удастся гармонизировать двусторонние отношения, вывести их на принципиально новый уровень, характеризующийся стратегической стабильностью и стратегическим взаимодоверием. Представляется, что корни этой проблемы в определяющей степени кроются в подходах и политике Вашингтона в отношении Китая. Несмотря на официальное принятие идеи установления «отношений нового типа между великими державами», Вашингтон продолжает демонстрировать нежелание учитывать и уважать «коренные» интересы КНР, строить отношения с ней на равноправной основе без постоянного регламентирования различных аспектов международной и внутривнутриполитической деятельности китайского руководства. Более того, китайская сторона нередко обращает внимание на американскую политику «двойных стандартов», проявляющуюся в принципиально различающихся требованиях, критериях и нормах поведения, предъявляемых Вашингтоном к Китаю, с одной стороны, и к самим США и их союзникам или близким партнерам, с другой. То, что дозволено Вашингтону и его союзникам, подвергается порицанию и категорически не допускается в поведении Пекина. Китай нередко

становится объектом жесткой критики со стороны Вашингтона за действия, которые при иных обстоятельствах, когда на месте Китая были бы сами США или их союзники, не преподносились бы в негативном ключе и позиционировались бы как полностью оправданные с точки зрения реализации национальных интересов соответствующего государства. Применение Вашингтоном двойных стандартов в отношении Китая служит, с точки зрения Пекина, одним из главных препятствий к налаживанию стратегического доверия между двумя странами.

Двойные стандарты Вашингтона в отношении Китая наиболее явно прослеживаются в правозащитной сфере, в области борьбы с терроризмом, в вопросах, затрагивающих наращивание Китаем военного потенциала. Так, уже на протяжении, как минимум, двух десятилетий на страницах американских докладов о правах человека и свободе вероисповедания в мире, равно как и в ходе американо-китайских встреч на высшем уровне Вашингтон обращает внимание на отсутствие должного обеспечения гражданских и политических прав и свобод в Китае, на существенные ограничения в КНР свободы вероисповедания (особенно сильно сказывающиеся на тибетских буддистах, уйгурских мусульманах и последователях «Фалуньгун»), на жесткое государственное регулирование китайскими властями Интернета и на прочие многочисленные случаи нарушений в правозащитной области.

Пекин в свою очередь обвиняет Вашингтон в использовании вопроса о правах человека в целях реализации национальных интересов США и в качестве предлога для вмешательства во внутренние дела Китая, а также в умышленном нанесении ущерба его имиджу. В документах о положении прав человека в США, ежегодно выпускаемых Пекином в ответ на аналогичные доклады Госдепартамента США, обстоятельно и подробно перечисляются многочисленные случаи нарушения прав человека в самих Штатах. В этой связи Пекин ставит под сомнение право Вашингтона играть роль «мирового судьи прав человека», а также констатирует наличие двойных стандартов в его подходах, предполагающих право критиковать другие страны (в том числе Китай), не желая замечать и признавать серьезнейшие проблемы в правозащитной сфере в самих США⁶.

Примером применения Вашингтоном двойных стандартов в правозащитной области может служить также вопрос свободы Интернета. Обвиняя Пекин в создании жесткого режима цензуры национального сегмента всемирной сети, Вашингтон сам активно занимается осуществлением надзора над Интернетом, тщательно отслеживая размещаемую там информацию, социальные медиа и частную электронную переписку пользователей, не ограничивая себя при этом, в отличие от Пекина, национальными границами. Сильный международный резонанс вызвали обнародованные Э. Сноуденом в 2013 г. сведения об американской секретной программе «PRISM», созданной с целью негласного сбора и контроля информации о пользователях Интернета и телефонной сети. К осуществлению контроля над Интернетом в русле этой масштабной программы американскими спецслужбами были привлечены крупнейшие мировые IT-компании.

Раскрытие сведений о программе «PRISM» не привело к отказу или хотя бы смягчению критики со стороны США в адрес других стран за установление ими контроля над Интернетом. Принципиальная разница, по логике Вашингтона, состоит в том, что американский контроль над Интернетом осуществляется исключительно в благих целях предупреждения террористической деятельности, в то время как, например, китайская цензура Интернета направлена на ограничение распространения информации и возможности свободного выражения политических взглядов китайских граждан. В этой связи Пекин утверждает, что под предлогом свободы Интернета США претендуют на мировую гегемонию и придерживаются политики «двойных стандартов»⁷.

Во взаимосвязи с правозащитным дискурсом можно рассматривать и проявление двойных стандартов США в сфере противодействия терроризму. Уже долгое время Пекин безуспешно пытается заручиться поддержкой Вашингтона в борьбе с уйгурским терроризмом, проблемой, со всей остротой стоящей перед китайским руководством с

1990-х гг. Большие надежды КНР, в частности, были связаны с объявлением Вашингтоном войны международному терроризму после событий 11 сентября 2001 г. Однако единственной наградой Пекину за участие в международной антитеррористической кампании стало внесение по запросу китайских властей в 2002 г. в официальный список террористических организаций «Исламского движения Восточного Туркестана», представлявшего собой радикальную группу сторонников создания независимого от Китая исламского государства. С тех пор Вашингтон ни разу не удовлетворил просьбы Китая о внесении в список террористических организаций других групп, причастных, по утверждению Пекина, к террористической деятельности (таких, как Организация освобождения Восточного Туркестана, Информационный центр Восточного Туркестана, а также Всемирный конгресс уйгурской молодежи, в 2004 г. объединившийся с Национальным конгрессом Восточного Туркестана во Всемирный уйгурский конгресс).

США не только не поддерживают борьбу Пекина с уйгурским терроризмом, но систематически критикуют Пекин за то, что тот зачастую не делает различий между мусульманскими верующими и сторонниками так называемых «трех враждебных сил» — международного терроризма, национального сепаратизма и религиозного экстремизма. Упорное нежелание Вашингтона замечать исходящую от радикально настроенных уйгуров угрозу для населения Китая не находит понимания в Пекине, особенно на фоне учащения с 2013 г. осуществленных уйгурами террористических актов и радикализации уйгурского движения за независимость (ареал осуществления террористических актов теперь не ограничен СУАР, а охватывает и другие китайские провинции).

Двойные стандарты сильно проявляются и в восприятии Вашингтоном права Китая на военную модернизацию и укрепление национальной обороны. Пекин систематически подвергается резкой критике за увеличение военных расходов, большие размеры оборонного бюджета, отсутствие прозрачности в вопросах военной модернизации, усиление военного потенциала, стимулирующего, по мнению Вашингтона, гонку вооружений в Восточной Азии и, как следствие, рост региональной нестабильности.

В первую очередь Вашингтон обращает внимание на продолжительный и устойчивый рост оборонного бюджета КНР, ежегодное увеличение которого в период с 2004 по 2013 гг. составляло в среднем 9,4%. Согласно китайским официальным данным (которые, как утверждают западные источники, существенно занижаются), в 2013 г. он возрос на 10,7% по сравнению с предшествующим годом, составив 114,3 млрд долл., в 2014 г. расходы на оборону были увеличены на 12,2% от уровня 2013 г., достигнув 132 млрд долл., а в 2015 г. они возрастут на 10,1% и составят 142 млрд долл.⁸

По расходам на оборону Китай занимает второе место в мире, уступая лишь США, но существенно превосходя своих соседей. При этом валовые показатели военных расходов Китая увеличиваются быстрее, чем у других азиатских стран: с 2010 по 2014 гг. доля КНР в общем объеме военных расходов в Азии возросла с 28 до 38%⁹. По расчетам Стокгольмского института исследований проблем мира (СИПРИ), доля Китая в мировых расходах на оборону в 2013 г. составила порядка 11%.

Апеллируя при оценке китайских оборонных расходов, как правило, к высоким темпам увеличения оборонного бюджета и росту абсолютных показателей расходов на оборону, Вашингтон, между тем, игнорирует другие не менее важные показатели, такие как доля расходов на оборону в ВВП или подушевые показатели расходов на оборону, которые дают совсем иную картину военных расходов Китая. Так, доля расходов на оборону в ВВП Китая весьма скромная: в 2013 г. она составила всего лишь 2%, что ниже аналогичных показателей большинства входящих в ведущую десятку по военным расходам стран: США (3,8%), России (4,1%), Саудовской Аравии (9,3%), Франции (2,2%), Великобритании (2,3%), Индии (2,5%) и Южной Кореи (2,8%)¹⁰. Согласно китайским данным, в 2014 г. доля расходов на оборону в ВВП не достигла и 1,5%, что ниже среднемирового уровня, составляющего 2,6%¹¹. Доля расходов на оборону в ВВП у Китая остается почти неизменной с начала XXI в.: в 2000–2013 гг. она колебалась в пределах 1,9–2,2%. Это свидетельствует о

том, что рост оборонных расходов Китая происходит не за счет повышения доли расходов на оборону в ВВП, а за счет роста ВВП при неизменном процентном уровне отчислений на военные нужды. Как было отмечено в одном из докладов СИПРИ, даже рост территориальных противоречий в Восточно-Китайском и Южно-Китайском морях не повлиял на военные расходы КНР — Пекин продолжает придерживаться долгосрочной политики повышения военных расходов пропорционально экономическому росту¹².

Китайские расходы на оборону выглядят еще более скромными, если оценивать подушевые показатели. Так, оборонные расходы на душу населения Китая составляют 1/22 от аналогичных показателей США, 1/9 — Великобритании, 1/5 — Японии¹³. В мировом рейтинге расходов на оборону из расчета на душу населения Китай занимает только 76-е место, в то время как США — пятое.

Ставя под сомнение право Китая увеличивать оборонный бюджет, Вашингтон, в свою очередь, имеет огромный оборонный бюджет, достигающий суммы, эквивалентной совокупному показателю оборонных бюджетов остальных входящих в десятку крупнейших по военным расходам стран. Оборонный бюджет КНР на 2015 г. составляет менее одной трети запланированного оборонного бюджета США. В то время как в 2003–2013 гг. доля расходов Китая на оборону в ВВП колебалась в пределах 2,0–2,2%, доля США варьировалась в промежутке от 3,6 до 4,7%. Расходы США на оборону продолжают оставаться на высоком уровне, в реальном выражении достигая предыдущего исторического пика объемов военных расходов США конца 1980-х гг.¹⁴

Будучи уверенными в своем непререкаемом праве иметь самый большой оборонный бюджет и самую сильную армию в мире, Вашингтон постоянно привлекает внимание международного сообщества к фактам увеличения Китаем оборонного бюджета, к усилению тех или иных составляющих его военного потенциала, ставя под сомнение необходимость такого усиления и его мирную направленность. Естественные нужды укрепления оборонного потенциала стремительно развивающейся державы (коей является Китай), Вашингтон зачастую преподносит в качестве свидетельства возрастающей «китайской угрозы». При этом усиление собственного военного потенциала, уже давно значительно превосходящего военный потенциал любой другой державы, США позиционируют как оправданные и разумные меры мирового лидера, несущего тяжкое бремя ответственности за обеспечение мировой и региональной безопасности.

Более того, обрушившая шквал критики на Пекин в связи с усилением китайских вооруженных сил, Вашингтон игнорирует факты наращивания оборонных расходов некоторыми американскими союзниками и партнерами в Восточной Азии, а в ряде случаев даже оказывает содействие в укреплении их военного потенциала. В период с 2009 по 2013 гг. наиболее быстрыми темпами в Восточной Азии рос оборонный бюджет не только Китая, но и Индонезии (возрос с 2009 г. на 93%, в то время как у Китая рост составил лишь 33%), Филиппин (возрос на 27%) и Вьетнама (на 24%)¹⁵.

Наиболее явно в этой связи двойные стандарты Вашингтона проявляются в отношении стран, выступающих участниками территориальных споров в Южно-Китайском и Восточно-Китайском морях: Китай безапелляционно порицается за увеличение оборонного бюджета, а рост военных расходов других участников территориальных споров позиционируется как оправданные меры по улучшению их обороноспособности перед лицом «китайской угрозы».

Так, с 2009 г. наблюдается неуклонный рост военных расходов и форсированная военная модернизация на Филиппинах, которые являются одним из пяти союзников США в регионе. Расходы на оборону возросли с 2 млрд долл. в 2009 г. до 3,5 млрд долл. в 2013 г. Согласно утвержденной в 2013 г. президентом Филиппин Б. Акино 5-летней программе модернизации вооруженных сил, Манила планирует в период с 2013 по 2017 гг. потратить 1,73 млрд долл. на приобретение военных кораблей, вертолетов и иных типов вооружений для укрепления своей обороноспособности.

В последние несколько лет США значительно расширили масштабы предоставления Филиппинам военной помощи: финансирование в рамках программы «Foreign Military Financing» было увеличено с 12 млн долл. в 2011 г. до 27 и 25 млн долл. в 2012 г. и 2013 г. соответственно и, наконец, до 50 и 40 млн долл. в 2014 г. и 2015 г.¹⁶

Тенденция увеличения расходов на оборону прослеживается и у другого союзника США — Японии. В 2013 г. произошло первое за предшествовавшие 11 лет увеличение оборонного бюджета Японии: на 1,15 млрд долл. или 0,8%¹⁷. Оборонный бюджет Японии в 2014 г. возрос на 2,8% от уровня 2013 г., а в 2015 г. он будет увеличен еще на 2% и составит 42 млрд долл.

Впечатляющие темпы увеличения расходов на оборону характерны и для Вьетнама, с которым Вашингтон стремится наладить военно-политическое сотрудничество. За десятилетие с 2003 по 2013 гг. военные расходы Вьетнама возросли в 4 раза с 842 млн долл. до 3,4 млрд долл. В целях оказания содействия Вьетнаму в укреплении его морской безопасности в 2013 г. Вашингтон одобрил предоставление Ханюю помощи на сумму 18 млн долл., предусматривающей в том числе передачу пяти современных патрульных катеров на ежегодной основе в течение пяти последующих лет¹⁸.

Тенденция увеличения военных расходов указанных стран имеет непосредственную связь с интенсификацией территориальных споров между ними и Китаем в Южно-Китайском и Восточно-Китайском морях. Не являясь стороной-участницей этих территориальных споров и публично заявляя о своем нейтралитете, США с середины 2010 г. стали проявлять повышенную активность в этих вопросах и фактически заняли сторону государств, отстаивающих свои права на острова и акватории в противовес Китаю (в частности, Филиппин, Вьетнама и Японии). Осуждая Пекин за те или иные действия в Южно-Китайском и Восточно-Китайском морях, Вашингтон, как правило, закрывает глаза на провокационные действия своих союзников и партнеров. Так, весной 2015 г. Б. Обама выступил с критикой в связи с возведением Китаем искусственных островов в Южно-Китайском море, обвинив Пекин в том, что тот «расталкивает локтями» своих более слабых соседей (Филиппины и Вьетнам)¹⁹. По некоторым оценкам, в течение 2014 г. Китай создал в нем от пяти до семи искусственных островов. Усиление позиций Китая в Южно-Китайском море посредством расширения военной инфраструктуры спорных островов и создания новых искусственных островов вызвало сильную волну критики со стороны Вашингтона.

Вместе с тем, как замечает в этой связи китайская сторона, Вашингтон, используя «привычную тактику извращения фактов и перекладывания вины», намеренно не замечает аналогичную деятельность других вовлеченных в эти территориальные споры стран²⁰. Так, согласно информации официального представителя МИД КНР Хун Ляя, на протяжении многих лет Филиппины и Вьетнам занимаются созданием искусственных островов, масштабным строительством аэродромов и иных сооружений, а также размещением ракет на спорных островах. Китай уличает Филиппины в строительстве на оспариваемых Китаем островах аэродрома, пристани, туристических объектов, в укреплении севшего на мель близ рифа Жэньай военного корабля, а Вьетнам — в возведении многочисленных искусственных островов в районе архипелага Спратли, а также строительстве на спорных островах взлетно-посадочных полос, вертолетных площадок, ракетных позиций, административных корпусов, казарм, маяков, гостиниц и прочих объектов инфраструктуры²¹.

По мнению китайской стороны, в вопросе создания Китаем в ноябре 2013 г. опознавательной зоны противовоздушной обороны в Восточно-Китайском море Вашингтон также проявил политику двойных стандартов, обвинив Пекин в нарушении регионального статус-кво, но явно забыв о том, что такие зоны уже давно установлены американскими союзниками и партнерами в регионе — Японией, Южной Кореей и Тайванем.

По убеждению США, перерастанию ситуации в Южно-Китайском и Восточно-Китайском морях из состояния латентного, «тлеющего» с конца 1990-х гг. конфликта, в

очаг вспыхнувших с новой силой противоречий, потенциально чреватый возникновением вооруженных столкновений, способствовал рост напористости Китая. Именно Китай, согласно логике Вашингтона, своими действиями провоцирует региональную нестабильность и гонку вооружений в регионе.

Пекин, напротив, интенсификацию территориальных споров в Южно-Китайском и Восточно-Китайском морях связывает с непосредственным вмешательством США в этот сложный узел территориальных противоречий, а также с ростом поддержки, которую Вашингтон оказывает своим союзникам и близким партнерам.

В целом нарастание американо-китайских противоречий в АТР стало происходить по мере реализации инициированного в 2009 г. Вашингтоном внешнеполитического курса «возвращения в Азию», направленного на восстановление отчасти утраченных США за предшествующее полтора десятилетия позиций в этом регионе и недопущение становления Китая в качестве регионального лидера. С этой целью Вашингтон не только предпринимает меры по вовлечению в сферу своего экономического влияния стран региона, но и расширяет свое военно-политическое присутствие в Восточной Азии: укрепляет военные союзы с восточноазиатскими странами, налаживает военно-политическое сотрудничество с другими странами региона, содействует некоторым государствам в укреплении их обороноспособности на фоне территориальных противоречий в Южно-Китайском и Восточно-Китайском морях, развивает азиатский сегмент ПРО и, наконец, прикладывает усилия для дискредитации Китая среди его соседей.

Критикуя Пекин за аккумуляцию им военной мощи и расширение масштабов проецирования его военной силы в Восточной Азии, Вашингтон занимается наращиванием своего военно-политического присутствия в регионе, к которому США с географической точки зрения не принадлежат. Провозгласивший в свое время доктрину Монро, закрепившую за США исключительные права в Западном полушарии и рассматривавшую любые попытки внерегиональных держав усилить их влияние там как угрозу безопасности США, Вашингтон не хочет признать исключительных прав Китая в Восточной Азии и не приемлет расширения влияния современного Китая в регионе, который логично бы было отнести к китайской естественной сфере влияния.

Любопытно, что если Пекин в развитии контактов с Латинской Америкой даже сейчас, когда доктрина Монро уже не является частью американской внешнеполитической стратегии, намеренно сдерживает углубление военно-стратегического взаимодействия со странами этого региона во избежание недовольства Вашингтона, США, напротив, всячески демонстрируют Китаю стремление сохранить за собой статус регионального лидера в Восточной Азии и проводят активную линию на налаживание военно-политического сотрудничества и укрепления союзнических отношений со странами этого региона. В Вашингтоне резко пресекаются предпринимаемые Пекином попытки создания новой региональной системы безопасности в АТР, которая должна придти на смену существующей системе, базирующейся преимущественно на двусторонних союзнических отношениях США с пятью странами региона.

Логика поведения Вашингтона в отношении Китая заключается в том, что США оставляют за собой право располагать полной свободой действий во имя реализации своих национальных интересов, при этом ограничивая свободу действий Пекина строгим регламентированием рамок, в пределах которых Вашингтон допускает функционирование Китая. Выход за эти рамки трактуется как проявление напористости и агрессивности Китая, подтверждение теории «китайской угрозы», а также как нежелание КНР играть роль ответственной державы на международной арене.

Принципиально важным представляется то, что двойные стандарты — это не отражение отдельных, частных случаев неадекватной оценки тех или иных аспектов внутривнутриполитической или внешнеполитической деятельности китайского руководства, а манифестация общего настроенного подхода США к Китаю как к неумолимо усиливаю-

щейся конкурирующей державе, чуждой Вашингтону своим политико-экономической моделью, идеологией и ценностями.

Выстраивание отношений с Китаем на основе политики «двойных стандартов» и навязывания модели «должного», с точки зрения Вашингтона, «поведения» заведомо будет сопровождаться систематическими сбоями и микрокризисами двустороннего взаимодействия, обуславливая стратегическую нестабильность американско-китайских отношений. Только уважение Вашингтоном китайских коренных интересов, признание за Пекином права на собственный путь развития, понимание сложности стоящих перед китайским руководством на современном этапе незавершенности процессов модернизации национальных задач и развитие взаимодействия на паритетных началах (а не на основе диспозиции «ментор/нерадивый ученик») способно создать прочный фундамент для развития и углубления отношений между двумя великими державами — США и КНР. В противном случае эти страны будут неуклонно двигаться в направлении острого стратегического соперничества.

Антипов К.В.:

В последние месяцы в акватории Южно-Китайского моря заметно усиление противоречий по территориальным вопросам между Китаем и рядом государств Юго-Восточной Азии. В контексте американской политики «возвращения» США в АТР этот конфликт приобретает характер системной конфронтации между странами региона и способен оказать существенное влияние на процесс изменения баланса сил Китая и США в Восточной Азии.

Как показывает развитие китайско-американских связей за последние годы, в сферу диалога и практического взаимодействия КНР и США достаточно прочно вошли вопросы, затрагивающие важнейшие интересы двух стран в области международных отношений. К их числу относятся иранская ядерная проблема, международный терроризм, расширение взаимодействия на Ближнем и Среднем Востоке по Сирии и Ираку, совместные миротворческие и антипиратские мероприятия, афганская проблема, положение на Корейском полуострове, а также проведение совместных учений в Тихом и Индийском океанах. В последнее время в практическом ключе обсуждаются возможности налаживания сотрудничества в Центральной Азии. Очевидно, что именно в Азии и акватории омывающих ее морей Китаю и США удалось на данном этапе добиться наибольшего продвижения двустороннего сотрудничества в сфере безопасности на международной арене. Данная тенденция закрепляется тем, что и в других областях, прежде всего в торгово-экономической сфере, сформировались долговременные интересы, обеспечивающие дальнейшее китайско-американское сближение.

Однако отмеченные выше позитивные изменения в китайско-американских отношениях происходят на фоне продолжающегося сосредоточения в АТР политических, военных, экономических и иных ресурсов Америки с целью формирования в этом регионе центра глобальной стратегии США в XXI в. По заявлениям представителей США, с т.н. «перебалансировкой» в Америке связывают, прежде всего, перспективы сохранения ее роли как мирового лидера и доминирующей державы в данном регионе. Именно стремление не допустить снижения роли США и ограничить возможности дальнейшего укрепления позиций КНР даже в отношениях со своим ближайшим окружением Пекин рассматривает как главную цель американской политики на данном этапе. Эту оценку разделяют и многие в США, полагая, что сохранение статус-кво в этом регионе необходимо, поскольку дальнейший подъем КНР способен изменить баланс сил в Азии и создать угрозу американским национальным интересам.

Решение указанных задач США осуществляют в первую очередь путем модернизации традиционных союзнических и партнерских отношений со странами региона. В нынешних условиях эта политика, несмотря на заявления США о невмешательстве в территориальные споры, по существу делает Вашингтон одной из сторон территориаль-

ного конфликта между странами региона и КНР. При этом приоритет силовой традиции остается важнейшей характеристикой политики США в Азии. Обращает на себя внимание, что о необходимости перенацелить вооруженные силы США с Западной Азии на Дальний Восток было объявлено Пентагоном в рамках Национальной военной стратегии США еще до того, как эта установка нашла отражение в программных выступлениях Хиллари Клинтон в ноябре-декабре 2011 г. и вошла в Национальную стратегию безопасности США, утвержденную президентом. Основным ориентиром военной «перебалансировки» остается установка на переброску в Восточную Азию к 2020 г. 60% ВМС США, включая 60% ядерного подводного флота.

В Пекине подчеркивают, что Китай с пониманием относится к стремлению США играть важную роль в Восточной Азии, учитывая растущее значение этого региона в мировых делах, и не возражает против лидирующей роли США. Китайско-американское взаимодействие по проблемам Азии могло бы содействовать разрешению имеющихся здесь противоречий. На деле США содействуют «поляризации региона, ставят страны перед необходимостью выбора между Китаем и Америкой», поощряют милитаристские тенденции. В контексте этой ситуации, как в политических заявлениях, так и в неофициальном плане в Пекине все чаще говорят о переходном характере нынешнего этапа международных отношений, в рамках которого Китай выступает как «мирный реформатор», «постепенно продвигающий реформу международной системы», а США утрачивают монопольное положение мирового лидера.

Вместе с тем, в последнее время территориальные конфликты у берегов КНР, активизировавшиеся еще в 1970-х гг., приобретают характер системной конфронтации между Китаем и рядом соседних стран при возрастающем участии США. Основной причиной, как подчеркивают китайские представители, является реакция Вашингтона на продолжающееся усиление позиций КНР, а также попытки США построить отношения в регионе с опорой на военное превосходство. Разъясняя сущность нынешней ситуации, президент Китайского института по изучению проблем Южно-Китайского моря У Шицунь отмечает, что «политика Китая в отношении ЮКМ становится все яснее, и морской порядок в ЮКМ начинает обретать очертания в условиях доминирования Китая»²². Возможность реального изменения баланса сил с элементами «доминирования» Китая возникла в последнее время благодаря строительству крупных баз китайских ВМС на Хайнане и в Циндао, а также наращиванию и модернизации сил береговой охраны, созданию широкой системы гидрофонов на дне ЮКМ, массовому привлечению для патрулирования региона специально оборудованных рыболовецких судов и ряду других мероприятий. Это позволяет Китаю в перспективе существенно ограничить возможность операций в ЮКМ ВМС США, особенно подводных лодок.

Новый элемент в эту ситуацию вносит развернутое Китаем с начала 2014 г. строительство искусственных островов в акватории ЮКМ и сооружение на них военных и хозяйственных объектов, в том числе крупных взлетно-посадочных полос, способных принимать любые самолеты ВВС КНР. Эти мероприятия являются одной из наиболее масштабных и радикальных контрмер Китая и осуществляются в ответ на такую же деятельность Вьетнама, Филиппин и др., начавшуюся несколько раньше. В результате с начала 2014 г. площадь занятых китайцами рифов увеличилась в 400 раз и составила свыше 800 000 кв м. По словам представителей МИД КНР, Китай долго «проявлял сдержанность» и теперь не следует ожидать его отказа от мер по защите своих интересов. Однако масштабы объектов, воздвигаемых китайцами, далеко превосходят сооружения других участников территориального спора. Кроме того, в ЮКМ складывается новая международно-правовая ситуация, поскольку Пекин утверждает, что вокруг искусственных островов образуются 12-мильные зоны, в пределах которых КНР осуществляет суверенные права, исключая свободное передвижение иностранных субъектов, а также 200-мильные экономические зоны, в которых не разрешается свободное передвижение иностранных военных кораблей и самолетов. Закрепление этой ситуации является в настоящее время одной из главных целей политики

противодействия Китая территориальным притязаниям его соседей, а также усиливающемуся военному нажиму США. Говоря о мероприятиях КНР на островах и рифах в архипелаге Наньша, министр иностранных дел КНР Ван И отметил, что хотя эта деятельность ведется исключительно в рамках суверенных прав КНР, Пекин готов к диалогу с заинтересованными странами, в том числе с США и их союзниками, и считает такой диалог главным направлением в урегулировании возникающих конфликтов²³. Именно эта ситуация дает повод США активизировать военные мероприятия в ЮКМ, несмотря на официальные заверения КНР о мирном назначении возводимых объектов и предложения командующему ВМС США на Тихом океане использовать их совместно для обеспечения безопасности мореплавания, спасательных операций и т.д.

В результате на данном этапе в центре китайско-американских противоречий оказались требования США обеспечить свободу мореплавания и полетов в Южно-Китайском море, 90% площади которого в Пекине рассматривается как территория КНР. Позиции КНР и США были представлены на июньской встрече 2015 г. в ходе «Диалога Шангри-Ла» в Сингапуре в выступлениях министра обороны США Эштона Картера и заместителя начальника генштаба ВС КНР адмирала Сунь Цзяньго. Американская сторона заявляла, что США имеют полное право защищать свободу мореплавания и полетов «всюду, где это разрешено международным законодательством». Китайский представитель утверждал, что в ЮКМ никогда не было ограничений свободы мореплавания, а «строительные проекты осуществляются Китаем в пределах своего суверенитета». При этом США настаивали, что Международный морской закон (UNCLOS) позволяет им проводить разведывательные акции в исключительной экономической зоне Китая. Китай категорически отвергал эту позицию.

Намерение американской стороны добиваться «уважения существующего порядка» и «отвергать попытки одностороннего изменения статус-кво» в Южно-Китайском море было продемонстрировано в ходе последовавшего 16–17 мая визита госсекретаря Дж. Керри в Пекин. По словам Керри, региону нужны не сторожевые посты и военные аэродромы, а «умная дипломатия, чтобы принять совместно со странами АСЕАН «кодекс поведения», как это сделали США несколько лет тому назад. Со своей стороны Ван И подчеркнул, что «решимость Китая защитить свой суверенитет и территориальную целостность тверда как скала и неколебима». Председатель КНР Си Цзиньпин, принимая госсекретаря Дж. Керри в Пекине, заявил, что с его точки зрения, «отношения в целом сохраняют стабильность». Вместе с тем, по его словам, стороны должны «управлять и контролировать происходящие споры адекватным образом, чтобы генеральное направление двусторонних отношений не было затронуто». Он вновь подчеркнул, что Тихий океан может вместить обоих — Китай и США, показывая, что Пекин готов к двустороннему диалогу с США об установлении нового порядка в данном регионе²⁴.

Однако наряду с демонстрацией выдержки в Пекине дают понять, что усиление давления и возможные военные провокации получают решительный отпор. Например, в ЮКМ может быть создана зона контроля, наподобие уже существующей в Восточно-Китайском море. Предостережения о возможности создания зоны в ЮКМ возникли в связи с заявлениями американских представителей о намерении направлять военные суда и корабли в 12-мильные зоны вокруг построенных китайцами островов. 16 мая Керри говорил в Пекине, что эти угрозы не являются официальной политикой США. Но 20 мая состоялся репортаж CNN о полете разведывательного самолета ВВС США «Посейдон» над спорным районом, во время которого американские летчики получили от китайцев 8 предупреждений о нарушении воздушного пространства КНР. В Пекине подчеркивают, что Си Цзиньпин не восприимчив к военному давлению США, и Китай будет отвечать адекватно. «Таковы реалии новой внешней политики КНР»²⁵.

Процессы развития Китая создают объективные условия и необходимость для выравнивания баланса сил в регионе и очевидно, что эта задача входит в число приоритетов КНР. Говоря с Генри Киссинджером о формировании новых отношений между

КНР и США, председатель комитета по международным делам ВСНП КНР посол Фу Ин отмечала, что это будут «отношения равных». Однако зафиксировать это равенство Китая, видимо, будет готов лишь в более отдаленном будущем. По словам Фу Ин, «Китай, так быстро оказавшись на такой высоте в центре мировых событий... еще не вошел в свою роль... Потребуется время, чтобы стать игроком мирового уровня»²⁶.

При этом в Пекине исходят из понимания того, что основной тенденцией в отношениях КНР и США остается стремление обеих сторон к развитию двустороннего сотрудничества и распространению его на новые области. В этих условиях стратегической целью Китая в двусторонних отношениях остается избежание прямой конфронтации с Соединенными Штатами и преодоление имеющихся противоречий в рамках многопланового китайско-американского диалога, сформированного на протяжении всего периода китайско-американских отношений. Как отмечает профессор Партийной школы при ЦК КПК Чэнь Цзиньминь, «визит Керри показывает, что отношения КНР — США все еще находятся на правильном пути, а расхождения между двумя странами поддаются управлению. Обе стороны придают своим отношениям чрезвычайно важное значение»²⁷.

Анализ выступлений американских представителей также позволяет предполагать, что в США могут рассматриваться варианты установления с Китаем более сбалансированных отношений в этом регионе. В пользу такого предложения говорят, например, высказывания Керри в контексте нынешней ситуации о переговорах с КНР по поводу возможностей расширения сотрудничества в Азии.

Петровский В.Е.:

Отношения КНР и США на современном этапе окончательно приобретают «глобальное измерение», становясь диалогом двух мировых сверхдержав. Они характеризуются сложной диалектикой соперничества и сотрудничества и все более углубляющейся взаимозависимостью в финансовой и торгово-экономической сферах, что делает вероятность открытой военно-политической конфронтации сторон весьма низкой.

Несмотря на то, что Пекин отверг предложение Вашингтона о формировании «Большой двойки (G2), справедливо опасаясь, что ему уготована роль младшего, ведомого партнера в этой конструкции, в среднесрочной и даже ближней перспективе нельзя исключать создания некоей модифицированной версии G2 в рамках существующего американо-китайского «стратегического диалога» по ряду конкретных вопросов и проблем, представляющих взаимный интерес.

При этом китайская сторона будет требовать равенства и уважения своих интересов при проведении такого диалога. Об этом свидетельствует явно обращенное к США недавнее заявление Председателя КНР Си Цзиньпина о том, что «в АТР всем хватит места». Это было предложение о переговорах об установлении сфер влияния в акватории Южно-Китайского и, возможно, Восточно-Китайского морей, являющееся своего рода ответом на обвинения американской стороны в том, что Китай осуществляет милитаризацию спорных островов и акваторий в Южно-Китайском море (ЮКМ).

Это предложение можно считать своего рода тестом для администрации Б. Обамы на готовность вести с Пекином равноправный диалог в этой, особо чувствительной сфере (которая была избрана для этого специально): пусть Вашингтон согласится считать регион ЮКМ сферой китайских интересов и займет нейтральную позицию в споре КНР с Вьетнамом, Филиппинами и другими странами региона по этому вопросу — и тогда будут возможны уступки с китайской стороны по другим вопросам, не менее чувствительным для Вашингтона.

При этом Пекин осознает, что Вашингтону и странам Запада в целом будет трудно остановить военные приготовления Китая в ЮКМ (создание насыпных островов для последующего размещения военных объектов) или противопоставить этим приготовлениям какие-либо симметричные ответные меры. В рамках диалога Китая и АСЕАН по этому вопросу китайская сторона неизменно высказывается за стремление решать проб-

лему исключительно мирным путем и подчеркивает при этом, что ни в коей мере не посягает на свободу судоходства в ЮКМ.

Вероятность такого кулуарного и конфиденциального американо-китайского диалога (который, возможно, уже идет, несмотря на пропагандистские заявления с обеих сторон) подкрепляется также объективной необходимостью для КНР и США установить некие взаимные «правила поведения» (комплекс военно-морских мер доверия и снятие озабоченности Китая по поводу региональной системы ПРО США в АТР) с тем, чтобы минимизировать риск опасной военной деятельности и инцидентов, неизбежных при возможном соприкосновении в регионе военных машин двух сторон.

Нельзя, кстати, исключить того, что администрация Б. Обамы, отрицающая на словах концепцию сфер влияния в современных мировых делах, будет вынуждена смириться с существованием сфер влияния не только Китая, но и России (Украина, отношения с другими странами постсоветского пространства).

Позиция Пекина становится все более уверенной и по другим вопросам международной повестки дня. Не оспаривая существующую систему глобального управления, Китай, по сути дела, бросает вызов «вашингтонскому консенсусу», создавая под своей эгидой новые международные финансовые институты и институты развития: официально не в противовес, а как бы в дополнение к существующим (МВФ, Всемирный банк), которые уже не совсем справляются со своими задачами.

Создавая эти институты или предлагая многосторонний проект создания Экономического пояса нового Шелкового пути (ЭПШП), Китай акцентирует свой отказ занять в них доминирующее положение (как это сделали США в МВФ и ВБ). Или в рамках переговоров по созданию под эгидой АТЭС Азиатско-тихоокеанской зоны свободной торговли (АТЗСТ) продвигает, в противовес американскому проекту Транстихоокеанского партнерства (ТТП), проект Всеобъемлющего регионального экономического партнерства (ВРЭП), которое заведомо более привлекательно для большинства стран региона.

Также обращает на себя внимание стремление Китая выступить арбитром в споре России и Запада по поводу Украины и Крыма. Министр иностранных дел КНР Ван И на пресс-конференции по итогам недавней сессии ВСНП заявил, что все связанные с этим проблемы, включая проблему Крыма, необходимо решать «исключительно путем переговоров». Это можно расценить как завуалированный призыв к российской стороне к такому объяснению своих действий по Крыму, которое было бы хотя бы отчасти приемлемо для Запада и стало бы почвой для взаимного компромисса по Украине.

Шакура Д.Н.:

По мере роста влияния Китая на международные дела его отношения с США все ошутимее воздействуют на положение в мире. При этом именно в АТР интересы двух стран переплетаются теснее всего, впрямую определяя зависимость ситуации в регионе от их состояния. Это проявляется в политико-стратегической сфере, где Вашингтон укрепляет альянсы с союзниками, мотивируя потребность в них ростом мощи Китая, и на экономическом поле, где американцы нацелены на формирование эксклюзивной зоны Транстихоокеанского партнерства (ТТП). В то же время на площадке Восточноазиатских саммитов и Регионального форума АСЕАН (АРФ) Пекин продвигает в рамках Совещания по мерам доверия в Азии (СВМДА) собственную созвучную концепцию общей и кооперативной безопасности, стремится не допустить излишней фрагментации регионального хозяйственного пространства, чему призваны содействовать инициатива о построении Всеобъемлющего регионального экономического партнерства и призывы к созданию «большой» Азиатско-Тихоокеанской зоны свободной торговли под эгидой АТЭС.

В отличие от большинства субрегионов АТР, где в силу относительной слабости остальных стран главенствует столкновение американских и китайских интересов, в Северо-Восточной Азии все происходит несколько по-иному, поскольку там фигурируют и другие важные факторы.

В первую очередь, это присутствие России, сравнимой по совокупному потенциалу или по ряду его аспектов и с США, и с Китаем. Сегодня она рассматривает СВА как ту часть АТР, где у нее действительно есть реальные жизненные интересы.

Особое место в СВА занимает Япония. С одной стороны, она американский союзник, фактически часть «американского блока». Однако от других партнеров США в регионе ее отличают две важные особенности.

Во-первых, Япония — не «генетический» союзник США подобно Австралии. Японцы «слеплены» из другого «цивилизационного теста», и довоенная история напоминает, что естественные интересы Токио и Вашингтона вряд ли можно считать совпадающими. Союз Вашингтона и Токио — это «брак по расчету», в его основе — покровительство Японии со стороны сильного в военном и экономическом отношении партнера, доступ к рынку которого позволял удерживать лидирующие экономические позиции в регионе. Однако сегодня на фоне стремительного роста азиатских соседей Токио одна из основ этого консенсуса — экономическая — постепенно теряет актуальность. Укрепляя «самостоятельность» Японии в военных делах и попустительствуя демонтажу системы ее послевоенных ограничений, американцы, вероятно, рассчитывают в недалекой перспективе переложить на плечи Токио львиную долю усилий по «сдерживанию» Китая. При этом они исходят из того, что японцы останутся верны США, в первую очередь, в силу присущей им идеологической близости. Однако нерешительность, которую демонстрируют японцы в вопросе антироссийских санкций, особый подход Токио к проблемам Ближнего и Среднего Востока, включая иранские дела, его неуступчивость в переговорах по ТТП свидетельствуют о том, что в ряде существенных вопросов они стремятся руководствоваться сугубо национальными интересами. О необратимости этих тенденций говорить пока рано, и пример быстрого ухода с политической арены Ю. Хатоямы в 2010 г., попытавшегося существенно уменьшить зависимость от США, говорит о сложностях осуществления независимого курса в нынешних условиях. Однако тот факт, что такая попытка была предпринята и, по некоторым оценкам, пошатнула японо-американский союз, является примечательным.

Во-вторых, Токио — единственный субъект в АТР, который всерьез может соперничать с Пекином в борьбе за региональное лидерство. Однако, учитывая быстрый рост экономической и военной мощи Китая, совершенно очевидно, что «тягаться» с ним Япония сможет только в том случае, если за спиной у нее будет потенциал США. И дисбаланс в пользу Китая, очевидно, будет только нарастать. Поэтому без американских «тылов» Япония, вероятнее всего, откажется от бесперспективных попыток меряться силами с Пекином. На примере Ю. Хатоямы очевидно, что силы в Японии, которые выступают за ее «равноправие» в отношениях с США, одновременно настроены на конструктивный диалог с Китаем и Россией. Однако сохраняющаяся устойчивость правительства С. Абэ свидетельствует, что консенсус удастся пока выстраивать лишь на почве традиционной дружбы с Вашингтоном против растущего Китая и при сохранении недоверия к региональным инициативам России.

И наконец, не следует забывать о двух корейских государствах. Возрастающая китайско-американская конкуренция привела к причудливым метаморфозам в отношениях этих двух стран и с Пекином, и с Вашингтоном. С одной стороны, налицо серьезное ухудшение северо-корейско-китайских отношений, которое имеет непосредственное отношение к США: именно «ядерной угрозой КНДР» Вашингтон объясняет наращивание своей военной мощи, обращенной на самом деле, главным образом, против КНР. С другой стороны, в южнокорейско-китайских отношениях картина совершенно обратная. Несмотря на сохранение блоковой связки с Вашингтоном, Республика Корея оказывается экономически все более «пристегнутой» к Пекину, и растущее осознание этой связи оказывает влияние и на внешнюю политику Сеула. Его нежелание «подписываться» на полноценный трехсторонний альянс с Вашингтоном и Токио обусловлено не только исторической враждой, но и опасениями быть втянутым в консолидированный антикитайский

«ударный кулак», который может обернуться для Южной Кореи серьезной катастрофой. Если же Пекин окажется способным помочь Сеулу решить «проблему Севера», нельзя полностью исключить возможность того, что ценность союзнических отношений с Вашингтоном будет подвергнута южнокорейцами определенному пересмотру.

Не исключено, что в среднесрочной перспективе регион ждут серьезные перемены, и динамика китайско-американского диалога будет прямо влиять на процесс их протекания. В этой связи могут оказаться востребованы российские идеи о построении архитектуры равноправной безопасности, и в целом роль России как сильного и независимого регионального лидера окажется весьма кстати. Более того, из-за большой сложности и непредсказуемости ситуации в СВА именно активное включение России в дела региона в сфере безопасности и экономики будет способно купировать этот негативный потенциал.

Уянаев С.В.:

В международной политике нередко принято разделять две категории — декларации и реальную практику. Зачастую это происходит потому, что практические дела по тем или иным причинам «не дотягивают» до искренне декларированных целей. Но бывает и по-другому — когда в декларациях сознательно используются иносказания, своего рода «эзопов язык», намеренно маскирующий мысли автора или, по меньшей мере, придающий им расширительное толкование. При этом истинные намерения, понятно, не озвучиваются и могут заметно отличаться от заявленных. В любом случае, составителям подобных деклараций такой прием служит формальной «защитой» от нежелательных «внешних претензий».

Последний случай вполне может быть применим при анализе темы «Взаимодействие в БРИКС/РИК, ШОС в контексте противодействия гегемонизму в мировой политике». С одним очевидным уточнением: понятие «односторонняя или гегемонистская политика», как правило, ассоциируется в политологическом сознании, прежде всего, с действиями Вашингтона.

Если обратиться к конкретным документам, то в девяти совместных коммюнике (2005–2014 гг.) по итогам встреч глав МИД России, Индии и Китая (формат РИК), а также шести саммитов БРИКС (2009–2014 гг.) и свыше десятка саммитов ШОС (2001–2014 гг.) упоминание США отсутствует вовсе.

Говоря отдельно о РИК и БРИКС, следует отметить, что когда в 2000–2002 гг. на экспертных, а затем на официальных площадках формировались принципы взаимодействия в рамках этих форматов, был достигнут формальный консенсус относительно трех «не»: взаимодействие «не направлено против третьих стран», оно не является союзом, носит неконфронтационный характер. Все это нашло отражение в принимаемых в обоих форматах совместных документах.

Тем не менее, язык «дипломатии и иносказаний» легко угадывается в ряде тезисов, которые в этих документах следуют сразу за положениями о «ненаправленности». Практически в каждой из деклараций БРИКС или РИК стороны, не употребляя прямо слово «против», подчеркнута называют сферы и пункты повестки, где они выступают «за». Это — **многополярный мир, центральная роль ООН, демократизация международных отношений**. Кроме того, в БРИКС акцентируется стремление **реформировать мировую финансово-экономическую архитектуру**, покончив, таким образом, с односторонней монополией. За всем этим, понятно, угадываются объект и целевой посыл — США, и несогласие с их односторонней политикой.

Впрочем, в последние полтора года иногда появляются и прямые тезисы со знаком «против»: говорится об осуждении односторонних военных интервенций и экономических санкции (итоговый документ БРИКС-2014), указывается, что «любое военное вмешательство, не санкционированное Советом Безопасности, несовместимо с Уставом ООН и неприемлемо» (встреча заместителей глав МИД БРИКС 22 мая 2015 г.).

Примечательна и «протестная акция», связанная с подготовкой саммита «G-20» в Брисбене. Встретившись в марте 2014 г. в Гааге, главы МИД БРИКС заявили о «неприемлемости» попыток решать, «кто вправе участвовать в саммитах «двадцатки», а кто нет». Так был дан жесткий ответ инициаторам новой волны международной изоляции России, хотя «персонифицированный» объект осуждения прямо не указывался.

То же распространяется и на Шанхайскую организацию сотрудничества. В ШОС, с одной стороны, несмотря на «открытый статус» весьма ревностно относятся к самому понятию «внерегionalные игроки» (подразумеваемому страны Запада и США), указывают на приверженность «построению мира, свободного от войн, насилия и давления» (документы саммита ШОС-2014); лидеры стран ШОС отмечают «тенденции к многополярности» (Декларация пятилетия ШОС, 2006 г.), подчеркивают, что «справедливый миропорядок должен базироваться на подлинно партнерских отношениях без претензий на монополию и доминирование в международных делах» (саммит ШОС-2005).

С другой стороны, в документах ШОС делают оговорку о «ненаправленности против других государств и организаций», подчеркивают **неблоковый характер организации** (Ташкентская декларация глав государств ШОС, 2004 г.).

Такого рода двойственность, «закамуфлированность» в одних случаях (подходы РФ, КНР) указывает на элементы «конкуренции/противостояния» с США; в других (Индия, государства ЦА) говорит о так называемой диверсифицированной политике, тактике дипломатического маневра. Такую тактику, как показывают события, успешно реализует Индия, которая, не в последнюю очередь за счет участия в РИК и БРИКС, привлекла повышенный интерес США и умело наладила с ними предметный диалог в важных для себя сферах (ядерный статус и ядерная энергетика, ВТС). Правда, аналогичные попытки центрально-азиатских стран выглядят менее убедительно.

Какова эффективность данного «двуслойного» дипломатического подхода, который укладывается в концептуальные рамки «неконфронтационного, несилевого давления» на США и Запад, принятые в упомянутых структурах?

С точки зрения реального ограничения действий США, которые по-прежнему превосходят остальные страны по уровню комплексной мощи, эта эффективность видится весьма лимитированной. США и поныне проявляют готовность «во имя своих национальных интересов в случае необходимости» действовать самостоятельно, невзирая на ограничения, которые предусматриваются нормами международного права.

На эти лимиты указывают и трудности, с которыми сталкиваются страны БРИКС в попытках реформировать мировую валютно-финансовую архитектуру. Принятые несколько лет назад решения о перераспределении в их пользу голосов в МВФ и Всемирном банке все еще не реализованы.

Значит ли это, что попытки воздействовать на США вообще бесперспективны? Скорее всего нет. Так, солидарная позиция РФ и КНР при резком обострении сирийского кризиса, сулившем неминуемый ливийский сценарий, несомненно сыграла свою роль в предотвращении прямого западного военного участия. Выше уже упоминалось и о поддержке, оказанной странами БРИКС России в противодействии попыткам Запада изолировать ее на площадке «G-20».

Иными словами, в ШОС, форматах БРИКС и РИК присутствуют цели, де-факто связанные с необходимостью реагировать на негативные, односторонние действия США. В документах данных структур США как государство, ответственное за такую политику, не называется, однако само содержание деклараций в пользу многополярности и коллективного миропорядка дает курсу США негативную оценку. Такой рычаг «мягкого воздействия» ограничен по возможностям и конечным результатам, но безусловно важен и востребован, ибо является обращенным к Америке сигналом, посылаемым странами, в которых проживает половина населения планеты.

Ограничителем для США (пусть пока умоглядным) служит и теоретическая возможность военно-политической интеграции в РИК и ШОС. Сложение потенциалов

их стран-участниц может обернуться для Вашингтона вызовом, соизмеримым с его собственными возможностями.

Хотя похоже, что вероятность заключения подробного альянса невысока. И не только потому, что Москва и Пекин не раз подчеркивали «достаточность» сегодняшнего уровня «отношений всеобъемлющего стратегического партнерства». Перспектива союза лимитирована, прежде всего, прагматичной, ориентированной на собственные интересы позицией КНР.

Близкие к руководству страны китайские эксперты называют существующий ныне партнерский статус отношений с РФ уровнем, который «даже лучше, чем союз». При этом, во-первых, указывается на реально имеющуюся высокую планку международной взаимоподдержки. Во-вторых, приводится довод, согласно которому «двусторонний союз с РФ» давал бы США и другим внешним конкурентам лишний аргумент для спекуляций на тему «китайской угрозы».

Очевидно, что Китаю важна «свобода рук», по типу той, которая отличает его гибкую и прагматичную позицию по украинскому кризису. Понятно, что в условиях формального союза такая «свобода» была бы для КНР существенно урезана.

Но еще существенней то, что формальный военно-политический союз с РФ начал бы резкую смену важного смыслового вектора сегодняшней политики Пекина, суть которого составляет прагматичное стратегическое маневрирование в треугольнике КНР — США — РФ. Нарушить этот сложившийся алгоритм (и сделать реальностью формальный блок КНР — РФ) может лишь резкое и критическое, но потому маловероятное обострение китайско-американских отношений.

Карнеев А.Н.:

Представляется целесообразным затронуть аспект китайско-американских отношений, связанный с рядом обстоятельств развития КНР в социальной области. На фоне быстрого усиления комплексной мощи Китая и существенного воздействия на общество КНР процессов интернационализации, глобализации и т.п. необходимо отметить такие тенденции, как формирование в качестве достаточно влиятельной силы в китайском истеблишменте слоя откровенно прозападной либеральной интеллигенции, феномен китайскоязычных зарубежных СМИ, а также тесные связи финансово-экономической элиты современного Китая с их партнерами в США, наличие большого количества китайских студентов на обучении в Америке (значительная часть которых после его завершения не собирается возвращаться на Родину), существование среди части кадровых политико-административных работников разных уровней стремления обустроить «запасные аэродромы» в виде возможности последующей жизни и деловой деятельности в США.

Вопрос связан также с коренной для китайской внутренней политики проблемой антикоррупционной борьбы. Следует отметить, что в КНР с приходом к власти пятого поколения руководителей в рамках антикоррупционной кампании ставится, в числе прочего, задача возвращения в страну беглых коррупционеров.

Эта тема связана с планировавшейся весной-летом этого года и получившей отклики в Интернете поездкой председателя Центральной комиссии по проверке дисциплины, члена Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК Ван Цишаня в США. Хотя официально никаких объявлений о планировавшейся поездке не было, многие зарубежные СМИ сообщали, что цель ее состояла в том, чтобы в ходе переговоров с американскими властями продвинуть международное сотрудничество в борьбе с коррупционерами. Считается, что усилия китайских властей по поиску и возвращению в страну (через процедуру экстрадиции) беглых чиновников позволили добиться в 2014 г. хороших результатов. Возвращены тысячи бывших должностных лиц, а также значительные финансовые активы. При этом именно во взаимоотношениях с правоохранителями западных стран, прежде всего США и Канады, существует больше всего проблем, так как власти этих стран часто отказывают китайской стороне в выдаче подозреваемых лиц,

ссылаясь на непрозрачность китайской системы расследования и отсутствие гарантий защиты прав подозреваемых.

После подписания во время саммита АТЭС осенью прошлого года в Пекине инициированных китайской стороной документов об углублении международного сотрудничества в преследовании лиц, подозреваемых в совершении преступлений коррупционного характера, ситуация вроде бы начала улучшаться. Поездка Ван Цишаня в этом контексте могла бы способствовать существенному прогрессу в данной области, поскольку есть основания считать, что в США укрывается значительная часть сбежавших из КНР китайских чиновников и бизнесменов.

Однако спустя два с лишним месяца после начала муссирования в СМИ обстоятельств и деталей предстоявшей поездки Вана просочилась информация о том, что «визит отложен на неопределенное время». Действительно, на фоне очередного цикла усиления напряженности в китайско-американских отношениях такой визит выглядел маловероятным. Следует напомнить, что в последнее время в ведущих американских СМИ на фоне публикаций о китайско-американских противоречиях по Южно-Китайскому морю снова появились разоблачения непрозрачных связей между крупными бизнесменами и родственниками некоторых высших руководителей КНР, а генпрокуратура США и Комиссия по банковскому надзору Конгресса расследуют деятельность в КНР банковской корпорации «J.P.Morgan», широко практиковавшей найм на работу родственников высокопоставленных руководителей. Немалый резонанс, в частности, вызвали публикации о деятельности руководителя даляньской корпорации «Ваньда» богатейшего китайского предпринимателя Ван Цзяньлина: 28 апреля 2015 г. в китайской версии «Нью-Йорк таймс» была опубликована статья М. Форсайта «Владыка империи «Ваньда» Ван Цзяньлин: искусство навигации между коммерцией и политикой», в которой подробно описывались связи членов семей Си Цзиньпина, Ху Цзиньтао, Вэнь Цзябао, Цзя Циньлина и других с этим крайне удачливым предпринимателем-олигархом.

На протяжении последних месяцев китайская и зарубежная общественность обсуждала новый виток скандалов, продолжающий серию разоблачений высокопоставленных коррупционеров в разных сферах китайского истеблишмента, в том числе, вокруг мало известного до этого широкой публике 48-летнего предпринимателя Го Вэньгуя, связанного с целым рядом компаний, в том числе с корпорацией «Паньгу холдингс», владеющей одним из самых приметных небоскребов в столице КНР. Скандал начал разворачиваться, когда ряд китайских СМИ сообщили в конце марта с.г. о том, что предприниматель с неоднозначной репутацией Го Вэньгуй, находящийся в настоящее время в США «на лечении», является одним из ключевых сообщников арестованного в начале этого года главного коррупционера в системе госбезопасности — бывшего замминистра госбезопасности КНР Ма Цзяня.

Попутно выяснилось, что с Го Вэньгуем через своего сына коммерческими интересами был связан крупный финансист, бывший председатель Народного банка Китая Дай Сянлун. Среди тех китайских газет, которые наиболее подробно стали освещать подробности биографии этого бизнесмена, а также весьма мутную подоплеку коммерческого успеха Го Вэньгуя, активно проявило себя издание «Цайсинь медиа», известное пролиберальной ориентацией и разного рода расследованиями биржевых махинаций и чиновничьей коррупции. Когда в прессе появились сведения о возможной поездке Ван Цишаня в США, в числе главной цели в СМИ называли Лин Ваньчэна — младшего брата арестованного недавно бывшего руководителя Канцелярии ЦК КПК Лин Цихуа, но в числе этих фигурантов пресса называла также и Го Вэньгуя. Разоблачительные материалы в отношении Го Вэньгуя, широким потоком полившися со страниц «Цайсинь медиа», а также ряда других китайских изданий, воспринимались многими как «артиллерийская подготовка» к предстоящему визиту Ван Цишаня в Америку.

Само дело Го дает богатейший материал для журналистов и социологов по теме взаимоотношений власти и крупного бизнеса в современном Китае и, что особенно инте-

ресно, крупного бизнеса и спецслужб. Известно, что Го Вэньгую, тесно сотрудничавшему с органами госбезопасности (Ма Цзянь), а также с дисциплинарными органами КПК, удалось засадить за решетку почти всех своих конкурентов и бывших компаньонов, включая бывшего вице-мэра Пекина Лю Чжихуа.

Неожиданно для многих Го Вэньгуй, находящийся в США, предпринял в марте этого года ответный ход, опубликовав открытое письмо главному редактору «Цайсинь медиа» Ху Шули (жен.), в котором обвиняет ее в личных мотивах публикации разоблачительной информации, в тесных связях Ху коммерческими взаимоотношениями с рядом бывших компаньонов Го, с которыми позднее у него начались бизнес-конфликты и судебные тяжбы. Далее в письме содержатся сведения о ряде скандальных подробностей личной жизни Ху Шули, в том числе о ее якобы сожительстве с Ли Ю — одним из бывших партнеров Го, от которого она «имеет незаконнорожденного ребенка» и т. д. В письме, а также в последующих интервью Го Вэньгуй намекает на то, что сделанные им разоблачения — «это лишь самое начало» и что у него в запасе есть еще немало сведений, касающихся неблагоприятных деяний как самой Ху Шули, так и ее связей с рядом влиятельных «закулисных покровителей». «Цайсинь медиа» уже заявило о намерении подать в суд за клевету.

В каком-то смысле ответная атака Го Вэньгуя была беспрецедентна в контексте продолжающейся в Китае «борьбы с тиграми-коррупционерами». Как образно отметил один комментатор, «если раньше только У Сун охотился на тигров, то теперь вдруг один из тигров отгрызнулся и хватанул зубами У Суна». При этом подавляющее большинство комментаторов оценили обвинения Го Вэньгуя в адрес Ху Шули в плане обстоятельств ее личной жизни как «скорее всего недостоверные».

В принципе в КНР хорошо известно, что журналиста и предпринимателя Ху Шули, которую западные журналисты в свое время за напористый характер и способность работать «на грани дозволенного» прозвали «самой опасной женщиной Китая», связывают дружеские отношения со многими высокопоставленными функционерами, причем особо подчеркиваются ее давние связи с Ван Цишанем, оказывавшим ей помощь еще в годы, когда он возглавлял «Корпорацию финансирования сельских предприятий и крестьянских хозяйств». Теперь же многие гадают: не метил ли Го Вэньгуй, обвинивший Ху Шули в разного рода неблагоприятных деяниях, на самом деле выше — в ее «покровителя» Ван Цишаня, а может быть, и в главного «крестного отца» современной антикоррупционной кампании Си Цзиньпина? Кто же в таком случае стоит за Го Вэньгуем с учетом того, что его вроде бы главный благодетель и покровитель Ма Цзянь уже арестован и томится под надзором органов партийного дознания? Есть ли такой покровитель и кто он, никто сказать наверняка не может.

Поездка в США Ван Цишаня, которая не была официально объявлена, откладывалась на протяжении нескольких месяцев и на данный момент есть сведения о ее фактической отмене. В качестве возможных причин того, что визит отложен «на неопределенное время» обозреватели называют целый ряд обстоятельств, которые в совокупности могут свидетельствовать о неблагоприятной атмосфере в текущих китайско-американских отношениях. В числе непосредственных факторов, называют резкие выпады ряда известных американских китаеведов в отношении «режима Си Цзиньпина» (например, Д. Шамбо в марте с.г. — о коллапсе власти КПК); новую серию публикаций о связях крупных предпринимателей с неоднозначной репутацией с высшими руководителями Китая и их родственниками; наконец, расследование властей США в отношении злоупотреблений при найме на работу банковской корпорацией «J.P. Morgan» родственников высокопоставленных руководителей КНР. При этом в издающейся на территории США китайязычной прессе сообщается, что в списке расследуемых лиц стоит даже фамилия Ван Цишаня.

Все приведенные выше факты и рассуждения позволяют сделать вывод о том, что в современной системе межгосударственных отношений КНР и США связаны не только факторами военного и дипломатического взаимодействия, экономикой и разнообразными событиями в культурной области, но и целым рядом обстоятельств, обу-

словленных проживанием на территории США огромного количества представителей китайской деловой элиты. Это, в свою очередь, позволяет констатировать определенную асимметрию: в то время как у американской стороны имеются в руках весьма значительные рычаги для воздействия на внутрисполитические процессы в КНР, у другой стороны, китайской, несмотря на немалые усилия по продвижению в США и другие страны Запада своей «мягкой силы», рычаги влияния весьма невелики или, по крайней мере, более ограничены.

Бергер Я.М.:

«Мягкая сила» служит важным фактором как внутренней, так и внешней политики Китая. Внутри страны она направлена на стабилизацию и укрепление единства общества, вовне — на усиление международных позиций китайского государства. Для выполнения внутренних и внешних задач используются разные компоненты «мягкой силы». Традиционная китайская культура в большей мере служит целям единения нации. Идеология в виде китаизированного марксизма и возрений нескольких последних поколений китайских лидеров предназначена для легитимации господствующего строя и укрепления национальной идентичности. Одновременно подчеркивание специфичности и уникальности китайской культуры и цивилизации является основанием для утверждений об особом пути развития Китая и неприменимости к нему мерки общемировых закономерностей, а высокое в прошлом положение Китая в мировом хозяйстве и его большой вклад в развитие мировой цивилизации обосновывают права на перспективное мировое лидерство.

Гигантские успехи Китая в развитии и модернизации своей экономики за последние десятилетия придали большой вес его «мягкой силе» как внутри страны, так и за ее пределами. Однако обеспечившая эти успехи модель, в которой либеральная рыночная экономика сочетается с авторитарным политическим режимом, не находит в мире последователей. На этом основании Дэвид Шамбо вообще отказывает Китаю в наличии «мягкой силы»²⁸.

Китай прилагает значительные усилия, чтобы сделать свой образ более привлекательным, уменьшить в мире опасения по поводу быстрого возрастания его экономической и военной мощи. Важную роль в этом сыграло проведение Олимпийских игр в Пекине в 2008 г. и Всемирной выставки в Шанхае в 2010 г. Широко рекламируются программы помощи, оказываемой Китаем странам Африки и Латинской Америки. Но используемые в повседневной практике средства пропаганды все же недостаточно мобильны, недостаточно дифференцированы применительно к разнообразным представлениям и вкусам многоликой зарубежной аудитории, чтобы в прямом, лобовом столкновении противостоять более мощной идейной гегемонии США. Относительная слабость идеологических позиций Китая усугубляется глубоко укорененным догматизмом правящей элиты, дополнительно затрудняющим позитивное восприятие иностранцами исходящих от Пекина посылов.

В США идеологическая составляющая «мягкой силы» базируется на индоктринации т.н. «общечеловеческих ценностей»: свободы личности, свободы слова, свободы печати, верховенства закона, прав человека. Такие ценности консолидированы и укоренены в западной религии, философии, культуре. Это используется как для консолидации общества, так и во внешней политике, позволяя подчинять американским интересам объективные процессы экономической глобализации, интеграции и модернизации.

США воспринимают свои идейные и культурно-цивилизационные козыри как орудие для дальнейшего наступления на Пекин. Преимущественными темами американской пропаганды на Китай остаются т.н. «общечеловеческие ценности» и прочий стандартный набор Вашингтонского консенсуса. Пекину же приходится вести круговую оборону, парируя атаки внешних сил и «пятой колонны», чтобы не допустить «цветной революции» и того развала господствующего режима, какой произошел в Советском Союзе и других странах бывшего социалистического лагеря.

Защита затрудняется наличием и обострением в Китае многих «болевых точек», т.е. социальных проблем, подтачивающих изнутри единение общества, таких, как широко распространенная коррупция, социальное расслоение, загрязнение окружающей среды, национальные и религиозные конфликты. Предпринимая немалые усилия для разрешения этих проблем, Пекин одновременно делает упор на патриотическое воспитание, призванное мобилизовать общество на реализацию «китайской мечты», нацеленной на построение богатого, сильного и демократического Китая.

Идейное и культурное противостояние, сегодня приходится вести в существенно усложнившихся технологических условиях. Главным полем борьбы за симпатии и доверие собственных сограждан становится Интернет. «Кто контролирует это средство, — утверждает «Цзефанцзюнь бао», главная армейская газета КНР, — тот выиграет войну». Газета настаивает на необходимости мер по кибербезопасности, которые призваны обеспечить «идеологическую безопасность в сетях». «Западные враждебные силы вместе с горсткой китайских идеологических предателей, — говорится в передовице этого издания от 29 мая 2015 г., — безумно атакуют Коммунистическую партию Китая и порочат наших основоположников и героев с помощью Интернета. Их главная цель — привести нас в замешательство посредством «универсальных ценностей», смутить посредством «конституционной демократии» и, наконец, свергнуть власть путем «цветной революции».

Вместе с тем, у Пекина есть свои рычаги влияния на Запад. Китайская диаспора в США, насчитывающая около 4 млн человек, оказывает на китайскую «мягкую силу» неоднозначное воздействие. С одной стороны, многие китайские иммигранты, занимая влиятельные позиции в американском бизнесе и политической жизни США, часто лоббируют интересы Пекина, способствуют укреплению американо-китайского сотрудничества, помогают распространению китайской культуры. Большую роль в этом отношении играет созданный в 1989 г. «Комитет 100». Эта организация, куда входят коммерсанты, ученые, деятели литературы и искусства китайского происхождения, делает немало также для сближения континентального Китая с Тайванем. С другой стороны, часть китайских интеллектуалов, вынужденных покинуть Китай после подавления студенческих волнений в конце 80-х годов прошлого века, настроены оппозиционно по отношению к Пекину и нередко примыкают к тем кругам на Западе, которые выступают за политику сдерживания Китая, мотивируя эту необходимость возрастанием китайской угрозы.

Наличие огромного китайского рынка, потребляющего очень большую часть продуктов западной культуры и приносящего огромные прибыли западному шоу-бизнесу, позволяет Пекину оказывать определенное влияние на западную, прежде всего, американскую издательскую и киноиндустрию. Американским продюсерам приходится тщательно взвешивать, чем они могут привлечь китайскую аудиторию, как не вызвать неодобрения китайских цензоров и не оскорбить чувства китайских зрителей.

Одним из важных компонентов наращивания «мягкой силы» Китая служит программа создания Институтов Конфуция, начатая в 2004 г. Эта программа призвана способствовать распространению китайского языка и китайской культуры во всем мире и развитию культурных обменов. Спонсируемые китайским правительством Институты Конфуция вначале беспрепятственно открывались при учебных заведениях разных стран. Но вскоре в США и в Канаде они стали навлекать упреки в политической индоктринированности, ущемлении академических свобод и даже участии в промышленном шпионаже.

Оценка мировой общественностью достоинств и недостатков США и Китая зависит не только и не столько от стараний Вашингтона и Пекина создать свой позитивный образ, сколько от их «жесткой силы», а также иных составных частей «мягкой силы», включая конкретную внешнюю политику в разных регионах земного шара.

По данным опросов, проведенных исследовательским центром «Пью» в 2013 г., в целом в мире позитивно относятся к США 63% респондентов, тогда как к Китаю — 50%. США чаще, чем Китай, воспринимают как партнера. Лишь абсолютное меньшинство

во склонно считать США и Китай своими противниками, но большинство полагает, что обе державы при проведении своей политики не слишком заботятся об интересах партнеров. Ряд соседей Китая, включая Японию, Южную Корею, Австралию и Филиппины, с настороженностью воспринимают растущую военную мощь КНР, но в абсолютном большинстве не одобряют также использование Вашингтоном беспилотников для атак на группировки экстремистов.

Европейские страны в целом больше симпатизируют США, чем Китаю. Единственным исключением является Греция, где преобладают симпатии к Китаю. Наиболее негативно относятся к США в мусульманских странах, особенно в Пакистане, Иордании, Египте, на территориях с палестинским населением, в Турции. Но в Сенегале, Индонезии и Малайзии отношение к США более позитивное.

Из стран АТР США пользуются наибольшим расположением в Южной Корее, Японии и на Филиппинах. Китай хуже всего воспринимают в Японии, что объясняется обострением территориальных споров. В Австралии большинство респондентов испытывают обеспокоенность растущей мощью НОАК, но вместе с тем благоволят своему крупнейшему партнеру по торговле. Общее позитивное отношение к Китаю разделяют и такие преимущественно мусульманские страны Азии, как Индонезия, Малайзия и Пакистан. Они к тому же приветствуют рост китайской военной мощи.

Антипатии к Западу, навязывающему развивающимся странам свои ценности и свою модель политического устройства, облегчили доступ на их рынки китайскому капиталу. За последние годы Китай существенно увеличил инвестиции в Латинской Америке и в странах Африки южнее Сахары, что существенно повысило его престиж в этих районах. Росту китайского влияния способствует также помощь, оказываемая Пекином в развитии инфраструктуры, экономики, здравоохранения, образования. Но одновременно укрепляются и позиции США, которые лидируют в странах Латинской Америки и Африки по удельному весу положительных оценок таких компонентов «мягкой силы», как успехи в развитии науки и техники, музыка, кино и телевидение, методы ведения бизнеса, представления о демократии, распространение идей и обычаев.

Более благоприятно для Китая складывается использование «мягкой силы» в высшем образовании. Стремление молодых китайцев получать высшее образование в США и Европе в растущей мере уравновешивается привлечением зарубежной молодежи, прежде всего из стран Азии и Африки к обучению в китайских вузах. Больше всего в них студентов из Южной Кореи и Японии, стран, с которыми у Китая наиболее велик объем двусторонних экономических связей.

Быстро растет приток студентов из стран Юго-Восточной Азии. В этом регионе большой популярностью пользуются китайские фильмы, поп-музыка, телевидение, хотя часто произведены они не в континентальном Китае, а в Сянгане или даже на Тайване.

По данным Министерства образования КНР, три четверти обучающихся в Китае иностранцев избирают предметом своих занятий гуманитарные дисциплины: китайский язык, искусство, историю, философию, а также китайскую медицину. Многие бывшие студенты китайских вузов, вернувшись на родину, предпочитают дипломатическую карьеру или преподают в отечественных университетах, укрепляя тем самым связи с Китаем в следующих поколениях.

Предоставление Китаем образовательных услуг иностранцам привлекает и молодежь Запада. Пекин тратит на обучение иностранцев большие средства. Но США и ряд стран Европы и Азии также спонсируют получение своими гражданами высшего образования в Китае, нередко в сотрудничестве с Пекином, получая в итоге специалистов, хорошо знакомых с особенностями страны. Предполагается, что численность иностранных студентов в Китае к 2020 г. составит около 500 тыс. человек. В 2010 г. администрация Б. Обамы объявила о программе обучения в Китае 100 тыс. молодых американцев в течение предстоящих четырех лет.

Пекин активно привлекает представителей западной интеллектуальной элиты к созданию позитивного образа Китая как успешно развивающейся и миролюбивой страны, вносящей неоценимый вклад в прогресс всего человечества. Некоторые из них на примере Китая доказывают, что между экономическими достижениями и политическими свободами нет прямой зависимости, и такой подход находит поддержку в ряде государств, включая постсоветские республики Центральной Азии, некоторые страны Ближнего Востока, Латинской Америки, Африки.

Известный американский политолог Дж. Най, первым употребивший понятие «мягкой силы», считает, что в Китае, как и в России, его понимают неправильно. С его точки зрения, источником «мягкой силы» в большой мере должно быть не столько государство, сколько частные лица и гражданское общество. Китай же и Россия главным оружием «мягкой силы» считают правительство, но правительственная пропаганда очень редко пользуется доверием.

Кроме того, тот же Най выдвинул идею «умной силы» (*smart power*), представляющей рациональное сочетание «жесткой» и «мягкой» силы. И с этой точки зрения, у Китая, как и у России, имеются еще большие неиспользуемые резервы.

Исаев А.С.:

Небезынтересно рассмотреть вопрос о том, как действуют факторы «мягкой силы» в китайско-американских отношениях, понимая под ними совокупность социо-культурных, идеологических и гуманитарных средств, применяемых для продвижения собственных внешнеполитических интересов в глобальном и двустороннем измерениях.

С появлением Интернета и совершенствованием цифровых технологий значимость этих средств усилилась, а сама «мягкая сила», направленная на то, чтобы убеждать, а не принуждать, получила новые возможности. Сегодня культурологические факторы нередко могут действовать гораздо эффективней навязывания собственных взглядов или политики путем «жесткой силы».

В китайско-американских связях, особенно в контексте формирования «отношений нового типа», манипулирование различными средствами гуманитарного воздействия в двухсторонних отношениях, выработка и применение новых моделей «мягкой силы» приобретают особое значение.

Сегодня Китай выстраивает новую модель использования «мягкой силы», которая опирается не только на Институты Конфуция. При этом показательно, что Пекин не пытается сформулировать собственную, оригинальную систему «с китайской спецификой», а использует уже доказавшие свою эффективность инструменты, к примеру, такую сферу, как кинематограф.

В современном мире с развитием новых технологий и сетевых ресурсов кинематограф быстро приобрел новые функции влияния. Из самого массового искусства кино превратилось, с одной стороны, в ставшее сегодня привычным средство мультимедийного общения, а, с другой, — заняло важное место среди инструментов реализации «мягкой силы» в глобальном масштабе. Этим инструментом первыми стали активно пользоваться американцы. Теперь это делает и Китай, ставший второй в мире кинематографической державой.

По мере экономического роста и появления больших возможностей для развития кинематографа Китай достаточно быстро уяснил новые функции современного кино. В этой связи представляется, что решение о создании в 2012 г. китайской инвестиционной компании с внушительным фондом для финансирования совместных с США кинопроектов с ярко выраженным китайским «наполнением» было не просто коммерческим.

Китай получил возможность не только размещать рекламу своих товаров в известных лентах, идущих в мировом прокате. Он выработал собственную формулу условий финансирования американских кинолент. Согласно ей в фильмы с участием китайского капитала должны привлекаться китайские актеры, отдельные или многие эпизоды долж-

ны сниматься на территории Китая и служить положительным фоном событий на киноэкране и, наконец, в фильмах недопустима критика Китая.

С течением времени, благодаря китайским инвестициям, совместные китайско-зарубежные ленты стали в определенной мере отражением позитивных политических намерений стран-партнеров. Американский кинематограф свел до минимума показ китайцев в своих лентах в виде отрицательных персонажей или врагов американского народа.

Более того, все чаще стали демонстрироваться положительные результаты, которых можно достичь, если американские и китайские киногогерои а, следовательно, Америка и Китай в целом — объединят свои усилия к обоюдной выгоде.

Такова, например, американская лента «Кибер» (2014), главные роли в которой исполняют австралиец Крис Хемсворт и китайка Тан Вэй. Лента посвящена сотрудничеству специалистов США и КНР в устранении киберугроз двум странам. Показательно, что фильм был снят в разгар взаимных обвинений американских и китайских политиков в ведении кибервойны друг против друга.

Еще одна сфера «гуманитарного взаимодействия», работающая на отношения «нового типа» между США и КНР, это сфера образования. По данным за 2014 г. в США обучалось более 240 тыс. студентов из Китая, т.е. свыше 31% всех иностранных студентов, зачисленных в университеты и колледжи США. Китай — лидер по количеству обучающихся в Америке, за ним следуют Корея, Саудовская Аравия, Индия, Вьетнам. В свою очередь, Китай стал пятой по привлекательности страной для желающих получить образование за рубежом американцев, хотя их количество в абсолютных числах незначительное — порядка 15 000.

К этому следует добавить еще два элемента. Во-первых, Америка лидирует по количеству детей китайских руководителей центрального и провинциального уровней, получающих образование в США. Во-вторых, в начале 2000-х гг. была запущена образовательная программа для китайских управленцев среднего звена, основным учебным курсом для которых стал американский менеджмент.

Безусловно, определенную опасность в Китае видят в том, что с американскими образовательными программами для иностранцев, а также с зарубежной молодежью, обучающейся в университетах США, очень плотно работает американский Национальный фонд развития демократии, который причастен к использованию протестных движений в различных странах мира для смены их режимов и продвижению на руководящие посты лояльных США политических деятелей.

В Пекине, похоже, учитывают это обстоятельство, тщательно отслеживают работу фонда на азиатском направлении и реагируют соответствующим образом.

Во время массовых выступлений гонконгских студентов осенью 2014 г., получивших название «революции зонтиков», китайские информационные службы, не вмешиваясь в происходящее, очень быстро разместили публикации, доказывающие связь организаторов выступлений в Гонконге с Национальным фондом развития демократии США. Были названы конкретные фамилии, приведены факты и суммы, затраченные фондом на работу с гонконгской профессурой и молодыми специалистами.

Это обстоятельство не может не оказывать влияния на китайско-американские связи. Именно в связи с событиями в Гонконге в 2014 г. МИД КНР в довольно резкой форме потребовал от США не вмешиваться в происходящее. Иными словами, Китай учитывает уязвимые места в связи с применением «мягкой силы» и вырабатывает соответствующие контрмеры.

Одной из таких форм реагирования стало создание по аналогии с испанским Институтом Сервантеса и немецким Институтом Гете Институтов Конфуция. Их цель — распространение китайского языка, китайской культуры и образа жизни за рубежом. В нынешнем году планируется довести их общее число до 500 в более чем 100 странах мира, а к 2020 г. — до 1000 учреждений.

В США деятельность этих организаций на официальном уровне воспринимается критически. Власти используют любые возможности для того, чтобы ограничить их работу в американских университетских городках. Так, например, три года назад китайским профессорам было предложено покинуть страну за нарушение визового режима и несанкционированную преподавательскую деятельность.

Говоря о совершенствовании Китаем своей модели «мягкой силы», следует упомянуть такие сферы, как культурные и литературные обмены, стимулирование интереса к современному авангардному искусству, продвижение историко-культурных объектов Китая на уровень мирового материального наследия, и, безусловно, информационную политику.

Наиболее уязвимой для Китая остается информационная сфера в ее главной области — Интернет-пространстве. Несмотря на создание в ЦК КПК Комиссии по интернет-безопасности, которую возглавил Си Цзиньпин, конкретных результатов пока не видно.

Проблема на этом направлении заключается в том, что до сих пор не существует международно-правовых документов, регулирующих информационную сферу в мировой «паутине». И пока Китай реагирует на возникающие в интернет-пространстве информационные угрозы исключительно запретительными или контрпропагандистскими мерами. Однако такая реакция создает повод для дополнительных обвинений КНР в нарушении «свободы слова», «принципов демократии», в зажимании «альтернативных мнений» и т.п.

Неразработанность правовой сферы информационной деятельности в Интернете, отсутствие международных договоренностей об обеспечении информационной безопасности беспокоят не только Китай. Это — новая сфера международного общения, и миру пока предлагаются американские правила поведения в ней. Поэтому Китай заинтересован в формировании универсально признаваемого мировым сообществом нового порядка работы в информационном пространстве «всемирной паутины».

В этом контексте привлекает внимание подписанное в мае 2015 г. российско-китайское соглашение о сотрудничестве двух стран в области информационной безопасности. Пока этот документ носит общий характер и предусматривает традиционные для рамочных соглашений положения. Но очевидно, что по мере взаимодействия он может приобрести конкретное наполнение и стать одним из немногих международно-правовых документов по этой новой проблематике.

Тема информационной безопасности стала одним из главных вопросов, обсуждавшихся в ходе седьмого раунда китайско-американского стратегического и экономического диалога в Вашингтоне. И это вполне вписывается в логику американо-китайских отношений «нового типа».

Летом 2013 г. Председатель КНР Си Цзиньпин и президент США Б. Обама уже обсуждали тему кибернетической безопасности. В этом году у них еще будут поводы вернуться к данной проблеме.

Кашин В.Б.:

В 2004 г. Китай в первый и пока единственный раз дал общую количественную оценку своему ядерному арсеналу. Согласно опубликованному в апреле 2004 г. заявлению МИД КНР, на тот момент страна обладала наименьшим количеством ядерных боеголовок из всех официальных ядерных держав. Это означало, что Китай имел меньше развернутых боеголовок, чем Великобритания. Таким образом, их количество должно было составлять менее 200.

Такое количество боеголовок вполне соответствовало декларировавшейся Китаем концепции минимального ядерного сдерживания. В рамках данного подхода он сдерживался от любого соревнования с другими ядерными державами в отношении размеров ядерных арсеналов и лишь стремился обеспечить гарантированную возможность нанесения ответного ядерного удара.

В то же время Китай является единственной из пяти признанных ядерных держав, которая увеличивает общее количество боеголовок. Это увеличение, по преобладающим западным оценкам, пока не носит принципиального характера. Например, шведский институт SIPRI оценивает количество развернутых китайских боеголовок в 250. Тем не менее, качественный состав китайских ядерных сил переживает революционные изменения, которые, по всей видимости, приведут и к ускорению их количественного роста. Эти изменения связаны с завершением в последние годы целого ряда важных, долгосрочных и весьма дорогостоящих программ научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ.

Ключевое изменение связано с появлением у Китая первого в его истории функционирующего морского компонента стратегических ядерных сил. Успешно осуществляется строительство серии из пяти атомных подводных лодок проекта 094, из которых не менее трех уже переданы флоту.

При этом в 2012 г. Китай наконец добился успеха в затянувшемся процессе доводки и испытаний баллистической ракеты для подводных лодок JL-2 («Цзюйлан-2»). По оценкам Министерства обороны США, первое боевое патрулирование китайской атомной ракетной подводной лодки может произойти в текущем году.

Ранее Китай располагал лишь одной атомной ракетной подводной лодкой проекта 092, известной под условным НАТОвским наименованием «Ся», которая, согласно известным публикациям Министерства обороны США, никогда не выходила на боевое патрулирование и являлась, по сути, экспериментальным кораблем.

Теперь вместо одной экспериментальной атомной подводной лодки с 12 баллистическими ракетами Китай получит пять атомных ракетных подводных лодок, способных в общей сложности нести 60 межконтинентальных баллистических ракет.

А в перспективе можно ожидать наращивания китайского атомного ракетного подводного флота. На данный момент, как минимум, известно о подготовке следующего, усовершенствованного проекта лодок 096, способных нести по 24 ракеты.

Важно учитывать, что речь идет о многолетнем, реализуемом с начала 1990-х гг. крупном национальном проекте, потенциально сравнимом по масштабу инвестиций с крупнейшими китайскими стройками эпохи реформ. Каждая атомная ракетная подводная лодка, судя по мировому опыту, может стоить в пределах 2–4 млрд долл. США.

Китай также создал с нуля мощную инфраструктуру для их базирования (база Юйлинь на о. Хайнань) и провел значительную работу по повышению потенциала ракетной промышленности для налаживания стабильного и ритмичного выпуска ракет «Цзюйлан-2».

Это не единственное известное крупное изменение. В 2014 г. Китай впервые развернул баллистические межконтинентальные ракеты с разделяющимися головными частями индивидуального наведения (РГЧ ИН). Подобные боеголовки установлены на тяжелых жидкостных межконтинентальных баллистических ракетах DF-5B.

Также продолжается работа над новой тяжелой твердотопливной ракетной DF-41, которая постепенно приближается к началу серийного производства. Совершенствуется выпускаемая в настоящее время мобильная твердотопливная ракета DF-31, которой предполагается придать способность нести РГЧ ИН с тремя боевыми блоками.

Начат выпуск новой баллистической ракеты средней дальности (DF-26) с дальностью 3000 км и продолжается совершенствование существующего семейства баллистических ракет DF-21.

Появление новых для Китая типов носителей ядерного оружия в сочетании с оснащением существующих систем РГЧ ИН неизбежно означает как существенный рост числа носителей, так и весьма резкий рост числа развернутых боеголовок в текущем и следующем десятилетиях. В противном случае уже сделанные гигантские инвестиции не имеют смысла.

Вероятными причинами китайских вложений в развитие ядерного потенциала являются американские программы развития стратегической ПРО, а также планы созда-

ния систем быстрого глобального удара и общее наращивание военных сил США вблизи китайских границ в Азии. Фактически в результате действий США в военной сфере сохранение Китаем его прежней доктрины минимального ядерного сдерживания становится бесперспективным. Китай не может быть уверен в том, что та часть его небольшого ядерного потенциала, которая переживет первый ядерный удар противника, будет в состоянии преодолеть противоракетную оборону США и их союзников.

Можно предположить, что реализация существующих программ разработки и производства ядерного оружия неизбежно приведет к тому, что Китай уйдет от доктрины «минимального ядерного сдерживания». Китай не только перестанет быть «самой маленькой» официальной ядерной державой, он выйдет из одной «лиги» с Великобританией и Францией, хотя будет по-прежнему отставать по численности ядерного арсенала от США и России. В последующем нельзя исключать движения КНР к достижению ядерного паритета с этими ядерными сверхдержавами.

Количественный и качественный рост ядерного потенциала КНР способны в корне изменить стратегическую ситуацию в Азии, поскольку приведут к неизбежным корректировкам в военном планировании США и их союзников. Цена любого потенциально возможного военного столкновения с КНР возрастет неизмеримо, подходы к сдерживанию Китая должны будут быть полностью пересмотрены.

В целом значительный (в полтора-два раза) рост китайского ядерного арсенала представляется неизбежным и обусловленным объективной необходимостью, прежде всего развитием ПРО США. Но нельзя исключать в последующем и попыток достигнуть паритета с целью получения стратегических преимуществ.

Китай, по всей видимости, не будет заинтересован в участии в диалоге ядерных сверхдержав по вопросам ядерного сдерживания, по крайней мере, до момента реализации «задачи-минимум», связанной со строительством стратегических ядерных сил, сохраняющих эффективность в условиях существования американской стратегической ПРО. Существующая позиция китайской дипломатии, согласно которой Китай является слабейшей ядерной державой и будет дожидаться снижения Россией и США их потенциалов до сравнимого уровня, вполне комфортна для КНР. Китай имеет возможность избегать раскрытия информации о своем потенциале и не допускать давления на себя по ядерной тематике. Вероятно, она сохранится и в обозримом будущем.

Дубинин Ю.А.:

За последние четверть века российско-американские отношения прошли различные этапы. Но никогда не были простыми, поскольку каждая из сторон ожидала от них несколько иного, чем предполагала и делала другая. Так, в 90-е гг. XX столетия вместо реализации надежд российских реформаторов на осуществление США и «коллективным Западом» «плана Маршалла» для России, Соединенными Штатами была провозглашена стратегия «вовлечения и расширения», предполагавшая заполнение политического и стратегического вакуума, возникшего в Центральной и Восточной Европе после распада Организации Варшавского Договора и Советского Союза. США стремились активно продвигать тезис о том, что американские ценности, заключающиеся в свободе, демократии и власти закона, являются универсальными для всего мира, в связи с чем они имеют полное право применить жесткую военную силу, включая нанесение превентивных ударов, что и было реализовано структурами НАТО в Югославии под лозунгами гуманитарной интервенции и несмотря на российские протесты. Проще говоря, России давали понять, что США могут перекраивать мировой порядок под собственные представления о целесообразности, свободе и демократии.

Разногласия нарастали и в дальнейшем. В XXI в. мы стали свидетелями таких американских военно-политических шагов, как выход из Договора по противоракетной обороне и попыток создания третьего позиционного района ПРО в Чехии и Польше, что коренным образом подрывало всю систему стратегической стабильности, как она пони-

малась в отношениях между США и СССР/Россией. Продолжалось расширение НАТО, в состав которого вошли бывшие советские республики Прибалтики, делались также попытки включить Украину и Грузию в План действий по членству в НАТО. В обход Совета Безопасности ООН была сколочена коалиция под эгидой США для вторжения в Ирак, а санкционированная Совбезом операция по установлению бесполетной зоны в Ливии далеко вышла за рамки согласованного мандата и закончилась свержением режима М. Каддафи и его варварским убийством. Все эти шаги и действия вызывали серьезную критику в России и осложняли российско-американские отношения.

И даже в те периоды, когда отношения между Россией и США развивались в позитивном ключе, как бы по восходящей, и позволяли находить развязки в непростых вопросах и снимать некоторые озабоченности сторон, российская сторона неизменно ощущала стремление США вести игру по своему сценарию.

Особенно осложнились отношения между двумя странами после президентских выборов 2012 г. в России (вице-президент США Дж. Байден заявлял, что В.В. Путину не следовало идти на президентские выборы). Разногласия и расхождения по все более широкому кругу двусторонних и международных проблем нарастали в такой степени, что временами казалось, что у России и США вовсе исчезли точки соприкосновения в достаточно широкой ранее повестке дня. Принятие Конгрессом США «Закона Магницкого», неоправданно жесткая реакция американской администрации на предоставление Россией убежища Э. Сноудену, приведшее к отмене официального визита Б. Обамы в Россию в 2013 г., отказ американского президента, а вслед за ним и многих других лидеров стран НАТО участвовать в церемонии открытия зимних Олимпийских игр в Сочи — все это резко диссонировало с понятием нормальных партнерских межгосударственных отношений.

Поддержка Россией референдума в Крыму еще более обострила российско-американские отношения. Выступая в сентябре 2014 г. в ООН, Б. Обама назвал российские действия в числе трех главных угроз международной безопасности и призвал все государства мира выступить с их осуждением. Соединенные Штаты инициировали многочисленные ограничения и рестриктивные действия в отношении России, добиваясь неукоснительного их применения своими союзниками.

Еще в феврале 1997 г. Джордж Кеннан, известный американский дипломат и ученый, один из провозвестников политики сдерживания, предсказывал, что политика расширения НАТО до российских границ может породить «националистические, антизападные и милитаристские тенденции в российском общественном мнении, оказать негативное воздействие на развитие российской демократии и повести политику России в таком направлении, которое нам решительно не понравится». Его пророчества оказались вполне реалистичными. В российских политических и экономических кругах постепенно формировалось мнение о том, что в складывающейся ситуации у России нет позитивного будущего в экономических и политических отношениях с Западом, поскольку политические шаги наших западных партнеров (США и ЕС) все более воспринимались как направленные на подрыв международных позиций России, а также, возможно, и на изменение ее внутривнутриполитической системы.

В этих условиях неизбежным становился поиск альтернативных внешнеполитических партнеров, отвечающих следующим критериям:

- незаинтересованность в распространении своих идеологических и внутриполитических систем вовне;
- неприятие монополярной системы международных отношений и стремление к утверждению в мире системы многополярной;
- готовность к прагматическому взаимодействию и сотрудничеству.

Нельзя сказать, что российская внешняя политика и прежде не работала над развитием и расширением сферы сотрудничества с государствами, отвечающими этим критериям. Созданы в середине 1990-х гг. «Шанхайской пятерки», а затем — в

2001 г. — Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), возникновение и деятельность группы РИК (Россия — Индия — Китай), учреждение БРИК, а затем и БРИКС — все это шаги России по построению мультиполярной системы международных отношений, основанной на суверенном равенстве всех ее участников, невмешательстве во внутренние дела друг друга, уважении избранного каждым участником пути и модели развития. Как отмечал еще в 2007 г., выступая на Мюнхенской конференции по безопасности Президент Российской Федерации В.В. Путин, «экономический потенциал новых центров мирового роста будет неизбежно конвертироваться в политическое влияние и будет укреплять многополярность».

Выход Китая на передовые позиции в глобальной экономике и международной торговле неизбежно ведет к росту вовлеченности КНР в решение важнейших международных проблем. В дополнение к высокому статусу КНР как великой державы и постоянного члена Совета Безопасности ООН Пекин в последние десятилетия выдвигал целый ряд крупных внешнеполитических инициатив в сферах экономики и торговли, региональной и глобальной безопасности. Среди них необходимо упомянуть шестисторонние переговоры по ядерной безопасности на Корейском полуострове, конструктивное участие в решении проблем ядерной программы Ирана, китайско-российский проект договора о предотвращении милитаризации космического пространства, китайско-российско-брунейские предложения по формированию архитектуры безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе, проект создания зоны свободной торговли в АТЭС, учреждение Азиатского банка инфраструктурных инвестиций и, наконец, выдвижение Председателем КНР Си Цзиньпином концепции «Один пояс—один путь».

Укрепление мощи Китая и его самостоятельная позиция в международных делах вызывают негативный отклик в США. Противостоят этим тенденциям были призваны американские программы «перебалансировки» сил США в Азиатско-Тихоокеанский регион, предполагающие существенное наращивание там военной мощи Соединенных Штатов. Вашингтон тем самым стремится обеспечить себе возможность действовать в АТР с позиции силы и настаивать на следовании Пекином приемлемой для США линии поведения в самых различных сферах, начиная с обеспечения безопасности морских торговых путей и кончая соблюдением прав человека. В дополнение к программе «перебалансировки» США также продвигают в регионе проект Транстихоокеанского партнерства, направленный на создание торгово-экономического блока без участия КНР. Таким образом Обама стремится исключить Москву и Пекин из переговоров о свободной торговле в Европе и Азии, а это только усиливает их сомнения в желании США работать совместно с ними в основанной на американских правилах торговой среде.

Немалую озабоченность Китая и России вызывает политика США по поддержке «цветных революций» в разных регионах мира. Цветные революции рассматриваются в Москве и Пекине как составная часть «гибридных войн», их целью являются политические изменения в странах, в которых они проводятся. В ряде случаев в «цветных революциях» весьма заметную роль играют внешние силы, что проявляется в открытом и публичном задействовании концепции «мягкой силы». Кроме того, внешние игроки присваивают и активно используют статус верховного арбитра, определяющего легитимность режима, подвергающегося воздействию.

Характерно, что государственные деятели КНР и России солидарны в своей оценке «цветных революций». «Внешние силы используют социально-экономические противоречия и проблемы... для свержения власти и пытаются спровоцировать новые волны цветных революций», — сказал министр общественной безопасности Китая Го Шэнкунь. «Феномен цветных революций продолжает развиваться и приобретает глобальный характер. Попытки организации «революции зонтиков» в Гонконге, расшатывания обстановки в Венесуэле являются звеньями одной цепи», — говорил министр обороны России С.К. Шойгу.

Китай воспринял цветные революции (Таиланд, Венесуэла, Босния, Египет, Тунис, Турция, Украина) как вызов: они привлекли его внимание и вызвали определенную озабоченность. Его позиция такова: государства должны сами, без всякого внешнего давления выбирать модели политических и экономических реформ и проводить их в жизнь. Как считают в Китае, различие между китайским и американским подходами — это вопрос не только понимания, но и ценностей: если для Китая важнее всего стабильность, то для Америки важнейшей политической целью является демократизация. Китай исходит из того, что стабильность является предварительным условием развития демократии, а Соединенные Штаты верят, что демократия делает возможной стабильность. Китай полагает, что лучше стабильность в условиях пусть и несовершенного режима, чем хаос при наилучшем режиме правления, а Соединенные Штаты считают, что в стабильности при централизованной власти нет ничего хорошего, а потому демократическое правление является для них высшим приоритетом.

Характерно, что по итогам визита В.В. Путина в Пекин 20–21 мая 2014 г. в совместную российско-китайскую декларацию впервые был включен пункт о том, что стороны будут противодействовать вмешательству во внутренние дела, проведению революций и поддержке внутренних переворотов извне.

Политика открытости Китая и разворот России на Восток тесно сплетаются между собой, у них множество точек соприкосновения, и это создает историческую возможность для дальнейшего развития российско-китайских отношений. Пекин верит, что реализация его проекта Экономического пояса Шелкового пути и взаимодействие с созданным по инициативе России Евразийским экономическим союзом позволят проложить этот путь по всему Евразийскому континенту, а развитие Дальневосточного региона России создаст фундамент для построения отношений всестороннего стратегического партнерства с Москвой.

Как говорил недавно в интервью «Независимой газете» посол Китайской Народной Республики в Российской Федерации Ли Хуэй, «развитие и национальное возрождение, защита регионального мира и стабильности — это совместная цель сторон... Независимо от перемен на международной арене надеемся на то, что Китай и Россия будут оказывать друг другу помощь и поддержку... В мире по-прежнему существуют гегемонизм и политика с позиции силы, сохраняются серьезные вызовы в сферах традиционной и нетрадиционной безопасности. Китай и Россия как постоянные члены Совета Безопасности ООН, поддерживая тесные контакты и эффективно координируя свои действия, вносят существенный вклад в дело защиты мира».

Румянцев Е.Н.:

Хочу сделать несколько замечаний по поставленным на обсуждение вопросам.

Сначала об общем фоне, на котором происходят соответствующие процессы в китайско-американских и китайско-российских отношениях. Он характеризуется, прежде всего, осложнением ситуации в китайской экономике, что, в частности, находит выражение в снижении темпов роста и, как следствие, обострении проблемы занятости. Именно в этом и состоит «новая нормальная ситуация». Сложным является и внутривнутриполитическое положение в КНР, не снижается острота многих социальных, экологических и других проблем.

О внешней политике Китая. Если девизом правления предыдущего китайского лидера Ху Цзиньтао была гармония в китайском обществе и во всем мире, то, как известно, девизом руководства при Си Цзиньпине стало «великое возрождение китайской нации». Легко заметить, что если призыв к «гармонии» имеет консервативно-оборонительный характер, то в доктрине «великого возрождения» при всей ее намеренной неопределенности, создающей возможности для различных толкований, нетрудно увидеть элементы наступательности или, как принято сейчас выражаться, «напористости».

Все это находит отражение и в политике КНР в отношении США. С одной стороны, в ней тоже наблюдается рост «напористости», например, в таких вопросах, как внешняя торговля, валютно-финансовые отношения, кибербезопасность, права человека и др.

Предъявляются и претензии более общего характера. Например, вот что пишет один из китайских военных аналитиков: «После «бури 4 июня» (так в КНР сейчас называют кровавые события 1989 г. в Пекине) американцы действовали не в соответствии со стратегическим взаимопониманием, зафиксированным в ходе визита Никсона в Китай в 1972 г. в «Шанхайском коммюнике», не дали нам стратегических дивидендов за совместное сдерживание Советского Союза, а напротив, использовали тайваньскую проблему для того, чтобы сковывать нас.

В 1970-е гг. сложился большой стратегический треугольник Китай — США — СССР. Китай и США наладили стратегическое сотрудничество с целью совместного противостояния советской угрозе и экспансии...

Затем произошли резкие изменения в Восточной Европе, Советский Союз распался, американско-советская «холодная война» завершилась. В этой ситуации Китай не получил от завершения «холодной войны» совершенно никакой выгоды, поскольку из-за «бури 4 июня» 1989 г. США стали относиться к нему враждебно, не признали счет, по которому они должны были заплатить Китаю за совместное противостояние Советскому Союзу. США использовали «бурю 4 июня», чтобы снова начать сдерживать Китай, ввели против него санкции. То есть это был заговор с целью отказа от оплаты счета.

По своей сути, распад СССР является результатом собственной застенчивости и коррумпированности КПСС и стратегии его разделения, проводившейся Западом (особенно Соединенными Штатами). Но нельзя отрицать и то, что одной из причин была также совместная американско-китайская политика его стратегического истощения: Советский Союз сосредоточил миллион солдат для защиты своей и Монголии границы с Китаем, 70% его экономики работало на военные нужды, фактически Китай и США окончательно развалили СССР совместными усилиями. Развалив, мы, по логике, должны были поделить стратегические дивиденды, самым большим из которых для Китая должно было бы стать решение тайваньской проблемы.

Хотя подобные безупречно логичные рассуждения в китайской открытой печати мне удалось встретить лишь однажды²⁹, это не означает, что данная точка зрения недостаточно репрезентативна.

Хотелось бы возразить коллегам, которые, как представляется, слишком оптимистично и с явным сочувствием комментируют деятельность КНР в Южно-Китайском море. Напомню, что китайские претензии охватывают более 90% морского пространства в ЮКМ, хотя на Китай (включая Тайвань) приходится только около 20% общей протяженности его береговой линии. Так, риф Скаборо, являющийся предметом китайско-филиппинского спора, находится примерно в 200 км от острова Лусон и в 650 км от Китая, риф Хафмун (Half Moon) — в 100 км от Палавана и примерно в 1500 км от Китая³⁰.

Насколько известно, единственным обоснованием такой позиции является т.н. «линия из 9 точек», которая идет более чем на тысячу морских миль от берегов Гуандуна и Хайнаня почти до острова Борнео и включает в себя почти все морское пространство между Вьетнамом и Филиппинами. Эта линия была определена в 1947 г. гомиьдановскими адмиралами, однако мне не приходилось видеть в печати или слышать от китайских собеседников ее внятное обоснование. Трудно не согласиться с тезисом, согласно которому выдвижение этой линии обосновывается не слишком внятными аргументами исторического характера, игнорирующими само существование в этом регионе других народов с их собственной историей мореходства и торговли, насчитывающей более двух тысяч лет, которая имеет более длительную историю, чем морские предприятия китайцев в этом регионе³¹.

Строительство на спорных островах в ЮКМ, которому здесь была дана достаточно высокая оценка, на самом деле имеет очевидную военную направленность. По

мнению некоторых экспертов, строительство военных объектов на спорных островах является актом войны.

Полагаю, что данная ситуация в ее нынешнем виде не может не оказывать негативного влияния на китайско-американские отношения.

Однако, с другой стороны, существуют и факторы, серьезно ограничивающие китайско-американские противоборство и конкуренцию. Если воспользоваться образным выражением Председателя КНР Си Цзиньпина, который в 2014 г. говорил в штаб-квартире ЮНЕСКО о китайском «культурном гене», то у компартии Китая существует и некий политический ген, в котором закодирована установка на дружбу с Соединенными Штатами. Как известно, к ней стремились Мао Цзэдун и Дэн Сяопин. Унаследовало эту установку и современное китайское руководство, которое прилагает большие усилия для поддержания и дальнейшего развития китайско-американских отношений.

Нынешний министр иностранных дел КНР Ван И отмечает «реальные шаги в строительстве отношений великих держав нового типа³² между Китаем и США». В подтверждение указывается, в частности, что «президент США Обама нанес визит в Китай, после встречи в Калифорнии главы Китая и США встретились в Интае³³ и провели вечернюю беседу³⁴, углубили взаимное знакомство и понимание позиций друг друга, добились важных результатов в таких областях, как противодействие изменению климата, взаимное предоставление льгот в визовом вопросе, создание механизма взаимного доверия в отношениях между вооруженными силами»³⁵.

Развивая тему, в ходе пресс-конференции в рамках сессии Всекитайского собрания народных представителей 8 марта 2015 г. министр подчеркнул, что китайско-американские отношения «совершенно необходимы», их наличие «отвечает интересам двух государств»³⁶.

Как пишет «Жэньминь жибао», в течение года с лишним, прошедшего после неофициальной встречи китайского и американского лидеров в Калифорнии, Си Цзиньпин и Обама неоднократно встречались, разговаривали по телефону, обменивались посланиями, поддерживали тесные контакты. Развитие двусторонних связей, считают в Пекине, «показывает всему миру, что две великие державы с разными традициями, культурой и политическими системами не только способны создать новый путь развития отношений между великими державами, но и могут вместе, рука об руку двигаться вперед к длительному миру во всем мире и совместному процветанию с тем, чтобы предоставить народам всех стран возможность пользоваться дивидендами от мира и развития». Еще в 1979 г., говорилось в «Жэньминь жибао», «господин Дэн Сяопин говорил, что интересы народов наших двух стран и интересы мира во всем мире требуют от нас рассматривать развитие китайско-американских отношений с точки зрения положения в мире в целом, долгосрочной, стратегической перспективы». Далее газета китайских коммунистов ссылается еще на одного «большого друга» Китая — доктора Г. Киссинджера, который говорил когда-то, что многие мировые проблемы «не могли бы быть решены, если бы не было американо-китайского сотрудничества», и утверждает, что «Китай и США имеют особый шанс и особую ответственность для того, чтобы предпринять совместные усилия во имя мира и прогресса во всем мире»³⁷.

Китайская сторона сделала все возможное, чтобы реализовать вышеизложенные установки на всемерное развитие отношений с Соединенными Штатами на практике, в частности, в ходе пекинского саммита АТЭС (ноябрь 2014 г.). В СМИ зарубежных китайцев была опубликована статья, в которой говорилось, что вечером 11 ноября 2014 г. запланированная беседа Си Цзиньпина и Обамы, состоявшаяся в Чжуннаньхае, вместо предусмотренных по протоколу 30 минут продолжалась полтора часа. Два лидера «поговорили допоздна» и расстались только в 11 часов вечера. Источник этой информации не раскрывался, однако указанная статья была перепечатана многими официальными СМИ КНР. По имеющейся информации, беседы Си Цзиньпина и Обамы в ходе пекинского саммита продолжались в общей сложности более 10 часов³⁸.

Дополним эти сведения тем, что говорил в декабре 2014 г. в США член Политбюро ЦК КПК, заместитель главы правительства КНР Ван Ян. Он также является председателем с китайской стороны китайско-американской Совместной комиссии по торговле и китайско-американского экономического и стратегического диалога.

17 декабря 2014 г., выступая перед участниками китайско-американского форума по торговле в Чикаго, Ван Ян заявил следующее: «Китай и США являются партнерами в глобальной экономике, однако ведущими в мире являются Соединенные Штаты. Когда Китай начал проводить политику реформ и открытости, США уже возглавляли мировую экономическую систему и устанавливали правила, по которым она функционирует. Проведение Китаем политики реформ и открытости означает, что мы желаем войти в эту систему, признать в целом эти правила, а также желаем играть в международной экономической системе конструктивную роль. Хотя по своим размерам китайская экономика занимает второе место в мире, она по-прежнему составляет только 55% от американской, ее среднестатистической ВВП — одну восьмую часть от американского. Еще более важным является то, что процессы создания ключевых технологий, определяющих развитие мировой экономики, разработка различных правил мирового экономического порядка по-прежнему возглавляются Соединенными Штатами. В отношении этого вопроса у нас имеется ясное понимание. Китай не имеет ни желания, ни возможностей бросать вызов руководящему положению США. Мы только хотим в процессе сотрудничества Китая и США побудить американскую сторону еще лучше понять способ мышления китайской стороны, уяснить положение Китая, уважать выбранный китайским народом путь, не превращать различия в политических системах в препятствие для экономического сотрудничества». Он также сообщил, что в настоящее время на государственном уровне развитием китайско-американских торгово-экономических взаимоотношений занимаются «более 90 межправительственных механизмов сотрудничества», то есть разного рода комитетов, комиссий и т.п.³⁹

Таким образом, член Политбюро ЦК КПК Ван Ян от имени правительства КНР, в полном соответствии с установками Дэн Сяопина и, как можно предположить, в развитие не попавших в печать мыслей, высказанных китайским лидером Си Цзиньпином в ходе его бесед с президентом США в Калифорнии и на полях пекинского саммита АТЭС, заявил, что китайская политика реформ и открытости символизирует собой признание компартией Китая «руководящей роли» США в «мировом экономическом порядке» и мировой экономической системе, а также согласие играть в мировой экономике по установленным Соединенными Штатами правилам. Эту позицию он связал с обращенным к американской стороне пожеланием «уважать выбранный китайским народом путь», под которым понимается путь самобытного китайского социализма с также присущей ему «руководящей ролью», но уже компартии Китая.

Последнее означает, что ЦК КПК предлагает своим заокеанским партнерам признание Китаем руководящей роли США в мировой экономической системе в обмен на признание Соединенными Штатами руководящей роли компартии в Китае. И, естественно, на новые сверхприбыли американских компаний в Китае, которые им гарантирует КПК. Если США согласятся на эти условия, то будущее китайско-американских отношений на ряд лет вперед при отсутствии принципиальных изменений в соотношении мировых экономических и политических сил можно со значительной долей уверенности считать обеспеченным.

В этой связи необходимо указать, что выдвигенец Дэн Сяопина Ван Ян принадлежит к числу китайских партийных деятелей «реформаторского», то есть праволиберального, направления. Перед получением назначения в Пекин (конец 2012 г.) он работал секретарем парткома КПК провинции Гуандун, расположенной по соседству с Гонконгом и имеющей наиболее тесные из провинций КНР исторически сложившиеся связи с США, в том числе по линии китайской эмиграции. Видимо, эти обстоятельства были учтены центральными партийными органами Китая при его назначении на «американский участок».

Выступление Ван Яна в Чикаго, видимо, отражает общую позицию китайского руководства и лично Си Цзиньпина. В то же время оно побуждает не ослаблять внимания к процессам, происходящим во властных структурах КПК/КНР, и внутривластному развитию Китая в целом. Отмечу в этой связи, что заявление о признании Китаем руководящей роли США в мировой экономической системе не всем в КНР понравилось, что, в частности, нашло отражение в китайской блогосфере.

Несколько слов о позиции Китая в украинском вопросе. Иногда на нее смотрят, как представляется, слишком оптимистически, всячески выискивая признаки ее близости к позиции России. На самом деле, позиция Пекина в этом вопросе многослойна и складывается по меньшей мере из следующих элементов.

Во-первых, из анализа событий на Украине и развития отношений России с «коллективным Западом» сделан вывод, согласно которому эти отношения серьезно подорваны и такое положение в обозримом будущем сохранится. Это, по оценкам китайских экспертов, отвечает интересам Китая, поскольку замедлит анонсированный Б. Обамой «поворот в Азию» и дать Китаю «более широкое поле для маневра». Во-вторых, Пекин недоволен тем, что украинский кризис вносит новый элемент неопределенности и напряженности в международные отношения, а также негативно влияет на процесс восстановления мировой экономики, в чем он, с учетом сложного внутривластного и экономического положения Китая на данном этапе, не заинтересован. В-третьих, ряд китайских политиков и экспертов озабочены тем, что эта ситуация может «поссорить» их с Соединенными Штатами, что в их ближайшие планы также не входит. В-четвертых, далеко не всех в Пекине радует перспектива усиления России. В-пятых, налицо последовательная линия Китая на использование проблем в отношениях России с Западом для извлечения из них конкретных политических и экономических выгод.

Так что «понимание» Китаем позиции России по Крыму, о котором любят поговорить некоторые отечественные политологи, не равнозначно ее поддержке. Что касается официальной китайской позиции по Украине, то она, на мой взгляд, нашла наиболее полное выражение в ходе встречи главы правительства КНР Ли Кэцзяна и г-на Порошенко, которая состоялась 21 января 2015 г. в Давосе. В официальном сообщении «Жэньминь жибао» говорилось, что, как заявил премьер Ли Кэцзян, «со времени установления дипломатических отношений между Китаем и Украинской стороны строили свои отношения на основе взаимного уважения, равноправия, достигли больших результатов. Китай всегда уважал и будет уважать государственный суверенитет, независимость и территориальную целостность Украины, поддерживал и будет поддерживать путь развития Украины, соответствующий ее условиям. Китайская сторона желает продолжать разворачивать с украинской стороной прагматическое сотрудничество во всех областях, основанное на принципе взаимного выигрыша. В вопросе украинского кризиса китайская сторона придерживается объективной и справедливой позиции, отстаивает линию на политическое урегулирование и дальше будет продолжать играть в этом деле активную и конструктивную роль.

Порошенко заявил, что правительство Украины придает большое значение отношениям с Китаем, желает поддерживать с ним сотрудничество. Украинская сторона надеется, что в процессе политического урегулирования украинского кризиса китайская сторона будет играть еще более активную роль»⁴⁰.

На пресс-конференции в Пекине 15 марта с.г. Ли Кэцзян, комментируя вышеуказанную встречу в Давосе, отметил, что Порошенко даже специально уточнил, можно ли опубликовать изложенную тогда китайскую позицию, на что получил утвердительный ответ. Дословно Ли ответил: «Нет вопросов. опубликуйте мои слова в газетах»⁴¹.

Наконец, еще об одном. В нашей стране находятся люди, утверждающие, что между Россией и Китаем в настоящее время складывается некий «квасисоюз», а вообще-то надо создавать военно-политический союз между двумя нашими странами. Странно то, что в этом деле они, вопреки реальному положению дел, рассчитывают на поддержку Пекина. Хочется напомнить им заявление китайского министра иностранных дел на

пресс-конференции 8 марта с.г., где он еще раз пояснил, что Китай «устанавливает партнерские отношения и не вступает в союзы» с иностранными государствами. Число стран мира, с которыми он установил «партнерские» отношения, достигло семидесяти⁴².

Таковы некоторые факты, которые следовало бы учитывать при анализе перспектив отношений между Китаем, США и Россией.

1. URL: <https://www.census.gov/foreign-trade/balance/c5700.html>.
2. URL: <http://kyrgyztoday.kg/ru/analitika/item/22384>.
3. URL: <http://russian.people.com.cn/95181/8263012.html>.
4. URL: <http://www.politcom.ru/print.php?id=15874>.
5. China Daily. 2013. 7. June.
6. См.: Human rights record of the US in 2013. 28.02.2014. URL: http://www.chinahumanrights.org/Messages/feature/2014/07/t20140302_1150534.htm.
7. 2009 нянь мэйгодэ жэньцюань цзилу [Протокол прав человека в США в 2009 г.]. 12.03.2010. URL: <http://www.scio.gov.cn/zxbd/wz/201003/t571395.htm>.
8. Новый оборонный бюджет на 10,7% выше, чем в прошлом году // Жэньминь жибао. 06.03.2013. URL: <http://russian.people.com.cn/31521/8155189.html>; Расходы на оборону в бюджете Китая увеличатся на 12,2% в 2014 г. // Жэньминь жибао. 05.03.2014. URL: <http://russian.people.com.cn/31521/8554674.html>; Военные расходы Китая — куда уходят деньги? // Жэньминь жибао. 06.03.2015. URL: <http://russian.people.com.cn/n/2015/0306/c95181-8858890.html>.
9. The Military Balance 2015. IISS. 11.02.2015. URL: <https://www.iiss.org/en/publications/military%20balance/issues/the-military-balance-2015-5ea6>.
10. Perlo-Freeman S., Solmarino C. Trends in world military expenditure, 2013 // SIPRI. 2014. P. 2. URL: <http://books.sipri.org/files/FS/SIPRIFS1404.pdf>.
11. Запад не может определиться, насколько сильна армия Китая // Жэньминь жибао. 15.02.2015. URL: <http://russian.people.com.cn/n/2015/0215/c95181-8851204.html>.
12. Perlo-Freeman S., Solmarino C. Op.cit.
13. Запад не может определиться... Указ. соч.
14. Perlo-Freeman S., Solmarino C. Op.cit.
15. SIPRI Yearbook 2014. P. 188. URL: <http://www.sipri.org/yearbook/2014/files/sipri-yearbook-2014-chapter-4-section-iii>.
16. Lum Th., Dolven B. The Republic of the Philippines and U.S. interests — 2014. 15.05.2014. P. 7. URL: <https://fas.org/sgp/crs/row/R43498.pdf>.
17. Defense of Japan 2013. P. 1. URL: http://www.mod.go.jp/e/publ/w_paper/pdf/2013/28_Part2_Chapter2_Sec4.pdf.
18. Hiebert M., Nguyen Ph. Vietnam ramps up defense spending, but its challenges remain. 18.03.2015. URL: <http://amti.csis.org/vietnam-ramps-up-defense-spending-but-its-challenges-remain/>
19. Obama to China: Don't 'elbow' Philippines, Vietnam aside. 10.04.2015. URL: <http://www.interaksyon.com/article/108540/spratlys-dispute-dont-elbow-aside-ph-vietnam-obama-tells-china>.
20. Высказывания Вашингтона о проблеме вокруг Южно-Китайского моря похожи на поговорку «громче всех кричит "держи вора" сам вор» // Жэньминь жибао. 14.03.2015. URL: <http://russian.people.com.cn/n/2015/0413/c95181-8877249.html>; Строительство Китаям инфраструктуры на островах и рифах в Южно-Китайском море обоснованно и законно // Жэньминь жибао. 9.03.2015. URL: <http://russian.people.com.cn/n/2015/0309/c95181-8860235.html>.
21. Foreign Ministry Spokesperson Hong Lei's Regular Press Conference on April 29, 2015. URL: http://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/xwfw_665399/s2510_665401/2511_665403/t1259519.shtml.
22. Wu Shicun China — US Focus, 2015 0625. "U.S. Ambivalence in South China Sea" URL: <http://www.chinausfocus.com/peace-security/u-s-ambivalence-in-south-china-sea/>
23. Feng Zhang Provoking Beijing in the South China Sea Will Only Backfire on Washington. "The Foreign Policy", May 21, 2015. URL: http://foreignpolicy.com/2015/05/21/united-states-provoke-beijing-south-china-sea-air-defense-identification-zone/?utm_source=Saithru&utm_medium=email&utm_term=*Editors%20Picks&utm_campaign=2014_EditorsPicksRS5%2F21.

24. Chinese president meets US secretary of state on Sept. visit. "Xinhua", BEIJING, 17 May 2015. URL: http://news.xinhuanet.com/english/2015-05/17/c_134245970.htm.
25. Feng Zhang Provoking Beijing in the South China Sea Will Only Backfire on Washington. "The Foreign Policy", May 21, 2015. URL: http://foreignpolicy.com/2015/05/21/united-states-provoke-beijing-south-china-sea-air-defense-identification-zone/?utm_source=Sailthru&utm_medium=email&utm_term=*Editors%20Picks&utm_campaign=2014_EditorsPicksRS5%2F21.
26. Nathan Gardels Is America Ready for China as an 'Equal Brother?' "THEWORLDPOST", Nov 22, 2014. URL: <http://www.chinausfocus.com/foreign-policy/is-america-ready-for-china-as-an-equal-brother/>
27. Chen Jimin Risks Manageable for China-U.S. Relations, "China-US Focus", Jun 02, 2015. URL: <http://www.chinausfocus.com/foreign-policy/risks-manageable-for-china-u-s-relations/>
28. URL: <http://www.evandrocarvalho.com.br/?p=320>
29. Силь Цзы. Чжунго дэ даньдан [Ноша Китая]. Хайкоу, 2013. С. 20–21.
30. См., например: *Bowring Ph.* Beijing's dangerous arrogance in the South China Sea // The South China Morning Post. 2014. 18 May.
31. Ibid.
32. Эта формулировка впервые появилась в материалах XVIII съезда КПК.
33. Один из уголков китайской правительственной резиденции Чжуннаньхай.
34. Во время саммита АТЭС в Пекине в ноябре 2014 г.
35. Ван И. Шусе синь пяньчжан, кайци синь ханчэн. 2014 нянь Чжунго вайцзяо цюаньмянь буцзюй [Вписать новую страницу, проложить новый курс. Всестороннее развертывание внешней политики Китая в 2014 году // «Цюши». 2015. № 1.
36. Вайцзяо бучжан Ван Ицзю Чжунго вайцзяо чжэнцэ хэ дуйвай гуаньси хуйда чжунвай цзинчжэ тивэнь [Министр иностранных дел Китая Ван И ответил на вопросы китайских и иностранных журналистов относительно внешней политики Китая и его отношений с иностранными государствами] // Жэньминь жибао. 2015. 9 марта.
37. Чжун Шэн. Чисюй туйцзинь чжунмэй синь син да го гуаньси [Устойчиво двигать вперед отношения нового типа между Китаем и США] // Жэньминь жибао. 2014. 13 нояб.
38. У е ши фэнь Си Цзиньпин юй Аобама Чжуннаньхай мигань [Тайная ночная беседа Си Цзиньпина и Обамы в Чжуннаньхае]. URL: <http://b5.secreichina.com/news/14/11/15/559809.html>. Дата обращения: 28 июня 2015 г.
39. Чжунмэй цзинци хобань чжи лу юэ цзоу юэ куаньгуан. Ван Ян фуцзунли цзай чжунмэй шанье гуаньси луньтань шан дэ чжучжи яньцзян [Путь китайско-американского экономического партнерства становится все шире. Речь заместителя Премьера Госсовета Ван Яна на форуме по китайско-американским торговым отношениям]. URL: <http://www.mofcom.gov.cn/article/ae/ai/201412/20141200840915.shtml>. Дата обращения: 28 июня 2015 г.
40. Ли Кэцян хуйцзянь Укэлань цзунтун Боллошенькэ [Ли Кэцян встретился с президентом Украины Порошенко] // Жэньминь жибао. 2015. 23 янв.
41. Гоюань цзунли Ли Кэцян да чжунвай цзинчжэ вэнь цюаньвэнь шилу [Стенограмма ответов Премьера Госсовета Ли Кэцяна на вопросы китайских и иностранных журналистов] // Жэньминь жибао. 2015. 16 марта.
42. Вайцзяо бучжан Ван Ицзю Чжунго вайцзяо чжэнцэ хэ дуйвай гуаньси хуйда чжунвай цзинчжэ тивэнь [Министр иностранных дел Китая Ван И ответил на вопросы китайских и иностранных журналистов относительно внешней политики Китая и его отношений с иностранными государствами] // Жэньминь жибао. 2015. 9 марта.

Экономика

Роль и место малого предпринимательства в экономике КНР на новом этапе экономической реформы

© 2015

В. Чуванкова

Рассматриваются роль и место малого предпринимательства в экономике КНР на новом этапе экономической реформы. Особое внимание уделено положению в индивидуальном и частном секторах экономики — основной составляющей малого бизнеса в стране.

Ключевые слова: Китай, малые и микропредприятия, частный и индивидуальный сектор, Третья Всекитайская экономическая перепись, сессия ВСНП.

В ходе реализации задач 12-й пятилетки КНР (2011–2015 гг.) особое значение придается поддержке мелкого и среднего предпринимательства с акцентом на развитие мелких и микропредприятий. В этот период особенно активизировалась деятельность таких структур, повысился их экономический потенциал как по количественным, так и по качественным параметрам, расширились рамки и география производственных интересов.

В докладе премьер-министра Госсовета КНР Ли Кэцзяна на 3-й сессии ВСНП 12-го созыва (март 2015 г.) отмечено, что главными «моторами» развития экономики на современном этапе экономической реформы должны служить широкая предпринимательская инициатива и массовая инновационная деятельность. У средних, мелких и микропредприятий налицо большие перспективы. Их приумножение будет не только способствовать наращиванию общего объема экономики, но поможет расширению рамок трудоустройства, росту доходов населения, увеличению общественных услуг¹.

Согласно данным Государственного промышленно-торгового административного управления КНР, малый и средний бизнес создает 60% ВВП страны, 50% общего объема налоговых поступлений в бюджет, 65% технических патентов и более 80% новых видов инновационной продукции. На долю малых и микропредприятий приходится 94,2% общего числа зарегистрированных в промышленно-торговой системе Китая рыночных субъектов. 70% городских жителей Китая и свыше 80% трудящихся мигрантов (и рабочих, и крестьян) заняты на мелких и микропредприятиях².

В соответствии с новыми «Стандартными требованиями к малым и средним предприятиям в различных отраслях экономики», принятыми в 2011 г., в которых микро-

---

Чуванкова Валентина Васильевна, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Центра экономических и социальных проблем ИДВ РАН. Тел.: 8(499)124-03-10; E-mail: chuvankova@ifes-ras.ru.

предприятия впервые выделены в самостоятельную категорию, к малым и микропредприятиям относятся:

- предприятия в сфере сельского, лесного и рыбного хозяйства, доходы от хозяйственной деятельности которых не превышают 5 млн юаней;
- промышленные и транспортные предприятия с числом занятых не более 300 человек и доходами от хозяйственной деятельности не выше 20 млн и 30 млн юаней соответственно;
- предприятия общественного питания с числом занятых менее 100 человек и доходами от хозяйственной деятельности не выше 20 млн юаней;
- предприятия оптовой торговли с числом занятых до 20 человек и доходами от хозяйственной деятельности менее 50 млн юаней и предприятия розничной торговли, где трудятся не более 50 человек, а доходы не выше 5 млн юаней;
- для микропредприятий средний показатель численности занятых установлен в пределах 10 человек, величина доходов от хозяйственной деятельности — менее 1 млн юаней³.

На новом этапе экономической реформы и структурной трансформации модели экономики поддержка малого и микропредпринимательства стала одним из главных направлений деятельности китайского руководства. Оно продолжает концентрировать внимание на создании благоприятных условий административного, налогового и финансового регулирования для роста численности и экономического потенциала малых и микропредприятий, становящихся генерирующим фактором роста экономики и продвижения технологических инноваций.

Важную роль в этом процессе сыграли проведенные в 2013–2014 гг. Государственным промышленно-торговым административным управлением КНР обследования деятельности малых и микропредприятий и 3-я Всекитайская экономическая перепись, в которой большое внимание уделялось экономическому состоянию частных и индивидуальных предприятий и в качестве отдельного объекта исследования были выделены малые и микропредприятия со статусом юридического лица.

По результатам этих обследований в 2014 г. были опубликованы два важных документа, в которых впервые предпринята попытка составить объективную и полную характеристику состояния малого бизнеса на современном этапе: «Доклад о развитии мелких и микропредприятий в КНР», подготовленный в марте 2014 г. упомянутым Государственным промышленно-торговым административным управлением КНР, и материалы 3-й Всекитайской экономической переписи (декабрь 2014 г.).

Оба документа, дополняя друг друга, сыграли важную роль в выявлении статуса и экономического потенциала мелких и микропредприятий, их вклада в экономику, их проблем и перспектив. Данные исследования позволят центральному и местным правительствам эффективнее поощрять и направлять развитие предприятий этой категории, оказывать им адресную поддержку и льготные преференции, обеспечивать более высокий уровень сервиса на новом этапе экономической реформы. Основная часть полученных статистических показателей обнародована в Китае впервые.

В докладе Государственного промышленно-торгового административного управления КНР упор сделан на определении места и роли малых и микропредприятий в общей структуре предприятий всех видов и форм собственности, действующих в 3-х сферах индустрии. Важным направлением исследования стало определение их экономического потенциала и регионального размещения.

Как показало обследование, на конец 2013 г. в КНР насчитывалось 15,28 млн предприятий различного типа со статусом юридического лица. Среди них зарегистрировано 11,7 млн малых и микропредприятий, или 76,6% от общего количества.

Структура малых и микропредприятий по формам собственности дифференцирована. Среди частных предприятий малые и микропредприятия — основная форма. К ним

относится подавляющее большинство предприятий — 80,7%. В их внутренней структуре 85% составляют микропредприятия, 15% — мелкие. Доля малых и микропредприятий среди государственных и коллективных предприятий составила 61,4%, среди предприятий, основанных на иностранном капитале — 53,9%⁴. Индивидуальные же предприятия, в соответствии с новыми Стандартными требованиями, фактически все причисляются к категории микропредприятий, поскольку они используют менее 10 наемных работников (несмотря на отмену действующих до сентября 2011 г. ограничительных правил).

Территориальное размещение малых и микропредприятий варьируется не только по регионам, но и внутри провинций и городов, между городскими и сельскими районами. В докладе приведены данные по удельному весу малых и микропредприятий в региональной структуре за 2011–2013 гг., т.е. после выделения последних в самостоятельную категорию.

Судя по таблице 1, динамика этих показателей за три года не претерпела существенных изменений, хотя положительная тенденция роста прослеживается. В восточных провинциях темпы приумножения малых и микропредприятий замедляются, тогда как в западных регионах наблюдается некоторый рост темпов развития, поскольку там есть значительные резервы для их создания и успешного функционирования.

Подавляющее большинство малых и микропредприятий — 60,4% — сосредоточены в 11 восточных провинциях и городах. В них же сконцентрировано 2/3 общего числа промышленных предприятий этой категории. На долю 8 центральных провинций приходится 20,4% таких предприятий, на 12 западных провинций, автономных районов и городов — 17,2%.

Лидирует по количеству малых и микропредприятий провинция Фуцзянь, где на них приходится свыше 95% общего числа предприятий. Свыше 90% таких предприятий сосредоточены в пров. Хэнань, Цзянси, Шаньси и в г. Тяньцзинь. На 2-м месте пров. Хубэй, Ляонин, Хайнань, Аньхой, Шаньдун, Нинся, Шэньси, Цинхай, в которых их доля составляет 80–90%, а также два города центрального подчинения — Пекин и Шанхай. Наименьший удельный вес малых и микропредприятий — в провинции Хэйлуунцзян (48%) и АР Внутренняя Монголия (48,5%).

Значительное место в докладе уделено анализу проблем и трудностей, с которыми сталкиваются малые и микропредприятия. В нем отмечено, что они есть хрупкая и чувствительная к внешним изменениям структура, обладающая, однако, большими жизненными силами. Отличительная особенность мелкого бизнеса — его доступность для широкого круга людей в качестве сферы деятельности, ибо он способен функционировать без крупных финансовых вложений, материальных и трудовых ресурсов. Затраты, связанные с трудоустройством новой рабочей силы на малых и микропредприятиях, в 4–5 раз меньше, чем на средних, а производительность труда и фондоемкость использования рабочей силы на единицу продукции значительно выше.

Однако из-за малых масштабов, слабой защиты от рисков, их зависимость от экономических условий выше, чем у предприятий других типов. Отрицательно на их развитие также влияют скученность, проблемы с финансированием и его дороговизна, преимущественное распределение финансовых и социальных ресурсов в пользу средних предприятий. Все большее число малых и микропредприятий страдает из-за замедления экономического развития страны в последние годы.

Согласно упомянутым опросам, за последние годы лишь 12% малых и микропредприятий показали быстрый рост хозяйственного оборота (в 30 и более процентов). У основной массы остальных предприятий развитие было медленным. 46,8% малых и микропредприятий страдали от трудностей со сбытом продукции и отсутствия рыночного спроса, 23,7% жаловались на отсутствие заказов, 58,1% ощущали конкурентное давление. Только треть владельцев малых и микропредприятий имела большой предпринимательский опыт.

Таблица 1

Удельный вес малых и микропредприятий в региональной структуре предприятий в 2011–2013 гг., (%)

№п/п		2011 г.	2012 г.	2013 г.
1	Всего	76	76	76,5
2	Пекин	86	86	86
3	Тяньцзинь	90,5	90,5	90
4	Хэбэй	68	68	68
5	Шаньси	94	94	94
6	Внутренняя Монголия	49	49	48,5
7	Ляонин	87	87,5	87
8	Цзилинь	78	79	78
9	Хэйлунцзян	48	48	48
10	Шанхай	84	85	85
11	Цзянсу	59	59	59
12	Чжэцзян	64	66	66
13	Аньхой	86	86	86
14	Фуцзянь	95	95	95,5
15	Цзянси	90	90	90
16	Шаньдун	86	86	86
17	Хэнань	92	93	93
18	Хубэй	88	88	88
19	Хунань	68	68	69
20	Гуандун	77	77	77
21	Гуанси	77	78	78
22	Хайнань	84	85	87
23	Чунцин	80	81	81
24	Сычуань	57	57	57
25	Гуйчжоу	59	59	59
26	Юньнань	76	76	76
27	Тибет	73	72	73
28	Шэньси	82	78	82
29	Ганьсу	53	54	55
30	Цинхай	81	84	82
31	Нинся	83	83	83
32	Синьцзян	78	78	78

Источник: Составлено и рассчитано по: URL: http://www.saic.gov.cn/ywdt/gsyw/xxzb/201403/t20140331_143495.html.

Перечисленные факторы свидетельствуют, что эта категория предприятий остро нуждается в дополнительной поддержке государства, привлечении инвестиций, расширении кредитования и налоговых льгот.

3-я Всекитайская экономическая перепись проводилась по состоянию на 31 декабря 2013 г. По законодательству, экономические переписи здесь проводятся раз в 5 лет. Ими должны быть охвачены все без исключения действующие на территории Китая субъекты со статусом юридического лица, а также зарегистрированные индивидуальные хозяйства, занятые во II и III сферах экономики (т.е., в промышленности, строительстве и многочисленных отраслях сферы услуг). Проверка качества полученных переписью данных показала, что комбинированный коэффициент ошибок составил 3,3%.

Цель переписи — сбор сведений об основных характеристиках объектов экономики в промышленности и индустрии услуг, об их персонале, финансовом и производственно-хозяйственном состоянии, экономическом потенциале, ситуации с потреблением сырьевых материалов, энергетических и других основных ресурсов, с их научно-технической деятельностью, а также выявление и конкретизация статуса и организационной структуры.

Перепись показала, что в конце 2013 г. в этих двух сферах в КНР насчитывалось 10,86 млн субъектов со статусом юридического лица. На них было занято 356,0 млн человек. Рост по сравнению с данными 2-ой Всекитайской экономической переписи (конец 2008 г.) составил 52,9% и 30,4% соответственно. Среди них: 8,21 млн — предприятия, 1,04 млн — государственные ведомства и учреждения, 1,61 млн — общественные организации и другие объекты⁵.

Частные национальные предприятия в переписи учитываются в составе предприятий со статусом юридического лица и преобладают в их структуре. На частные предприятия в 2013 г. приходилось 68,3% общего числа предприятий, в абсолютном выражении — 5,6 млн единиц. Доля госпредприятий — 1,3%, коллективных — 1,6%, компаний с ограниченной ответственностью — 18,1%, предприятий, основанных на иностранном капитале и капитале Гонконга, Макао и Тайваня — 2,5% (табл. 2)

Таблица 2

Структура предприятий, зарегистрированных во II и III сферах экономики и имеющих статус юридического лица, в 2013 г.

	Число предприятий (млн ед.)	Удельный вес (%)
Всего	8,21	100
Национальные предприятия, в том числе:	8,00	97,4
— государственные	0,11	1,3
— коллективные	0,13	1,6
— на основе паевой кооперации	0,07	0,9
— совместные	0,02	0,2
— компании с ограниченной ответственностью	1,49	18,1
— акционерные компании с ограниченной ответственностью	0,12	1,5
— частные предприятия	5,60	68,3
— прочие	0,46	5,6
Предприятия на капитале Гонконга, Макао и Тайваня	0,10	1,2
Предприятия на иностранном капитале	0,11	1,3

Источник: Составлено и рассчитано по: URL: http://www.stats.gov.cn/tjsj/zxfb/201412/t20141216_653709.html; табл. 1–3.

Наиболее быстро развивающимися отраслями во II и III сферах экономики, согласно переписи, стали: оптовая и розничная торговля (численность таких предприятий увеличилась по сравнению с 2008 г. на 25,9% и достигла 2,81 млн; обрабатывающая промышленность — прирост 2,25 млн предприятий (20,7%) государственное управление, социальное обеспечение и социальные организации — их число достигло 1,52 млн единиц (прирост: 14%).

Таблица 3

Отраслевая структура субъектов со статусом юридического лица во II и III сферах экономики и зарегистрированных индивидуальных предприятий в 2013 г.

	Число юридических субъектов		Занятые		Число индивидуальных предприятий		Занятые	
	млн ед.	уд. вес (%)	млн чел.	уд. вес (%)	млн ед.	уд. вес (%)	млн чел.	уд. вес (%)
Всего	10,86	100	356,02	100	32,79	100	90,13	100
Добывающие предприятия	0,08	0,7	10,35	2,9	0,01	0,1	0,12	0,1
Обрабатывающая промышленность	2,25	20,7	125,15	35,2	1,75	5,3	9,38	10,4
Производство и распределение электро- и тепловой энергии, газа, воды	0,07	0,6	4,85	1,4	0,01	0,1	0,02	0,1
Строительство	0,35	3,2	53,20	14,9	0,18	0,5	0,91	1,0
Оптовая и розничная торговля	2,81	25,9	33,15	9,3	16,43	50,1	41,67	46,2
Транспортировка, хранение, связь	0,26	2,4	12,99	3,6	8,78	26,7	16,74	18,5
Гостиничный сервис и общественное питание	0,20	1,8	6,92	1,9	2,41	7,3	10,69	11,9
Информационные услуги, программное обеспечение, технологическое обслуживание	0,23	2,1	5,52	1,6	0,10	0,3	0,26	0,3
Финансовые услуги	0,03	0,3	5,31	1,5	—	—	—	—
Недвижимость	0,34	3,1	8,89	2,5	0,05	0,2	0,14	0,2
Лизинг и бизнес-услуги	0,92	8,5	13,29	3,7	0,30	0,9	0,87	1,0
Научные исследования и техническое обслуживание	0,46	4,2	8,10	2,3	0,12	0,4	0,39	0,4
Охрана водных ресурсов и окружающей среды, коммунальные услуги	0,09	0,8	2,98	0,8	0,01	0,1	0,01	—
Помощь на дому, ремонт и другие услуги	0,19	1,8	2,92	0,8	2,14	6,5	7,15	7,9
Образование	0,42	3,9	19,14	5,4	0,06	0,2	0,32	0,4
Здравоохранение и социальные услуги	0,25	2,3	9,18	2,6	0,21	0,6	0,58	0,6
Культура, спорт, развлечения	0,23	2,2	3,09	0,9	0,17	0,5	0,74	0,8
Государственное управление, социальное обеспечение и социальные организации	1,52	14,0	27,09	7,6	—	—	—	—
Прочие	0,16	1,5	3,90	1,1	0,05	0,2	0,14	0,2

Примечание: В «Прочие» входят предприятия со статусом юридического лица, предоставляющие услуги в сельском и лесном хозяйстве, рыболовстве, и индивидуальные хозяйства, предоставляющие те же услуги.

Источник: Составлено и рассчитано по: URL: http://www.stats.gov.cn/tjsj/zxfb/201412/120141216_653709.html; табл. 1–2, 1–4.

Наибольшее число занятых сосредоточено в обрабатывающей промышленности — 125,15 млн человек. Их удельный вес в общей численности трудоустроенных в этих сферах достиг 35,2%. В строительстве — 53,21 млн человек (14,9%). На 3-м месте — оптовая и розничная торговля (33,15 млн занятых — 9,3%). На 4-м — лизинг и бизнес услуги (0,92 млн предприятий при 13,29 млн занятых (табл. 3).

Как следует из статистических показателей таблицы 4, в отраслевой структуре предприятий в КНР, зарегистрированных во II и III сферах экономики и имеющих статус юридического лица, а также лиц, занятых на них, практически во всех отраслях преобладают *частные предприятия*. Так, в промышленности на них приходится 73,3% общей численности предприятий, действующих в этой отрасли — 1,76 млн; в оптовой и розничной торговле — 70,1% (1,97 млн предприятий); в строительстве — 65,7% (0,23 млн); в сфере информационных услуг, программного обеспечения и технологического обслуживания — 68,2% (0,15 млн). В других отраслях их доля также высока и составляла от 43,5 до 65%.

В общем числе занятых в основных отраслях промышленного сектора и сферы услуг на частные предприятия приходится от 30 до 53% трудоустроенных. В том числе: в промышленности работает 62,72 млн человек (44,7% от общего числа занятых в отрасли); в строительстве — 22,63 млн (42,5%); в оптовой и розничной торговле — 17,58 млн (53,0%); в сфере лизинга и сервиса — 5,41 млн (40,7%); в научных исследованиях и техническом обслуживании — 2,25 млн (27,8%) (табл. 4).

Таким образом, во внутренней структуре частных предприятий и занятых на них преобладают промышленность, строительство, оптовая и розничная торговля, гостиничный сервис и общественное питание, аренда и бизнес-услуги. Быстрыми темпами множатся частные предприятия и число трудоустроенных на них в таких сферах, как информационные услуги, программное обеспечение, технологическое и техническое обслуживание, научные исследования.

Особое место перепись уделила состоянию *индивидуального сектора*, который, как уже упоминалось, полностью отнесен к микропредприятиям. На конец 2013 г. в Китае во II и III сферах экономики функционировало 32,79 млн индивидуальных предприятий. Рост по сравнению с 2008 г. составил 14,1% (в абсолютном выражении — 4,05 млн хозяйств). Подавляющая часть — 94,3% (30,91 млн) сосредоточена в III сфере экономики. В отраслях II сферы экономики насчитывалось лишь 1,88 млн предприятий (5,7%). Число занятых увеличилось на 8,18 млн человек (рост на 10%) и достигло 90,13 млн⁶. Общий их уставный капитал составил 2,43 млрд юаней⁷.

Судя по данным, приведенным в таблице 3, подавляющая часть индивидуальных предприятий и занятых на них относятся к оптовой и розничной торговле (50,1% общего числа индивидуальных предприятий и 46,2% занятых). В абсолютном выражении: 16,43 млн предприятий и 41,67 млн человек. Эти показатели соответственно в 2,3 и 1,3 раза выше, чем у аналогичных предприятий со статусом юридического лица. На 2-м месте — транспорт, складское хозяйство и связь, где числится 8,78 млн предприятий (удельный вес — 26,8%), 3-е место заняли гостиничный сервис и общественное питание: 2,41 млн предприятий (удельный вес — 7,3%) при 10,69 млн занятых. На обрабатывающую промышленность приходится 5,3% предприятий и 10,4% занятых (в абсолютном выражении — 1,75 млн и 9,38 млн соответственно). В сфере оказания помощи на дому, ремонта и иных услуг населению занято 7,15 млн человек и 2,14 млн предприятий (удельный вес: 7,9 и 6,5% соответственно). На долю названных сфер в структуре индивидуального сектора приходится 95,9% предприятий и 94,9% занятых. Удельный вес всех других отраслей хозяйственной деятельности индивидуальных труженников — менее 5% от численности предприятий и занятых.

Таблица 4

Отраслевая структура зарегистрированных частных предприятий в основных отраслях II и III сфер экономики со статусом юридического лица и занятых на них в 2013 г.

	Число предприятий в отрасли (млн ед.)	Число частных предприятий (млн ед.)	Уд. вес частных предприятий в отрасли (%)	Численность занятых в отрасли (млн чел.)	Занятые на частных предприятиях (млн чел.)	Уд. вес частных предприятий в отрасли (%)
Промышленность	2,40	1,76	73,3	140,35	62,72	44,7
Строительство	0,35	0,23	65,7	53,20	22,63	42,5
Оптовая и розничная торговля	2,81	1,97	70,1	33,15	17,58	53,0
Транспорт, складское хозяйство, связь	0,26	0,16	64,0	12,99	3,33	25,6
Гостиничный сервис, общественное питание	0,20	0,13	65,0	6,92	3,27	47,2
Информационные услуги, программное обеспечение и технологическое обслуживание	0,23	0,15	68,2	5,52	1,71	31,0
Лизинг и бизнес-услуги	0,92	0,51	55,4	13,29	5,41	40,7
Научные исследования и техническое обслуживание	0,46	0,2	43,5	8,10	2,25	27,8

Источники: Составлено и рассчитано по:

URL: http://www.stats.gov.cn/tjsj/zxfb/201412/t20141216_653709.html; табл. 1–2, 1–4.

URL: http://www.stats.gov.cn/tjsj/zxfb/201412/t20141216_653695.html; табл. 2–1, 2–7.

URL: http://www.stats.gov.cn/tjsj/zxfb/201412/t20141216_653701.html; табл. 3–2, 3–4, 3–7, 3–9, 3–15, 3–16.

В материалах 3-й Всекитайской экономической переписи впервые в отдельную категорию исследования выделены *малые и микропредприятия со статусом юридического лица*. Показан их экономический потенциал и структура. На конец 2013 г. в промышленном секторе и сфере услуг насчитывалось 7,85 млн малых и микропредприятий различных форм собственности, сосредоточенных в отраслях II и III сфер экономики, на долю которых приходилось 95,6% от общего числа предприятий со статусом юридического лица (8,21 млн), зарегистрированных в КНР, 50,4% занятых (147,3 млн человек), 29,6% от общего объема активов китайских предприятий⁸.

Что касается отраслевого распределения, то почти 75% малых и микропредприятий сосредоточены в трех отраслях. В промышленности действовало 2,34 млн предприятий (их удельный вес — 29,8%); в оптовой и розничной торговле — 2,73 млн предприятий (34,7%); лизинговые и бизнес-услуги оказывали 780 тыс. малых и микропредприятий (10%). Наименьшее количество занято в гостиничном сервисе — 0,9%, в эксплуатации и управлении недвижимым имуществом — 1,2%, в сфере информационных услуг, программного обеспечения и технического обслуживания — 2,3% (табл. 5).

Таблица 5

Экономический потенциал и структура малых и микропредприятий со статусом юридического лица в 2013 г.

	Число предприятий (млн ед.)	Уд. вес (%)	Число занятых (млн чел.)	Уд. вес (%)	Основные фонды (трлн юаней)	Уд. вес (%)
Всего	7,85	100	147,30	100	138,4	100
Промышленность	2,34	29,8	74,04	50,3	40,8	29,5
Строительство	0,32	4,1	16,75	11,4	5,0	3,6
Транспортировка	0,21	2,7	4,63	3,1	5,2	3,8
Складское хозяйство	0,03	0,3	0,42	0,3	1,1	0,8
Почтовые услуги (связь)	0,01	0,2	0,23	0,2	0,1	—
Информационные услуги	0,03	0,4	0,41	0,3	1,4	1,0
Программное обеспечение и технологическое обслуживание	0,18	2,3	1,74	1,2	1,6	1,2
Оптовая торговля	1,70	21,6	14,58	9,9	12,7	9,2
Розничная торговля	1,03	13,1	7,66	5,2	3,2	2,3
Гостиничный сервис	0,07	0,9	1,68	1,1	0,6	0,4
Общественное питание	0,12	1,5	2,57	1,7	0,4	0,3
Эксплуатация недвижимого имущества	0,10	1,2	1,82	1,2	18,7	13,5
Управление имуществом	0,10	1,3	2,78	1,9	1,2	0,9
Лизинг и бизнес услуги	0,78	10,0	9,45	6,4	36,8	26,6
Другие отрасли	0,78	9,0	7,82	5,3	9,3	6,7
Прочие	0,05	0,7	0,72	0,5	0,3	0,2

Примечание: Статья «Прочие» включает предприятия со статусом юридического лица, оказывающие услуги для сельского, лесного и рыбного хозяйства.

Источник: Составлено и рассчитано по: URL: http://www.stats.gov.cn/tjsj/zxfb/201412/t20141216_653709.html; табл. 1–5.

В промышленности было создано 74,04 млн рабочих мест (50,3% всех занятых), в оптовой и розничной торговле — 22,24 млн человек (15,1%), в строительстве — 16,75 млн (11,4%), в сфере лизинга и бизнес-услуг — 9,45 млн человек (6,4%). На остальные отрасли из списка отраслей приходится 16,8% общего числа занятых.

Как следует из таблицы 5, основные фонды мелких и микропредприятий достигли 138,4 трлн юаней. В том числе, 40,8 трлн юаней — в промышленности; в аренду и бизнес-услуги вложено 36,8 трлн; в сферу эксплуатации недвижимости и управления имуществом — 29,9 трлн; в оптовую и розничную торговлю — 15,9 трлн. В этих 4-х сферах деятельности сконцентрировалось 82% общего объема активов. Меньше всего уставного капитала — в сфере информационных услуг, программного обеспечения и технического обслуживания — 2,2% общего объема (3 трлн юаней).

Если к малым и микропредприятиям со статусом юридического лица присоединить 32,79 млн индивидуальных хозяйств, действующих во II и III сферах экономики, то общая численность предприятий этой категории в 2013 г. составила 40,64 млн. На них нашли работу 237,43 млн человек, т.е. 30,8% экономически активного населения. Совокуп-

ный уставный капитал составил 140,83 трлн юаней (с учетом 2,43 трлн юаней в индивидуальном секторе), тогда как все активы госпредприятий насчитывали 104,1 трлн юаней⁹.

Таким образом, результаты 3-й Всекитайской экономической переписи и доклад Государственного промышленно-торгового административного управления КНР в очередной раз продемонстрировали быстро возрастающую экономическую и социальную роль мелкого предпринимательства в КНР, включая содействие росту занятости населения.

* * *

В 2014 г. умножение частных и индивидуальных предприятий продолжалось во всех трех сферах экономики. И хотя темпы экономического роста замедлились, количество рабочих мест не только не сократилось, но, наоборот, возросло. Этому в значительной мере способствовало проведение после XVIII съезда КПК (2012 г.) и 3-го пленума ЦК КПК 18-го созыва (ноябрь 2013 г.) комплекса мероприятий по поддержке мелкого предпринимательства: в частности, предоставление им налоговых и финансовых преференций, отмена чрезмерных контрольных функций административных органов на местах, введение с марта 2014 г. упрощенной системы регистрации уставного капитала новых субъектов хозяйствования и пр.

В результате численность занятых в этих секторах к концу 2014 г. увеличилась по сравнению с 2013 г. на 31,18 млн человек, достигнув 250 млн.¹⁰ Число предприятий превысило 60 млн (из них более 46 млн — индивидуальные). Общий объем уставного капитала приблизился к 50 трлн юаней. Доля национальных частных инвестиций в основные фонды (без учета крестьянских дворов) составила более 64%¹¹. Доля добавленной стоимости сферы услуг в ВВП страны выросла до 48,2%, обогнав показатель промышленности (42,6%)¹². Большая заслуга в этом, несомненно, принадлежит активному развитию малого предпринимательства в КНР.

3-я сессия ВСНП 12-го созыва вновь отметила необходимость без малейших колебаний поощрять, поддерживать и направлять в ходе всестороннего углубления реформ развитие необщественного сектора экономики, уделяя при этом основное внимание выявлению возможностей предпринимателей, осуществляя политику и меры по содействию развитию малых и микропредприятий, активнее поощрять и стимулировать частные инвестиции в базовые отрасли производства, в городское и коммунальное хозяйство, в социальную сферу, финансовый сервис и другие сферы¹³.

1. Жэньминь жибао. 2015. 17 марта.
2. URL: http://www.saic.gov.cn/ywdt/gsyw/zjyw/xxb/201403/t20140333_143495.html — Доклад о развитии малых и микропредприятий.
3. URL: http://www.acfic.org.cn/publicfiles/business/htmlfiles/qggsj/jjb_jjzc/201107/28226.html. Подробнее см.: Чуванкова В. Государственная поддержка мелкого и среднего предпринимательства в КНР: новый этап // Пробл. Дальнего Востока. 2013. № 3. С. 82–83.
4. URL: http://www.saic.gov.cn/ywdt/gsyw/xxb/201403/t20140331_143495.html.
5. URL: http://www.stats.gov.cn/tjsj/zxfb/201412/t20141216_653709.html; табл. 1–1.
6. URL: http://www.stats.gov.cn/tjsj/zxfb/201412/t20141216_653709.html; табл. 1–1, 1–4.
7. URL: <http://russion.people.com.cn/31521/8511480.html>.
8. URL: <http://russion.people.com.cn/n/2014/1216/c31518-8823589.html>.
9. URL: <http://russion.people.com.cn/2014/0729/c31518-8762013.html>.
10. URL: <http://russion.people.com.cn/2015/0123/c31518-8840294.html>.
11. Жэньминь жибао. 2015. 18 марта.
12. Там же. 2015. 26 февраля.
13. Там же. 2015. 17 марта.

Дискуссионная трибуна

Путь китайской модернизации (1949–2014)

© 2015

Ху Аньган

В сфере внимания автора статьи — видного китайского политолога — определение и содержание модернизации; ее исторические этапы, генезис ее понимания и толкования в руководстве КПК разных поколений, специфика модернизации по-китайски, влияние на нее со стороны внешнего мира.

Ключевые слова: модернизация, инновации, социализм с китайской спецификой, Си Цзиньпин, расчеты ВВП по ППС.

Шесть с половиной десятилетий назад Народный политический консультативный Совет Китая принял «Единую программу» и избрал состав Постоянного комитета Центрального правительства, Мао Цзэдун провозгласил образование Китайской Народной Республики. «С этого момента, — заявил он — начался новый этап истории Китая»¹. «В будущем мы будем жить на планете как народ с высокой культурой»².

К тому моменту отставание Китая от Запада составляло несколько столетий, от Японии — 70–80 лет. Каким образом претворить в жизнь модернизацию и индустриализацию? Как догнать идущих впереди? Есть ли у Китая шанс самому стать государством-пионером и инноватором? Оглядываясь назад, мы только сейчас осознаем, что 1949 г. дал начало новой великой эпохе, эпохе индустриализации и модернизации, эпохе китайского социализма, эпохе великого возрождения китайской нации.

С 1949 г. лейтмотивом развития Китая стала социалистическая модернизация: великая цель, к которой стремились поколения китайских лидеров. Они сталкивались с рядом базовых вопросов: что есть модернизация, в какой точке истории начинается модернизация и в какой — индустриализация, что собой представляет социалистическая модернизация в КНР, как определить ее стратегические цели и как достигать ее задач на разных этапах?³ Китайские руководители не сразу находили ответы на поставленные историей вопросы, не с самого начала полностью и всесторонне осознали их. Это был и есть непрерывный процесс практики и рефлексии; процесс проб и ошибок, успехов и поражений, остановок и прорывов: безостановочный инновационный путь китайской модернизации.

Ху Аньган, директор Института исследований современного Китая, почетный доктор ИДВ РАН. E-mail: kongdh@tsinghua.edu.cn

Что есть модернизация и каково ее предназначение

Как возникает, развивается и меняется китайская социалистическая модернизация? Может ли Китай, приступив к ней в момент отсталости и упадка, найти свой собственный путь, догнать и превзойти уровень западных стран? Эти вопросы затрагивают самые основы теории модернизации как таковой и ее китайской практики.

Мы определяем модернизацию как «затрагивающий все общество сверху донизу процесс стремительных изменений и трансформаций, непрерывно вызываемых взаимодействием ряда современных факторов»⁴.

Практика китайской модернизации есть образец успешного, весьма богатого по содержанию, превзошедшего западную модернизацию преобразования, осуществленного в самой многонаселенной стране мира. Какой смысл заложен в понятие «модернизации»? Какое направляющее и стимулирующее значение он имеет для преобразования Китая? На наш взгляд, здесь можно выделить пять основных аспектов:

Во-первых, модернизация есть исторически развивающееся понятие, оно не остается неизменным, определенным раз и навсегда. По мере ее внедрения и накопления знаний о ней это понятие обогащается, уточняется. У модернизации нет неизменной схемы или единственного пути. Она не тождественна вестернизации: напротив, каждая страна может идти своим путем. Китайский путь не копирует западную модернизацию — лишь учится у нее, добавляя свои новации и превосходя ее.

Во-вторых, модернизация охватывает общество в целом. Т.е. она касается не только экономики (хотя та служит базой трансформации общества). Модернизация охватывает социальную, политическую, культурную, личностную сферы, а также построение экологической цивилизации и перестройку армии, системы национальной обороны. Т.е. модернизация не одномерна, включая в себя органичный синтез многих компонентов. Модернизация не ограничивается частью общества, а охватывает все население: не только города, но и сельскую местность; не только прибрежные области, но и «глубинку» КНР; не только этнически ханьские территории, но и регионы проживания нацменьшинств. Понимаемая так модернизация Китая является, несомненно, социалистической, ибо и образование, и культура, и социальная защита, и основы политической системы — все должно обратиться к модернизации лицом, охватывая все население, проявляя внимание к каждому человеку.

В-третьих, модернизация есть сочетание ряда современных факторов, включая современные земельные, природные, сырьевые, экономические, трудовые, образовательные, научные, технологические, культурные, информационные, идеологические, институциональные и правовые факторы. Кроме того, различные факторы имеют разные условия и образуют комбинации между собой. Некоторым требуется рыночное регулирование, для других более эффективен механизм государственной регуляции, для третьих — сочетание обоих этих механизмов или же механизмы социального сотрудничества.

В-четвертых, модернизация есть продолжающийся, по-своему накопительный процесс развития и строительства. Он совершается от нижнего уровня к среднему, а затем к высшему, от количественных изменений — к частичным качественным, затем снова к количественным и новым частичным качественным изменениям: вплоть до полного качественного преобразования. В этом — суть этапов процесса модернизации и суть количественных изменений. К примеру, Китай за три с лишним десятилетия последовательно прошел путь от абсолютно бедного общества к уровню «тепла и сытости»⁵, затем достиг уровня малого достатка и движется к всестороннему построению общества малого достатка⁶. Модернизация есть непрерывный процесс и необходимо препятствовать любым разрушениям и остановкам. Как говорится, «не бойся идти медленно, бойся остановиться, а пуще того бойся прервать движение». Понимаемая так степень осуществления модернизации есть функция временная.

В-пятых, модернизация есть процесс всесторонней трансформации. Он включает в себя преобразование идей, экономической системы, общества, культуры и др. По существу это и есть построение современной государственной системы и институциональная реформа.

Воплощая в себе эти пять аспектов, модернизация КНР непрерывно развивается, эволюционирует, переходя на новый уровень и аккумулируя старое в соответствии с собственной логикой. Сформулированное так определение модернизации служит теоретической базой для изучения и анализа процессов преобразования Китая.

Суждения китайских руководителей о задачах модернизации

После образования нового Китая его лидеры неизменно рассматривали индустриализацию и модернизацию как главную цель и способ создания «сильного государства с богатым населением». Какие конкретно задачи ими ставились? Пройдя через несколько этапов «практика — осмысление — новая практика — новое осмысление» и колебания от «царства необходимости» к «царству свободы», этот путь превысил шесть десятилетий.

В 1953 г. ЦК КПК провозгласил целью индустриализацию страны: «Задачей партии в этот переходный период является в течение относительно длительного периода времени постепенное осуществление социалистической индустриализации, а также проведение социалистической трансформации сельского хозяйства, ручного ремесла и капиталистических торгово-промышленных обществ». «Необходимо трансформировать не социалистическую промышленность в социалистическую, трансформировать нашу страну из отсталой сельскохозяйственной страны с неразвитой промышленностью в передовую индустриальную державу с развитым производством, вывести социалистическую промышленность на уровень, когда она будет играть решающую и направляющую роль в развитии народного хозяйства»⁷. Успешно начав индустриализацию, Китай с опережением выполнил основные задачи первой пятилетки. В тот период ЦК КПК применял опыт СССР в деле индустриализации⁸.

В 1956 г., после VIII съезда КПК в ее Устав впервые вошло словосочетание «четыре модернизации» (подразумевавшие создание современной промышленности, современного сельского хозяйства, современного транспорта и современной армии)⁹. Еще по ходу подготовки к съезду Мао Цзэдун подчеркивал: для того, чтобы догнать и перегнать США может потребоваться 50–60 лет (т.е. к 2006–2016 г.)¹⁰. Через два года Мао Цзэдун предпринял рискованную попытку «большого скачка», чем нанес тяжкий вред делу модернизации страны.

В конце 1964 г. на 1-й сессии ВСНП 3-го созыва были обозначены новые «четыре модернизации», а именно: в сельском хозяйстве, в промышленности, в обороне и в научно-технической сфере (при сроках исполнения до конца XX в.)¹¹. В 1966 г. Мао Цзэдун инициировал «культурную революцию», в результате чего эти задачи выпали из тогдашней «повестки дня».

В январе 1975 г. 1-я сессия ВСНП 4-го созыва снова обратилась к теме «четырех модернизаций» и к задаче выведения экономики КНР на передовые позиции в мире¹². Но в ноябре Мао Цзэдун развернул кампанию «по борьбе с правым уклоном», нацеленную против Дэн Сяопина, ненадолго затормозив осуществление этих планов. В 1977 г. XI съезд КПК вернул «четыре модернизации» в Устав КПК¹³.

Приступая к курсу реформ и открытости, руководители КНР, с одной стороны, переосмыслили сложившуюся в стране ситуацию, с другой, — начали включаться в международную экономическую деятельность. В результате было осознано реальное положение дел и признано, что полное осуществление «четырех модернизаций» до конца столетия на практике невозможно. Стали рождаться цели и планы модернизации, более соответствующие сложившейся ситуации. В декабре 1978 г. на 3-м пленуме ЦК КПК 11-го

созыва основной обсуждаемой темой стал перенос центра тяжести работы партии на социалистическое строительство и модернизацию страны. Был произведен возврат к курсу VIII съезда КПК, и вступила в силу политика реформ и открытости.

В 1982 г. XI Съезд КПК определил в партийном Уставе осуществление «четырёх модернизаций» как основную задачу современного этапа¹⁴, убрав упоминание о сроке ее завершения («до конца XX в.»). Взамен была поставлена задача учетверить до конца века валовой продукт промышленности и сельского хозяйства. По национальному доходу и производству основных видов продукции стране предстояло выйти в ряды мировых лидеров, процесс модернизации экономики надлежало серьезно ускорить, в разы поднять доходы горожан и селян и доведя материальное благосостояние до уровня «малого достатка»¹⁵. На церемонии открытия XII съезда ясно высказался Дэн Сяопин: «Идти своей дорогой, строить социализм с китайской спецификой»¹⁶.

В 1987 г. в докладе на XIII съезде КПК было отмечено: начатая в 1950-х гг. социалистическая трансформация частных средств производства завершена, до завершения социалистической модернизации потребуется не менее 100 лет, в течение которых страна остается на начальном этапе социализма. Предлагалась «стратегия трех шагов», цели которой — осуществление базовой модернизации и достижение уровня среднеразвитых стран¹⁷. На XIV и на XV съездах (1992 и 1997 гг.) руководство по-прежнему сводило модернизацию к сфере экономики. С наступлением XXI в., по мере того, как в китайской практике все ясней осознавалась суть мировой модернизации, расширялось и понимание ее китайским руководством.

В 2002 г. XVI съезд КПК добавил в партийный Устав часть касательно целей модернизации: «В новом столетии и на новом этапе стратегическими целями экономического и социального развития являются поддержание уже достигнутого уровня малого достатка, повышение уровня жизни населения, осуществление модернизации в целом и рост ВВП на душу населения до уровня среднеразвитых стран к 100-летию основания КНР»¹⁸. Одновременно XVI съезд принял план «трехсоставных» реформ (т.е. в экономическом, политическом и культурном строительстве¹⁹).

В 2007 г. XVIII съезд впервые выдвинул «четырёхсоставный» план экономического, политического, культурного и социального строительства²⁰.

В 2012 г. XVIII съезд выдвинул «пятисоставный» план экономического, политического, культурного, социального и экологического строительства²¹. В новую редакцию Устава КПК вошло положение о том, что цель модернизации — построение богатого цивилизованного гармоничного сильного социалистического Китая²².

В 2013 г. 3-й пленум ЦК КПК 18-го созыва указал, что целями всестороннего углубления реформ являются совершенствование и развитие социалистической системы с китайской спецификой, модернизация систем и возможностей управления государством²³.

Так сложился в целом план китайской социалистической модернизации на первую половину XXI в. (до 2050 г.), отразивший наличие двух главных направлений. Во-первых, модернизацию страны, начавшуюся с курса на индустриализацию и четыре модернизации, продолженную обеспечением жизненного уровня малого достатка и курсом «пятисоставной» модернизации. Во-вторых, модернизацию системы управления страной (начиная с формирования системы управления после основания КНР вплоть до внедрения современной системы при ее непрерывном совершенствовании в условиях реформ и открытости).

Итак, комплексное понимание китайской модернизации возникло не сразу, становясь постепенно все глубже. При этом осуществился переход от установки на сугубо экономическую модернизацию к пониманию необходимости всесторонней скоординированной модернизации. Можно констатировать, что курс китайской «пятисоставной» модернизации уже опередил модернизацию Запада с ее акцентом на материальные и экономические показатели. Это новый опыт, заслуживающий осмысления странами Юга²⁴.

Так теория и практика модернизации по-китайски воздействует на трансформацию феномена «модернизация» как такового.

Исторические этапы китайской модернизации

Для анализа и объяснения хода китайской модернизации автор использовал теорию жизненного цикла государства (теорию «четырёх этапов»).

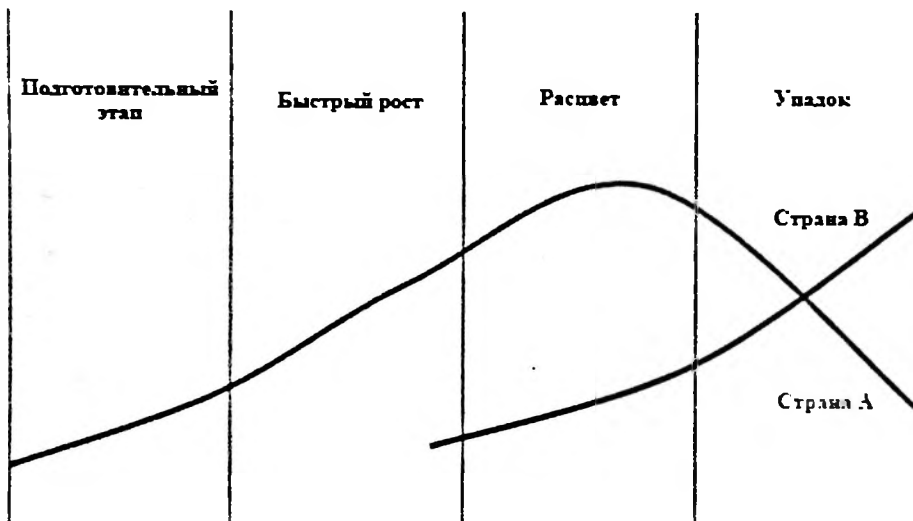

Рис. 1. Четыре этапа жизненного цикла государства.

Источник: Ху Аньган. *Жизненный цикл государства и возвышение Китая // Цзяосюэ юй яньцзю. 2006. № 1.*

Наш мир, состоящий из множества стран, управляется не каким-либо одним государством и не группой стран с одним лидером; в борьбе между ними (особенно, когда страны — крупные), не исключены ситуации, сопоставимые с «четырьмя этапами жизненного цикла» в рыночной конкуренции (как между товарами «А» и «В» на рынке)*. По оси координат на рисунке № 1 показана «комплексная сила» государства (его доля в кругу всех стран мира), по оси абсцисс — ход времени. Данная схема помогает проследить перемены в соотношении сил США и Китая.

Китай недавно миновал (соответственно нашей схеме) два этапа из четырех. Первым был упадок традиционной земледельческой страны, на который в середине XIX в. наложились изменения в китайском обществе и столкновение Китая с Западом, находившимся тогда на этапе подъема. Как указывал Мао Цзэдун, развитие капитализма в Китае имело два последствия: превращение в полукOLONиальное-полуфеодальное общество, отягощенное крутыми переменами в структуре самого общества. Иностраннй капитализм оказал разрушительное воздействие на экономику и общество, с одной стороны, нанеся удар по старой экономической базе Китая, его городским ремеслам и ручному семейному труду в деревне; с другой стороны, дав толчок развитию его товарной экономики. Так факторы модернизации были внесены в Китай вместе с вторжением капитализма²⁵. В тот период жиз-

* Автор использует распространенную на Западе маркетинговую схему Ицхака Адизеса «четыре этапа жизненного цикла товара» («вывод товара на рынок», «быстрое развитие продаж», «зрелость сбыта», «спад». (Прим. ред.)

ненный цикл китайской династии Цин вошел в этап упадка, что означало упадок жизненного цикла китайской земледельческой цивилизации в целом.

В 1840 г. Китай представлял собой «омертвевшую» старую империю²⁶. Его победила Британская империя, в которой размер ВВП (в ценах 1990 г.) был втрое меньше китайского. Далее доля Китая в мировом ВВП начала стремительно сокращаться, достигнув к 1870 г. 17% (упала вдвое). К 1913 г., когда Синьхайская революция свергла династию Цин, доля ВВП Китая в мире опустилась до 8,8%. Ни бэйянские милитаристы, ни гоминьдановское правительство не смогли переломить эту тенденцию: в 1929 г. доля Китая в мировом ВВП упала до 7,4%, а в 1949 г. — до 4,5%²⁷, что стало самым низким показателем за всю его историю. Причем на тот момент Китай был одной из беднейших стран в мире с подушевым ВВП меньше уровня 1820 г. (448 «международных долларов» против 600)²⁸. В 1950 г. объем вырабатываемой электроэнергии (важнейший фактор модернизации!) составлял 1,2% от уровня США. КНР представляла собой «классическую» нищую и отсталую страну.

Второй этап начался в 1949 г., когда Китай вступил в новый цикл развития, основные критерии которого — современные экономика, политическая система и государственный строй. Это можно трактовать как вступление Китая во «второй жизненный этап» — этап «подготовки к росту».

С основанием КНР удалось построить высокоцентрализованное независимое суверенное государство²⁹. Это позволило народному правительству запустить под руководством КПК (в низшей точке истории страны) процесс ее индустриализации, урбанизации и модернизации. Тогда-то впервые начался настоящий современный экономический рост. В расчете на душу населения рост ВВП лишь едва превышал 1% в год. При этом Китай избрал социалистический путь развития, стал крупнейшим в мире социалистическим государством и сполна использовал преимущества централизованной, мобилизационной социалистической экономики.

Несмотря на проблемы и перегибы, порожденные «большим скачком» и «культурной революцией», к 1970-м годам ему удалось не только завершить первоначальное накопление в промышленности, создать свою относительно целостную индустриальную, экономическую и научную системы, но и развить социальную сферу, распространить начальное и среднее образование, устранить безграмотность и полуграмотность, ввести бесплатное медицинское обслуживание в крупных городах и медицинское обслуживание в сельских коммунах. Основные показатели по образованию, здоровью и качеству жизни населения повысились.

Так стала формироваться материальная база, накапливались человеческий и институциональный капитал для вступления в эпоху реформ и открытости, т.е. во «второй этап жизненного цикла» (в состоянии стремительного роста, начатого в 1978 г.). С точки зрения поиска пути социалистической модернизации, предыдущий этап можно считать периодом накопления опыта и экспериментирования. За 60 с лишним лет, которые страна идет по своему «китайскому пути», она претерпела огромные изменения.

Некогда голодавший, Китай стал экспортером сельхозпродукции. В 1949 г. сбор зерновых в среднем составлял у нас лишь 10,35 ц. с га. — т.е. около 210 кг на человека. За 6 десятилетий страна превратилась в крупного нетто-экспортера зерновых (экспорт значительно превышает импорт). С началом реформ и открытости доля КНР в мировом импорте зерновых неизменно уменьшалась, составив 3,2% в 1978–1982 гг., 1,2% в 1985–1990 гг. и 0,4% в 1991–1995 гг. Ныне Китай — крупнейший в мире производитель технических культур, животноводческой продукции и пищевых товаров с высокой добавленной стоимостью. По валовому производству 12 из 19 основных сельхозтоваров он на первом месте, по двум — на втором и по четырем — на третьем.

От промышленной отсталости — к репутации индустриальной державы. В период с 1861 по 1949 г. суммарная стоимость промышленных активов Китая составила

около 10 млрд юаней (в ценах 1952 г.), т.е. по 20 юаней на душу, а чистый промышленный продукт оценивался в 4,5 млрд юаней (12,5% от валового продукта страны). В наиболее успешном (до образования КНР) 1936 г. Китай уступал США по выплавке стали в 117 раз, по выработке электроэнергии в 39 раз. Отраслевая структура была неполной, присутствовали лишь добыча полезных ископаемых, текстильная промышленность и несложные обрабатывающие производства. При этом многие предприятия целиком зависели от импорта. Ныне в Китае налицо полная промышленная система, имеется 39 отраслей, 191 подотрасль и 525 подтипов. По данным ЮНИДО (Организации ООН по промышленному развитию), по 7 из 22 отраслей международного промышленного классификатора КНР — на 1-м месте, а по 15 — в тройке лидеров производства. В 2007 г. она первенствовала по 172 видам промышленной продукции. В 2010 г. обогнала США (при расчете ВВП по ППС), став 1-й в мире по объему промышленного производства (19,8% мирового производства против 19,4% у США)³⁰.

От неразвитой инфраструктуры — к высотам мирового уровня. В 1949 г. в Китае было лишь 80 тыс. км автодорог (из них лишь 40% с твердым покрытием); эксплуатировалось 21 800 км железнодорожных путей (все составы — на паровом ходу); 12 небольших самолетов при 12-ти авиамаршрутах. По протяженности эксплуатируемых железнодорожных путей Китай в 2013 г. обошел Россию, заняв 2-е место в мире; протяженность высокоскоростных железных дорог составила 11 028 км (половина от дорог такого класса в мире). Длина автодорог — 4,35 млн км, из них скоростных — 104 тыс. км (в США таких дорог — 92 тыс. км). Протяженность внутренних водных путей: 125 тыс. км (1-е место в мире). По грузообороту контейнерных портов КНР первенствует уже 7 лет, причем 8 китайских портов входят в двадцатку крупнейших в мире (Шанхайский — крупнейший в мире).

Способы передачи информации на момент основания КНР были допотопными, зато ныне коммуникационными сетями покрыта вся территория. Китайская почтовая сеть — одна из крупнейших в мире. Мобильная, спутниковая и оптоволоконная связь действуют на территории всей страны и связывают ее с зарубежьем. По числу пользователей мобильной связи и Интернета КНР вышла на 1-е место в мире. Китай стал крупнейшим в мире информатизированным обществом, крупнейшим в мире производителем, потребителем и экспортером информационно-коммуникационных технологий (ИКТ).

Традиционное сельское общество стало крупнейшим городским. В 1949 г. в Китае было лишь 132 города, где проживало 39,5 млн человек, т.е. 7,3% населения. Городец-«миллионников» (по числу жителей) было 10. В 2011 г. здесь стало 657 городов (из них в 14-ти проживало свыше 4 млн человек, в 31-м от 2 до 4 млн, в 82-х — от 1 до 2 млн). В 2013 г. число горожан достигло 731 млн человек. Значительно улучшилась городская инфраструктура, к водопроводу подключено 97%, к газу 92,4%, к канализации 83,6% граждан. КНР ныне ускоряет стратегию урбанизации, держит курс на выход регионов Пекин — Тяньцзинь — Хэбэй (Бохайское кольцо), Дельты Янцзы и реки Чжужэнь на уровень агломераций мирового значения.

От страны неграмотных — к богатству человеческого капитала. В 1949 г. в Китае 80% населения были неграмотны или полуграмотны, числилось 116 тыс. студентов, 1,27 млн школьников. Высшее образование с 1912 по 1948 гг. получили лишь 210 тыс. человек³¹. В 2010 г. уровень грамотности среди взрослого населения превысил 96%, в 2013 г. число студентов, получающих образование 1-го уровня (бакалавр) составляло 24,7 млн, доля выпускников школ, продолжающих обучение в колледжах и ВУЗах, достигла 34,5%.

Преобразование «больного Азии» в «здоровый Китай». До 1949 г. средняя продолжительность жизни составляла около 35 лет. Уровень младенческой смертности был 200%, заметно превышая развитые страны (175%). В канун образования КНР наркозависимые составляли 3,7% населения (20 млн). В Новом Китае в кратчайшие сроки осуществилась «санитарная революция»: были поставлены под контроль основные инфекционные и

паразитарные заболевания, возникла доступная широким слоям система базовой медицинской помощи, медицинские услуги стали доступным и распространенным благом. К 2010 г. младенческая смертность снизилась до 12,1%, смертность детей до 5 лет — до 15,6%, рожениц — до 2,6%. Эти показатели лучше, чем у большинства развивающихся стран, причем от развитых стран отрыв Китая невелик. Заболеваемость инфекционными болезнями в КНР ниже, чем в большинстве развивающихся стран и среднемирового уровня.

От нищеты населения к обществу малого достатка. В 1949 г. в Китае проживало наибольшее число бедных жителей Земли. Располагаемый доход городского жителя не превышал 100 юаней, в сельской местности составлял 44 юаня. По нашим оценкам, коэффициент Энгеля в городах составлял около 70%, в деревнях около 80%. В 2012 г. ВВП на душу населения достиг 6091 долл. — 112 место из 214 стран и территорий мира. Падение коэффициента Энгеля с 2000 по 2013 гг. до уровня 35% в городах демонстрирует рост благосостояния. В сельской местности он также опустился ниже 37,7%. Средняя площадь жилья на человека составляет 33 м² в городе и 37 м² в сельской местности. Индекс развития человеческого потенциала (ИРЧП) с экстремально низкого значения 0,225 (1950 г.) поднялся сначала до 0,456 (1980 г.), а в 2013 г. составил 0,719: 91-е место из 187 стран, по которым ведется эта статистика. Рост ИРЧП за последние 40 лет был в КНР самым быстрым в мире, и она вошла в число стран с высоким уровнем развития человеческого потенциала.

От «чистого листа» в науке и технике — к инновационному государству. На момент основания КНР в стране было чуть больше 30 исследовательских учреждений, научные и технические кадры не превышали 50 тыс. человек, или около 0,028% от всей рабочей силы, число ученых, специализировавшихся на научных исследованиях, не превышало 500 человек. Зато к 2011 г. армия научно-технического персонала достигла 58 млн человек, из них 20 млн — с образованием не ниже высшего, на уровне бакалавров (в США, для сравнения, таковых — 17 млн). Китай вышел на 1-е место в мире по числу заявок на патенты, на 3-е — по заявкам на международные патенты и на 1-е по экспорту высокотехнологичной продукции.

От закрытого и полузакрытого — к полностью открытому обществу. В 1950 г. внешнеторговый оборот КНР составил 1,1 млрд долл. (0,9% мировой торговли, 5,5% от внешней торговли США), в 1978 г. — 21,1 млрд долл., или 0,8% от мирового экспорта-импорта и 6,4% внешней торговли США. Зато к 2013 г. Китай стал первым в мире по объему экспорта (11,8% общемирового) и вторым — по импорту (10,3% общемирового). Ныне он — крупнейший «игрок» в мировой торговле: 4-й по экспорту услуг и 3-й по их импорту, 5-й по валютным доходам от международного туризма. С 1979 по 2013 г. прямых иностранных инвестиций (ПИИ) накопилось почти на 1,4 трлн долл. КНР — вторая страна в мире по объему использованных ПИИ.

Итак, за 60 лет модернизации в жизни Китая свершился масштабный перелом: из большой, но бедной, малограмотной и слабой «старой империи» с традиционной земледельческой экономикой он превратился в крепнущую день ото дня могучую социалистическую державу с непрерывно обновляемыми экономикой и обществом.

Оценка четырех важных показателей китайской модернизации

Общеприняты два вида показателей уровня модернизации: количественные (по валу) и качественные (в основном, подушевые показатели). При сопоставлении КНР и США в данном исследовании использованы 4 основных показателя.

– Расчет ВВП — одно из важнейших изобретений XX в., благодаря которому человечество научилось оценивать стоимость всех конечных товаров и услуг, произведенных экономикой, для оценки материального богатства и экономической силы отдельных стран и мира в целом.

– Выработка электроэнергии (как крупнейшее изобретение промышленной революции) — показатель, оценивающий материальные факторы модернизации. Возможно ли о ней говорить всерьез при отсутствии или дефиците электроэнергии?³²

– В-третьих, это другие показатели научно-технической развитости страны, например, число поданных и авторизованных патентных заявок, которые, в частности, формируют способность влиять на жизнь людей и на развитие человечества.

– Четвертый показатель характеризует конкурентоспособность на мировом рынке (так, зная объем экспорта, можно оценить вклад страны в рост международной торговли и ее потенциал на мировом рынке).

Таблица 1.

Ряд показателей экономики КНР относительно США, %, 1950–2013 гг.

Год	ВВП по ППС	Номинальный ВВП	Номинальный ВВП, в долл.	Доля экспорта	Выработка электроэнергии	Патентные заявки
1950	16,8			14,7	1,2	
1960	21,6		11,4	9,2 -1961	6,8	
1970	20,7		8,5	5,3	6,7	
1980	24,6		6,6	8,0	12,1	
1990	36,6	19,1	6,0	15,8	19,5	5,9
2000	41,0	35,1	11,6	31,9	34,0	17,5
2010	104,1	81,0	39,6	123,4	97,2	79,8
2012	117,1	91,0	50,7	132,4	116,0	120,3
2013	123,5	96,2	55,0	140,0	126,5	

Источники: Данные за 1950–2008 гг. по: Maddison A. Historical Statistics of the World Economy: 1–2008 AD. Данные за 1990–2012 гг. по: World Bank, World Development Indicator 2014³³. Данные за 1980–2012 гг. по: World Bank, World Development Indicator 2013d. Данные по выработке электроэнергии: до 1985 г. — по: B.R. Mitchell. International Historical Statistics: Africa, Asia and Oceania. Более поздние – по: BP Statistical Review of World Energy 2013e. Источник: база данных Всемирной организации интеллектуальной собственности (WIPO), 2014.f. Данные по экспортной доле: за 1950 г. по: Мадиссон А. Обзор мировой экономики за два столетия. Пекин. С. 162–163.

Статические и динамические сравнения даны здесь с США (чей уровень оценивается в 100%) как с наиболее сильной и развитой страной. Для упрощения выбраны 4 основных показателя (табл. 1): размер ВВП по ППС (в «международных долларах» за 1990 г.), что наиболее подходит при долгосрочных исторических сопоставлениях; для краткосрочных сравнений использован ВВП по текущему обменному курсу.

Показатель ВВП Китая относительно США с расчетом по ППС поначалу имел тенденцию стабильного снижения, затем перешел к повышению. В 1900–1950 гг. он снизился с 69,8% до 16,8%, а с 1950 г. начал повышаться, достигнув 24,6% к 1980 г. После 1980 г. началось заметное повышение, ускорившееся с 2000 г. В 2010 г. Китай обогнал США, а в 2012 г. соотношение составило уже 129,3% (см. рис. 2).

В рейтинге размеров ВВП его место после образования КНР стало повышаться. В 1950 г. он был пятым, уступая США, СССР, Англии и Германии. В 1966 г. сравнялся с Англией, хотя остался пятым, пропустив вперед Японию. В 1967 г. откатился на 6-е место, но в 1970-м вернулся на 5-е, опять опередив Англию. В 1982 г. обогнал Германию, став четвертым. В 1990 г. обошел СССР, оказавшись третьим после США и Японии. В 1992 г. Китай обогнал по ВВП Японию, а в 2010-м — США (считая по ППС).

Производство электроэнергии в Китае постоянно растет: по этому фактору модернизации он уже опередил США. В 1900 г. ее выработка составляла 0,01% от американской, т.е. была меньше в 10 тыс. раз. На тот момент Китай не имел практически никаких признаков модернизации. Да и полвека спустя, в 1950 г. выработка электроэнергии в Китае составляла лишь 1,2% от показателя США.

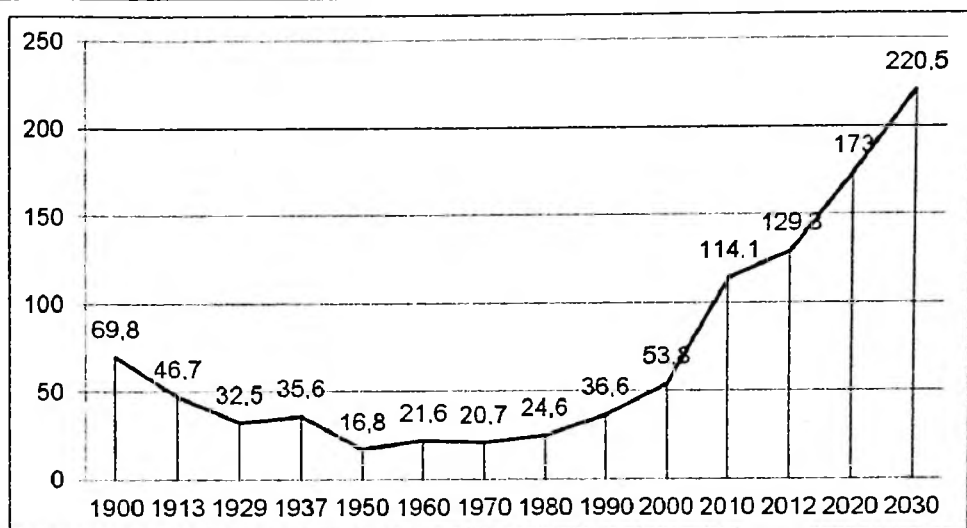

Рис. 2. Доля ВВП КНР в ВВП США (ВВП по ППС в междунар. долл. 1990 г.)

Источник: за 1950–2008 гг. по Maddison A. *Historical Statistics of the World Economy: 1–2008 AD*. За 2010–2030 гг. – оценка автора.

В ходе модернизации и индустриализации времен Мао Цзэдуна показатель КНР относительно США вырос до 12,1%, т.е. факторы модернизации возросли десятикратно, а разница с США сократилась до 8,26 раза. Если 65 лет назад в Китае практически отсутствовало электричество, доля населения, пользовавшегося им, была ничтожной, то после 1980 г. выработка электроэнергии непрерывно возрастала: в 2000 г. составила 34% от США, а в 2011 г. превысила американский уровень.

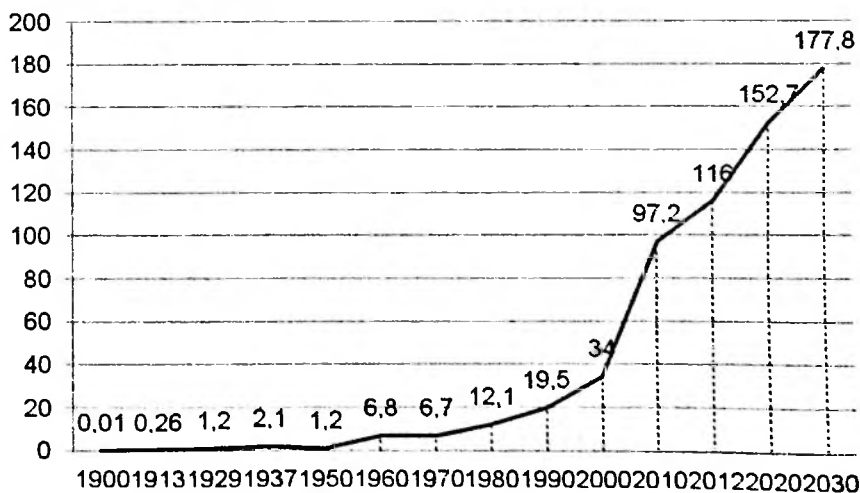

Рис. 3. Выработка электроэнергии в КНР по отношению к США, %.

Источник: за 1900–2030 гг. — B.R. Mitchell. *International Historical Statistics: Africa, Asia and Oceania*; за 1990–2012 гг. — по BP *Statistical Review of World Energy 2013*; за 2020–2030 гг. — оценка автора.

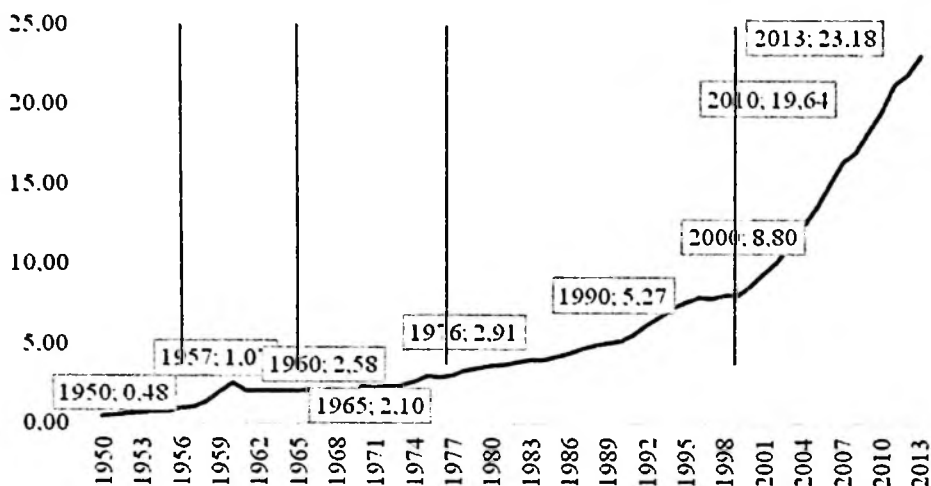

Рис. 4. Доля КНР в мировой выработке электроэнергии

Источник: B.R. Mitchell. *International Historical Statistics: Africa, Asia and Oceania*, за 1990–2012 гг. no: BP Statistical Review of World Energy 2013.

К 1980 г. Китай опередил по производству электроэнергии Англию, в 1986 г. Германию, в 1994 г. Россию, в 1995 г. Японию, в 2011 г. США. В 2013 г. его доля в мировой выработке электроэнергии составила 23,2% (рис. 4). По плану развития энергетики в текущей, 12-й пятилетке поставлена задача «электрифицировать село, дать всему населению доступ к электроэнергии»³⁴. Это означает, что в КНР первой из крупных развивающихся стран достигла целей широкой электрификации страны³⁵.

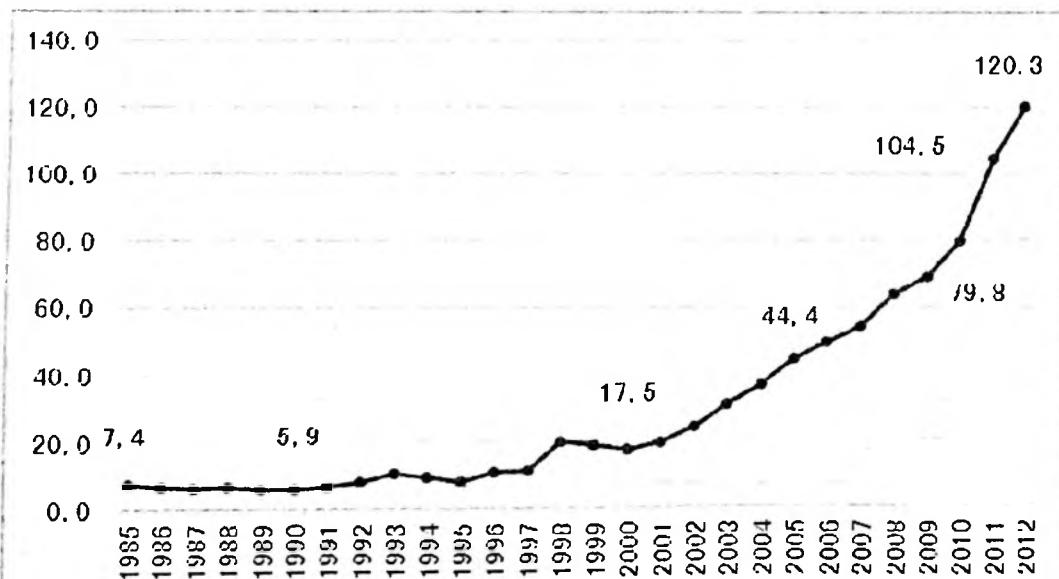

Рис. 6. Число патентных заявок в КНР в сравнении с США, в 1985–2012 гг. %

Источник: база данных Всемирной организации интеллектуальной собственности (WIPO), 2014.

В сфере техники и изобретений Китай долгое время оставался «чистым листом». С 1912 по 1944 гг. в нем было утверждено лишь 692 патента³⁶. Вплоть до апреля 1984 г., когда был принят «Закон КНР о патентах», Китай был государством фактически без патентной системы, и лишь с того момента превратился в догоняющую и опережающую страну. Он практически положил конец отставанию от США и по числу подаваемых патентных заявок. В 2013 г. стал первым в мире по ним и вторым по полученным патентам. В сфере становления патентных правил, Китай — догоняющая страна³⁷, но догоняет весьма успешно. При том, что более чем на 200 лет отстал от Англии (где еще в 1624 г. возникло законодательство по защите интеллектуальной собственности»). В США законодательство о патентах утвердилось в 1790 г., в Германии в 1877 г., в Японии в 1899 г. (она в 1968 г. превзошла США по патентным заявкам).

Сейчас КНР первенствует в мире по числу поданных патентных заявок: в 1993 г. обошла Францию, в 1998 г. Великобританию, в 2001 г. Германию, в 2010 г. Японию, в 2011 г. США. В 1985 г. число патентных заявок в КНР составляло лишь 7,4% от их числа в США, к 2000 г. это число выросло до 17,5%. Затем в КНР начался период быстрого роста, благодаря которому в 2012 г. уровень США был превышен уже в 1,2 раза (рис. 6).

В 1950 г. доля КНР в мировом экспорте составляла 1,7%, упав к 1977 г. до 0,69% (наихудший показатель за все времена). В 1978 г., когда страна была по объему экспорта 28-й в мире, начался быстрый рост. К 2000 г. его доля выросла до 3,83%, к 2009 г. до 9,51%, Китай стал крупнейшим экспортером в мире. В 2013 г. эта доля возросла до 11,8%. Особенно впечатляет сопоставление его показателей с США. В 1950 г. экспорт КНР составлял лишь 14,7% от американского, а к 1970 г. соотношение ухудшилось до 5,3%³⁸. Тенденция изменилась в 1978 г., с переходом к реформам и открытости: тогда же этот показатель поднялся до 6,8%, к 2001 г. — 36,5%. После вступления в ВТО Китай стал обгонять США: к 2013 г. его экспорт оказался выше в 1,4 раза. Тогда же он вышел вперед и по суммарной стоимости экспорта и импорта.

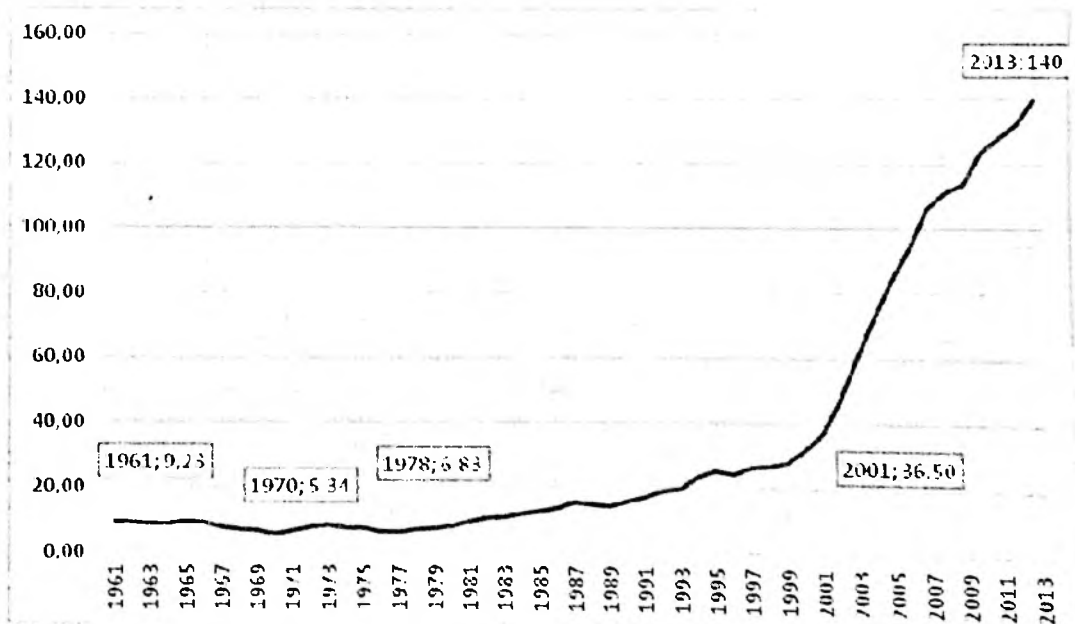

Рис. 8. Объем экспорта из КНР по отношению к США, %, 1961–2013 гг.

Рассмотренная здесь динамика развития двух держав по четырем основным показателям демонстрирует, как Китай из отстающего и догоняющего стал обгоняющим. Сравнение по четырем ключевым показателям демонстрирует, что Китай последовательно догонял и перегнал США. И хотя подушевые показатели в нем еще значительно ниже, Китай за относительно короткое время осуществил ту примерно степень модернизации и индустриализации, на которую США потратили 200 лет.

Хотя по четырем ключевым показателям Китай уже обошел США, но отставание по значениям на душу населения еще велико, и на его сокращение потребуется продолжительное время. Итак, задача «перегнать США» включает два аспекта: во-первых, по валовым значениям ключевых показателей, на что ушло чуть больше 60 лет (1949–2014); во-вторых, догнать и перегнать по ключевым показателям на душу населения (на это может потребоваться несколько десятилетий). Т.е. мы начинаем процесс «новой погони».

Три фактора и три преимущества китайского пути развития

Почему Китай из нищего и отсталого превратился в сильнейшее социалистическое государство на планете? Мао Цзэдун это предвидел. В 1954 г. на самой первой сессии ВСНП он обозначил великую цель «построения великой индустриальной державы с высокой культурой». Одновременно была определена и организация для достижения этой цели: «ключевой силой, руководящей нашим делом, является КПК»³⁹. Оглядываясь назад, ясно видишь, что без КПК мы своей цели не достигли бы, именно на КПК легла основная тяжесть осуществления социалистической модернизации Китая и великого возрождения китайской нации. Без КПК не был бы выработан собственный китайский путь.

Таблица 2.

Сравнение основных подушевых показателей КНР и США, 1950–2013 гг.

Год	ВВП на душу (по ППС, в межд. долл.)	Патентные заявки на душу, шт.	Экспорт на душу на- селения, в долл.	Выработка электроэнергии на душу, кВт-ч,
1950	4.7			0.3
1960	5.8		2.6 (1961)	1.4
1970	5.2		1.3	1.5
1980	5.7	1.7(1985)	1.9	2.7
1990	8.1	1.3	3.5	4.1
2000	11.7	3.9	7.1	7.6
2010	25.6	18.5	28.5	20.7
2013	41.3	27.9 (2012)	30.8(2012)	36.3

Источники: Данные за 1950–2008 гг. — по: Maddison A. *Historical Statistics of the World Economy: 1–2008 AD*; за 2010, 2013 гг.: оценка автора; источник по патентным заявкам: база данных Всемирной организации интеллектуальной собственности (WIPO), 2014. По экспорту: данные Всемирного Банка; источники по электроэнергии: до 1985 г. — по: Mitchell B.R. *International Historical Statistics: Africa, Asia and Oceania*; более поздние — по: BP *Statistical Review of World Energy 2013*.

Крупнейшая китайская инновация — это «китайский путь» сам по себе, т.е. путь социалистической модернизации с китайской спецификой. Приступая к политике реформ и открытости, китайское руководство в полной мере осознавало: «мы достигли огромных результатов, не замечать которые — большая ошибка». Одновременно было четко осознано, что «наш путь не был ровным, а относительно успешные этапы чередова-

лись с неудачами. По сравнению с упорным трудом народа, и с несомненными преимуществами социалистической системы, наши достижения пока не велики»⁴⁰. Но китайское руководство не отказалось от социализма под влиянием тех или иных неудач и проблем. Напротив, оно еще ясней указывало, что цели реформ по-прежнему соответствуют социалистическому пути, отличающемуся, однако, от пути советского социализма.

Приступая к реформам и открытости, китайское руководство ясно осознавало суть «китайского пути», цели «социалистической модернизации с китайской спецификой». В апреле 1979 г. на рабочем совещании ЦК КПК Ли Сяньнянь подчеркнул, что большим вопросом является способ осуществления модернизации. Ответ был дан от имени Политбюро ЦК КПК и Госсовета КНР: «мы обязательно будем исходить из реальной ситуации в нашей стране, будем идти путем китайской модернизации в рамках социалистической системы»⁴¹.

Три фактора и три преимущества китайского пути

Самое раннее появление понятия «китайский путь», включало 3 базовых фактора:

- фактор модернизации (тогда речь шла о «четырёх модернизациях»);
- фактор социализма (базовая политико-экономическая система);
- фактор китайской культуры (базовый исторический фактор).

Непрерывно наращивать производство и накапливать богатство страны, в полной мере используя такие факторы модернизации, как земля, полезные ископаемые, энергоресурсы, капитал, труд, образование, наука и техника, культура, информация, знания, институты, законы и пр.

Те факторы, что развитым странам свойственны, Китай должен освоить и довести до высокого уровня. Факторы, им не свойственные, надо неустанно обновлять. Надлежит настойчиво наращивать факторы социализма, осуществлять совместное развитие, совместное использование, совместное обогащение, реализовывать политические преимущества социалистической системы, целенаправленно разрешать тяжелые долговременные проблемы, порождаемые процессом капиталистической модернизации (экономические и финансовые кризисы, социальное расслоение и пр.) Надо наращивать факторы китайской культуры, создавать крупные инновации, формируя идеалы общества с китайской спецификой («сяокан», «гармоничное общество», «обучающееся общество», «общество мира и благоденствия», «следование пути мирного развития», «строительство гармоничного мира»). Если по первому фактору Китай весьма близок к США, то второй и третий кардинально отличаются, что означает: китайский путь уникален и обладает существенными преимуществами.

Три главных преимущества китайского пути

Преимущество позднего развития, которым КНР обладает как страна «догоняющей модернизации». Налицо возможность выбора из двух вариантов: либо путь копирования с тем, чтобы восточная страна трансформировалась в западную — такой путь использовался Китаем в начале XX в. и многими странами Юга после Второй мировой войны. Второй вариант: учиться, стремясь превзойти модель модернизации развитых стран, впитывать опыт, избегая их ошибок, и на более высокой, новой и «зеленой» основе осуществить «зеленую» модернизацию, урбанизацию и «зеленую» индустриализацию.

Преимущество социализма. Как отстающий в модернизации, Китай должен был избрать особый путь, построить особую систему, каковые позволили бы ему ускорить темп роста, догоняя западные страны. Вот почему китайское руководство выбрало социалистический путь и построило социалистическую систему. История подтвердила, что это был разумный, эффективный и вполне специфический путь. Наш путь модернизации — не капитализм, а социализм: в этом главное отличие Китая от западных стран.

Преимущество китайской культуры. Китай обладает 5-тысячелетней историей, накопленные им исторические и культурные ресурсы уникальны. Китайская модернизация не просто черпает из них свои истоки, но и открывает их миру, стимулирует взаимодействие и обмен опытом с другими мировыми культурами, что дает китайской модернизации важные козыри.

Китайский путь предусматривает общий тренд и ряд конкретных направлений. Общий тренд — есть социалистическая модернизация с китайской спецификой.

«Конкретные направления» включают в себя модернизацию сельского хозяйства с китайской спецификой⁴², индустриализацию нового типа с китайской спецификой⁴³, урбанизацию нового типа⁴⁴, отечественные инновации с китайской спецификой⁴⁵, демократическое политическое развитие с китайской спецификой⁴⁶, путь социалистической экологической цивилизации⁴⁷, совместное развитие гражданского и военного секторов с китайской спецификой⁴⁸ и пр. Общий тренд пути определяет конкретные направления, каковые, со своей стороны, отражают в себе общий тренд. Налицо взаимодействие и взаимное влияние.

Значимость вклада китайской модернизации в мировое развитие

В 1956 г. Мао Цзэдун предрекал: «Через 45 лет, в 2001 г., в начале XXI века, лицо Китая изменится еще больше. Китай превратится в сильную промышленную социалистическую державу. Китай непременно будет таким. Китай обладает территорией в 9,6 млн км² и 600-миллионным населением, поэтому он обязательно будет вносить соответствующий вклад в развитие человечества»⁴⁹. По прошествии 60 лет каждый из нас может беспрерывно убеждаться в правоте этого предсказания.

Модернизация Китая есть обновление державы с крупнейшим на нашей планете населением. В момент ее основания КНР представляла собой страну с наибольшей в мире численностью крестьян, наибольшим числом бедных, наибольшим числом неграмотных. С одной стороны, успех китайской модернизации сам по себе есть громадный вклад в развитие человечества, с другой стороны, он создает положительный эффект для внешнего мира. Часть этого вклада поддается подсчету и измерению, часть не поддается. Автору данного исследования хотелось бы произвести объективную и справедливую оценку. Вступив на путь реформ и открытости, Китай внес огромный вклад в экономический рост, в борьбу с бедностью, а также вклад в развитие мира посредством торговли.

Как уже отмечалось, на старте 1980-х гг. Китай был не только самой населенной в мире страной, но и страной с наибольшим числом людей, живших в абсолютной бедности. По критериям Всемирного банка, уровнем бедности считается среднедушевое потребление менее 1,25 долл. в день. Численность населения КНР, отвечающего этому критерию, в 1981 г. составляла 835,1 млн человек, или 84,0% всех жителей КНР и 43,6% всех бедных в мире. К 2010 г. число бедных у нас уменьшилось до 157,1 млн человек: теперь уже их доля составляла 11,8% населения КНР и 12,9% бедных в мире. Т.е. над чертой бедности в Китае за три десятилетия поднялось 678,0 млн граждан! Соответствующие подсчеты показывают: в уменьшение масштабов абсолютной бедности в мире вклад КНР за период 1981–2010 гг. составил 97,1%⁵⁰.

Во-вторых, непрерывно растет вклад КНР в мировой экономический рост. Согласно статистическим данным Всемирного банка, основанным на ППС (паритете покупательной способности), в 1993–2007 гг. 19,5% глобального экономического роста приходилось на Китай, что выше аналогичного показателя для США (15,71%). Впрочем, при подсчете по официальному обменному курсу на КНР приходилось 9,9%, что значительно уступает показателю США (23,93%). Однако, за период 2007–2012 гг. аналогичный показатель Китая как по ППС, так и по обменному курсу превзошел американский (26,46% против 13,32% и 31,73% против 10,2% соответственно)⁵¹. Устойчивый продолжительный

экономический рост Китая есть реальный «двигатель» экономического развития всей мировой экономики.

В-третьих, непрерывно растет вклад КНР в мировую торговлю. В 1993–2000 гг. он составил 2,73% (при вкладе США 14,72%). В 2000–2007 гг. вклад КНР вырос до 10,05%, а у США снизился до 7,99%. В 2007–2011 гг. вклад КНР подскочил на 19,48%, у США упал до 7,31%. Следует отметить, что США первенствовали в мире по объему экспорта и импорта, начиная с 1913 г. Ровно 100 лет спустя, в 2013 г. Китай впервые обошел США по этому показателю, перехватив первенство в мире. Можно предположить, что его вклад в рост мировой торговли будет расти и в дальнейшем.

Рост вклада КНР в мировое развитие ожидается еще в трех важных областях.

Во-первых, вклад в науку и технику. По данными Всемирной организации интеллектуальной собственности (WIPO), с 2000 по 2012 гг. доля заявок на патенты из КНР возросла с 3,8% до 27,8%, а США — с 22,4% до 23,1%. В 2013 г. Китай стал третьим в мире по числу заявок на международные патенты (PCT), уступая лишь США и Японии. Но имеет потенциал обойти и стать первым. Китай вышел на 2-е место по числу издаваемых научных журналов, уступая лишь США. Дистанция между ними быстро сокращается, в близком будущем он может вырваться вперед. В первой половине XXI в. он стал крупнейшим в мире научно-техническим и инновационным центром, его вклад в мировой научно-технический прогресс будет расти.

Во-вторых, вклад в мировую культуру. 5-тысячелетняя история Китая есть наиболее драгоценный источник его культурной модернизации. Древнекитайская культура уникальна и неповторима, ее ядром является гармоничное мышление. Это своего рода генетический код, в котором были заложены корни непрерывного новаторского развития и исторического прогресса, мудрости, позитивного влияния вовне, уникальной жизненной и созидательной силы китайской культуры. Помимо того, что Китай предлагает мировой цивилизации самобытный и высокоэффективный «китайский путь», китайская культура, будучи блестящей составной частью культуры общемировой, предлагает для изучения и использования свой культурный и философский опыт, способный содействовать разрешению различных конфликтов, и обладает огромным позитивным эффектом⁵².

В-третьих, вклад в экологию. Начиная с XVIII в. ведомая странами Севера экспансия капитализма вызвала небывалое экономическое чудо, но одновременно сотворила несправедливый мировой порядок и невиданный ранее экологический кризис. Будущее человечества зависит от того, удастся ли Китаю и другим странам Юга выработать новый, более «зеленый» путь развития. В XXI в. на Китай ляжет историческая миссия, связанная с задачами продолжительного развития человечества: создать путь «зеленого» развития, инициировать «зеленую» промышленную революцию, осуществить экологически чистую модернизацию, сообща строить экологически чистый мир, внести максимальный вклад в защиту природы.

Важнее всего то, что модернизация Китая изменила базовую диспозицию при которой центр модернизации находился на Севере, во всем мире доминировали западные стандарты при гегемонии США.

Во-первых, модернизация в КНР повлекла возрождение других стран Юга, изменила более чем 200-летнюю тенденцию размежевания Севера и Юга. Возникает «большое сближение» Юга и Севера при том, что по их доле в основных мировых показателях первые уже опережают вторых.

Во-вторых, путь китайской модернизации предоставил странам Юга новый опыт модернизации, базирующийся на ситуации в конкретной экономике. Благодаря этому меняется возникшее после Второй мировой войны положение, при котором страны Юга лишь копировали и «пересаживали на свою почву» политические приемы стран Севера (например, так называемый Вашингтонский консенсус). Вместо этого возникает мировая цивилизация, более разнообразная по путям развития и государственным системам.

В-третьих, Китай обогнал США и стал мировой державой, что в будущем сулит отмену преобладания гегемонистской политики грубой силы в мировых вопросах, в мире повысится взаимное доверие, усилятся равенство, баланс, мир и безопасность.

Подытоживая, можно констатировать, что модернизация Китая пока что далека от своего завершения, но уже очевидно ее положительное влияние на весь мир и то, что вклад Китая обладает огромным потенциалом дальнейшего приумножения.

Оценивая ход модернизации, предшествовавшей 1949 г., Китай всегда выглядел страной отстающей, неудачливой⁵³, впервые снискавшей победы в ходе Антияпонской войны. Лишь после провозглашения в 1949 г. КНР ему удалось осуществлять быструю модернизацию опережающего типа. Ее успех может оказать мощное положительное влияние на развитие всего мира и внести огромный вклад в прогресс человечества. И, в свою очередь, развитие мира в целом создает благоприятные условия для модернизации Китая.

«Китайский путь» это путь неперенного осуществления социалистической модернизации, а также неперенного великого возрождения китайской нации. Только придерживаясь пути социализма с китайской спецификой возможно гарантировать демократический характер великого возрождения китайской нации.

Путь китайской модернизации является уникальным не только в ракурсе истории КНР, но и для всего мира. Не идя старой западной дорогой и шаг за шагом поднимаясь на гору позади остальных, не копируя западную систему и повторяя все подряд по указке учителя, а наоборот, прокладывая свой новаторский путь, новую дорогу, свою систему, полагаясь на свою судьбу — только так можно догнать и перегнать развитые страны (в первую очередь США).

«Китайский путь» сейчас непрерывно доказывает правоту предначертаний Мао Цзэдуна⁵⁴ и Дэн Сяопина⁵⁵. Как указывает товарищ Си Цзиньпин: «Идя своей дорогой, мы имеем несравнимо более обширную площадку, несравнимо более глубокие исторические корни и несравнимо более сильное стремление вперед»⁵⁶.

1. *Мао Цзэдун. Собр. соч.* С. 347. Пекин, 1996. Т. 5.
2. Там же. С. 345.
3. Согласно Бюллетеню агентства Синьхуа за 15 апр. 1959 г. об итогах 1-го пятилетнего плана (1953–1957), к концу 1957 г. было полностью или частично введено в строй 68 промышленных объектов с помощью СССР и 27 — с помощью Болгарии, Венгрии, ГДР, Польши, Румынии, Чехословакии. Валовая промышленная продукция КНР возросла на 141%, внешняя торговля — 62%. Почти весь импорт (93%) пришелся на средства производства. В ходе 1-й пятилетки впервые появились автомобиль, трактор, самолет китайского производства. В начале 2-й пятилетки с помощью советских специалистов началось освоение ядерных и ракетных технологий, возникли Китайская академия наук, системы здравоохранения и образования (*Прим. ред.*).
4. См: *Ху Аньган. Китайская мечта и китайский путь.* Народное издательство пров. Чжэцзян, 2013.
5. В докладе на XIV съезде КПК (1992 г.) было отмечено: проблема «тепла и сытости» 1,1 млрд жителей Китая в целом решена, необходимо идти вперед к «обществу сяокан» («малого достатка»).
6. В докладе на XVI съезде КПК (2002 г.) отмечено: жизнь народа в целом достигла уровня «сяокан». Но этот уровень еще низкий, не всесторонний и не сбалансированный. Надо бороться с силами, борясь за построение в первые 20 лет XXI в. более высокого уровня жизни для населения КНР.
7. «Мобилизовать все силы на борьбу за строительство великой социалистической державы». Отдел пропаганды ЦК КПК, декабрь 1953 г.
8. «Путь индустриализации в СССР это тот образец, у которого мы сейчас должны учиться». Отдел пропаганды ЦК КПК, декабрь 1953 г.
9. Принятый VIII съездом Устав КПК гласил: «Задачей КПК является плановое развитие народного хозяйства, максимально быстрое осуществление индустриализации, системная и упорядоченная модернизация народного хозяйства с целью превращения Китая в сильное государство с современными промышленностью, сельским хозяйством, транспортом и армией».

10. Мао Цзэдун: «С момента создания США прошло 180 лет. 60 лет назад там тоже выплавляли 4 млн т. стали, отстали от них на 60 лет. За 50–60 лет мы должны догнать их, это наш долг. На кого будем похожи, если, имея такое большое население, громадную территорию и богатые ресурсы, да, к тому же, более совершенную социалистическую систему, не обойдем за 50–60 лет США? Упоминания о нас тогда нужно было бы вычеркнуть из истории планеты. Поэтому обогнать США — это не возможность, это необходимость, это следует сделать» (Собр. соч. Пекин, 1999. Т. 7. С. 89.)
11. См.: Чжао Эньлай. Избр. соч. С. 439. Пекин, 1984. Т. 2.
12. Там же. С. 479.
13. Из Устава КПК, принятого XI съездом КПК (1977 г.): «В течение нынешнего столетия КПК ведет все национальности страны к совместному построению сильного социалистического государства с современными сельским хозяйством, промышленностью, обороной, наукой и техникой».
14. Из Устава КПК, принятого XII съездом КПК (1982 г.): «Основными задачами КПК на современном этапе являются: объединение жителей всех национальностей, опора на собственные силы, преодоление трудностей, постепенное осуществление сельскохозяйственной, промышленной, оборонной и научно-технической модернизации, превращение Китая в государство с высоким уровнем развития культуры и демократии».
15. См.: Ху Яобан. Докл. на XII съезде КПК.
16. Дэн Сяопин. Собр. соч. С. 3. Пекин, 1993. Т. 3.
17. В докладе Чжао Цзыяна на XIII съезде КПК (1987 г.) было отмечено, что стратегическое планирование экономического строительства в КНР можно разделить на три главных этапа-шага. На первом шаге надлежит удвоить валовой продукт по сравнению с уровнем 1980 г. и решить проблему «тепла и сытости» для населения. Эта задача уже в целом решена. На втором шаге нужно еще раз удвоить ВВП, чтобы уровень жизни достиг «малого достатка». На третьем шаге (к середине XXI в.) ВВП на душу населения должен достиг уровня среднеразвитых государств.
18. См.: Устав КПК в редакции XVI съезда КПК, принятый в ноябре 2002 г.
19. Из доклада Цзян Цзяминя «Всесторонне строить общество малого достатка и создавать новую обстановку для дела социализма с китайской спецификой» (ноябрь 2002 г.).
20. Постановление XVI съезда КПК по докладу ЦК КПК (октябрь 2007).
21. Из доклада Ху Цзиньтао на XVIII съезде КПК «Не сворачивать с пути социализма с китайской спецификой, бороться за всестороннее построение общества малого достатка».
22. «Базовый путь КПК на начальном этапе социализма заключается в следующем: руководство и объединение всех национальностей страны, упор на экономику, следование четырем основным принципам, следование курсом реформ и открытости, опора на собственные силы, преодоление трудностей, борьба за создание богатого, цивилизованного, гармоничного, сильного социалистического Китая». (Из Устава КПК, принятого в ноябре 2012 г. XVIII съездом КПК).
23. Решение 3-го пленума ЦК КПК 18-го созыва «О некоторых важных вопросах всестороннего углубления реформ», принятое в ноябре 2013 г.
24. Ху Аньган. Указ. соч. С. 89–90.
25. Мао Цзэдун. Собр. соч. С. 626–627. Т. 2.
26. «В прошлом о Китае говорили как о «большой старой империи», «большом Азии», отсталой в экономическом и культурном плане стране, где люди не знают гигиены, не умеют плавать и играть в футбол, женщины бинтуют ноги, мужчины носят косичку и до сих пор имеются евнухи». См.: Мао Цзэдун. Собр. соч. С. 87. Т. 7.
27. Maddison A: Historical Statistics of the World Economy: 1–2008 AD.
28. Там же.
29. Д. Колтон, Л. Крамер. Обращение к китайскому читателю // Палмер Р.Р. История современного мира до 1870 г. С. 8.
30. Доклад IHS Global Insight. 14.03.2011.
31. ГСУ КНР. 50 лет нового Китая (1949–1999). Пекин, 1999. С. 9.
32. Согласно данным Международного энергетического агентства, более 20% населения Земли испытывают нехватку электроэнергии, подавляющее большинство их обитает в Африке южнее Сахары, в Индии и других сельских регионах развивающихся стран. МЭА. 21.09.2010.
33. Исследование Всемирного банка показало, что в 2011 г. ВВП КНР превысил 87% от ВВП США. По подсчетам МВФ, экономический рост в КНР в 2011–2014 гг. составил 24%, а в США лишь 7,6%, по его по размеру ВВП КНР уже, вероятно, опережает США.

34. План на 12-ю пятилетку по развитию электроэнергетики. 01.01.2013. URL: http://www.gov.cn/zw/gk/2013-01/23/content_2318554.htm.
35. Согласно статистическим данным Всемирного банка, в настоящее время на планете около 1,2 млрд человек (т.е. около 17% ее населения) не имеют доступа к электроэнергии.
36. Там же.
37. В мае 1898 г. Цинское правительство выпустило первый в истории Китая законодательный акт, связанный с патентами — «Положение о присуждении премий за развитие техники». В нем было определено, что права на изобретение сохраняются (в зависимости от его типа) на 10, 30 или 50 лет. В 1912 г. правительство приняло «Временные правила поощрения произведений технологического мастерства». В 1944 г. был принят «Закон о патентах». См.: «История патентов в Китае». Ч. 2. (Сайт Государственного бюро КНР по праву на интеллектуальную собственность).
38. Экономика КНР пострадала в ходе «большого скачка» (1958–59 гг.) и «культурной революции» (1966–1976 гг.) — *Прим. ред.*
39. *Мао Цзэдун*. Собр. соч. Т. 6. С. 350.
40. *Е Цзяньпин*. Речь на собрании в честь 30-летия основания КНР. Партийные доклады, постановления и резолюции съездов КПК и ЦК КПК после 3-го пленума ЦК 11 созыва. Пекин, 2008. С. 52.
41. *Ли Сяньнянь*. Избр. соч. (1935–1988). Пекин, 1989. С. 356, 358.
42. Из выступления *Ху Цзиньтао*: «Идти путем модернизации сельского хозяйства с китайской спецификой означает придерживаться всемирных законов развития сельского хозяйства, прочно опираться на реалии нашей страны, планировать развитие села, координированно развивать индустриализацию и урбанизацию, строить новую социалистическую деревню». (Синьхуа. 24.01.2009).
43. Из доклада *Цзян Цзэминя* на XVI съезде КПК: «Идти путем индустриализации нового типа означает: всемерно претворять в жизнь стратегию развития страны через науку и образование... Осуществление индустриализации — это по-прежнему трудная задача исторического масштаба... Необходимо идти путем индустриализации нового типа — с высокой научно-технической составляющей, высокой экономической эффективностью, низким потреблением ресурсов, малой степенью загрязнения природы и полным развитием человеческого потенциала».
44. Согласно Национальному плану урбанизации нового типа (2014–2020) предусматривается: «основываясь на агломерациях в качестве основной формы, продвигать согласованное развитие крупных, средних и малых городов и поселков; основываясь на комплексной «несущей способности» повышать уровень устойчивого развития городов; с помощью реформы раскрыть потенциал системы и механизмов, идти дорогой урбанизации нового типа с китайской спецификой на базе принципов «во имя человека», «синхронизации четырех модернизаций», «оптимизации структуры», «экологической цивилизации» и «культурной преемственности».
45. *Ху Цзиньтао* указал в июне 2013 г. на совместном собрании членов Академии наук КНР и Академии инженерных наук КНР на необходимость глубоко и в полной мере внедрять концепцию научного развития, наилучшим образом воплощать в жизнь стратегию развития страны на основе науки и техники... Развивать собственные инновации, прорывные технологии в ключевых областях.
46. На торжественном заседании в честь 60-летия основания КНР Си Цзиньпин указал на необходимость «сохранять руководящую роль КПК, роль народа, органичное единение и управление государством на основе закона... сохранять демократический централизм».
47. *Си Цзиньпин*: «Для строительства экологической цивилизации необходимо всесторонне воплощать в жизнь дух XVIII Съезда, следовать теории Дэн Сяопина, важным идеем тройного представительства, концепции научного развития, уважать природу, ценить природу, оберегать природу (Из выступления на 6-й коллективной учебе членов Политбюро ЦК КПК по построению экологической цивилизации).
48. *Ху Цзиньтао* в речи на торжественном собрании в честь 90-летия основания КПК 1 июля 2011 г. подчеркивал, что необходимо обязательно планировать экономическое и оборонное строительство, идти по пути совместного развития гражданского и военного секторов с китайской спецификой, в ходе всестороннего построения общества малого достатка осуществить объединение богатого государства и сильной армии.
49. *Мао Цзэдун*. Собр. соч. Т. 7. С. 156.
50. Рассчитано по: Chen, Shaohua and Ravallion, Martin. 2008. The developing world is poorer than we thought, but no less successful in the fight against poverty. Policy Research Working Paper Series 4703? The World Bank. URL: <http://econ.worldbank.org/povcalnet>; World Bank and IMF. Global

Monitoring Report 2001: Improving the odds of Achieving the MDGs; The World Bank. URL: <http://econ.worldbank.org/povcalnet>.

51. Рассчитано по: данные за 1978–2007 гг.: World Development Indicator 2013; данные за 2007–2012 гг.: использованы данные МВФ.
52. *Ху Аньган, Лю Тао*. Сущность великого возрождения нации есть культурное возрождение. Народный форум — Авангард науки. Ноябрь 2012 г.
53. Гилберт Розман полагал: «В середине XIX в. произошло изменение в отношении китайских властей к внешнему миру, они надеялись сохранить позицию наблюдателя. Китайское правительство оказалось коррумпировано и бессильно перед вызовом со стороны индустриальных держав. В первой половине XX в. перемены начались, но попытки создать правительство, способное стимулировать научно-техническое развитие, добиваться экономического роста и стабилизировать общество провалились». См.: *Розман Г.* Модернизация Китая. 1988 г.
54. «Предсказание *Мао Цзэдуна*» прозвучало в 1962 г. на семитысячном собрании. Он сказал: «Капитализм развивается уже несколько сот лет. Не считая XVI в., который еще относится к Средневековью, начиная с XVII в., ему уже насчитывается более 360 лет. В нашей стране для создания экономически сильного социалистического государства, я думаю, потребуется 100 лет». Он так же отметил: «Социализм имеет множество преимуществ по сравнению с капитализмом, развитие хозяйства нашей страны может идти гораздо быстрее капиталистических стран. На развитие сильных капиталистических экономик потребовалось более 300 лет, какая же проблема в том, чтобы построить сильную социалистическую экономику за 50–100 лет?» (*Мао Цзэ-дун*. Собр. соч. Т. 8. С. 301–302).
55. «Предсказание *Дэн Сяопина*» прозвучало на встрече с зарубежными гостями в 1987 г. «Мы ныне намерены с помощью реформы ускорить развитие производительных сил, твердо следовать социалистической дорогой и на практике доказать преимущества социализма, — сказал: он — На осуществление этой цели может потребоваться два, три или даже четыре поколения. К тому времени мы сможем с полным осознанием своей правоты сказать, что социализм превосходит капитализм». (*Дэн Сяопин*. Избранные произведения. Пекин. Т. 3. С. 256.).
56. См.: *Си Цзиньпин*. Речь по поводу 120-летия со дня рождения Мао Цзэдуна.

Военное строительство

Сухопутные войска Народно-освободительной армии Китая на пути модернизации

© 2015

А. Шлындов

В статье анализируется современное состояние и перспективы развития Сухопутных войск НОАК, раскрываются цели и задачи модернизации этого вида вооруженных сил КНР. Автор отмечает сильные и слабые стороны Сухопутных войск НОАК, раскрывает их боевые возможности.

Ключевые слова: маневренные силы, моторизованные механизированные формирования, модульный принцип, военный район, военный округ, реактивная система залпового огня.

Сухопутные войска Народно-освободительной армии Китая (НОАК) — самый многочисленный вид китайских вооруженных сил. Их численность в настоящее время достигает 1600 тыс. человек¹. Кроме того, имеется действующий резерв, насчитывающий более 800 тыс. человек². По этим показателям Сухопутные войска НОАК занимают первое место в мире, существенно превосходя аналогичные силы США и Российской Федерации, не говоря уже о других крупных военных державах.

Сухопутные войска НОАК включают в себя маневренные (основные) силы, насчитывающие более 800 тыс. человек, и местные (территориальные), численность которых составляет также приблизительно 800 тыс. человек.

Маневренные силы в оперативном отношении подчинены Генеральному штабу НОАК через командования военных округов. Их предназначение — ведение боевых действий в любом районе материковой части национальной территории и за ее пределами. Местные войска находятся в подчинении провинциальных командований. Они должны совместно с народным ополчением решать главным образом охранные и оборонительные задачи. Одной из функций, которые возлагаются на местные войска, является обеспечение охраны важных коммуникаций в мирное время, в военное время они должны защищать эти коммуникации от вторгнувшегося в глубь национальной территории противника или от его диверсионных групп.

Территориальные войска развернуты на наиболее опасных направлениях возможного вторжения войск противника и опираются на заранее оборудованные в инженерном отношении оборонительные позиции. Несколько таких позиций составляют оборонительный район (район прикрытия). Местные войска, по сути, являются наследием пе-

риода, когда китайские военно-стратегические концепции строились с расчетом на широкомасштабное вторжение с севера и допускали возможность продвижения противника вглубь территории КНР. Они предполагали ведение преимущественно оборонительных боевых действий позиционного характера. Кроме того, на их базе предполагалось создавать партизанские формирования. Несмотря на то, что в настоящее время главенствующее место в китайской военной теории отводится концепции так называемой активной обороны, которая предусматривает ведение как оборонительных, так и наступательных действий при взаимодействии разных видов вооруженных сил и родов войск, эти устаревшие установки все еще оказывают определенное влияние на военно-стратегическое мышление китайского политического и военного руководства. В мирное время в функции местных войск входит также проведение спасательных операций в своей зоне ответственности во время стихийных бедствий и техногенных катастроф. В военное время, помимо выполнения чисто военных функций, на них возлагается задача устранения последствий применения противником оружия массового поражения и других современных средств огневого воздействия, приводящих как к многочисленным жертвам среди военнослужащих и гражданского населения, так и к массовым разрушениям жилищного фонда, инфраструктуры и промышленных объектов, в том числе потенциально опасных производств, атомных и гидроэлектростанций.

На местные войска также возлагается задача совместно с Народной вооруженной полицией (НВП) осуществлять контроль приграничных и прибрежных зон, а также важных военных объектов и военной инфраструктуры. Совместно с НВП они могут привлекаться для поддержания общественного порядка и безопасности. В этом вопросе они в какой-то мере дополняют друг друга, выполняя свои специфические функции.

Согласно китайским документам, изложенным в открытых источниках, Сухопутные войска НОАК в целом предназначены для ведения боевых действий на континенте. Помимо численности, их коренным отличием от других видов вооруженных сил НОАК является разнообразие как вооружения и военной техники (ВВТ), так и способов ведения боевых действий. Боевые возможности Сухопутных войск должны обеспечивать их способность самостоятельно или во взаимодействии с другими видами вооруженных сил в составе объединенных группировок проводить эффективные наступательные операции в целях разгрома противника и овладения территорией, которую он занимает, осуществлять эффективное огневое воздействие по всей глубине построения его войск. В обороне они должны прочно удерживать занимаемые районы (рубежи), нанося войскам противника максимальные потери, тем самым подготавливая благоприятные условия для проведения собственной контр наступательной операции.

Становление КНР как новой сверхдержавы, имеющей свои сферы влияния и интересы в различных регионах мира, находит отражение в расширении круга задач, стоящих перед ее вооруженными силами, включая Сухопутные войска. Формирования НОАК стали участвовать в международных операциях под эгидой ООН и других организаций, призванных обеспечивать мир, безопасность и стабильность как в глобальном, так и в региональном масштабе, в том числе в международных операциях гуманитарного характера, в антипиратских действиях, а также в практическом выполнении международных договоренностей. Последним примером такой деятельности является участие китайского и российского боевых кораблей в обеспечении охраны судна, вывозившего сирийское химическое оружие.

В Сухопутные войска НОАК в качестве родов войск входят пехота (стрелковые, моторизованные и механизированные силы)³, танковые войска, ракетные войска и артиллерия, войска ПВО, армейская авиация, а также соединения и части боевого и тылового обеспечения (связи, разведки, радиоэлектронной борьбы, инженерные, радиационной, химической и биологической защиты, службы материально-технического, медицинского обеспечения, научно-исследовательские организации, военно-учебные заведения и т.д.).

Организационно в состав Сухопутных войск НОАК включены и Силы специальных операций (спецназ).

Непосредственное руководство Сухопутными войсками НОАК возложено на командующего, являющегося одновременно заместителем министра обороны КНР. Основным органом управления, посредством которого командующий осуществляет такое руководство, является штаб, состоящий из управлений и отделов, отвечающих за определенное направление деятельности (оперативное, разведки, организационно-мобилизационное и т.д.). В сферу деятельности штаба входят также оперативная и боевая подготовка войск, их боевое применение, организация управления и связи, определение их боевого и материально-технического обеспечения, проведение мобилизационных мероприятий.

Структурно Сухопутные войска НОАК состоят из 18 общевойсковых армий, которые в большинстве западных и китайских источников именуется армейскими группами. Последние распределены по 7 военным округам⁴, которые, в свою очередь, подразделяются на 28 военных районов. Группы эти различаются по своей структуре и численности в зависимости от дислокации, вероятного противника и стоящих перед ними задач и имеют разные категории готовности⁵. Численность типовой армейской группы колеблется от 30 до 50 тыс. человек. По этому показателю в какой-то мере она соответствует полевой армии НАТО, уступая тем не менее аналогичному объединению США. В типовом варианте армейская группа Сухопутных войск НОАК имеет в своем составе до трех механизированных (моторизованных, стрелковых) дивизий (бригад), одной артиллерийской бригады, бригады ПВО, разведывательного батальона, по одному полку связи, инженерного обеспечения, радиационной, химической, биологической защиты, частей тылового обеспечения и радиоэлектронной борьбы.

Механизированная дивизия НОАК в своей типовой штатной структуре имеет численность личного состава до 10 тыс. человек. Она включает три механизированных полка трехбатальонного состава на бронетранспортерах и боевых машинах пехоты и один танковый.

Танковая дивизия состоит из трех танковых полков и одного механизированного. В состав как механизированной, так и танковой дивизии входят артиллерийский полк, полк (батальон) ПВО, батальон связи, инженерный батальон, рота радиационной, химической, биологической защиты (РХБЗ), подразделения материально-технического и медицинского обеспечения.

Механизированная бригада НОАК состоит из четырех механизированных батальонов, каждый из которых оснащен 40 бронетранспортерами (БТР) или боевыми машинами пехоты (БМП), и танкового батальона, имеющего на вооружении 41 основной боевой танк (ОБТ), в том числе один командирский.

Танковая бригада включает четыре танковых батальона трехротного состава (124 ОБТ) и один механизированный батальон (40 БТР или БМП).

В состав как механизированной, так и танковой бригады входят артиллерийский батальон с тремя батареями (18 самоходных гаубиц и 6 орудий в каждой), батальон ПВО, инженерная рота, роты связи и разведки, подразделения РХБЗ, технического и медицинского обеспечения.

Артиллерийская бригада имеет в своем составе четыре батальона (три батареи, 48 буксируемых орудий в каждом) и батальон самоходных артиллерийских установок (САУ), на вооружении которого имеется 18 САУ.

В настоящее время продолжается активная реорганизация Сухопутных войск НОАК с целью обеспечения их большей мобильности, гибкости управления в ходе ведения боевых действий в составе межвидовых группировок войск. Одним из направлений реорганизации является переход к так называемой модульной структуре, основой которой становится бригада. По мнению руководства НОАК, именно бригадная структура позволяет создавать межвидовые группировки войск различной конфигурации в соответ-

ствии с конкретными боевыми задачами. Китайские военные специалисты на основе анализа опыта США и других стран НАТО пришли к выводу, что боевые формирования бригадного уровня обладают оптимальной структурой и необходимыми возможностями по стратегическому развертыванию и мобильности. Помимо этого, китайские военные эксперты считают, что формирования бригадного уровня имеют достаточное количество средств огневого поражения всех типов, обеспечивающих возможность успешного проведения всего спектра боевых действий в военных конфликтах разной интенсивности. Бригадная структура позволяет варьировать набор сил и средств не только в зависимости от вида боевых действий, но и в соответствии с уровнем интенсивности военного конфликта, а также природно-климатическими условиями и рельефом местности. Считается, что для действий в конфликтах низкой интенсивности (противопартизанских действиях) оптимально задействовать бригадные формирования легкого типа, приспособленные для ведения боевых действий в джунглях или в горно-лесистой местности. В конфликтах средней и высокой интенсивности целесообразно использование бригад тяжелого типа наступательного или оборонительного состава.

Особое значение при принятии решения о переходе к построению межвидовых группировок по модульному принципу на основе бригады придавалось повышению мобильности и управляемости войск. При этом мобильность понимается не только как способность быстро менять позиции на поле боя и осуществлять маневр силами и средствами в целях изменения состава группировок на одном театре военных действий (ТВД), но и как способность проводить крупные межтеатровые переброски на большие расстояния.

Одновременно с повышением уровня мобильности войск руководство НОАК ставит задачу существенно увеличить в составе Сухопутных войск количество формирований, обладающих повышенной готовностью к боевому применению и большей боеспособностью. Это, по замыслам китайских военных специалистов, позволит существенно повысить эффективность действий Сухопутных войск в ходе проведения операций межвидовых группировок.

К настоящему времени в Сухопутных войсках НОАК созданы мощные высокоманевренные силы, предназначенные для ведения эффективных боевых действий в любой части национальной территории и за ее пределами, в первую очередь в зонах по периметру границ КНР. В чрезвычайной ситуации они в короткие сроки могут быть переброшены на любое стратегическое направление в целях создания группировок войск, достаточных для эффективного решения конкретных задач. В контексте требований по созданию модульной системы построения межвидовых группировок войск в армейских группах сокращается количество дивизий, и, соответственно, увеличивается число бригад. При этом на отдельных направлениях, где существуют благоприятные для эффективного применения дивизий условия местности и где у вероятного противника сосредоточены мощные группировки войск, признается целесообразным сохранить часть войск дивизионной структуры.

Наряду с повышением мобильности Сухопутных войск командование НОАК уделяет серьезное внимание развитию и внедрению современных средств боевого управления, связи, разведки, наблюдения (целеуказания) и компьютерной техники, интегрированных в единый сетевой комплекс с аппаратурой защиты информационного пространства. Одновременно поступают на вооружение новые комплексы радиоэлектронной борьбы. Особо важное значение придается применению автоматизированных систем управления войсками (АСУВ) разных уровней. К настоящему времени в КНР созданы и применяются АСУВ как стратегического (общенационального), так и регионального, оперативного и оперативно-тактического уровней. Значительно расширены возможности АСУВ ТВД «Цюйдянь» (Quidian), обеспечивающей информационные потоки между Генеральным штабом НОАК, штабами видов вооруженных сил, родов войск и окружными командованиями. Существенную результативность демонстрирует и АСУВ уровня «военный округ — армейская группа — дивизия — бригада». В войсках начинается актив-

ное освоение такой системы уровня «батальон — рота — отделение (экипаж, расчет)», одним из элементов которой становятся планшетные компьютеры, уже начавшие поступать в распоряжение командиров подразделений. Переход от экспериментального к более широкому применению АСУВ не только существенно повысил управляемость войск, сократил время принятия командирами решения на бой, облегчил его планирование, увеличил уровень взаимодействия формирований различных видов войск в составе объединенных группировок, повысил эффективность применения ВВТ, но и способствовал разработке инновационных способов, форм и методов вооруженной борьбы.

Политическое и военное руководство Китая постепенно отходит от приоритетного финансирования Сухопутных войск НОАК, отмечая, что они являются по крайней мере первыми среди равных по отношению к другим видам вооруженных сил. В последние десять лет в Сухопутных войсках активно идет процесс обновления вооружения и военной техники, причем существенно более высокими темпами, чем предсказывали зарубежные военные специалисты, включая российских. Планируется уже к 2017–2018 гг. довести количество новых и новейших систем до 70% ВВТ. При этом ставится задача существенно сократить их номенклатуру, оставив на вооружении многофункциональные образцы ВВТ, обладающие потенциалом модернизации.

Как известно, в недавнем прошлом на вооружении Сухопутных войск НОАК имелось неоправданно большое количество образцов ВВТ. Эта проблема и к настоящему времени не решена полностью. В парке ВВТ сухопутных войск НОАК все еще сохраняется избыточное количество разнотипного вооружения, причем значительная его часть относится к поколениям I и I+.

Танковые войска, по мнению китайских военных специалистов, несмотря на возросшую уязвимость танков в связи с развитием противотанковых средств, остаются главной ударной силой Сухопутных войск. Они предназначены для ведения боевых действий как самостоятельно, так и в составе межвидовых группировок войск. В китайских документах и военной литературе утверждается, что в силу большой огневой мощи, надежной броневой защиты, высокой подвижности и маневренности танков наиболее эффективным является применение танковых войск на главных направлениях для прорыва эшелонированной обороны противника, нанесения ему мощных и глубоких ударов. Весьма эффективным китайские военные специалисты считают применение танковых войск в обороне, а также в рейдовых действиях в составе оперативных мобильных групп.

По состоянию на начало 2015 г., на вооружении Сухопутных войск НОАК стояло приблизительно 5900 средних танков, 640 основных боевых танков (ОБТ), 750 легких танков, 200 разведывательных⁶. Сравнивая данные за 2013 и 2014 гг., можно сделать вывод, что из боевого состава Сухопутных войск НОАК в год выводится приблизительно 300 танков старых модификаций и принимается на вооружение до 100 новых и новейших машин.

Китай будет и дальше продолжать сокращать модельный ряд и численность танкового парка маневренных сил своих Сухопутных войск, увеличивая количество современных основных боевых танков, сопоставимых по своим тактико-техническим характеристикам (ТТХ) и боевым возможностям с машинами передовых в научно-техническом и технологическом отношении стран. В связи с этим имеет смысл дать ТТХ как самых массовых китайских танков Тип-59 и Тип-96 разных модификаций, которые по причине своей многочисленности в ближайшие пять—семь лет будут оставаться на вооружении, так и самых современных Тип-98А, Тип-99, Тип-99А, которые по мере вывода из боевого состава основных сил Сухопутных войск НОАК морально и физически устаревших образцов танков займут доминирующее по численности положение в китайском танковом парке.

Последняя и наиболее совершенная модификация среднего танка семейства Тип-59 создана с применением западных технологий на основе советского танка Т-62, попавшего в руки китайцев в ходе вооруженного конфликта на о. Даманском в марте 1969 г. В вариантах D и D1 танк оснащен дизельным двигателем мощностью 590 л.с., обеспечиваю-

щим скорость 50 км/час и максимальный запас хода 600 км, имеет динамическую защиту, компьютеризованную систему управления огнем, лазерный дальномер, пассивные приборы ночного видения, стабилизированную в двух плоскостях нарезную пушку с боекомплектом 44 выстрела, включая выстрелы со снарядами с сердечником из обедненного урана с бронепробиваемостью до 600 мм. Может использовать танковые управляемые ракеты (УР), имеющие максимальную дальность стрельбы по наземным бронированным целям до 5200 м и бронепробиваемость до 700 мм. УР способна поражать вертолеты и беспилотные летательные аппараты. На вооружении танка имеются спаренный с пушкой и курсовой 7,62-мм пулеметы и 12,7-мм зенитный пулемет⁷.

Основной боевой танк Тип-96 оснащен дизельным двигателем мощностью 730 л.с., максимальная скорость — 57 км/ч, запас хода — 700–900 км. Пушечное вооружение: стабилизированная в двух плоскостях 125-мм гладкоствольная пушка с автоматом заряжания (скорострельность 6–8 выстрелов в минуту), прицельная дальность стрельбы по бронированным целям 3000 м; пулеметное вооружение: спаренный с пушкой 7,62-мм и зенитный 12,7-мм пулеметы⁸.

Основные боевые танки семейства Тип-98 / Тип-99 по ТТХ и боевым возможностям сопоставимы с американскими M1A1 и частично с M1A2 «Абрамс», немецкими «Леопард-2» и российскими Т-90. Созданы путем синтеза агрегатов, скопированных с российских (советских), немецких и американских машин.

Боевая масса этих китайских танков 50 т, они оснащены дизельным двигателем, созданным на основе немецкого WD396, мощностью 1200 л.с., максимальная скорость — 65 км/ч, запас хода — до 600 км. Имеют компьютеризованную систему управления огнем с встроенным лазерным дальномером.

Пушечное вооружение: стабилизированная в двух плоскостях гладкоствольная пушка с автоматом заряжания, имеющая скорострельность 6–8 выстрелов в минуту и дальность стрельбы по бронированным целям до 3000 м; боекомплект включает 42 выстрела с бронебойными подкалиберными (бронепробиваемость по нормам на дальности 2000 м — до 630 мм), кумулятивными (бронепробиваемость до 800 мм) и осколочно-фугасными снарядами. Могут применяться танковые управляемые ракеты. Пулеметное вооружение: спаренный с пушкой 7,62-мм и зенитный 12,7-мм пулеметы. Танк оснащен лазерной системой защиты. Она устанавливается на крыше башни. Сенсоры системы обнаруживают лазерное излучение прицельных устройств противотанковых средств, и она дает команду на поворот башни в сторону источника излучения, собственным бортовым лазером выводит из строя оптические приборы и поражает органы зрения оператора противотанкового комплекса⁹.

Если судить по тому, что в ходе состоявшегося 4–16 августа 2014 г. в России первого Международного танкового биатлона китайской команде по техническим причинам пришлось три раза заменять участвующий в состязаниях танк Тип-96А (в одном из указанных случаев на огневом рубеже он не смог произвести ни одного выстрела), качество его агрегатов оставляет желать лучшего¹⁰. Тем не менее, выявляемые в процессе эксплуатации недостатки устраняются, агрегаты совершенствуются, различные модификации танков этого типа в довольно значительных количествах поступают на вооружение маневренных сил Сухопутных войск НОАК.

В настоящее время в Китае ускоренными темпами ведется глубокая модернизация различных модификаций танков Тип-96 и Тип-99. В частности, на завершающем этапе находятся работы по созданию на базе Тип-99 практически новой боевой машины под обозначением Тип-99А2. По некоторым данным, она будет иметь 140-мм гладкоствольную пушку, которая при стрельбе бронебойными оперенными снарядами с урановым сердечником, а также противотанковыми ракетами китайского и российского производства может пробивать лобовую броню всех современных танков, включая последние версии американского танка «Абрамс» M1A2. Танк Тип-99А2 с 125-мм пушкой уже посту-

пил в опытную эксплуатацию Сухопутных войск НОАК. Одним из отличий танка данной модификации от базового образца является наличие большого количества панелей динамической защиты, которые устанавливаются на передней и боковых частях башни. Броня, прикрываемая такими панелями, существенно повышает живучесть боевой машины при попадании в нее усовершенствованных бронбойных снарядов повышенного могущества. На танке Тип-99А2 предположительно установлена новая система активной защиты. Для борьбы с воздушными целями он будет оснащен крупнокалиберным 14,5-мм пулеметом. У этого танка более совершенный и надежный автомат заряжания. По сравнению с базовой моделью он имеет башню большего объема за счет увеличения толщины ее лобовой брони, усиленное шасси, способное выдерживать воздействие противотанковых мин¹¹.

Можно констатировать, что на современном этапе китайские танкостроители по уровню разработок если не догнали, то вплотную приблизились к передовым в научно-техническом и технологическом отношении странам — производителям бронетанковой техники. Шаг за шагом они уверенно сокращают свое отставание в технологиях производства основных боевых танков.

Пехота, как отмечалось, является родом Сухопутных войск НОАК. На пехотные формирования, согласно китайским источникам, возлагаются следующие задачи: в наступлении (контрнаступлении) они должны вместе с танковыми войсками осуществить прорыв обороны противника, разгромить группировки его войск, захватить и закрепиться на освобожденной территории, создав условия для дальнейшего развития наступления; в обороне они призваны удерживать занимаемые позиции, отражать удары противника, поражать его живую силу и технику, создавая благоприятные условия для проведения наступательной (контрнаступательной) операции.

Пехотные формирования (соединения, части) включают: стрелковые, моторизованные, механизированные, танковые, артиллерийские, зенитно-артиллерийские части (подразделения), подразделения боевого и тылового обеспечения. Маневренные силы Сухопутных войск НОАК в настоящее время включают главным образом механизированные формирования.

Помимо танков, на вооружении пехотных сил НОАК состоит большое количество боевых бронированных машин (ББМ) разных типов и назначения: боевых машин пехоты (БМП) — 3850¹², бронетранспортеров (БТР) — 5020, в том числе гусеничных — 4150, колесных — 870¹³.

Одними из наиболее многочисленных в парке ББМ являются гусеничные БМП — Тип-86/Тип-86А (WZ-501) и Тип-92/Тип-92В. БМП Тип-86 (WZ-501) является нелицензионной копией советской плавающей БМП-1¹⁴. БМП Тип-92 / Тип-92В (полное обозначение ZSL, экспортное — WZ-551) создана на основе французского бронетранспортера Renault VAB. Она имеет ту же самую компоновку узлов и фактически идентична по внешнему виду, но отличается от французской по размерам, боевой массе и ряду других параметров. Эта БМП выпускается в модификациях: «истребитель танков», боевая разведывательно-дозорная машина, командно-штабная и санитарная машины, в варианте «истребитель танков» она оснащается несколькими пусковыми установками для противотанковых управляемых ракет (ПТУР)¹⁵.

Начиная с 2006 г., в формирования маневренных сил Сухопутных войск НОАК Гуанчжоуского и Нанкинского военных округов, начали поступать боевые машины пехоты нового поколения — Тип-97 (ZBD-97). Боевой модуль указанной БМП скопирован с российского, известного под обозначением «Бахча» (по некоторым данным, китайцы официально приобрели лицензию на его производство у Тульского конструкторского бюро приборостроения). Внутренняя компоновка машины разработана китайскими специалистами самостоятельно¹⁶.

Одним из самых массовых бронетранспортеров является Тип-92/Тип-98В, созданный на базе БМП того же типа. Этот бронетранспортер отличается от БМП лишь тем, что вместо автоматической пушки он оснащен 12,7-мм пулеметом. Размеры БМП и БТР указанного типа позволяют транспортировать их на военно-транспортных самолетах большой грузоподъемности, таких как российский Ил-76 и перспективные китайские военно-транспортные самолеты типа Y-20.

Обращает на себя внимание тот факт, что в ходе модернизации парка боевых бронированных машин Сухопутных войск НОАК в нем из года в год стабильно увеличивается количество гусеничных машин и уменьшается число колесных.

Ракетные войска и артиллерия являются родом Сухопутных войск НОАК. Они предназначаются для огневого поражения противника во всех видах и формах боевых действий.

Ракетные войска и артиллерия Сухопутных войск НОАК включают в себя формирования, на вооружении которых находятся ракетные комплексы тактического назначения, реактивные системы залпового огня (РСЗО) разных калибров, артиллерийские орудия (пушки, гаубицы, минометы), противотанковые пушки и противотанковые ракетные комплексы, а также части и подразделения артиллерийской разведки.

На начало 2015 г. в ракетных войсках и артиллерии Сухопутных войск НОАК имелось более 13 тыс. артиллерийских систем, в том числе: самоходных орудий — 2280, буксируемых орудий — 6140, комбинированных 120-мм пушек-гаубиц — 300, реактивных систем залпового огня (РСЗО) — 1872, в их числе самоходных — 1818 (122-мм — 1643, 300-мм — 175), минометов — 2586 (82-мм и 100-мм). Кроме того, на вооружении находились: самоходные противотанковые ракетные комплексы (ПТРК) — 924 ед., безоткатные орудия — 3966 ед. (75-мм, 82-мм, 105-мм и 120-мм), противотанковые пушки — 1788 ед., в их числе самоходных — 480 ед., буксируемых противотанковых пушек — 1308 ед.¹⁷

В ходе модернизации ракетных войск и артиллерии Сухопутных войск НОАК ставится конечная задача превращения их в разведывательно-огневую систему, обладающую способностью дальнего огневого поражения противника.

В качестве огневого компонента такой системы предполагается использовать перспективные ракетные комплексы тактического назначения повышенной дальности и точности, РСЗО, обладающие способностью автоматического наведения на цель и коррекции траектории полета реактивных снарядов, самоходные гаубицы увеличенной скорострельности и огневой производительности. Противотанковые силы предполагается оснастить противотанковыми ракетными комплексами нового поколения, способными надежно поражать бронированную защиту всех современных танков противника в условиях ограниченной видимости. Важным компонентом разведывательно-ударных и разведывательно-огневых комплексов должны стать космические системы, разведывательная авиация, беспилотные летательные аппараты (БПЛА) и другие средства, позволяющие в режиме, приближающемся к реальному времени, с высокой точностью обнаруживать объекты группировок противника и обеспечивать целеуказания, а также осуществлять корректировку огня. В ракетных войсках и артиллерии Сухопутных войск НОАК уже начали поступать на вооружение БПЛА различных типов и назначения.

Ракетные войска и артиллерия Сухопутных войск НОАК имеют в своем составе отдельные артиллерийские, ракетные противотанковые бригады, а также бригады оперативно-тактических ракет. Артиллерийские формирования (полки, дивизионы) включены в состав механизированных и танковых бригад.

В штатную структуру артиллерийской бригады, входящей в состав войск быстрого реагирования, численность которых в Сухопутных войсках НОАК постоянно увеличивается, входят четыре самоходных артиллерийских и один самоходный противотанковый артиллерийский дивизион. Целесообразно привести тактико-технические характеристики наиболее массовых и достаточно современных систем артиллерийского и ракетно-

го вооружения Сухопутных войск НОАК. К ним относятся — 152-мм самоходная пушка-гаубица Тип-83, смонтированная на унифицированной гусеничной платформе национальной разработки. По внешнему виду и компоновке она практически идентична советской самоходной пушке-гаубице того же калибра 2С3 «Акация». Боекомплект включает выстрелы с осколочно-фугасными, в том числе активно-реактивными, бетонобойными, бронебойно-трассирующими, кумулятивными, химическими и осветительными снарядами. Имеет противопульное (противоосколочное) бронирование, система заряжания — полуавтоматическая¹⁸.

Наиболее современной из самоходных пушек-гаубиц является 155-мм орудие Тип-05 (PLZ-05). Она является копией хорошо зарекомендовавшей себя российской гаубицы 2С19 «Мста-С» с рядом китайских усовершенствований. Новые модификации орудий этого типа имеют более высокую скорострельность, оснащены более эффективной автоматизированной системой управления огнем (СУО), аппаратурой навигации, снабжены средствами снижения заметности в радиолокационном, тепловом и оптическом диапазонах.

Для 152-мм и 155-мм гаубиц используется 152-мм снаряд, разработанный в КНР на основе лицензионного российского снаряда «Краснополь», корректируемого с помощью лазерной подсветки. Снаряд данного типа может применяться для подавления огневых точек противника (контрбатарейной борьбы), уничтожения танков и другой бронетехники, пунктов управления и фортификационных сооружений легкого типа и т.д. Особое внимание китайские специалисты уделяют развитию реактивных систем залпового огня. По научно-техническому уровню разработок и технологий они не только догнали ведущие страны-производители вооружения и военной техники, но и по многим позициям опередили их. Линейка китайских РСЗО представлена следующими основными образцами: 300-мм 10-ствольная тяжелая реактивная система залпового огня Тип-03 (PHL-03) разработана по образцу советской (российской) 12-ствольной системы 9К58 «Смерч». Система включает пусковую установку и транспортно-заряжающую машину на шасси тяжелого внедорожного автомобиля WS-2400 с колесной формулой 8x8, скопированного с советского автомобиля МА3-543, машину управления огнем на шасси трехосного автомобиля повышенной проходимости, оснащенную компьютеризированной системой и аппаратурой космической навигации и топопривязки. Предназначается для стрельбы стабилизируемыми в полете вращением реактивными снарядами: противотанковыми с кумулятивными поражающими элементами и осколочно-фугасными боевыми частями.

Для применения в указанных РСЗО в КНР разрабатываются корректируемые в полете реактивные снаряды большой дальности. Согласно заявлению представителя компании «Норинко», являющейся разработчиком данной системы, максимальная дальность ее последней модификации доведена до 150 км. На базе PHL-03 созданы еще три образца РСЗО под обозначением AR1 и AR1A, имеющие соответственно восемь и десять направляющих трубчатого типа для реактивных снарядов калибра 300 и 330-мм соответственно, которые, по китайским источникам, могут поразить цели, находящиеся на удалении до 220 км¹⁹.

Наиболее мощным ударным средством, стоящим на вооружении Сухопутных войск НОАК, являются оперативно-тактические ракеты. Они предназначаются для поражения командных пунктов, в том числе углубленных, баллистических ракет, противоздушных/противоракетных систем, РЛС, аэродромов, крупных складов и т.д. Одной из наиболее современных в арсенале ракетных войск и артиллерии Сухопутных войск НОАК является твердотопливная мобильная баллистическая ракета «Дунфэн-11А» (DF-11А) на шасси четырехосного автомобиля высокой проходимости. Она имеет натовское обозначение CSS-C-7 Mod2. Стартовая масса ракеты — 6,35 т, забрасываемый вес — 500–800 кг, боевой блок может оснащаться ядерным или фугасным зарядом, максимальная дальность стрельбы — 300 км, круговое вероятное отклонение составляет 200 м²⁰.

Ракеты этого типа также имеются на вооружении Второй артиллерии (Стратегических ракетных войск).

Войсковая противовоздушная оборона (ПВО), согласно китайским источникам, предназначается для прикрытия группировок войск и объектов тыла от ударов средств воздушного и, по возможности, космического нападения противника. Она организуется при проведении операций любого масштаба и типа во всех видах боевых действий, при передвижении войск и их расположении в местах дислокации.

Противовоздушная оборона войск включает силы и средства разведки воздушного противника, оповещения прикрываемых войск о его приближении, соединения и части зенитной и зенитно-ракетной артиллерии, части и подразделения радиоэлектронной борьбы. Силы и средства войсковой ПВО уничтожают самолеты, вертолеты, крылатые и оперативно-тактические баллистические ракеты, беспилотные летательные аппараты и другие средства воздушного нападения. Наиболее современные средства войсковой ПВО могут в ограниченных масштабах решать задачи противоракетной обороны на ТВД.

За последние 10–15 лет КНР удалось добиться серьезных успехов в расширении боевых возможностей ПВО, включая ее войсковой компонент. Были разработаны и приняты на вооружение современные высокоэффективные средства борьбы, способные уничтожать маневрирующие воздушные цели, летящие на средних, малых и сверхмалых высотах. В настоящее время на вооружении ПВО Сухопутных войск НОАК помимо ствольной зенитной артиллерии, начитывающей 7376 артсистем и переносных зенитных ракетных комплексов (ПЗРК), стоят зенитные ракетные комплексы малой, средней и большой дальности, общее количество которых достигает 296 ед.²¹ В конце 1990-х гг. в войска поступили производенные по французской лицензии ЗРК «Кроталь», получившие китайское обозначение «Хунци-7» (HQ-7). На вооружении стоит 200 ЗРК этого типа различных модификаций²². В это же время Китай закупил у России самоходный зенитно-ракетный комплекс дивизионного звена 9К331 «Тор-М1» и впоследствии создал свой аналог этой достаточно совершенной системы, получивший китайское обозначение «Хунци-17» (HQ-17). ЗРК семейства «Тор» специально предназначен для борьбы с современными средствами воздушного нападения, включая высокоточное оружие: противорадиолокационные ракеты, управляемые планирующие авиационные бомбы, маневрирующие, пилотируемые и беспилотные высокоскоростные аэродинамические объекты. На вооружении ПВО Сухопутных войск НОАК их имеется 24 ед.²³

В состав ЗРК HQ-17 входят боевые машины на специальном гусеничном шасси высокой проходимости. Они оснащены восемью зенитными управляемыми ракетами (ЗУР), размещенными в двух четырехзарядных пусковых транспортных контейнерах, а также РЛС, обеспечивающей обнаружение и опознавание воздушного объекта противника с выдачей целеуказания для захвата и сопровождения цели и передачи ее координат на систему боевого управления пусковой установки. РЛС может осуществлять подсветку цели и ракеты непрерывным излучением. РЛС разведки и наведения позволяет обнаруживать на дальности до 27 км самолеты, летящие в диапазоне высот от 30 до 6000 м, вертолеты — на дальности до 20 км, беспилотные летательные аппараты, в том числе малогабаритные, — до 15 км. При этом вероятность поражения аэродинамических целей на дальности до 15 км в среднем составляет 80%. Боевые возможности комплекса позволяют эффективно прикрывать протяженные и точечные объекты, находящиеся на удалении 8–10 км от боевой позиции ЗРК²⁴.

В 2011 г. на вооружение ПВО Сухопутных войск НОАК был принят ЗРК средней дальности, получивший обозначение «Хунци-16А» (HQ-16А), который по существу является сухопутной версией корабельного ЗРК HHQ-16. Последний представляет собой дальнейшее развитие советского морского ЗРК «Штиль». На вооружении ПВО Сухопутных войск НОАК находятся 24 таких комплекса²⁵.

Ракета зенитного комплекса HQ-16A стартует из транспортно-пускового контейнера вертикально. ЗРК указанного типа способен поражать аэродинамические цели как на больших, так и на малых высотах на дальности до 40 км. По своим боевым возможностям он занимает промежуточное положение между ЗРК HQ-7 ближнего действия и HQ-9 большой дальности. В состав дивизиона HQ-16A входят пункт боевого управления, РЛС обнаружения и три огневые батареи. В каждой батарее имеется РЛС подсветки и наведения и четыре пусковых установки, каждая из которых размещается на автомобильном шасси с колесной формулой 6x6 и оснащается шестью зенитными управляемыми ракетами (ЗУР). ЗРК HQ-16A способен поражать цели типа «самолет» на дальности 3,5–40 км, «крылатая ракета» — 3,5–12 км. Минимальная высота поражения цели — 15 м, максимальная — 15 000 м. Вероятность поражения цели типа «самолет» — более 60%. Согласно китайским источникам, РЛС комплекса подсвечивает цели периодически, что затрудняет применение противником противорадиолокационных авиационных ракет. Она имеет высокую помехозащищенность и может наводить зенитные управляемые ракеты на четыре цели одновременно, используя инерциальное наведение на начальном участке полета и полуактивную радиолокационную головку самонаведения на конечном участке траектории в условиях активного применения противником средств радиоэлектронной борьбы. Благодаря этому значительно увеличилась зона поражения аэродинамических целей²⁶.

Самыми современными и наиболее эффективными системами ПВО Сухопутных войск НОАК являются приобретенные у России фронтальные самоходные ЗРК С-300В (9К81). Указанные ЗРК, а также их нелегальные копии получили китайское обозначение «Хунци-18» (HQ-18). Боевые возможности этой системы позволяют эффективно решать задачи не только по прикрытию группировок войск, а также важных войсковых и тыловых объектов, но и центров государственного и военного управления, административно-промышленных объектов общенационального уровня, дополняя и взаимодействуя с системой HQ-15 (С-300 ПМУ1), входящей в состав ПВО ВВС НОАК, по сути являющейся ПВО/ПРО страны. Эти системы были закуплены в России. Впоследствии были созданы китайские нелегальные аналоги, которые, по некоторым сведениям, по многим показателям уступают российскому оригиналу. Об этом, в частности, свидетельствует тот факт, что ПВО/ПРО китайской столицы укомплектована системами российского производства.

Китайские специалисты довольно давно проводят НИОКР по созданию средств борьбы с гиперзвуковыми ракетными системами и серьезно продвинулись в этом направлении.

Кроме того, важным достижением китайских разработчиков явилось введение в головку самонаведения последних модификаций зенитно-ракетной системы специального режима пассивной пеленгации постановщика активной помехи и самонаведения на него. Введение такого режима существенно повышает боевые возможности ЗРС, позволяя получать дополнительные данные целеуказания в случае применения активных помех с бортов пилотируемой авиации и беспилотных летательных аппаратов противника, так как сама помеха становится источником дополнительной информации для более точного наведения ракеты.

Китайские специалисты активно ведут поиск и разработку инновационных форм и способов применения средств ПВО/ПРО в условиях сетецентрических боевых действий. В частности, в целях повышения эффективности и боевой устойчивости ПВО/ПРО они изучают возможность создания модульных группировок сил и средств ПВО/ПРО, состоящих из разнородных систем / комплексов, объединенных в общую информационную систему с единым центром боевого управления. По мнению китайских экспертов, применение модульной системы позволяет сформировать высоконадежную, многослойную, эшелонированную ПВО/ПРО, обеспечивающую возможность обнаруживать и применять в масштабе времени, максимально приближенного к реальному, именно те сред-

ства, которые предназначаются для борьбы с конкретными аэродинамическими целями на наиболее эффективных для их поражения высотах и удалении, максимально гибко реагировать на изменения как характера воздушно-космической угрозы, так и конкретной боевой обстановки.

Авиация сухопутных войск (армейская авиация) или авиация поддержки войск (АПВ) является родом Сухопутных войск НОАК. Она включает авиацию военных округов, армейских групп. Основной оргштатной единицей являются вертолетные бригады (полки) смешанного состава. Они имеют на вооружении боевые (противотанковые, огневой поддержки), многофункциональные, транспортно-боевые, транспортно- десантные и специальные (разведывательные, спасательные, санитарные, управления, радиоэлектронной борьбы) вертолеты. На начало 2015 г. в авиации Сухопутных войск НОАК имелось 150 боевых вертолетов (Z-10 — 90, Z-19 — 60), многофункциональных (многоцелевых) вертолетов — 351²⁷, транспортных — более 338, включая тяжелые (61 ед.) и средние (209).

В последнее время на вооружение авиации Сухопутных войск НОАК принято довольно большое количество беспилотных летательных аппаратов (тяжелых, средних и легких) главным образом разведывательного назначения²⁸.

Боевые вертолеты являются основной ударной силой авиации Сухопутных войск НОАК. Они предназначаются для непосредственной авиационной поддержки войск в ходе боя, поражения наземных целей, включая бронетанковую технику, уничтожения живой силы противника, сопровождения транспортно-боевых и транспортно-десантных вертолетов.

Боевые и частично транспортно-боевые вертолеты имеют на вооружении неуправляемые и управляемые (в том числе противотанковые) ракеты и пушечно-пулеметное вооружение. В армейской авиации Сухопутных войск НОАК имеется также несколько средних и легких транспортных самолетов.

Боевой вертолет Z-10, поставки которого в НОАК начались приблизительно в 2010 г., создан путем синтеза современных западных и российских технологий, на основе эскизного проекта 041. разработанного КБ Камова.

К опытно-конструкторским работам по проекту широко привлекались специалисты вертолетостроительных компаний: французской «Еврокоптер», итальянской «Агуста-Вестланд» и южноафриканской «Денел». В силу этого по своим тактико-техническим характеристикам и боевым возможностям он соответствует вертолетам названных фирм — «Тайгер», «Мангуста» и «Руйвалк». Вертолет спроектирован по классической схеме с четырехлопастным несущим и Х-образным четырехлопастным хвостовым винтами. Экипаж вертолета составляют два человека — летчик и оператор вооружения, размещенные по тандемной схеме. Силовая установка состоит из двух турбовальных двигателей (ТВД) WZ-9, созданных на основе нелегального копирования двигателя американской фирмы «Pratt & Whitney». Мощность каждого из них составляет 1340 л.с. Предусмотрена возможность установки ТВД ТВ3-117 или ВК-2500, а также перспективного китайского ТВД WZ-16 мощностью 2000 л.с., создаваемого с привлечением специалистов фирмы «Турбомека». Бортовое радиоэлектронное оборудование создано по принципу «стеклянной кабины». Z-10 является первым боевым вертолетом китайского производства, органы управления которого выполнены таким образом, что летчик может применять бортовое вооружение, не снимая рук с органов управления вертолета. На машине данного типа также впервые навигационное и прицельное оборудование интегрировано в единый прицельно-навигационный комплекс, который может принимать данные со спутниковых навигационных систем GPS, ГЛОНАСС, Galileo и Бэйдоу. Максимальная скорость вертолета более 300 км/ч, крейсерская — свыше 270 км/ч. Вооружение: одна 23-мм пушка, до 8 противотанковых управляемых ракет НУ-10 «Красная стрела», несколько управляемых ракет класса «воздух—воздух» ТУ-90, четыре блока неуправляе-

мых ракет калибра 57-мм и 90-мм. Вертолет оснащен стандартной для современных боевых машин данного типа системой пассивной обороны²⁹. Общая боевая нагрузка вертолета составляет 1500 кг.

Легкий разведывательно-боевой вертолет Z-19 создан на основе европейских и американских технологий, разработанных компаниями «Агуста-Вестланд», «Еврокоптер» и «Бэлл». Предназначается для воздушной разведки, поражения живой силы и техники противника, нанесения ударов по наземным целям, воздушной поддержки и сопровождения.

Экипаж составляют два человека (пилот и оператор вооружения), максимальная скорость 280 км/ч, крейсерская — 245 км/ч, практическая дальность — 700 км, максимальная высота — 4500 м. Вертолет оснащен двумя турбовальными двигателями WZ-8A (Turbomeca Artiel-1C1) мощностью 848 л.с. каждый. Они оборудованы системой снижения инфракрасной заметности. Бортовое радиоэлектронное оборудование реализует принцип «стеклянной кабины». Корпус выполнен с применением технологии «Стелс». Под носовой частью фюзеляжа находится турель с оптоэлектронной прицельной системой. Управляемые и неуправляемые ракеты класса «воздух—воздух», «воздух—поверхность», контейнеры со стрелково-пушечным вооружением могут устанавливаться на четырех точках подвески³⁰.

В ближайшее время ожидается поступление на вооружение НОАК нового многоцелевого вертолета Z-20, созданного путем копирования закупленных в США гражданских вертолетов «Сикорский S-70C-2». По своим боевым возможностям и тактико-техническим характеристикам он фактически является аналогом известного американского вертолета «Сикорский УН-60» («Блэк хок»), спроектированного на основе вышеназванной гражданской версии. Единственным отличием китайской машины от S-70C-2/УН-60 является то, что она оснащена пятилопастным несущим винтом и имеет несколько большие размеры грузо-пассажирской кабины. Масса полезной нагрузки вертолета Z-20 предположительно составляет до 9000 кг (в грузо-пассажирской кабине приблизительно 1000 кг, остальное на внешней подвеске). Машина может перевозить до 15 бойцов с вооружением и амуницией³¹.

Следует отметить, что в настоящее время в Китае наблюдается повышенный интерес к вертолетной тематике. Совместно с российскими специалистами планируется создать новый транспортный вертолет тяжелого класса. Весьма амбициозные проекты китайские авиастроители осуществляют собственными силами: полным ходом ведутся НИ-ОКР по созданию тяжелого конвертоплана типа американского V-22 «Оспри» с четырехлопастными винтами большого диаметра. Одновременно создается скоростной вертолет, по схеме компоновки сходный с американской винтокрылой машиной «Сикорский S-97» («Рейдер»), но имеющий большие размеры, примерно соответствующие российскому вертолету Ми-8. Указанный летательный аппарат, судя по фотографиям и материалам китайских сайтов в Интернете, будет выполнен по соосной схеме с четырехлопастным несущим винтом и двумя многолопастными винтами, размещенными в кольцевых каналах, расположенных в хвостовой части фюзеляжа. Можно предположить, что вертолет будет иметь скорость более 400 км/ч³².

Несмотря на серьезные усилия, предпринимаемые Китаем в создании авиационной техники, НОАК еще серьезно отстает от ведущих технологических и военных держав как по качеству, так и по количеству находящихся на вооружении Сухопутных войск НОАК авиационных средств поддержки.

Силы специальных операций (спецназ) как особое боевое формирование Сухопутных войск Народно-освободительной армии Китая берут свое начало в 1988 г., когда в Гуанчжоуском военном округе на базе отдельного разведывательного батальона был создан усиленный отряд специального назначения (*дадуй*), в функции которого входило выполнение специальных задач в тылу противника. Впоследствии такие усиленные от-

ряды спецназа были созданы в остальных военных округах НОАК. Они имеют организационно-штатную структуру, отличную от других формирований Сухопутных войск НОАК, оснащены специально созданными для них вооружением, военной техникой и оборудованием, проходят особый курс обучения и подготовки. При подборе кадров для Сил специальных операций первостепенное внимание обращается на физическую подготовку и морально-психологическое состояние кандидата.

Китай имеет огромный исторический опыт подготовки диверсантов-лазутчиков типа японских «ниндзя». Поэтому в основу обучения бойцов спецназа Сухопутных войск НОАК были положены китайские методики. При этом все то положительное, что было накоплено в этой области за рубежом, также было применено с учетом китайской специфики. В частности, у британской службы специальных операций (SAS) была во многом позаимствована система отбора личного состава.

В настоящее время Силы специальных операций Сухопутных войск являются гордостью НОАК. Они представляют собой специально созданный, обученный и оснащенный для ведения разведывательно-диверсионных и подрывных действий в тылу противника контингент вооруженных сил КНР. Согласно китайским источникам, в функции спецназа Сухопутных войск НОАК входит также ведение контрпартизанской войны. Для устрашения и подрыва морального духа противника не исключается применение и таких методов, как организация террористических актов, проведение психологических операций, формирование антиправительственного подполья и повстанческих движений на территории противника, в том числе на националистической основе.

В силу особой секретности любых данных, касающихся китайского спецназа, в российских (советских) и зарубежных источниках чрезвычайно мало достоверной информации по этой проблеме и весьма часто встречаются ошибочные сведения. Так, в частности, при описании организационно-штатной структуры спецназа Сухопутных войск НОАК его наиболее крупные формирования, которые на китайском языке называются «дадуй», что переводится как «усиленный отряд», именуются группами, в то время как группа является основной боевой единицей, в состав которой входят два-три бойца.

Усиленные отряды Сил специальных операций, каждый из которых может насчитывать до 1000 человек, имеются во всех военных округах НОАК. Они подчинены командующим этих округов. Планирование и проведение операций с участием Сил специальных операций Сухопутных войск НОАК осуществляют штабы военных округов, в составе которых имеются соответствующие органы управления.

Считается, что спецназ должен быть укомплектован профессионалами высокого класса, поэтому его основу, как правило, составляют военнослужащие-контрактники. О высочайшем профессионализме китайских бойцов говорит тот факт, что на всех проводившихся в последние годы международных соревнованиях спецназовцев они завоевывали первые места и им не было равных.

На вооружении формирований Сил специальных операций Сухопутных войск НОАК имеются специальные бесшумные (малозумные), беспламенные системы стрелкового вооружения, комплекты взрывных устройств, в том числе закамуфлированные под бытовые предметы, приборы ночного видения, аппаратура радиоэлектронной борьбы, радиоэлектронной разведки, средства связи, сигнализации, целеуказания и навигации, включая космические, техническое оборудование для ведения психологической войны, парашютно-десантное и легкое водолазное снаряжение.

В зависимости от принадлежности к тому или иному военному округу, который имеет свою зону ответственности и соответствующее оперативное предназначение, спецназ Сухопутных войск НОАК заранее оснащается и готовится для ведения действий против конкретного противника. Изучаются его язык, особенности национального характера, местные обычаи, правила несения службы, система охраны командных пунктов, позиционных районов баллистических ракет, аэродромов, РЛС, складов и других важных

объектов. В качестве маскировки не исключается ношение военного обмундирования противника или национальной одежды местного населения.

Особое внимание уделяется морально-психологической и физической подготовке бойцов, изучению приемов и техники рукопашного боя. В частности, для военнослужащих, которым предстоит действовать на северном направлении в условиях низких зимних температур, разработана специальная система закалывания, позволяющая сохранять боеспособность даже после длительных марш-бросков, в том числе с использованием лыж, в условиях сильных морозов и длительного пребывания в снегу.

Для действий на южном направлении, в гористой местности, спецназ Сухопутных войск НОАК оснащается альпинистским снаряжением и проходит соответствующую подготовку.

На юго-восточном направлении он осваивает специфику действий в джунглях в условиях влажного тропического климата и особой флоры и фауны этой географической зоны.

Военнослужащие всех усиленных отрядов проходят подготовку для действий в городах, изучают особенности городской инфраструктуры, системы энерго- и водоснабжения.

Все программы боевой подготовки и обучения личного состава вне зависимости от условий предстоящих действий предусматривают подготовку специалистов-взрывников, снайперов, связистов, операторов беспилотных летательных аппаратов.

При совершении маршей и передвижений используется общевойсковая авто- и бронетехника, в частности боевые машины пехоты и бронетранспортеры, автомобили повышенной проходимости. Если спецназу предстоит действовать на большом удалении от общевойсковых соединений и частей, для передвижения и огневой поддержки используются БМП, БТР и вертолеты. Бронетехника в этом случае является одним из основных средств огневой поддержки спецназа. В условиях, когда поддержка бронегруппы не требуется, спецназ Сухопутных войск НОАК, как правило, использует автомобильную технику, боевые разведывательно-дозорные машины, легкие дозорные машины, а также малогабаритные быстроходные автомобили типа «багги».

Основным средством доставки бойцов спецназа в тыл противника являются вертолеты. В качестве транспортного средства, а также для ведения разведки рассматривается возможность использования мотодельтапланов, которые предполагается оснастить малолитражными электродвигателями.

Несмотря на то, что за каждым усиленным отрядом, как правило, закреплено вертолетное подразделение, в состав которого входят транспортные вертолеты и вертолеты огневой поддержки, специальных авиационных формирований, таких, например, как у командования Сил специальных операций (SOCOM) США, спецназ Сухопутных войск НОАК не имеет. Следует отметить, что для решения разведывательных задач Силы специальных операций Сухопутных войск НОАК уже довольно длительное время широко применяют беспилотные летательные аппараты. Китайские специалисты считают, что в интересах спецназа наиболее эффективно могут работать малогабаритные и малолитражные беспилотные летательные аппараты (БПЛА) с радиусом действия 2–5 км. Такими БПЛА можно легко управлять и оставаться незамеченным, находясь на территории противника. Применение БПЛА, по их мнению, позволяет существенно сократить как количество разведывательных групп, так и время поиска, обеспечивая более широкий охват наблюдения за районом в интересах выявления объектов противника и выдачи данных целеуказания для средств поражения. Кроме того, применение БПЛА позволяет существенно уменьшить как вероятность обнаружения разведгруппы, так и возможность встретить противодействие противника. В условиях горной местности для обеспечения надежной работы средств радиосвязи УКВ-диапазона БПЛА могут использоваться как трансляторы.

Таким образом, можно констатировать, что Силы специальных операций Сухопутных войск НОАК представляют собой хорошо отлаженную боевую структуру, способную эффективно выполнять возложенные на нее задачи в военных конфликтах любой интенсивности.

Выводы

По своей технической оснащенности Сухопутные войска НОАК по большинству параметров вплотную приблизились к уровню армий передовых военных держав. Существенно повысилась их мобильность, возросли ударная мощь, возможности армейской авиации и ПВО. Несмотря на преобладание в танковом парке НОАК машин поколений 1 и 1+, довольно быстрыми темпами им на смену приходят основные боевые танки поколений 2 и 2+. На завершающем этапе находятся работы по созданию танка третьего поколения. В войска в массовом порядке поступают современные БТР и БМП. Заметно сократилось отставание в насыщенности войск современными образцами самоходной ствольной артиллерии.

Особое место среди артиллерийских систем Сухопутных войск НОАК занимают реактивные системы залпового огня различных типов и назначения. По уровню развития и насыщенности реактивной артиллерией Сухопутные войска НОАК превосходят армии передовых государств, включая США и Россию.

Одной из сильных сторон Сухопутных войск НОАК является наличие в их составе значительного количества боеготовых формирований, укомплектованных по штатам, приближающимся к военному времени. Китай превосходит любое крупное государство современного мира по своей мобилизационной базе, более половины которой составляет военнообученный резерв. Большим достижением Китая является существенное повышение оперативной мобильности Сухопутных войск НОАК. Мобильные силы фактически полностью укомплектованы механизированными формированиями повышенной готовности.

К числу сильных сторон Сухопутных войск НОАК следует отнести и наличие в их составе достаточно многочисленных, хорошо обученных и оснащенных специальным вооружением, военной техникой и оборудованием Сил специальных операций. Спецназ Сухопутных войск НОАК может эффективно решать свои специфические задачи в любых географических зонах и в любое время года, в том числе и на большом удалении от основных сил.

К слабым сторонам Сухопутных войск НОАК относится явно недостаточное развитие и малочисленность армейской авиации. Несмотря на серьезные усилия по укреплению этой авиации, Китай по данному параметру все еще серьезно уступает армиям передовых стран мира.

Пока не преодолено отставание в технических средствах связи, разведки, навигации, целеуказания. Не полностью отвечают современным требованиям и боевые возможности войсковой ПВО/ПРО, а также частей радиоэлектронной борьбы.

К числу слабых сторон Сухопутных войск НОАК следует отнести чрезмерно широкую номенклатуру однотипного вооружения и военной техники, имеющей одинаковое предназначение и сходные тактико-технические характеристики. Эти образцы вооружения производятся разными компаниями, использующими свои специфические узлы и агрегаты, что обуславливает чрезвычайно низкий уровень унификации комплектующих ВВТ и существенно затрудняет его обслуживание и ремонт, особенно в боевой обстановке.

Одним из серьезных недостатков Сухопутных войск НОАК является отсутствие достаточного опыта проведения крупномасштабных операций межвидовых сил в условиях сетцентрических боевых действий.

Несмотря на эти недостатки, которые довольно быстро устраняются, НОАК, имея колоссальное преимущество в численности Сухопутных войск, позволяющее создать более чем 10-кратное превосходство в живой силе и технике над любым потенциальным противником, может проводить успешные операции на любом стратегическом направлении вдоль периметра национальных границ. Более того, по нашему мнению, благодаря такому подавляющему превосходству в численности, а также достаточно высокому уровню оснащенности и боевой подготовки личного состава, НОАК способна вести активные боевые действия и одерживать победу даже на двух и более театрах военных действий.

1. The Military Balance. The annual assessment of Global military capabilities and defense economics — 2015. International Institute for Strategic Studies (IISS). London, 2015. P. 238.
2. Ibid.
3. Пехотные стрелковые, моторизованные и механизированные войска отличаются по насыщенности транспортными и транспортно-боевыми средствами. Стрелковые формирования передвигаются в основном в пешем строю, имея минимальное количество транспортных средств. Моторизованные — передвигаются на автомобильном транспорте. Механизированные — используют для передвижения и ведения боевых действий бронетранспортеры (БТР) и боевые машины пехоты (БМП).
4. В Шэньянском военном округе дислоцированы 16-я, 39-я и 40-я армейские группы, в Пекинском — 27-я, 38-я и 65-я, в Ланьчжоуском — 21-я и 47-я, в Цзинаньском — 20-я, 26-я и 54-я, в Нанкинском — 1-я, 12-я и 31-я, в Гуанчжоуском — 41-я и 42-я, в Чендуском — 13-я и 14-я армейские группы (Разносторонняя деятельность вооруженных сил Китая. Пресс-канцелярия Госсовета КНР. Пекин. Апрель 2013. С. 12).
5. «В НОАК имеется четыре степени боевой готовности: 4-я (постоянная: соединения и части находятся в пунктах постоянной дислокации и занимаются боевой подготовкой по плану мирного времени); 3-я (повышенная: развертываются органы управления военного времени, войска прикрытия приводятся в готовность к выходу из пунктов постоянной дислокации; 2-я (военной опасности: производится доукомплектование войск постоянной готовности, отобилизование войск резерва и их оперативное развертывание с переброской к границе); 1-я (полная: завершается подготовка войск к ведению боевых действий и их развертывание в приграничных районах, в том числе с переходом границы)» (Чуприн К. Военная мощь Поднебесной: Вооруженные силы КНР сегодня и завтра. Справочник. Минск: Харвест. 2007. С. 106).
6. Средние танки: Тип-59 — 2000 ед., Тип-59II — 500, Тип-59D — 550, Тип-79 — 300, Тип-88A/B — 500, Тип-96 — 1000, Тип-96A — 1050 ед. ОБТ: Тип-98A — 40 ед.; Тип-99-500, Тип-99A — 100 ед. Легкие танки: Тип-05AAV(ZTD-05) — 350 ед.; Тип-62-350, Тип-63A — 50 ед. Разведывательные танки — Тип-009 (ZTL-09) (The Military Balance. The annual assessment of Global military capabilities and defense economics — 2015. International Institute for Strategic Studies (IISS). London, 2015. P. 232).
7. Чуприн К. Указ. соч. С. 610.
8. Там же. С. 615.
9. Там же. С. 620–622.
10. Национальная оборона. 2014. № 8 (101) авг. С. 35.
11. Национальная оборона 2013. № 5 (86) май. С. 50.
12. Тип-04 (ZBD-04) — 500 ед., Тип-04A (ZBD-04A) — 250, Тип-05AAAV (ZBD-05) — 300, Тип-09 (ZBL-09) — 400, Тип-86A — 650, Тип-92-550, Тип-92B — 600 ед. (The Military Balance. The annual assessment of Global military capabilities and defense economics — 2015. The International Institute for Strategic Studies (IISS). London, 2015. P. 238).
13. Гусеничные БТР: Тип-63, Тип-63C — 2400 ед., Тип-89 — 1750 ед.; колесные БТР: Тип-92A — 700 ед., Тип-92A (ZBL-09A) — 120, Тип-93-50 ед. (The Military Balance. The annual assessment of Global military capabilities and defense economics — 2015. The International Institute for Strategic Studies (IISS). London, 2015. P. 238).
14. Экипаж БМП — три человека, вместимость десантного отделения — восемь–девять человек. ТТХ: мощность дизельного двигателя — 292 л.с.; максимальная скорость: по шоссе — 65 км/ч, на плаву (движение осуществляется путем перемотки гусениц) — 8 км/ч; запас хода: по шоссе —

- до 510 км, на плаву — до 100 км. Бронирование — противопульное (противоосколочное). Вооружение: 73-мм гладкоствольная полуавтоматическая пушка, имеющая скорострельность до 8 выстрелов в минуту, в боекомплект входят 40 выстрелов с кумулятивными и осколочно-фугасными гранатами, максимальная дальность стрельбы которых 1300 и 2900 м соответственно. Имеются спаренный с пушкой 7,62-мм пулемет и четыре противотанковые управляемые ракеты «Хунцзян-73» (HJ-73) (нелицензионная копия советской ракеты 9M14M «Малютка»). Максимальная дальность стрельбы — 3000 м, бронепробиваемость — до 400 мм (Ibid. P. 239).
15. Китайская БМП имеет трехосную колесную базу, оснащена дизельной силовой установкой мощностью 320 л.с. (лицензированная копия немецкого дизельного двигателя BF8L413F), обеспечивающей максимальную скорость по шоссе 90 км/ч и запас хода до 800 км. БМП обладает способностью преодолевать водные преграды, передвигаясь на плаву с помощью двух водометных движителей с максимальной скоростью 11 км/ч. Бронирование — противопульное, в том числе против пул калибра 12,7 мм. Вооружение: боевой модуль представлен одноместной башней турельного типа с 25-мм скорострельной автоматической пушкой, обеспечивающей возможность вести огонь одиночными выстрелами, короткими (по три выстрела) и длинными очередями с боевой скорострельностью до 200 выстрелов в минуту. Боекомплект — 400 выстрелов с бронебойными и осколочно-фугасными снарядами, с пушкой спарен 7,62-мм пулемет. Экипаж БМП — три человека, вместимость десантного отделения — девять военнослужащих с вооружением и амуницией (URL: cnwnew.com).
16. БМП Тип-97 оснащена 100-мм гладкоствольным орудием — пусковой установкой, которая помимо штатных снарядов позволяет применять ПТУР через канал ствола, и спаренной с ним 30-мм автоматической пушкой, а также 7,62-мм пулеметом. Имеются также два 7,62-мм курсовых пулемета. Машина обладает способностью передвигаться на плаву с помощью двух водометных движителей. БМП указанного типа планируется применять совместно с новыми основными боевыми танками Тип-98, Тип-99 разных модификаций. URL: <http://www.military-today.com/apc/wz551.htm>.
17. *Чуприн К.* Указ. соч. С. 732.
18. Военно-промышленный курьер. 2014. 3–9 дек. № 45 (563).
19. Там же.
20. *Чуприн К.* Указ. соч. С. 555.
21. The Military Balance. The annual assessment of Global military capabilities and defense economics — 2015. The International Institute for Strategic Studies (IISS). London, 2015. P. 239.
22. Ibid.
23. Ibid.
24. *Чуприн К.* Указ. соч. С. 590–592.
25. The Military Balance. The annual assessment of Global military capabilities and defense economics — 2015. The International Institute for Strategic Studies (IISS). London, 2015. P. 239.
26. Национальная оборона. 2012. № 12 (81) дек.
27. В том числе: Ми 17 (различных модификаций) — 68, SA342L Gazell — 8, Z-9A — 21, Z-9W — 31, Z-9WA — 10, Z-9WZ — 193.
28. The Military Balance. The annual assessment of Global military capabilities and defense economics — 2015. The International Institute for Strategic Studies (IISS). London, 2015. P. 239.
29. Авнация и космонавтика вчера, сегодня, завтра... 2015. С. 55–56.
30. Там же.
31. Там же. С. 56.
32. Там же.

Государство и общество

Одиноким матери в современном Китае: статус и проблемы

© 2015

О. Почагина

Автор рассматривает причины возникновения феномена одинокого материнства в современном Китае, отношение к нему китайского общества и обществоведов. Анализирует законодательные и социальные аспекты статуса, экономические и психологические проблемы матерей, не состоящих в браке, положение внебрачных детей.

Ключевые слова: Китай, семья, одинокие матери, внебрачные дети.

Отличительной чертой матримониального поведения в современном мире является не только откладывание создания семьи и поздний возраст вступления в брак, но и многообразие форм семейных отношений. Интимные отношения более не предполагают обязательного заключения брака, совместного проживания, наличия семейного хозяйства и бюджета. Распространение отношений без официального заключения брака не могло не привести к увеличению количества детей у женщин, не состоящих в браке. В последние десятилетия наблюдается существенное увеличение абсолютных и относительных показателей внебрачной рождаемости практически во всех европейских и латиноамериканских странах. Увеличение внебрачных рождений имеет место как у пар, не зарегистрировавших браки, так и у одиноких матерей.

Согласно мнениям демографов, рост внебрачных рождений связан с процессом «разделения» брака и рождаемости, причем эта тенденция является глобальной, отражает одно из основных изменений семейной организации и характеризует второй демографический переход. Социологи же считают, что значительную роль в данной тенденции играют повышение социального статуса женщин, их экономическая независимость, появление экономической возможности в одиночку воспитать и вырастить ребенка. Немаловажен и тот факт, что общество стало толерантнее относиться к одиноким матерям, помогая им посредством социальных льгот, ежемесячных пособий и субсидий растить детей. Одинокое материнство¹ — распространенное явление в современном мире. В Европе вне брака рождается более 35% детей, в России — более 40%².

Если в России интерес властей и исследователей к феномену одинокого материнства характеризуется непостоянством, а используемый в исследованиях понятийный аппа-

рат отличается размытостью: «монородительская семья», «матери-одиночки» и др.³, то в Китае проблема материнства женщин, не состоящих в браке, теоретически не должна существовать в принципе. Такая ситуация связана с тем, что согласно закону «О народонаселении и планировании рождаемости» (2002), провинциальным положениям о народонаселении и планировании рождаемости, женщина может родить ребенка при двух обязательных условиях: если она состоит в зарегистрированном браке и имеет разрешение на его рождение от местного органа планирования рождаемости. Таким образом, одинокие матери нарушают закон, а их дети нелегальны. Первые практически полностью отсутствуют в правовом поле, за исключением положений, определяющих наказание за нарушение демографической политики, уплату социальной компенсации в местный бюджет.

Тем не менее, в Китае женщины, не состоящие в браке, рожают детей и это — объективная реальность, порождающая ряд сложных юридических и жизненных проблем, затрагивающих интересы как женщин, так и детей, рожденных вне брака и без разрешения властей. Каковы же причины появления феномена одинокого материнства в Китае? Каков социальный статус одиноких матерей и каковы основные проблемы, с которыми они сталкиваются?

Трансформация института семьи и брака, взглядов на внебрачные отношения

Кардинальные перемены, происходившие в Китае в семейно-брачной сфере на протяжении всего XX столетия, образование КНР, принятие совершенно нового (по сравнению с традиционным) семейного законодательства, политика ограничения рождаемости, модернизация, переход к рыночной экономике и политика открытости, процессы глобализации и глобальные тенденции трансформации института семьи и брака способствовали динамичной трансформации семейно-брачных отношений, переходу от традиционной семьи к современной нуклеарной однодетной семье, дестабилизации института семьи и брака, росту количества разводов, появлению и увеличению количества неполных семей, одиноких бессемейных людей. Либерализация взглядов на сексуальные отношения и их значение в жизни индивидов, разъединение мотивов создания семьи и рождения детей создали в Китае в последние два десятилетия XX в. условия для роста количества пробных, гостевых, гражданских браков без их официальной регистрации, что закономерно ведет к росту количества внебрачных детей. Толерантное отношение китайцев молодых и средних возрастных групп к добрачным половым связям является одной из главных причин роста числа нерегистрируемых браков. Молодые китайцы выбирают подобную форму отношений, поскольку она позволяет сохранить личную независимость, избежать ответственности за партнера, особенно в случае нежелательной беременности и рождения женщиной ребенка.

В китайском обществе, где до 1997 г. добрачный секс был относительной редкостью, классифицировался как нарушение закона и наказывался как «хулиганство», вопрос об одиноком материнстве был практически неактуален, однако с наступлением эпохи либерализации нравов ситуация изменилась. В Китае ежегодный рост рождающих вне брака женщин колеблется от 10% до 13% — их называют *вэйхунь мама*, или *даньцинь мама*. Матери-одиночки с каждым годом становятся моложе⁴. По некоторым данным, среди беднейших слоев населения около 9 млн составляют одинокие матери⁵. Официальные статистические данные о количестве матерей-одиночек труднодоступны, а согласно сведениям, полученным на условиях анонимности газетой «Бэйцзин ньюс» от чиновника пекинского районного органа планирования рождаемости, количественный учет детей, рожденных вне брака, не ведется. Дети, рожденные вне брака, составляют от 5 до 8% от общего числа случаев незаконных рождений в районе⁶. Отсутствие учета внебрачных де-

тей, с нашей точки зрения, возможно, поскольку незамужние матери по понятным причинам не обращаются в органы планирования рождаемости.

Тем не менее, существуют оценочные и косвенные данные, подтверждающие динамику внебрачной рождаемости. Добрачные и внебрачные сексуальные связи получили достаточно широкое распространение — более 60% китайской молодежи имели добрачные связи и около 20% состоящих в браке китайцев имеют внебрачные сексуальные отношения. Согласно исследованию, проведенному в рамках Всемирного дня контрацепции, 64% китайской молодежи имеют добрачный половой опыт, при этом 37% опрошенных первый половой опыт получили в возрасте до 19 лет, причем свыше 70% половых контактов в возрасте 15–19 лет были совершены без применения контрацептивов⁷. Согласно результатам опроса, проведенного научно-исследовательским центром по планированию семьи пров. Гуандун, 80% женщин-мигранток в провинции имели добрачные и внебрачные сексуальные отношения, причем около 60% из них имели опыт случайной и нежелательной беременности⁸. Значительная численность и концентрация мигрантов в крупных городах дает экспертам основания полагать, что существуют объективные причины для роста социальной группы одиноких матерей.

Правовое регулирование гражданских семейных отношений, статус матерей, не состоящих в браке, и положение внебрачных детей

С конца 90-х годов внебрачные сексуальные отношения постепенно перестали быть чем-то неприемлемым, а в городах — предосудительным. В годы реформ, открытости и роста благосостояния получил распространение еще один социальный феномен с китайской спецификой «бао эр или сяо сань» — наличие у состоятельных мужчин и государственных чиновников любовниц и содержанок. В последнее время в рамках кампании по борьбе с коррупцией в китайской прессе публикуется много материалов о «моральной коррупции» чиновников, имеющих внебрачные связи, вторые семьи и, как правило, не ограничивающихся наличием одной любовницы¹⁰.

Тем не менее, рождение ребенка вне брака все еще осуждается обществом. Китайская культурная традиция, имеющая в своей основе семейственность, придает большое значение семье, семейному статусу, продолжению генеалогической линии по мужской линии и стабильности брака. Именно поэтому в китайском обществе сформировались устойчивые негативные стереотипы по отношению к матери-одиночке. В традиционном обществе рождение вне брака являлось бесчестьем не только для женщины, но и для всей ее семьи и становилось пожизненным клеймом для ребенка. Даже в этимологии словарных вариантов понятия «внебрачный ребенок» присутствует негативный оттенок: (jiānshēng) — внебрачный ребенок, плод прелюбодеяния; (biēdàn) — отродье, выродок; (yē) — незаконный). В статье 21 третьей главы Закона КНР о браке нашло отражение возможное, отвечающее традиционным нормам морали, отношение к нежеланным и внебрачным детям. Так, в ней особо оговаривается: «Запрещено утопление детей, оставление детей и иные действия, причиняющие ущерб детям».

Государство попыталось отреагировать в законодательной форме на «внезапно» возникшую в последнее десятилетие XX в. в китайском обществе проблему одинокого материнства. Так, уже в новой редакции Закона КНР о браке 2001 г. статья 8 была дополнена требованием обязательной регистрации брака. Таким образом, в китайском семейном праве так называемый гражданский или фактический брак не признается законным. В том случае, если лица, состоящие в подобного рода отношениях, обращаются в народные суды с имущественными или иными исками, они должны сначала зарегистрировать брак, и только после получения свидетельства о браке народные суды принимают их иски к делопроизводству. Внесение этой поправки усилило контроль государства за порядком создания семьи и практической реализацией политики ограничения рождаемости в

условиях возрастания толерантности китайского общества к нерегистрируемым по разным причинам бракам (экономическим — невозможность оплатить свадебные расходы ввиду их обременительности, юридическим — брачный статус мужчины, морально-психологическим — нежелание связывать себя обязательствами, и т.п.). Всекитайская федерация женщин при обсуждении поправок к Закону КНР о браке в конце 90-х настаивала на более четком определении прав женщин и защите их интересов, поскольку практика «содержания вторых жен и любовниц» получила широкое распространение и представляет опасность для китайского общества. Однако китайские законодатели отвергли введение уголовной ответственности за адюльтер как противоречащее свободе личности и свободе выбора. В комментариях к закону говорилось, что к лицам, имеющим внебрачные связи, должны применяться партийные и административные дисциплинарные взыскания, они должны стать объектами общественного осуждения.

Если посмотреть на непризнание фактических браков с точки зрения интересов женщин, то их права и интересы при отказе мужчины регистрировать брак, действительно, остаются абсолютно незащищенными. С одной стороны, объявление фактических браков вне закона должно, по мысли законодателей, подтолкнуть пары, не зарегистрировавшие свои отношения, к регистрации, а с другой — определенным образом освобождает мужчин, состоящих в неофициальных отношениях, от всех обязательств по содержанию женщин в случае их отказа от регистрации. С нашей точки зрения, эта поправка не отвечает интересам женщин и не защищает их права, в то время как права детей от фактических союзов защищены 25 статьей закона, уравнивающей внебрачных детей и детей, рожденных в браке¹¹.

«Внебрачные дети пользуются равными правами с детьми, рожденными в браке. Причинение вреда и дискриминация таких детей любыми лицами запрещена. Биологические родители, не участвующие напрямую в содержании своих внебрачных детей, должны нести ответственность по оплате расходов на проживание и образование детей вплоть до появления у них возможность вести самостоятельную жизнь». Более того, первая часть 28 статьи, относящейся к взаимоотношениям прародителей (дедушек и бабушек) и внуков, также регулирует ситуации, которые с большей степенью вероятности могут иметь место в семьях одиноких матерей, нежели в полных семьях. «Бабушки и дедушки по отцовской и материнской линиям несут обязанность по содержанию своих внуков в случае смерти родителей внуков или их неспособности содержать внуков, а также наличия у бабушки и дедушки возможности взять внуков на содержание»¹².

Положение о работе в сфере планирования рождаемости среди мигрирующего населения (2009)¹³ относится исключительно к супружеским парам детородного возраста (ст. 6). Статьи этого положения, бесспорно, представляют интерес, поскольку помогают понять механизм осуществления контроля над рождаемостью в среде мигрантов и причины, по которым одинокие матери не попадают в статистическую отчетность, не могут иметь комплект документов, который требуется при регистрации ребенка по месту жительства, и вынуждены скрывать свое положение. Так, статья 7 предписывает женщинам репродуктивного возраста при отъезде из мест, где они зарегистрированы, получить свидетельства о браке и о репродуктивном статусе или разрешение на рождение ребенка. Указанные сертификаты должны содержать следующую информацию: фамилию, имя, возраст, номер регистрационной карты, удостоверяющей личность, брачный статус, информацию о супруге, репродуктивный статус, применяемые женщиной методы контрацепции. Более того, эти документы необходимо в 30-дневный срок представить в органы планирования рождаемости по месту прибытия (ст. 8). Соответствующие организации и индивидуумы, связанные со сдачей жилья в аренду, работодатели должны предоставлять достоверную информацию о репродуктивном статусе нанимателей жилья и работников органу планирования рождаемости по запросу (ст. 14). В положении отсутствуют статьи, регулирующие ситуации, относящиеся к женщинам репродуктивного возраста, родившим

ребенка вне брака. Абсолютно очевидно, что женщины-мигрантки, не состоящие в браке, не могут представить необходимые документы для регистрации внебрачного ребенка.

В 2002 г. собрание народных представителей пров. Цзилинь приняло провинциальное Положение по народонаселению и планированию семьи, где содержался пункт, позволяющий женщинам, достигшим установленного законом возраста для вступления в брак и намеренным оставаться одинокими, родить ребенка с помощью разрешенных законом экстракорпоральных медицинских методов (искусственного оплодотворения). Это первый в своем роде подзаконный акт местного уровня, легализовавший и гарантировавший права одиноких женщин рожать, вызвал жаркие споры среди специалистов. Общественное мнение относительно того, имеет ли право женщина, не состоящая в браке, быть матерью, также не отличалось единодушием. В конце 2003 г. Министерством здравоохранения КНР были пересмотрены положения, регулирующие репродуктивные технологии (искусственное оплодотворение, подсадка эмбрионов), согласно которым, медицинским учреждениям запрещалось проводить такие операции женщинам, не состоящим в браке¹⁴.

Отношение китайских обществоведов к феномену одинокого материнства

Китайские исследователи обратили внимание на рост в последнее десятилетие внебрачных рождений и количества неполных семей, состоящих из женщины и ее ребенка, рожденного вне брака. Эти семьи, как правило, относятся к беднейшим социальным слоям, что отражает глобальную тенденцию «феминизации бедности». Именно на этом аспекте сфокусирована значительная часть исследований. Тем не менее, постепенно приходит понимание, что семьи матерей-одиночек не являются уже единичными, что необходимы серьезные исследования этого социального феномена, отказ от устоявшихся социальных стереотипов и дискриминации одиноких женщин и их детей.

Мнение китайских экспертов, демографов, социологов, правоведов в опросе об одиноких матерях, их правах и статусе не является единым, что отражает в целом отсутствие общей позиции и в китайском обществе. Дело в том, что основной проблемой расхождения позиций является, помимо нарушения традиционных моральных устоев, незаконность, по мнению некоторых, рождения ребенка вне брака, особенно в условиях проводимой уже более сорока лет политики «одна семья — один ребенок». Органы по планированию семьи, часть экспертов и общественности считают целесообразным и необходимым наказывать за любое нарушение политики ограничения рождаемости, в том числе и за рождение вне брака. Они мотивируют свою позицию тем, что не состоящие в браке женщины, принявшие решение сохранить ребенка, знают, что они нарушают закон. Именно поэтому они обязаны выплатить обществу так называемую «социальную компенсацию», сумма которой составляет от 1/2 до 6 ежегодно определяемых средних местных доходов.

Для состоятельных женщин, принявших сознательное решение о рождении ребенка и самостоятельном его воспитании, уплата этого штрафа, как правило, не представляет проблемы. Для других же категорий одиноких матерей — студенток, мигранток, женщин, от которых в связи с внебрачной беременностью отвернулись родители и родственники — эта выплата является непосильным финансовым бременем и порождает массу проблем, основная из которых — невозможность получить свидетельство о рождении и зарегистрировать ребенка по месту жительства. Отсутствие регистрации делает невозможным получение ими и их детьми образовательных, медицинских и других социальных (бытовых, юридических, психологических) услуг в сложной жизненной ситуации. Все вышеперечисленное является явным нарушением прав женщин и внебрачных детей, регулируемых 25 статьями закона КНР о браке. Более того, законы КНР не запрещают женщинам рожать детей. Китай еще в 1992 г. принял закон о защите прав и интересов

женщин, гарантирующий, в частности, и репродуктивные права (основные из них — право на решение вопроса о вступлении или невступлении в брак, а также право на решение иметь или не иметь детей). В соответствии со статьей 17 Закона КНР о народонаселении и планировании семьи «граждане имеют репродуктивные права и обязаны планировать рождение ребенка в соответствии с законом».

Депутат ВСНП Хуан Сихуа в интервью агентству «Синьхуа» изложил свое мнение по этой проблеме. Он считает, что поскольку нет закона, запрещающего рожать детей вне брака, нет законных оснований взимать социальную компенсацию с незамужних матерей. Законодатели должны изучить положения, регулирующие планирование рождаемости и другие подзаконные акты с тем, чтобы удалить или изменить необоснованные требования представления документов¹⁵. Речь идет о том, что для регистрации ребенка по месту жительства¹⁶ женщина должна предоставить: свидетельство о рождении ребенка, которое, в свою очередь, выдается на основании трех документов — разрешения на рождение ребенка, документа, содержащего генетическую информацию об отце ребенка, а в некоторых провинциях необходим и тест ДНК, подтверждающий отцовство¹⁷, что часто невозможно по объективным причинам. Складывается патовая, неразрешимая ситуация, от которой в первую очередь страдают незаконнорожденные дети. Тем не менее, по мнению многих экспертов, в Китае, это право должно осуществляться в рамках закона о народонаселении и планировании семьи¹⁸.

В последние годы осознание этой проблемы стало социально необходимым и, в первую очередь, в контексте прав женщин и детей. Одинокие матери, юристы и правозащитники делают акцент на том, что если право существует, и это первый ребенок у одинокой женщины, то она дискриминируется требованием уплаты социальной компенсации, поскольку имеет право родить одного ребенка, как и супружеские пары, которые выплачивают компенсацию только в случае рождения второго и последующих детей. «Если мы согласны с тем, что женщина имеет матку, то она вправе решать рожать ей ребенка или нет, личный выбор в этой сфере не должен контролироваться», — считает Юань Синь, директор консультационного центра Нанькайского университета¹⁹. Профессор Центра изучения населения и развития Китайского народного университета Ян Цзюйхуа полагает, что «в Китае имеющее глубокие корни предвзятое отношение к одиноким матерям и политика ограничения рождаемости способствовали тому, что не состоящие в браке матери не являлись объектом изучения. Политики, принимающие решения, и академическое сообщество уделяют мало внимания проблеме незаконных рождений. Пришло время внимательно изучить феномен одинокого материнства»²⁰.

Профессор права Пекинского университета Чжань Цзунлэ считает, что система регистрации (*хукоу*) должна реформироваться более быстрыми темпами и соответствовать потребностям и ожиданиям общества. Чжао Хуэй, адвокат Пекинского исследовательского центра правовой помощи детям, считает, что в сложившейся ситуации дети, рожденные одинокими матерями, «не имеют определенного социального статуса»²¹.

На китайских интернет-форумах высказывается рекомендация решать проблемы одиноких матерей и их детей путем привлечения к ответственности отцов внебрачных детей и их долевого участия в уплате социальной компенсации²². Карательные меры, поиск горе-отцов и наказание их за «содеянное», с нашей точки зрения, имеют смысл лишь в целях восстановления справедливости, в каких-то случаях этот подход будет возможно реализовать, а в каких-то — нет, например, когда женщина не знает точно, кто отец ребенка. Более того, потребуются немало средств и времени для проведения розыскных мероприятий, привлечения к ответственности, установления отцовства и т.п., и все это для того, чтобы ребенок был зарегистрирован по месту жительства и мог на законных основаниях получать необходимые ему социальные услуги. Очевидно, что законодатели должны четко сформулировать и разделить ответственность родителей за нарушение закона о планировании рождаемости и прав ребенка, рожденного вне брака. Ребенок, вне всяких

сомнений, не несет ответственности за противоправное поведение людей, давших ему жизнь, он не должен страдать ни физически, ни психологически, появившись на свет. Оценить реальное положение внебрачных детей в обществе можно, лишь поняв, какие категории женщин в Китае рожают вне брака.

Типология одиноких матерей

Анализ историй одиноких матерей свидетельствует, что беременность и рождение ребенка вне брака — это результат разных, но в определенной степени похожих кратко- и долгосрочных сексуальных и гражданско-семейных отношений. Как правило, факт беременности обнаруживается на сроках, которые не предполагают, в соответствии с законом, ее искусственного прерывания (более 4 месяцев), а сексуальные партнеры не желают иметь ребенка, более того, не хотят нести никакой ответственности. В других случаях женщины оставляют ребенка если при решении сделать аборт медицинский персонал предупреждает о бесплодии в будущем. Женщина вынуждена принимать судьбоносное для себя решение — стать одинокой матерью или никогда не иметь детей. Учитывая тот факт, что состояние одинокой матери может со временем измениться в условиях значительного гендерного дисбаланса в стране в пользу мужчин, а искусственное прерывание беременности имеет необратимые последствия, женщина выбирает тернистый путь одинокой матери, подвергаемой социальному остракизму, несмотря на то, что вся ответственность по воспитанию ложится на ее плечи. Прежние негативные социальные нормы, поведенческие стереотипы в отношении одиноких матерей и их внебрачных детей, которые все еще живы в китайском обществе, провоцируют часть женщин на оставление, продажу или даже убийство новорожденных. Китайские СМИ публикуют время от времени будоражащие воображение обывателей и общественное мнение истории о подобного рода случаях. Очевидно, что такая социальная картина не соответствует образу «гармоничного общества», к которому стремится китайский социум.

Социальная группа одиноких матерей характеризуется наличием в ней нескольких типов женщин, отважившихся родить ребенка вне брака.

К первому типу относятся неопытные в сексуальном отношении молодые (до 20 лет) девушки — студентки, сельские мигранты, приехавшие в города учиться и работать. Особенностью данной группы является то, что женщины, родившие ребенка вне брака, нарушают одновременно два закона — Закон КНР о браке, устанавливающий возраст вступления в брак для женщин — 20 лет, и Закон о народонаселении и планировании рождаемости.

Кроме того, эта группа отражает еще одну серьезную не только для китайского общества социальную проблему ранней внебрачной беременности, которая напрямую связана со здоровьем и жизненными перспективами молодых матерей, а также смертностью новорожденных. Как правило, ранняя беременность в этой группе обусловлена неинформированностью и неосведомленностью в сфере сексуальных отношений и репродукции, неиспользованием противозачаточных методов и поздним обнаружением беременности из-за отсутствия контроля ее наступления²³.

Ко второму типу можно отнести женщин старше 20 лет, которые имеют добрачные половые отношения или находятся в состоянии гражданского брака, разведенные женщины, узнавшие о беременности после расторжения брака. Отношения, как правило, прерываются после выявления факта беременности, а предстоящие роды и появление ребенка, финансовая ответственность и воспитание нежеланного отпрыска не входят в жизненные планы партнеров.

К третьему типу относятся женщины старше 30 лет, состоявшиеся и, как правило, имеющие стабильную высокооплачиваемую работу или собственный бизнес, но по тем или иным причинам не создавшие семью. В эту группу часто попадают так называемые

мые «лишние женщины» (старые девы — *шэньюй*)²⁴, по данным Всекитайской федерации женщин, их в стране насчитывается 5,82 млн, причем 48% из них имеют высшее образование (степень магистра), а 36% — ежемесячный доход около 15 тыс. юаней ($\approx$ 2,5 тыс. долл. США)²⁵. Они сознательно выбирают материнство, пытаясь найти смысл жизни и избежать одиночества, рожают ребенка для себя.

К четвертому типу (незначительному по численности) относятся финансово обеспеченные одинокие женщины, не состоящие в браке, имеющие возможность оплатить социальную компенсацию за рождение ребенка, которые решают вопрос о материнстве с помощью новейших технологий и суррогатных матерей²⁶. Представляет интерес, что они не всегда имеют проблемы с репродукцией, зачастую они не хотят вынашивать ребенка из-за занятости, нежелания рисковать бизнесом или потерять высокооплачиваемую работу, из-за боязни утратить физическую форму, плохого самочувствия в период беременности и осложнений во время родов. Более того, согласно закону, одинокие женщины не имеют права на получение донорской яйцеклетки, суррогатное материнство в Китае нелегально²⁷.

Наиболее уязвимыми в материальном плане являются молодые женщины первых двух типов, «вынужденно» родившие детей в силу непреодолимых жизненных обстоятельств. Тем не менее, все одинокие матери в Китае сталкиваются с идентичными проблемами.

Проблемы одиноких матерей, или «китайская мечта» одинокой матери

Проблема выбора. С ней сталкиваются одинокие матери первых двух типов. Неудивительно, что перед лицом перечисленных проблем многие китайки считают аборт или отказ от ребенка единственно приемлемыми способами решить проблему нежелательной беременности, избежать позора и конфликта с родственниками. Из 13 млн ежегодных аборт в Китае львиная доля приходится на незамужних женщин. Искусственное прерывание беременности является «спасательным кругом» для китайских девушек, забеременевших вне брака, часто неопытных и необразованных или парализованных страхом предсказуемой негативной реакции семьи и знакомых, а также мрачной перспективой стать изгоем-маргиналом в обществе. Медицинские учреждения, специализирующиеся на операциях по прерыванию беременности, рекламируют свои услуги в СМИ, размещают рекламу на остановках общественного транспорта, предлагая «студенческие скидки».

Немаловажную роль в принятии женщиной такого решения имеют распространенность и обыденность искусственного прерывания беременности в связи с политикой ограничения рождаемости и традиционные представления о позоре, связанном с рождением ребенка вне брака. Действительно, матери-одиночки часто стесняются своего положения, скрывают его, не обращаются за помощью, поскольку весьма часто незамужняя женщина с ребенком является объектом общественного осуждения, источником слухов и сплетен. Председатель Всекитайской федерации женщин (2008–2013) Чэнь Чжили полагает, что одинокие матери редко обращаются за помощью к правительству, стыдясь своего положения, они не считают для себя возможным обращаться за социальной поддержкой в условиях осуждения со стороны общества²⁸.

Ситуация, тем не менее, меняется, проблемы одиноких матерей выходят из тени и обсуждаются не только экспертами, в микроблогах, на интернет-форумах и в СМИ, но и на уровне законодателей. В Интернете, например, на Baidu существуют онлайн-форумы одиноких матерей, насчитывающие более 30 тыс. активных участников, обсуждающих проблемы этой социальной группы, с 700 тыс. перепостов. Проблема регистрации

(получение свидетельства о рождении и регистрации по месту жительства) рожденного вне брака ребенка — основная²⁹.

Проблема социально-правового статуса. Одна из важнейших проблем, с которой сталкиваются одинокие матери — это трудности, а порой невозможность зарегистрировать ребенка по месту постоянного жительства его матери, что лишает его возможности посещать детские дошкольные учреждения, государственную школу и получать необходимые медицинские услуги. Парадокс заключается в том, что согласно законодательству и правилам регистрации по месту жительства, органы регистрации обязаны регистрировать детей во всех случаях без исключения. Однако местные органы власти часто связывают регистрацию ребенка с наличием свидетельства о браке и сертификата, разрешающего появление этого ребенка на свет, выдаваемого местным органом по делам здравоохранения и планирования рождаемости.

В последние годы на провинциальном уровне наблюдается некоторый прогресс в улучшении положения одиноких матерей и их детей. Так, в 2013 г. местные власти провинции Хубэй первыми в стране обязали регистрировать детей без непременно представления свидетельства о браке. Это значит, что теперь одинокие матери смогут получать свидетельства о рождении для своих детей и регистрировать их по месту жительства.

В День матери, 11 марта 2014 г., шесть одиноких матерей из Пекина, Тяньцзиня, Шаньдуна, Шаньси, Гуандуна, познакомившись в Интернете, провели совместную акцию, чтобы привлечь внимание общества к проблемам одиноких матерей, их правам. Они послали самодельные «карточки оказания услуг планирования семьи лицам, не состоящим в браке» в адрес 32 провинциальных правительств. Помимо этого, в сопроводительных письмах они изложили свои три желания-мечты — во-первых, они хотели бы, чтобы государственные органы начали уважать рождения вне брака, во-вторых, отменили взимание социальной компенсации и прекратили применять финансовые способы наказания женщин, родивших вне брака, в-третьих, разрешили регистрировать внебрачных детей по месту жительства матери. Одна из участниц группы Юэ Ма (псевдоним) считает, что не состоящие в браке женщины нуждаются в услугах родовспоможения, гарантированных государством, так же, как и другие роженицы, а внебрачные дети должны регистрироваться по месту жительства без всяких условий. Женщины надеялись быть услышанными обществом и государством.

В связи с тем, что отказ в регистрации внебрачных детей по месту жительства широко распространен на местах и нарушает права одиноких матерей и их детей, в апреле 2014 г. 32 китайских юриста и адвоката, представляющие все провинции Китая, подписали и направили во Всекитайское собрание народных представителей и Госсовет КНР обращение с целью положить конец такому рода практике. Местные законы, по их мнению, не должны противоречить общенациональным законам. Закон о планировании семьи нарушают родители, дети же невиновны и не должны страдать. Более того, местные власти не имеют права использовать регистрацию ребенка по месту жительства в качестве средства давления на одинокую мать, вынуждая ее таким противозаконным способом заплатить социальную компенсацию за рождение ребенка³⁰.

Материально-бытовые проблемы. Одинокие матери, как правило, сталкиваются с нехваткой средств для обеспечения базового уровня жизни себе и ребенку. Это связано с отсутствием постоянной работы (работодатели не желают брать на работу незамужних матерей по понятным причинам) и необходимостью в связи с этим часто менять место жительства. Утрата социальных связей и отсутствие помощи со стороны родственников из-за рождения внебрачного ребенка усугубляют непростую финансово-бытовую ситуацию большинства семей. Актуальной проблемой для одиноких матерей является жилье и его качество. Им и их детям по финансовым причинам приходится жить в домах своих родителей, если те смиряются с позором и принимают дочь и внука или, что чаще, арендовать дешевую крошечную и неблагоустроенную жилплощадь. Большинство жен-

щин ежедневно борются за выживание. Одиноким матерям приходится оплачивать из своего бюджета посещение ребенком частных дошкольных учреждений, медицинские услуги в случае необходимости, поскольку они не имеют доступа к государственным системам образования и здравоохранения. В некоторых случаях из-за отсутствия средств к существованию им приходится на время отдавать ребенка в приемную семью³¹.

Социально-психологические проблемы. Истории одиноких матерей свидетельствуют, что многие из них страдают от осуждения их выбора родителями, знакомыми, обществом в целом. Их удручают разорванные семейные и социальные связи, чувство отверженности, они ощущают вину и беспокойство за оставшихся в сельской местности родственников, их угнетает нелегитимный статус их детей, отсутствие у них будущего. Одинокие матери и перед ними чувствуют свою вину, живут в состоянии постоянной тревоги и стресса. Изолированность и оторванность от окружающего мира, неуверенность в завтрашнем дне, неопределенность перспектив и постоянные нервные перегрузки неблагоприятно влияют на процесс воспитания и психологическое состояние детей.

Член Всекитайского комитета Народного политического консультативного совета Китая (ВК НПКСК) Чжан Сяомэй адекватно, с нашей точки зрения, оценивает проблемы одиноких матерей и предлагает реальные пути их решения. «Одинокие матери, как правило, испытывают недостаток денег, имеют проблемы с жильем и трудности в воспитании детей. Они нуждаются в большей помощи. Хотя экономические и социальные тяготы могут заставить некоторых одиноких матерей отказаться от своих детей, люди должны уважать право незамужних женщин иметь детей. Местные власти должны обеспечить одиноких матерей бесплатным временным жильем, обеспечить им возможность получения психологической помощи и юридических консультаций, информации и услуг по уходу за ребенком. Чтобы претворить в жизнь все указанные проекты, местные правительства должны поощрять благотворительность предприятий, общественных организаций, НПО и частных лиц на эти цели. Банки должны предоставлять одиноким матерям льготные беспроцентные или низкопроцентные кредиты»³².

* * *

В Китае, как и во всем мире, существуют объективные причины (дестабилизация института брака, рост внебрачных и добрачных связей) для роста социальной группы одиноких матерей. Проблема, имевшая прежде лишь моральный аспект, вышла на социальный уровень и нуждается в оперативном законодательном регулировании. Очевидные противоречия между законами КНР, регулирующими права на рождение ребенка и права внебрачных детей, и правоприменительной практикой на местах и местными законодательными актами требуют унификации в интересах соблюдения прав одиноких матерей и их детей, что понимают китайские законодатели, юристы и социологи.

Мотивация и оправдание «аморального» поведения одиноких женщин, решившихся на рождение ребенка вне брака, в Китае, бесспорно, заслуживает внимания. Они должны иметь возможность реализовать свои репродуктивные права без выплаты социальной компенсации, получить возможность изменить социальный статус и положение своих детей — граждан великой страны.

Хотя отношение общества к незамужним матерям в последние годы постепенно меняется, женщины, родившие внебрачных детей, по-прежнему сталкиваются со значительными, часто непреодолимыми проблемами: юридическими (получение свидетельства о рождении ребенка и его регистрация по месту жительства), финансовыми (необходимость оплатить социальную компенсацию за нарушение политики планирования семьи, медицинские расходы на беременность и роды, расходы на воспитание ребенка), дискриминацией при приеме на работу и на рабочем месте, моральными и психологическими проблемами — непринятием внебрачного ребенка родственниками и друзьями, постоянными стрессами.

И государству, и обществу необходимо приложить усилия и изменить существующее отношение к социальной группе одиноких матерей и их детей, уделять больше внимания проблемам социального благосостояния таких семей, помогать им в рамках услуг социальных служб и посредством благотворительных организаций в решении возникающих проблем. Совершенно очевидно, что социальная группа одиноких матерей и их детей не чувствуют себя в социуме комфортно. В интересах общества и государства, чтобы эта социальная группа не ощущала себя в социальной изоляции. Неопределенный правовой статус, отсутствие юридических оснований для адаптации и интеграции в общество, условий для успешной социализации внебрачных детей, недостаток ресурсов для жизнеобеспечения, невозможность получить работу и образование создают предпосылки для формирования маргинальной группы с вероятными асоциальными проявлениями в будущем, межпоколенному воспроизводству бедности и опусканием ее членов на социальное дно. Перефразируя слова Си Цзиньпина, можно с уверенностью сказать, что среднезажиточное общество будет неполным, если социальная группа одиноких матерей и их детей не избавится от бедности.

Исторически сложившееся презрительное отношение к одиноким матерям и их детям на современном этапе развития противоречит современной модели социума и особенно модели «гармоничного общества», которое строит Китай. В концепции «гармонии» особенное место занимают стабильные отношения на основе согласия и мира в обществе и семье, которые создают основу развития и социального прогресса.

Система регистрации «хукоу» стала в Китае преградой не только на пути к урбанизированному обществу, но и к гармоничному обществу³³. Весьма логичным шагом в деле «всемерного верховенства закона в государственном управлении» будет включение социальной группы одиноких матерей и их детей в новые положения о получении прописки, в рамках реформирования системы регистрации. Наличие прописки снимет многие проблемы и откроет ее обладателям доступ к трудоустройству, более качественному образованию, позволит воспользоваться преимуществами государственных систем здравоохранения и социальной помощи. А государство подойдет к следующей переписи населения с меньшим количеством детей, не имеющих регистрации, что в определенном смысле позволит гармонизировать социальную систему (по данным переписи 2010 г. из 13,8 млн лиц, не имеющих регистрации, 12,68 млн (92%) — дети в возрасте 0–17 лет, причем из них маленькие дети от 0 до 5 лет составляли 86%, 70% незарегистрированных детей проживали в сельской местности)³⁴.

Другая реформа, одобренная весенними (2015) сессиями ВСНП и НПКСК в сфере предоставления услуг и управления планированием семьи, делает особый акцент на охрану материнства и детства и может также внести значительный вклад в улучшение положения одиноких матерей и их детей в период беременности, родов и послеродовый период. Такие шаги полностью соответствуют фундаментальным принципам работы по планированию семьи, изложенным в «Руководстве по усилению работы по планированию семьи на местном уровне» (2014) — «Мы должны уважать людей... предоставлять им качественные услуги, защищать их права и интересы, повышать степень их удовлетворенности нашей работой»³⁵.

Безусловно, в китайском обществе имеют место позитивные сдвиги в отношении одиноких матерей и их детей. Тем не менее, законодателям, юристам, средствам массовой информации, общественным и благотворительным организациям предстоит большая работа для того, чтобы уязвимая в материальном и моральном отношении социальная группа одиноких матерей и их детей ощутила себя полноправными гражданами китайского общества и была включена в отлаженную и эффективно функционирующую систему поддержки материнства и детства, охраны здоровья матери и ребенка.

1. Одинокaя мать — это женщина, не состоящая в зарегистрированном браке, родившая и воспитывающая ребенка без признания отца в официальном порядке.
2. Статистические данные по одинокому материнству являются, как правило, оценочными, поскольку в них включаются дети пар, живущих в гражданском браке. Эта социальная группа весьма динамична в связи с тем, что пары могут со временем оформлять свои отношения, а одинокие женщины вступать в браки (*Владыкина Т.* Мамалапа. Каждый третий ребенок в России воспитывается одинокой женщиной. URL: <http://www.rg.ru/2011/06/10/single.html> Дата обращения: 11.07.2014.
3. *Захаров С.В.* Одинокое материнство в России. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2013/0553/demoscope553.pdf>. Дата обращения: 11.05.2014.
4. Unmarried Mothers Call for Legitimate Rights for Out-of-wedlock Children. URL: <http://www.womenofchina.cn/html/womenofchina/report/172901-1.htm>. Дата обращения: 21.07.2014.
5. Полагаю, что сюда включены не только женщины, родившие вне брака, но и женщины, в одиночку воспитывающие ребенка после расторжения брака.
6. *Du Guodong.* Un-settling. URL: <http://www.newschinamag.com/magazine/un-settling>. Дата обращения: 18.12.2014.
7. Свыше 60% китайской молодежи имеют добрачный половой опыт. URL: http://russian.china.org.cn/exclusive/txt/2014-03/24/content_31875145.htm Дата обращения: 18.07.2014.
8. *Yu Yan.* A Cry for Help. URL: http://www.bjreview.com.cn/nation/txt/2013-08/12/content_560146.htm. Дата обращения: 09.04.2014.
9. *An Baijie.* Watchdog leads fight on adultery. URL: http://usa.chinadaily.com.cn/epaper/2014-07/16/content_17802850.htm. Дата обращения: 12.03.2015.
10. Этот социальный феномен китайского общества, с нашей точки зрения, заслуживает специального исследования.
11. *Почагина О.В.* Новая редакция закона КНР о браке // Пробл. Дальнего Востока. 2002. № 3. С. 22–33.
12. Закон КНР «О браке». URL: http://chinalawinfo.ru/civil_law/law_marriage/law_marriage_ch3. Дата обращения: 05.07.2014.
13. Regulations on the Work of Family Planning Among the Migrant Population. URL: http://en.nhfp.gov.cn/2014-06/11/content_17566190.htm. Дата обращения: 21.11.2014.
14. Should Single Women Have The Right to Be a Mother? URL: <http://www.bjreview.cn/EN/200406/Forum.htm>. Дата обращения: 15.07.2014.
15. *Du Guodong.* Op.cit.
16. Наличие постоянной городской прописки дает горожанам ряд преимуществ в области пенсионного и социального обеспечения, образования и здравоохранения.
17. Shandong to Require DNA Testing Before Issuing Birth Certificates to Babies Over One Year Old. URL: <http://www.womenofchina.cn/womenofchina/html/news/china/16/9934-1.htm>. Дата обращения: 16.07.2014.
18. *Phillips T.* Unmarried Chinese mothers to be fined. URL: <http://www.telegraph.co.uk/journalists/tom-phillips/>. Дата обращения: 15.07.2014.
19. *French H.W.* Single Mothers in China Forge a Difficult Path. URL: <http://www.nytimes.com/2008/04/06/world/asia/06china>. Дата обращения: 13.07.2014.
20. *Yu Yan.* Op.cit.
21. *Du Guodong.* Op.cit.
22. Should Unmarried Mothers Be Fined? URL: http://www.bjreview.com.cn/forum/txt/2013-06/24/content_550867.htm. Дата обращения: 17.03.2014.
23. *Почагина О.В.* Подростковая беременность в современном Китае // Актуальные проблемы развития КНР в процессе ее регионализации и глобализации: материалы VII Международ. науч.-практ. конф. Чита: ЗабГУ, 2015. С. 156–169. Типичную историю малолетней матери можно посмотреть на интернет-сервисе Youtube. URL: <http://m.youtube.com/watch?v=7zzCkP1jk38>.
24. Считается, что женщина должна вступить в брак до 27 лет, иначе она рискует оказаться отвергнутой и попасть в категорию старых дев.
25. China Owns 5.82 Million Leftover Women: Survey. URL: <http://www.womenofchina.cn/womenofchina/html/15/5322-1.htm>. Дата обращения: 12.03.2014.

26. *Почагина О.В.* Суррогатное материнство в Китае // Пробл. Дальнего Востока. 2009. № 3. С. 142–154.
27. Спрос сформировал рынок услуг по вынашиванию и рождению ребенка за денежное вознаграждение, появились агентства, выполняющие посреднические и организационные функции в этой сфере. В 2001 г. Министерство здравоохранения КНР совместно с Государственным комитетом по делам здравоохранения и планового деторождения приняли постановление, запрещающее врачам и медицинским агентствам оказывать услуги по суррогатному материнству.
28. Chinese Unmarried Mothers Struggling to Overcome Social Hurdles. URL: <http://www.womenofchina.cn/womenofchina/html/news/china/15/3833-1.htm>. Дата обращения: 15.07.2014.
29. *Du Guodong*. Op.cit.
30. Unmarried Mothers Call for Legitimate Rights for Out-of-wedlock Children. URL: <http://www.womenofchina.cn/html/womenofchina/report/172901-1.htm>. Дата обращения: 21.07.2014.
31. Beijing Subway Victim Was Struggling Single Mother. URL: <http://www.womenofchina.cn/womenofchina/html/people/everyday/1411/1974-1.htm>. Дата обращения: 21.03.2015.
32. *Wang Ke*. Single mothers in China need more support. URL: http://www.china.org.cn/china/NPC_CPPCC_2010/2010-03/03/content_19512627.htm. Дата обращения: 15.05.2014.
33. В 2013 г. Министерство общественной безопасности КНР совместно с одиннадцатью государственными ведомствами разработало положение по реформированию системы прописки. Проект планируется полностью завершить к 2020 г. Новая система «хукоу» направлена на регистрацию человека по месту фактического проживания и работы, а не по месту его рождения. К 2020 г. в Китае будет создана новая система «хукоу». URL: <http://china24news.com/economics/838-chinese-hukou-reforms-target-2020>. Дата обращения: 15.03.2015.
34. What Census Data Can Tell Us About Children in China Facts and Figures 2013. URL: www.unicef.cn/en/.../2013/.../20131216111141945.pdf. Дата обращения: 15.12.2014.
35. Guidelines on strengthening family planning work at the community level. URL: http://en.nhfp.gov.cn/2014-08/01/content_18232204.htm. Дата обращения: 15.12.2014.

Российский Дальний Восток

Чукотка: новая модель развития Дальнего Востока?

© 2015

В. Заусаев

В статье рассматриваются основные тенденции развития субъектов российского Дальнего Востока. Приведенные сравнительные данные по Чукотскому автономному округу и Еврейской автономной области, а также Хабаровскому краю, которые подтверждают парадоксальные тенденции: южные субъекты Дальнего Востока, расположенные в наиболее благоприятных климатических условиях, на границе с быстроразвивающимися странами и имеющие более диверсифицированную и инновационную экономику, существенно проигрывают северным регионам в области экономической эффективности.

Ключевые слова: северные и южные регионы Дальнего Востока, макропоказатели, сравнительные оценки, сценарии развития.

Пережив лихое начало рыночных реформ, в 2000-х годах Дальний Восток начал восстанавливаться. Благоприятная конъюнктура внешних рынков на сырьевые товары усилила его экспортную специализацию. Регион занял ведущие в России позиции по экспорту в Азиатско-Тихоокеанский регион (АТР) изделий военного машиностроения, круглых лесоматериалов, нефти и газа, рыбы и морепродуктов. Индексы валового регионального продукта (ВРП), промышленного производства и инвестиций в основной капитал устойчиво росли.

Складывалось ощущение, что экономика региона вступила на путь поступательного роста. Но по эффективности дальневосточное хозяйство существенно проигрывает другим федеральным округам. Так, по производительности труда (с корректировкой по ценовому фактору) Дальний Восток занимает четвертое место. Если же исключить влияние нефтяных проектов Сахалинской области, то регион скатывается на предпоследнее место. По отдаче инвестиций наблюдается снижение. В принципе для региона пионерного освоения это естественно. Но, если рассматривать перспективные возможности Дальнего Востока для интеграции России в АТР, то необходимо значительное повышение его эффективности и конкурентоспособности на основе наращивания демографического, инфраструктурного и инновационного потенциалов.

Но именно здесь кроются фундаментальные угрозы. Главным негативным последствием вхождения региона в рынок стала снижение численности населения. Дальний Восток — лидер по этому показателю среди регионов страны. За период 1990–2014 гг.

выбытие составило 1853 тыс. чел., или 23%. В России были в абсолютном отношении потери и выше (Сибирский и Поволжский округа), но в относительном исчислении — равных Дальнему Востоку не было. Подобные тенденции для окраинных территорий пионерного освоения — смерти подобны.

Ухудшаются некоторые структурные соотношения. Экономика приобретает гипертрофированную сырьевую специализацию. Только с 2005 по 2013 гг. доля отраслей по добыче полезных ископаемых в промышленности выросла с 45,5 до 66,2%. Это же касается экспорта. Если в 2000 г. доля машинотехнической продукции была 16,1, то в 2005 г. — 3,6, а в 2013 г. — 1,9%.

Начала складываться поляризация в социально-экономическом развитии северных и южных субъектов Дальнего Востока. С использованием методики ПАТТЕРН-анализа проведено их сравнение по 24 социально-экономическим показателям, свидетельствующее, что лидерство переходит к северным субъектам. По структуре экономики с преобладанием сырьевого сектора, с учетом существенно сократившегося населения, они становятся более приспособленными к требованиям рыночного хозяйства. Дефицит трудовых ресурсов покрывается временным населением, использованием вахтовых методов обеспечения производства. Сравнение динамики развития субъектов Дальнего Востока по основным макропоказателям, также показывает существенное преимущество северных территорий (рис. 1).

Рисунок 1. Средние значения основных макропоказателей российских субъектов Дальнего Востока за 2009–2012 гг.

Наиболее показательное сравнение двух диаметрально противоположных как по географическому положению, так и экономической структуре Чукотского автономного округа (ЧАО) и Еврейской автономной области (ЕАО). Располагаясь в худших природно-географических условиях, потеряв более 2/3 населения (107 тыс. человек), Чукотка, тем не менее, имеет лучшую динамику и существенно более высокие макроэкономические

показатели (рис. 2). Здесь к минимуму сведены малоэффективные отрасли. На сельское хозяйство в 2012 г. приходилось 1,5% валовой добавленной стоимости, обрабатывающие производства — 0,2%, в то время как в Еврейской автономной области, соответственно, 8,9 и 4,8%. По добыче полезных ископаемых картина обратная: 35,2 и 0,5%. В результате в 2014 г. индекс промышленного производства к 2013 г. составил в ЧАО 134,2% против 115,6% в ЕАО.

В не менее сложном положении оказался Хабаровский край. Формировавшийся как центр индустриального развития региона, он до настоящего времени сохранил наиболее крупный потенциал перерабатывающих отраслей. Их выработка на душу населения в 2013 г. составила 85,8 тыс. руб. против 68,2 в среднем по Дальнему Востоку. Здесь сложился уникальный и единственный на всей восточной территории промышленно-инновационный центр — г. Комсомольск-на-Амуре, сконцентрировавший высокотехнологичные перерабатывающие производства.

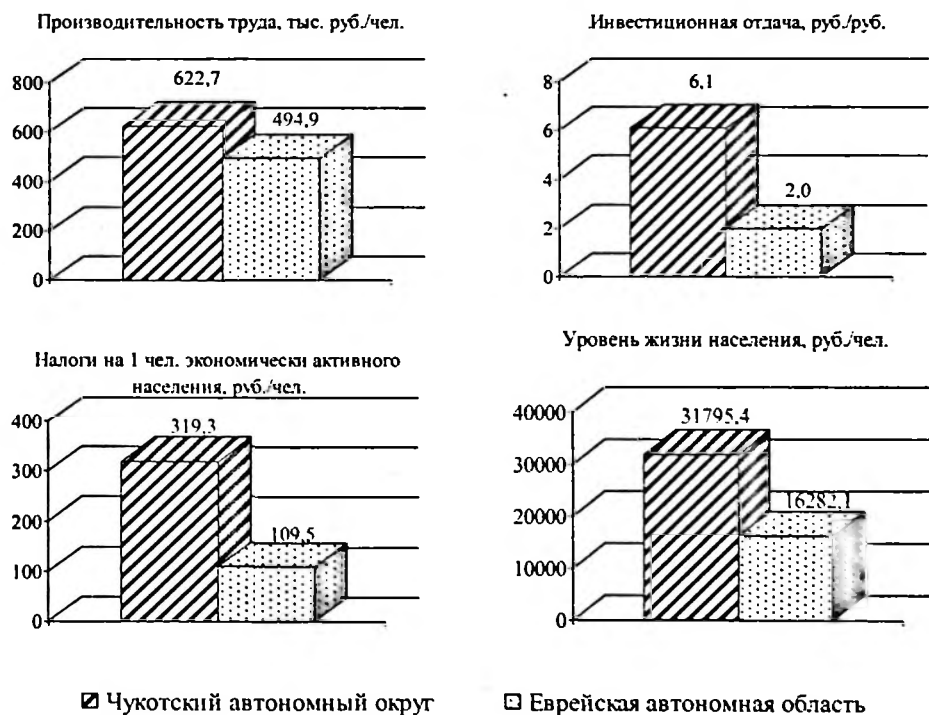

Рисунок 2. Средние значения основных макропоказателей Чукотского автономного округа и Еврейской автономной области за 2009–2012 гг.

К сожалению, в настоящее время эти потенциальные преимущества играют противоположную роль. Перерабатывающий сектор со своими незагруженными мощностями и низкой эффективностью тяжелым бременем ложится на экономику края.

Снижаются темпы роста основных макроэкономических показателей. Так, среднегодовые индексы ВРП составили в 2000–2002 гг. 108,7, 2003–2005 гг. — 104,6, 2006–2008 гг. — 103,2, 2009–2012 гг. — 103,0%. Уменьшается отдача инвестиций (прирост ВРП на 1 руб. инвестиций в основной капитал): 1,27, 0,61, 0,45 и 0,41 руб./руб. В результате доля Хабаровского края в Дальнем Востоке по важнейшим показателям снижается.

Рентабельность активов и проданных товаров неустойчива и имеет скорее понижательную тенденцию.

Ухудшается финансово-экономическое состояние. В 2013 г. убытки составили 18,6 млрд руб. или 41,4% от дальневосточных. Основные сектора экономики (транспорт и связь, обрабатывающие производства, строительство, сельское хозяйство, производство и распределение электрической энергии), на которые приходится половина валовой добавленной стоимости Хабаровского края, имели в 2013 г. убытки в размере 16,8 млрд руб. Как в абсолютном значении, так и по доле их в экономике Дальнего Востока динамика неблагоприятная.

Особенно угрожающая ситуация складывается в обрабатывающей промышленности. За 2005–2013 гг. убытки здесь выросли с 2,1 до 11,2 млрд руб., а доля в регионе — с 53,9 до 83,3%. В результате сальдированный финансовый результат края в 2013 гг. был в целом хотя и положительный, но незначительный (5,2 млрд руб.) и составлял 34,9% от показателей Приморского края и 10,9% — Республики Саха (Якутия). Самовоспроизводственные возможности экономики Хабаровского края ограничены, что сдерживает ее модернизацию.

Таким образом, складывается довольно парадоксальная ситуация. Южные субъекты Дальнего Востока, расположенные в наиболее благоприятных климатических условиях, на границе с быстроразвивающимися странами и имевшие более диверсифицированную и инновационную экономику, теряют свой потенциал.

Можно говорить о «выдавливании» экономики на север, усилении сырьевой специализации и сокращении постоянного населения. Доводя эти тенденции до логического конца, можно ожидать сокращения населения в обозримой перспективе до 4,0–5,0 млн человек. Это соответствует сырьевой модели развития Дальнего Востока. Станет реальностью передача его отдельных территорий в долгосрочную аренду (концессию) сопредельным странам, которые сделают акцент на иностранных инвестициях, рабочей силе, технике. А это уже геостратегические риски.

В этой связи правомерен вопрос: для чего нужен России Дальний Восток? Из ответа на него вытекает концепция (руководящая идея) и сценарий развития региона.

Укрупненно можно рассматривать три цели, концепции и, соответственно, сценария развития российского Дальнего Востока.

Первая цель — усиление экспортной специализации с минимальными для России издержками, обеспечение страны наиболее дешевыми (малозатратными) валютными ресурсами. Ей соответствует инерционный сценарий с усилением китайского акцента. Широкое распространение получают концессионные отношения. Они коснутся наиболее масштабных месторождений нефти и газа, железной руды, угля и других природных ресурсов. Крупнейшие иностранные корпорации станут главной движущей силой развития региона. Это демонстрируют шельфовые проекты Сахалина. Открытие внутренних инвестиционных и товарных рынков приведет не только к форсированному поступлению значительных иностранных капиталов, но и росту импорта готовых товаров, свертыванию недостаточно конкурентоспособных местных перерабатывающих производств. Расширится использование иностранной рабочей силы. Местное население не сможет конкурировать с ней, что усилит его отток. Повсеместное распространение получают вахтовые методы организации работ. По сути экономического развития эта модель близка современной Чукотке. Возрастут геостратегические риски, снизится управляемость региона со стороны российского государства, создадутся предпосылки для экономической потери Дальнего Востока. Но благодаря концессионным платежам, а они будут наиболее эффективными исходя из соотношения «результаты-затраты», Россия получит значительные финансовые ресурсы для решения с меньшими социальными издержками стоящих перед ней проблем. Эту задачу Дальний Восток уже решал в 60–70-е годы, когда страна нуждалась в валюте для освоения нефтяных месторождений Западной Сибири

и прокладки трансконтинентальных трубопроводов. И она была решена, благодаря чему Россия за счет нефти и газа пережила тяжелые годы рыночных реформ.

Вторая цель — **Дальний Восток — плацдарм для массированного вхождения России в экономику Азиатско-Тихоокеанского региона.** Достижение ее возможно при движении по национально-либеральному сценарию. Он базируется на усилении транзитной роли региона, диверсификации внешнеэкономических связей (Китай, Япония, КНДР, Республика Корея и др.). Концессионные отношения получают ограниченное развитие в целях недопущения рисков геостратегического характера. Они будут ориентированы на долговременные российские интересы. Осуществляются масштабные транспортные проекты «Европа — АТР (Япония)», а также нефтегазовые трубопроводы «Дальний Восток — АТР». Драйвером здесь выступит Сахалин с железнодорожными мостами на материк и о. Хоккайдо (Япония). Создание «евразийского моста» — высокоскоростного прямого железнодорожного пути через Сахалин «Япония — Россия — Европа» — уменьшит срок прохождения грузов до 10 суток. Строительство на юге острова тепловой электростанции на парогазовых установках и передача электроэнергии по подводному кабелю станет основой энергомоста «Сахалин—Япония». В дальнейшем к нему может быть подключена Тугурская приливная электростанция. Свое место в этом сценарии найдут нефтеперерабатывающие, нефте- и газохимические предприятия, воспроизводство и использование на интенсивной основе биоресурсов моря и леса.

С точки зрения эффективности этот сценарий будет уступать предыдущему в силу ограниченности концессионности, привлечения иностранных инвестиций и большей социальности. Поэтому необходима новая модель внешнеэкономического сотрудничества. Так, учитывая исторический опыт Японии в освоении южной части Сахалина и выше названные проекты, ее можно формировать на базе сопряжения островной и японской экономик. Это позволяет области стать центром интеграции (зоны интенсивных контактов) Российского Дальнего Востока и Японии, и рассматривать ее как пилотный проект создания в других субъектах региона, например, в Камчатском крае, подобной зоны экономического сотрудничества.

Претерпит существенные изменения система расселения на Дальнем Востоке. Политика государства будет нацелена на сохранение постоянного населения на юге региона и использование вахтовых методов организации работ на севере. Это позволит экономить на социальной инфраструктуре, концентрируя ограниченные ресурсы на приграничных территориях России.

Реализовать этот сценарий будет не просто в силу необходимости проведения тонкой политики, не допускающей скатывания в первый сценарий.

Третья цель — **превращение Дальнего Востока в будущий драйвер российской экономики.** Она базируется на идее высокой потребности в будущем (во второй половине XXI века) сопредельных государств не только в традиционных природных ресурсах, но и в пресной воде, пространстве для размещения возобновимых источников энергии (солнечных, ветровых приливных и др.), экологически чистом животном белке (биологические ресурсы моря). Российский Дальний Восток эту потребность удовлетворить способен. Сделать это, не нанося ущерб безопасности нашей страны, возможно при реализации патерналистско-инновационного сценария развития макрорегиона. Однако он требует значительных государственных вложений в качественную модернизацию экономики. Реализация долгосрочных проектов в области нефте- и газодобычи, транзитного транспорта, магистральной трубопроводной сети, лесной, угольной и рыбной промышленности должна идти на принципах устойчивого природопользования, чтобы сохранить конкурентоспособность наших ресурсов. Это потребует интенсификации воспроизводства возобновляемых природных ресурсов, развития перерабатывающих производств, в том числе на основе иностранных инвестиций и «технологического трансферта», обеспечивающих конкурентоспособность продукции на внешних рынках.

Развитие производственной и социальной инфраструктуры, образования, здравоохранения, культуры, жилищно-коммунальной сферы обеспечит создание трудового потенциала нового качества. При стягивании его на наиболее благоприятные по условиям проживания территории возрастает роль юга региона как места размещения больших и малых селитебных центров. Живя в наиболее обустроенных местах, их население будет работать по всему Дальнему Востоку, в том числе и на вахтовых принципах.

Повышенная затратность этого сценария обусловлена формированием и наращиванием на Дальнем Востоке постоянного населения. Это требует не только повышения качества жизни посредством реализации масштабных экономических проектов, но и непосредственной его поддержки. Основными из них являются:

- увеличение размеров дальневосточных надбавок и выплата их из федерального бюджета;
- бесплатное высококачественное медицинское обслуживание;
- бесплатное высшее образование в рамках Дальневосточного региона;
- дотация в размере не менее 50% стоимости строительства жилья и коммунальных расходов;
- бесплатный проезд один раз в год в западные регионы страны.

Цена подобных мероприятий высока и превышает для Дальнего Востока 1,5 трлн руб. в год. Поэтому они должны реализовываться постепенно. Важно обозначить вектор и прописать его в специальном Федеральном Законе «Об особом статусе развития Дальнего Востока». Тогда жители увидят ориентир отношения государства к региону и смогут с учетом его строить здесь свою жизнь.

В реальности движение Дальнего Востока будет иметь собирательный сценарий и содержать в той или иной степени элементы всех сценариев. Но, исходя из политической воли, преимущество будет иметь один из них. Едиными для всех сценариев фундаментальными факторами развития являются природно-ресурсный потенциал Дальнего Востока, его географическое положение на стыке суши и океана и территориальная близость быстроразвивающегося Азиатско-Тихоокеанского региона. Геостратегическим фактором, которым нельзя пренебречь при формулировании концепции, является и то, что на Дальнем Востоке проходит зона соприкосновения геостратегических интересов крупнейших стран мира, которым не хватает либо пространства, либо ресурсов, либо зон влияния. Поэтому как никогда созвучны слова Президента России В.В. Путина (пресс-конференция, 18 декабря 2014 г.) о претензиях некоторых стран на наши сибирские территории со словами П.А. Столыпина из речи в Государственной Думе 31 марта 1908 г.: «Если у нас не хватит жизненных соков на зарубцевание всех нанесенных России ран, то наиболее отдаленные части ее могут безболезненно и незаметно отпасть, и мы будущими поколениями будем за это привлечены к ответу за то, что пали духом, впали в бездействие, в какую-то старческую беспомощность, что мы утратили веру в русский народ, в его жизненные силы»¹.

---

1. URL: http://dugward.ru/library/stolypin/stolypin_rech_v_3_gosdume_31mrt1908.html.

История

Внешняя помощь Китаю в годы войны с Японией (1937–1945 гг.)

© 2015

Б. Горбачев

Автор характеризует значение помощи Китаю со стороны СССР и США в войне против Японии в 1937–1945 гг. Раскрываются формы советской военной помощи в борьбе китайского народа против японских агрессоров на разных этапах Второй мировой войны, анализируются военные поставки США в Китай по ленд-лизу.

Ключевые слова: военная помощь, Китай, война с Японией 1937–45 гг., СССР, США, ленд-лиз.

(Окончание. Начало в № 3 2015 г.)

Американская помощь Китаю по ленд-лизу

После начала войны с Японией в 1937 г. гоминьдановское правительство получало военно-техническую помощь не только от Советского Союза и ряда стран Европы, но закупало военное оснащение и в США. Первоначально американские поставки были весьма незначительны, но увеличились после того, как в августе 1938 г. в США был направлен китайский представитель Чэнь Гуанфу¹, зарегистрировавший там «Компанию мировой торговли» (Universal Trading Corporation). Однако в то время в американском законодательстве существовали ограничения на поставки вооружения за рубеж в связи с законом о нейтралитете. Поэтому Китай мог приобретать в США только так называемое нелетальное вооружение.

По данным американских архивов, компания Universal Trading Corporation к концу 1939 г. закупила в США различную продукцию на общую сумму в 74,67 млн долл., в том числе: автомобили, запчасти и ремонтное оборудование на 16,74 млн; бензин и смазочные материалы на 11,45 млн; черные и цветные металлы на 24,68 млн; радио и телефонные средства связи на 5,6 млн; хирургические инструменты и другие медицинские средства на 3,6 млн; материал хаки и шерстяные одеяла на 3,44 млн; универсальное оборудование на 2,15 млн; железнодорожное имущество на 4 млн; оборудование для добычи оловянной руды на 3 млн.

Горбачев Борис Николаевич, доктор исторических наук, действительный член Академии военных наук. E-mail: borisgorbachev@yandex.ru.

В США закупалось и некоторое военное оборудование, но ни по количеству, ни по своему типу оно не могло удовлетворить потребности Китая. Так, по данным бирманской таможни (снабжение велось тогда через Бирму), в период с 28 октября по 31 декабря 1939 г. стоимость поступившего из разных стран вооружения в Китай составила 8,35 млн долл. При этом 5,41 млн долл. приходилось на советские поставки (артиллерийские орудия, пулеметы, винтовки и боеприпасы к ним), что составляло 64,87% от общей суммы. Закупки из Бельгии, Великобритании, Швеции, Чехословакии и Франции (зенитные орудия, винтовки, взрывчатые вещества, боеприпасы) равнялись 1,7 млн долл., т.е. 20,39%, а закупки из США (пистолеты, взрыватели, патроны, детали для самолетов и боеприпасы) составили всего 1,23 млн долл., т.е. всего 14,74%. Данная статистика говорит о том, что американская военная помощь США Китаю в то время занимала скромное место в общем объеме иностранной помощи этой стране.

С началом в сентябре 1939 г. Второй мировой войны в Европе в американской политике экспорта вооружений за рубеж произошли большие изменения. В ноябре 1939 г. в закон о нейтралитете США было внесено изменение, позволяющее продажу оружия за границу за наличные средства при его самостоятельной транспортировке покупателем. В июне 1940 г. Чан Кайши направил в США своего представителя Сун Цзывэнь² с целью расширения поставок оружия в Китай. Он привез с собой перечень военного имущества на сумму 70 млн долл. Это была самая крупная заявка, включавшая список вооружений от стрелкового оружия до боевых самолетов. Кроме того, Сун Цзывэнь попросил у США заем в стабилизационный фонд в размере 50 млн долл. для поддержания китайской валюты³.

Американское правительство активно откликнулось на просьбы Китая о помощи. 22 октября 1940 г. между США и Китаем был подписан договор о займе на 25 млн долл. под поставки вольфрама. Через месяц американцы предоставили заем в размере 50 млн долл. под поставки металлов для стабилизации курса китайской валюты. Хотя по этим займам нельзя было напрямую покупать оружие в США, но имея наличные доллары, китайцы получали значительную свободу при покупке вооружений.

До принятия закона о ленд-лизе Китай приобретал военные материалы на основе экспортно-импортных займов, которые за два года набрал у Америки на общую сумму 120 млн долл. Они были крайне необходимы воюющему Китаю, но недостаточны для удовлетворения всех военных потребностей. После того, как 6 мая 1941 г. американцы признали, что оборона Китая жизненно важна для безопасности США, началась программа поставок вооружений в Китай по линии ленд-лиза. В это время Сун Цзывэнь создал компанию «Чайна дефенс сапплайз» в качестве официального агентства правительства Китайской Республики по программе ленд-лиза⁴.

31 марта 1941 г. Сун Цзывэнь подал американской стороне заявку на поставки 1 тыс. самолетов и других материальных средств для создания современных ВВС; вооружения и материальных средств для 30 дивизий; различных средств транспорта для обеспечения коммуникаций, прежде всего, через Бирму и Индию.

Это была первая заявка после принятия закона о ленд-лизе, и американцы постепенно удовлетворяли просьбы Китая. Прежде всего, с 28 апреля 1941 г. США начали предоставлять помощь для налаживания транспортных коммуникаций в размере 45,1 млн долл. Это направление помощи было основным в течение целого года. В мае 1941 г. Америка одобрила поставки боеприпасов на сумму 49,34 млн долл. Это была малая часть от 129,59 млн долларов, запрошенных в заявке Сун Цзывэня. Труднее решался вопрос о поставках самолетов. Первоначально Сун Цзывэнь рассчитывал получить 700 истребителей и 300 бомбардировщиков. Однако в ходе переговоров выяснилось, что американская сторона не может обеспечить такие поставки, поэтому общее количество запрашиваемых самолетов сократилось до 350 истребителей и 150 бомбардировщиков. Однако и это число самолетов не было поставлено. В июле 1941 г. командование американской армии и флота

согласилось на поставку китайской стороне 435 самолетов. 110 самолетов из них были взяты из поставок английской стороне, которая согласилась уступить их китайцам⁵.

Ключевой фигурой, координировавшей американскую политику в Китае, был генерал Дж. Стилуэлл⁶, который ранее выполнял обязанности военного атташе в Китае и хорошо знал китайский язык и специфику страны⁷.

Стилуэлл прибыл в Чунцин 6 марта 1942 г., занимая должность главнокомандующего союзными войсками на китайско-бирманско-индийском фронте. Одновременно он занимал посты начальника штаба армии Гоминьдана и заместителя командующего союзными войсками на юго-восточном театре военных действий. Стилуэлл должен был следить, чтобы военная помощь по ленд-лизу использовалась по прямому назначению для борьбы с Японией⁸. Накануне приезда Стилуэлла в феврале 1942 г. правительство США предоставило национальному правительству Китая заем в 500 млн долл. (До этого времени Китай уже получил четыре займа на общую сумму 120 млн долл., в том числе в 1939 г. — 25 млн долл.; в 1940 г. — 20 и 25 млн долл.; в 1941 г. — 50 млн долл.⁹). Но американский генерал, кроме контроля за расходованием военной помощи, должен был вести такой курс в тихоокеанской войне, чтобы наряду с разгромом Японии ослабить позиции своих соперников на Дальнем Востоке, включая Англию. В этих условиях отношения Америки с Китаем определялись не столько союзом в войне с Японией, сколько желанием закрепить гегемонию США в Восточной Азии.

На пути реализации программы ленд-лиза стояло серьезное препятствие — большие сложности в транспортировке. Сначала она осуществлялась через Бирму, что было чрезвычайно трудно и опасно. После оккупации японцами Рангуна в Бирме было захвачено значительное количество американских грузов, предназначенных Китаю. В последующем военная помощь США Китаю стала поставляться по сложным маршрутам через Индию. При этом из-за трудностей доставки в индийских портах и на базах скапливалось значительное количество грузов. Как признает Э. Стеттиниус¹⁰, китайцы, изолированные от внешнего мира горами и территорией, захваченной японцами, уже несколько лет вели тяжкую войну, получая скудную помощь извне. Они были очень плохо вооружены по сравнению с японскими войсками, а планы американского вооружения Китая удалось реализовать лишь частично, через Индию, но США не смогли организовать прямых поставок в Китай.

В этих условиях большое значение имела поставка американской помощи воздушным путем — по существу единственным для транспортировки американских и английских военных материалов в Китай. Однако его использованию мешало недостаточное количество транспортных самолетов. Так, в начале 1942 г. у США имелось немногим более 300 транспортных машин, поскольку до этого авиационная промышленность Америки делала упор на производство бомбардировщиков и истребителей. К концу 1943 г. стали ощутимы результаты наращивания количества транспортной авиации, что обеспечило возрастание объема поставок.

США помогли Китаю создать воздушную трассу «Верблюжий горб», связавшую Куньмин (пров. Юньнань) с Ассамом в Северо-Восточной Индии.

Американская помощь в создании боеспособных ВВС Китая началась еще в конце 1930-х гг., когда полковник-резервист Клер Ли Ченнолт (Claire Lee Chennault) в добровольном порядке стал техническим советником в китайской авиации. Он подготовил немало китайских пилотов для управления самолетами американских моделей 1930-х гг., старыми немецкими и немалым числом советских самолетов. Весной 1941 г. К. Ченнолту удалось найти более 100 летчиков-ветеранов и 150 человек наземного персонала. Добровольцы подписали контракты, по которым им было положено денежное вознаграждение — 600–750 долл. в месяц для летчиков и около 300 долл. для технического персонала. При этом китайское правительство согласилось платить за каждый сбитый или уничтоженный на земле японский самолет¹¹.

1 августа 1941 г. Чан Кайши издал приказ о создании Американской добровольческой группы (АДГ) в составе ВВС китайской армии. Эта группа получила неофициальное название «Летающие тигры» из-за того, что на крыльях самолетов Р-40 были маленькие эмблемы с изображением тигра. В Куньмине была построена база для АДГ. Первоначально у группы было весьма слабое техническое оснащение. В рабочем состоянии находилось всего 44 самолета. Однако постепенно стали поступать необходимые запчасти и боеприпасы, на которые пошли первые деньги, выделенные по ленд-лизу для АДГ. В декабре 1941 г. американские и китайские авиаторы располагали 66 самолетами Р-40.

Для подготовки китайских летных кадров были открыты учебные центры на территории США в Аризоне, а также в Лахоре (Индия) и других местах, где по программе ленд-лиза американские инструкторы вели обучение китайских авиационных специалистов. 4 июля 1942 г. АДГ была расформирована. Часть ее вошла в 14-ю авиационную группу ВВС США, которую возглавил К. Ченнолт, ставший генералом. По американским данным, за время своего существования АДГ сбила и уничтожила на земле 297 японских самолетов (по китайским данным, более 260 самолетов¹²) а сама потеряла 13 из 100 самолетов Р-40, 32 самолета было потеряно в результате аварий или уничтожено на земле. В бою погибли в бою 9 пилотов¹³. После расформирования группы американских добровольцев Китай, заплативший 90 млн долл. за самолеты Р-40, отказался от предложения американцев выкупить их и настоял на их передаче ВВС США по «взаимному ленд-лизу». Эти самолеты вошли в состав американской 14-й авиагруппы¹⁴.

Со временем воздушная мощь этого американо-китайского авиационного соединения возросла. За три месяца 1943 г. было совершено 24 боевых вылета, сбит 41 японский самолет, уничтожено на земле 23 самолета и потоплено 5 кораблей противника¹⁵. К ноябрю 1944 г. смешанное соединение имело 535 истребителей и 156 бомбардировщиков. Численность личного состава превышала 17 тыс. человек¹⁶. Постепенно «американо-китайские ВВС» захватили господство в воздухе и заставили японскую авиацию перейти к обороне. Однако японские авиаторы утверждали, что такое положение сложилось в основном из-за нехватки бензина у японских самолетов.

В начале 1945 г. в результате успешного наступления союзных войск была восстановлена наземная транспортная магистраль через Бирму, которая в течение трех лет находилась под контролем японцев. Из Индии большим потоком пошли грузы, в том числе с авиационной техникой. Общая численность гоминьдановских и американских самолетов превысила 800 единиц¹⁷.

С мая 1942 г. по сентябрь 1945 г. на воздушной трассе «Верблюжий горб», американская транспортная авиация осуществляла перевозки личного состава и грузов. К сентябрю 1945 г. по ней было переброшено 725 тыс. тонн груза и 33 477 человек личного состава. Эскадрилья «Летающие тигры», прикрывавшая эту трассу от противника, уничтожила, по данным китайской печати, 2600 японских самолетов. Сами американцы потеряли 514 самолетов и свыше 1,5 тыс. авиаторов¹⁸.

Освоение и развитие этого воздушного пути американскими и китайскими летчиками, по мнению Э. Стеттиниуса, стало одним из замечательных достижений военного времени¹⁹.

Всего китайские ВВС с 1941 г. из США по ленд-лизу получили 679 истребителей (в том числе 377 Р-40 различных модификаций, 129 самолетов Р-66, 108 — Р-43, 50 — Р-51D-К, 15 — Р-38 в варианте разведчика F-5E), 159 бомбардировщиков (в том числе 131 самолет В-25, 28 — А-29), 100 транспортных самолетов (77 — С-47, 23 — С-46) и более 400 учебно-тренировочных самолетов²⁰.

В китайские сухопутные войска из США поступило 637 75-мм горных гаубиц, 125 75-мм полевых гаубиц, 62 английских 25-фунтовых полевых пушек-гаубиц по ленд-лизу в Китай было поставлено 476 105-мм гаубиц М2А1 и 36 155-мм гаубиц²¹. Кроме того, свыше 5 тыс. трехосных грузовых автомобилей «Студебекер» грузоподъемностью 2,5 т²².

Военно-морские части гоминьдановской армии, которые в годы войны были малочисленны и слабы, получили от американцев по ленд-лизу 131 корабль разного типа и класса. Кроме того, Китай приобрел у США 159 кораблей и судов, а также получил от англичан в качестве подарка 11 кораблей. В декабре 1945 г. американцы создали в Циндао центральный учебный отряд ВМС для подготовки морских специалистов²³.

С 1942 г. в Китае начал работать аппарат военных советников США, участвовавший в подготовке кадров для китайской армии. Китайское руководство требовало также увеличить военную помощь Китаю, в частности обучить и оснастить 90 китайских дивизий. Подготовка первых 30 дивизий Китай просил завершить к 1 января 1944 г., еще 30 дивизий — к маю, а оставшуюся часть — к 1 января 1945 г. Позднее число дивизий было уменьшено до 39. К концу войны в 1945 г. эти 39 дивизий были обучены, а поставки для них оружия продолжились и после капитуляции Японии²⁴.

В целом поставки в Китай, по оценке китайских историков, занимали весьма скромную долю в общем объеме американской помощи своим союзникам. Так, к середине июля 1941 г. США обещали поставить Китаю в 1941 г. вооружение на сумму 240 млн долл., а в следующем году на 500 млн долл. 15 августа Сун Цзывэнь представил перечень на сумму 600 млн долл., который содержал самолеты (на 200 млн долл.), оружие (175 млн долл.), автомобили и другие транспортные средства (76 млн долл.). Но, по данным Министерства финансов США, реально в 1941 г. из обещанного займа китайская сторона получила от США всего 1,7%. В последующие годы доля Китая от общих поставок США своим союзникам составила в 1942 г. 100 млн долл. (т.е. 1,5%), в 1943 г. — 49 млн долл. (0,4%), в 1944 г. — 53 млн долл. (0,4%), в 1945 г. — 1,107 млрд долл. (8%)²⁵.

По некоторым американским оценкам, по линии ленд-лиза Китай получил помощь на сумму 846 млн долл., что является незначительной величиной по сравнению поставкам в страны Британского Содружества и СССР. Из этой суммы 820 млн было выдано в форме дарения. Кроме того, США, начиная с 1938 г., вне рамок ленд-лиза предоставили Китаю кредиты на общую сумму 643 млн долл.²⁶

К апрелю 1942 г. в Китай было поставлено 110 864 т груза. 69% которого составляла автомобильная техника, а оставшаяся часть была представлена дорожным оборудованием и материалами для создания линий коммуникации с Китаем. После нападения Японии на Пёрл-Харбор, вторжения в Бирму и захвата Бирманской дороги снабжение Китая оказалось затруднительным. После потери Бирманской дороги в США осталось 149 000 т неотправленных в Китай грузов и еще 45 000 т застряло в Индии без надежды доставки их в Китай. Сделав закупки в США, Китай не мог их получить, а получив деньги от США, не мог закупить необходимое в Китае. В условиях громадной инфляции значительная часть финансовых средств, по признанию западных историков, пропала и исчезла «в коридорах коррупции»²⁷.

В исторической литературе существуют различные оценки размера военной помощи США Китаю по ленд-лизу. Нет единодушия по этому вопросу и в самом Китае. Это связано со многими обстоятельствами. Прежде всего, с использованием разных источников и разных способов расчета. Многие документы и источники по данному вопросу малодоступны, а в годы войны были секретными.

В советской историографии этот вопрос подробно не рассматривался, и оценки приводились в основном из американских источников. Так, в 12-томной Истории Второй мировой войны, изданной в СССР в 1970-х гг., написано, что за всю войну Чан Кайши получил от США помощь на 845 млн долларов. После капитуляции Японии поставки вооружения и боеприпасов и стоимость самолетов, поставленных в Китай, составили 781 млн долл.²⁸ (Президент США Г. Трумэн 5 сентября 1945 г. разрешил продолжить военные поставки в Китай до марта 1946 г.). В советских энциклопедических изданиях отмечалось, что поставки по ленд-лизу в Китай составили 631 млн долл.²⁹ В Большой российской энциклопедии указывается, что гоминьдановский Китай получил по ленд-лизу

свыше 1,4 млрд долл., куда, видимо, были включены американские поставки и после окончания войны с Японией³⁰.

Ранее историки КНР описывали американскую военную помощь Китаю весьма сдержанно, так как она шла исключительно гоминьдановскому правительству, которое враждебно относилось к КПК и ее вооруженным силам. А после разгрома Японии американское вооружение использовалось армией Чан Кайши в борьбе с коммунистами за власть в стране.

Современные китайские историки более объективно оценивают американскую военную помощь в годы войны с Японией, признавая ее значение в укреплении позиций Китая в этой войне. Так, профессор Фуданьского университета Цао Цзяхань пишет: «В годы войны общая сумма американской помощи по ленд-лизу превысила 800 млн долл. Она не только сыграла историческую роль для победы Китая в войне против Японии, но и подняла на невиданную ранее высоту авторитет Китая в дипломатических отношениях с США»³¹. Однако китайские авторы считают, что США в основном делали упор на поставки в Европу и недооценивали необходимость военной помощи Китаю.

Что касается оценки размеров американских военных поставок в Китай, то в китайской литературе они также разнятся. Наиболее полный обзор материалов, содержащих сведения о размерах американских поставок по ленд-лизу в Китай, опубликован в китайском журнале «Лиши яньцзю» (1995, № 4)³². В нем приводятся данные Министерства финансов США, по которым в период с 1941 по 1946 г. Китаю была оказана помощь на сумму 1,546 млрд долл., в том числе до окончания войны с Японией — на 778 млн долл. В 1947 г. американские власти опубликовали доклад, в котором размер американских поставок в Китай был определен в 870,43 млн долл. В августе 1949 г. в опубликованной в Америке Белой книге «Отношения между США и Китаем» опубликованной в Америке, утверждалось, что до победы над Японией Китай получил американскую помощь в размере 845,748 млн долл. Оценки гоминьдановского Китая были значительно меньше. Китайские финансисты подготовили комплексную оценку американской помощи в период с мая 1941 по 30 сентября 1945 гг. и опубликовали доклад, в котором оценили поставки США в 597,74 млн долл. В 1947 г. в меморандуме о расчетах по ленд-лизу, сделанном председателем Комитета по материальному снабжению Китая в США Ван Шоуцзином, сообщалось, что к 1 сентября 1945 г. Америка поставила Китаю материальных средств на сумму 686,53 млн долл.

Китайские историки считают, что американская сторона не в полной мере оценивала льготные арендные ставки и услуги, которые со второй половины 1942 г. Китай предоставлял американским военным для строительства аэродромов, военных баз и материального обеспечения американского контингента в Китае.

Хотя Великобритания подписала с Китаем 2 мая 1944 г. соглашение о ленд-лизе, размер ее помощи был намного меньше американской. Первые два года после начала войны с Японией Китай получал помощь также и от Германии. Подписав с Китаем бартерное соглашение, Германия поставляла ему некоторые виды вооружения. Однако в 1939 г. в связи с изменением политической ситуации в Европе и на Дальнем Востоке немецкие поставки прекратились. Помощь других государств Китаю была символической.

Некоторые китайские историки указывают, что в вопросе ленд-лиза и расчетов за него у сторон возникали сложные проблемы. После того, как Китай начал исполнять свои обязательства по возвратным льготным кредитам, в частности, оплачивать услуги, предоставляемые американским частям, расположенным в Китае, по льготным ценам, а также аренду за американские базы в Китае, таких споров стало еще больше. Эти действия обострили финансовые проблемы страны, способствовали росту инфляции, ухудшили экономическое положение Китая и китайского населения. До окончания войны с Японией США лишь частично на нерегулярной основе компенсировали затраты Китая по льготной аренде. Это ухудшало взаимное доверие между странами и в определенной сте-

пени негативно сказывалось на развитии военного и экономического сотрудничества между Китаем и США³³.

Не принижая значения американской помощи Китаю в борьбе с Японией, следует отметить, что значительная часть этой помощи была предоставлена в конце Второй мировой войны, когда ее исход был предопределен в сражениях на европейском театре и, прежде всего, на советско-германском фронте благодаря героическому наступлению Советской Армии.

В то же время, хотя размер материальной помощи СССР, оказанный Китаю в период войны, уступает американскому, но эта военная помощь была предоставлена в самый сложный для Китая период, когда страна противостояла японской агрессии в одиночку и стояла на грани военного поражения. Так, общая сумма помощи Китаю от всех стран в 1937–1941 гг., включая ленд-лиз, оценивалась в 539,5 млн долл. Однако в первые два с половиной года войны Китая с Японией размер использованных советских кредитов почти втрое превышал кредиты всех западных стран. При этом американские кредиты не разрешалось использовать для покупки оружия, что являлось большим неудобством для Китая и резко контрастировало с позицией СССР. По данным современных китайских историков, за годы войны Китай закупил или арендовал у СССР, США, Германии, Франции, Великобритании, Италии и ряда других государств 2239 самолетов. Из них 40% были советского производства³⁴. К тому же основная часть американской помощи появилась тогда, когда Китай уже состоял в антигитлеровской коалиции, и исход войны был предрешен.

Помощь Китая союзным странам в годы войны

Следует отметить, что Китай, в свою очередь, вооруженной борьбой против японской армии помогал союзным армиям, воевавшим на других ТВД. Китайские войска провели в общей сложности 22 сражения, свыше 200 операций и около 200 тыс. больших и малых боев, уничтожив около полумиллиона вражеских солдат³⁵. По данным начальника управления научных исследований мировых военных событий Академии военных наук НОАК генерал-майора Ло Юаня, китайская армия в 1938 г. сражалась с 94% сухопутных сил Японии, в 1940 г. — с 78%, в 1942 и 1943 гг. соответственно — с 64% и 54%³⁶. В 1945 г. на китайском фронте капитулировало 1,283 млн японских военнослужащих. Общие потери японской армии убитыми, ранеными и пленными составили 1,55 млн человек³⁷.

Примечательно, что урон врагу наносился китайскими войсками с использованием значительного количества иностранного вооружения, в первую очередь, советского и американского производства, поступавшего в том числе по ленд-лизу. Без этого китайская армия была бы менее боеспособной.

Людские и материальные потери в годы войны были колоссальными. Так, Япония потратила на войну в Китае сумму, составлявшую 35 процентов всех ее расходов во Второй мировой войне³⁸.

Громадную цену заплатил и Китай. По разным данным³⁹, китайские войска потеряли убитыми и ранеными 3,8 млн человек, а жертвы среди мирного населения составили примерно 18 млн человек⁴⁰. Сам Чан Кайши так оценил потери Китая: «За 8 лет войны Китай призвал под знамена в общей сложности 14 млн человек, потеряв 3,2 млн из них убитыми и ранеными, не считая гражданское население»⁴¹. В 1990-е гг. в экспозиции Музея антияпонской войны у моста Лугочяо фигурировали следующие цифры военных и гражданских потерь Китая: убитых — 9,3 млн, раненых 9,4 млн человек, без вести пропавших — 2,8 млн, всего потери составили 21,6 млн⁴². В 1995 г. в Москве во время празднования 50-летия победы в Великой Отечественной войне Председатель КНР Цзянь Цзэминь сообщил о людских потерях Китая в количестве 35 млн человек. Последующие

китайские лидеры Ху Цзиньтао и Си Цзиньпин повторили эту цифру⁴³. В Национальном музее Китая в Пекине обнародованы такие данные: число убитых и раненых среди китайских военных и населения превышает 35 млн чел.; прямые экономические потери Китая от войны составили свыше 100 млрд долл., косвенные экономические потери — свыше 500 млрд долл. На Северо-Востоке Китая было уничтожено свыше 172 тыс. японских военнослужащих. В тылу противника уничтожено 527 тыс. японских военных. На фронтах регулярной армии уничтожено 859 тыс. чел. Общая численность уничтоженного японского личного состава достигает 1,558 млн человек.

Претерпела изменения оценка вклада вооруженных сил Гоминьдана и КПК в китайской историографии. Ранее историки КНР принижали роль вооруженной борьбы гоминьдановской армии против японских захватчиков, подчеркивая пассивность Чан Кайши в войне против японцев и его военные усилия по окружению и уничтожению войск и партизанских отрядов КПК. В то же время подробно описывалась вооруженная борьба сил КПК против японцев и чанкайшистов. В последнее время оценки в Китае стали носить более объективный и примирительный характер. Так, бывший командующий войсками Нанкинского военного округа, генерал-лейтенант Ван Хунгуан как бы подводя черту в споре, чей вклад в победу был больше, подчеркивал: «В этом вопросе трудно проводить сравнение. Это все равно, что сравнивать крылья у птицы или колеса у велосипеда. Оба фронта были взаимосвязаны, действовали на основе взаимопомощи и внесли должный вклад в победу Китая над Японией». Генерал привел следующие цифры: гоминьдановская армия провела 22 крупных сражения и уничтожила свыше 1 млн японских солдат и офицеров. В то же время собственные потери китайской армии составили убитыми и ранеными 3,21 млн человек⁴⁴. В свою очередь, вооруженные формирования КПК провели 125 тыс. разных видов боевых действий против врага, уничтожив 1,714 млн японских и марионеточных войск. За годы войны численность войск КПК увеличилась до 1,2 млн человек, площадь занимаемых ими баз возросла до 1 млн кв. км, на которых проживало 100 млн жителей. Оценка вклада каждой из сторон отражена в сравнении другого китайского генерала Ло Юаня: «Всего за годы войны погибло 414 китайцев генеральского уровня. Из них 189 человек были представители чанкайшистской армии, 206 — войск КПК и 19 — из партизанских отрядов, в том числе 12 генерал-полковников гоминьдановцев и 18 командиров корпусов сил КПК». Приводя эти цифры, генерал Ло Юань, видимо, хотел подчеркнуть уровень ожесточенности вооруженной борьбы, которая не щадила высший командный состав противоборствующих сил⁴⁵.

В любом случае, историческим фактом является то, что Китай, несмотря на невыносимые тяготы противостояния более сильному противнику, не капитулировал. Он целых восемь лет сопротивлялся Японии, которая за несколько месяцев вытеснила Англию, Францию, Голландию и США из их азиатских колоний. Все эти годы Китай связывал сотни тысяч японских солдат, которые могли бы напасть на наш Дальний Восток, захватить Индию, Австралию, дойти до Ирана и арабских земель⁴⁶.

Кроме военного вклада Китая в общую победу над врагом, важную роль сыграли китайские поставки продуктов, сырья и других товаров в СССР, США, Великобританию и другие страны антигитлеровской коалиции.

Первое торговое представительство Советского Союза в Китае было открыто в Чунцине в конце 1939 г. На протяжении войны его возглавлял И.В. Бакулин. Торгпредство имело аппарат приемщиков-товароведов на приемо-сдаточных пунктах. Китайские организации сдавали товары и грузы в пограничном ганьсу-синьцзянском пункте Саньсинся, Куньмине и периодически на индийской территории в Ассаме. Наиболее развитой торговой сетью СССР обладал в Синьцзяне. В Урумчи находился аппарат уполномоченного торгпредства, а также главная контора Всесоюзного объединения «Совсиньторг».

По условиям кредитных соглашений Китай был обязан производить погашение займов Советскому Союзу поставками товаров в период 1938–1941 гг. Поставки товаров

поручались государственным и другим организациям. Так, Комиссия национальных ресурсов Министерства Китая осуществляла передачу советским организациям цветных и редких металлов. Чай передавала Китайская чайная компания. Остальные товары передавались компанией «Фусин». Приемным пунктом на юге был избран Гонконг, куда из портов провинций Гуандун и Фуцзянь на мелких судах доставлялись чай из центральных и южных провинций, олово из Юньнани, сурьма из Хунани, вольфрам из Цзянси, Гуандун и Гуаньси. Из Гонконга контора «Экспортхлеб» переправляла грузы в Одессу и Владивосток. Чтобы обеспечить поставки грузов в СССР, гоминьдановское правительство создало специальные государственные органы для регулирования этой работы. По мнению современных китайских историков, поставки Китаем стратегических и важных грузов в Советский Союз в период, когда сам Китай находился в сложных условиях изнурительной войны, разбили планы Японии захватить Дальний Восток, обезопасили тылы и обеспечили благоприятные условия для разгрома Германии⁴⁷.

С осени 1938 г. отгрузка товаров в СССР стала осуществляться и по суше — через Ланьчжоу и Урумчи. После взятия Китая в блокаду условия транспортировки китайских товаров в Советский Союз усложнились. Советским представителям удалось получить согласие военной администрации США в Китае на использование обратных рейсов американских транспортных самолетов, летевших порожняком, для перевозки китайских грузов в СССР. В течение 1943–1944 гг. самолетами США в Индию для последующей отправки в СССР было переправлено 10 600 т вольфрамового концентрата и 4339 т олова, а также другие товары.

За годы войны Советский Союз получил из Китая продуктов питания и минерального сырья на сумму 450 млн долл. В частности, Китай поставил 53 238,74 т различных руд и металлов, в основном вольфрам (29 519 т), сурьму (11 766 т), олово (11 382 т), 21 295 т овечьей шерсти, 304 т пуха архаров, 31 486 т чая, 1119 т свиной щетины, 1026 т верблюжьей шерсти, 301 т шелка-сырца, 8626 т тунгового масла и другие товары⁴⁸. Вместе с тем, к середине 1945 г. правительство Чан Кайши недопоставило товары в оплату советских кредитов на сумму 40 млн долл.⁴⁹ Кроме того, Советский Союз получал значительное количество товаров за счет торговли с Синьцзяном. Это были скот, продукция животноводства, верблюжья и овечья шерсть, кожсырье, сухофрукты, одежда и обувь, нефтепродукты и пр.

В США в годы войны Китай поставлял тунговое масло, олово и вольфрам на сумму 747,8 млн долл. Поставки в Великобританию достигли 114 млн фунтов стерлингов⁵⁰.

Безусловно, поставки китайских товаров и грузов были крайне необходимы главным участникам антифашистской коалиции СССР, США и Великобритании и способствовали снабжению экономик этих стран в интересах их армии и тыловых служб. Экономический вклад Китая поставками сырья, продуктов и различных товаров в общую победу над врагом нельзя сбрасывать со счетов.

Значение международной помощи

В ходе вооруженного противоборства ни Япония, ни Китай не достигли своих конечных военно-политических целей. Японским захватчикам не удалось сломить сопротивление китайского народа, полностью оккупировать территорию страны и заставить китайское правительство капитулировать. Но и вооруженные силы Китая, в свою очередь, не смогли нанести поражение Японии, пока не пришла помощь извне.

Поэтому влияние международного фактора на ход и результаты борьбы на китайском фронте огромно. Важным «источником подпитки» длительного сопротивления Китая японской агрессии, несомненно, стала помощь ему со стороны стран антигитлеровской коалиции. Особенно ценна была поддержка Советского Союза, который первым пришел на выручку Китаю, когда он вел борьбу с мощной японской армией еще в одино-

чку. Военные поставки СССР в Китай в период 1937–1941 гг. значительного количества вооружений, участие советских летчиков-добровольцев в боях, помощь военных советников в планировании операций и подготовке военных кадров китайской армии были крайне необходимы Китаю в войне с агрессором.

На протяжении всей войны СССР держал на Дальнем Востоке значительные силы, которые сковывали японские войска, облегчая тем самым антияпонские операции Китая и США. Особое значение имело вступление Советского Союза в войну против Японии 9 августа 1945 г. Перед началом операции главнокомандующий советских войск на Дальнем Востоке маршал А.М. Василевский обратился с воззванием к китайскому народу, в котором подчеркивалось: «Красная Армия, армия великого советского народа, идет на помощь союзному Китаю и дружественному китайскому народу. Она и здесь, на Востоке, поднимает свои боевые знамена как армия-освободительница народов Китая, Маньчжурии, Кореи от японского гнета и рабства»⁵¹. Хотя боевые действия советских войск против Квантунской армии были достаточно скоротечны, однако по размаху, динамике и конечным результатам они сыграли одну из важнейших ролей среди сражений Второй мировой войны. Разгром японской армии принес освобождение жителям Северо-Восточного Китая и Северной Кореи, коренным образом изменил военно-политическую обстановку в Азии, ускорил окончание мировой войны.

С поражением Японии завершилась национально-освободительная война китайского народа против японских захватчиков, китайский фронт прекратил свое существование. Благодаря этому Китай в короткий срок сумел достичь того, чего не мог сделать в течение восьми лет антияпонской войны.

Большое значение для Китая имела помощь со стороны США, которые поставляли в страну вооружение и военную технику, командировали на китайский фронт свою авиацию, послали военных советников для подготовки командных кадров китайской армии.

Конечно, на судьбу китайского фронта повлиял провал японских планов в войне против англо-американских войск на Тихом океане и в странах Азии. Нельзя сбрасывать со счетов и атомные бомбардировки США японских городов Хиросимы и Нагасаки. Хотя они преследовали больше политические цели, чем военные, тем не менее, они существенно подорвали возможности Японии продолжать войну.

Таким образом, и внешние обстоятельства существенно приблизили крах японских милитаристов, в результате чего фронт вооруженной борьбы между Китаем и Японией естественным путем прекратил свое существование.

В Китае признают значение международной помощи для победы китайского народа над японскими захватчиками. Еще в мае 1945 г. Чан Кайши в одном из своих посланий И. Сталину по случаю победы над Германией писал: «В этот счастливый час, когда отмечается полный триумф союзных армий в Европе, мы полностью сознаем тот факт, что без доблестных усилий советского народа в последние четыре года эта победа была бы невозможной... Китайский народ был глубоко удовлетворен и сильно вдохновлен, наблюдая мужество Красной Армии, когда она под Вашим вдохновляющим руководством одерживала одну победу за другой»⁵². А Мао Цзэдун весной 1945 г. признавал: «Советский народ, выросший в могучую силу, сыграл главную роль в разгроме фашизма»⁵³. В наши дни военный атташе Посольства КНР в РФ генерал-майор Ян Сюйгуан, выступая на научно-практической конференции в Клубе военачальников Российской Федерации, отмечал: «Объективно говоря, советско-немецкий театр военных действий является основным театром победы над фашистской Германией, а Красная Армия Советского Союза — главной и решающей силой разгрома немецких фашистов... В ключевой момент антияпонской войны в августе 1945 г. Красная Армия Советского Союза вступила на территорию Северо-Восточного Китая для совместной борьбы с японскими фашистами, что оказало китайскому народу значимую поддержку в завоевании им окончательной победы

в войне. Кроме того, США также оказали нам ценную помощь в войне, в том числе, немалым количеством вооружения, техники и грузов, направили отряд летчиков-добровольцев «Летучие тигры» для сражения с японцами, чем внесли важный вклад в дело победы в войне»⁵⁴.

Таким образом, ход и исход японо-китайской войны в рамках Второй мировой войны в значительной степени проходил под влиянием внешних факторов. В условиях мировой коалиционной войны китайский фронт не мог существовать изолированно от общего хода войны. Как бы географически далеко он не находился, японо-китайское противоборство являлось составной частью борьбы между враждующими коалициями и испытывало воздействие советско-германского фронта, где находились главные силы коалиций и решались главные задачи войны. Спротивление Китая в войне с Японией в значительной мере укреплялось благодаря военной и экономической помощи других государств антигитлеровской коалиции, прежде всего СССР и США. Несмотря на значительные различия в государственном и общественном устройстве стран и народов антигитлеровской коалиции Вторая мировая война показала, что они могут быть выше любых разногласий и объединить свои усилия, когда решается вопрос о противостоянии фашистской угрозе с ее человеконенавистнической идеологией и практикой. Только совместные усилия Советского Союза, Соединенных Штатов Америки, Великобритании, Китая и других государств позволили одержать победу над фашистской Германией, милитаристской Японией и их сателлитами.

Каждый год, отмечая победу международного фронта антигитлеровской коалиции над фашистской чумой, народы мира сохраняют память о совместной борьбе против общего врага и понимают важность объединения своих усилий в борьбе против любой агрессии, за национальную и международную безопасность, за мир во всем мире.

1. Чэнь Гуанфу (1881–1976) — крупный финансовый деятель Китая. Основатель туристического дела в стране. Учился в США, занимался финансовой деятельностью в провинции Цзянсу и Шанхае. С 1936 г. — старший советник министерства финансов Китая. В годы войны с Японией находился в США, занимаясь привлечением американских займов для приобретения военного имущества. Внес большой вклад в организацию поставок по ленд-лизу. В 1947 г. — член правительства Китайской Республики. В 1948 г. — член Исполнительного юаня. В 1950 г. возглавил Шанхайский торгово-сберегательный банк, зарегистрированный в Гонконге. В 1954 г. переехал на Тайвань. В 1965 г. восстановил Шанхайский торгово-сберегательный банк в Тайбэе.
2. Сун Цзывэнь (1894–1971). Китайский политический деятель, дипломат. Родился в известной семье миссионера и бизнесмена Чарли Суна. Три его сестры вышли замуж за крупных китайских политиков: Сун Цинлин стала женой Сунь Ятсена, Сун Мэйлин — Чан Кайши, Сун Айлин — Кун Сянси. Получил высшее образование в США. С 1925 г. министр финансов кантонского, затем нанкинского правительства Китая. В 1942 г. стал министром иностранных дел Китайской Республики. С 1942 г. представлял Китай в Тихоокеанском военном совете. С 1944 г. возглавлял Исполнительный юань. В 1945 г. стал первым представителем Китая в ООН. 14 августа 1945 подписал в Москве "Договор о дружбе и союзе между СССР Китаем". 1 марта 1947 г. ушел в отставку с поста главы правительства. Был губернатором провинции Гуандун. В 1949 г. переехал в Гонконг, затем в США. Умер в Сан-Франциско.
3. *У Цзинтин*. Канчжань шици чжун-мэй цзуцзе гуаньси шупин [Обзор китайско-американских отношений по ленд-лизу в период войны сопротивления Китая против Японии]. URL: <http://news.cntv.cn/2012/09/18ART11347968584402929.shtml>.
4. *Стеттиниус Э.* Ленд-лиз — оружие победы. М.: Вече, 2000. URL: <http://militera.lib.ru/usa/stettinius/index/html>.
5. *У Цзинтин*. Указ. соч.

6. Стилуэлл Джозеф Уоррен (Stilwell, Joseph Warren) (1883–1946), американский генерал. Между двумя мировыми войнами служил в Китае. Во время Второй мировой войны был начальником штаба армии Чан Кайши, командовал американскими и китайскими войсками в Южном Китае и Бирме, в ходе Бирманской кампании осуществлял совместные действия с англичанами. Из-за разногласий с Чан Кайши был отозван из Китая. Позднее командовал американской 10-й армией на Окинаве.
7. Новейшая история Китая, 1928–1949. М.: Наука, 1984. С. 205.
8. История Второй мировой войны. М., 1975. Т. 4. С. 401.
9. *Сладковский М.И.* Китай и Япония. М.: Наука, 1971. С. 189.
10. Эдвард Рейли Стеттиниус-младший (*Edward Reilly Stettinius, Jr.*) (1900 — 1949) — американский промышленник, занимавший пост государственного секретаря США при президентах Рузвельте и Трумэне. Работал в администрации Рузвельта в промышленном совете администрации по национальному восстановлению (1933), в совете по военному сырью (1939) и администратором программы Ленд-лиза (1941–1943). Затем был назначен заместителем госсекретаря. В 1944 г. занял пост государственного секретаря. Участвовал в работе по созданию ООН. Оставил пост государственного секретаря, чтобы стать первым послом США в ООН.
11. *Стеттиниус Э.* Указ. соч.
12. Кунцзюнь да цыдянь [Большой словарь военно-воздушных сил]. Шанхай: Шанхай цышу чубаньшэ, 1996. С. 762.
13. Кунцзюнь да цыдянь [Большой словарь Военно-воздушных сил]. Шанхай: Шанхай цышу чубаньшэ, 1996. С. 762.
14. *Стеттиниус Э.* Указ. соч.
15. Кунцзюнь да цыдянь [Большой словарь Военно-воздушных сил]. Шанхай: Шанхай цышу чубаньшэ, 1996. С. 762.
16. *Демин А.* Авиация великого соседа // Авиация и космонавтика. 2001. №2. С. 7.
17. *Горбачев Б.* Значение внешней помощи военно-воздушным силам Китая в годы войны с Японией (1937–1945) // Вековой путь Китая к прогрессу и модернизации. К 100-летию Синьхайской революции: Тез. докл. XIX Международной научной конференции "Китай, китайская цивилизация и мир. История, современность, перспективы". Москва, 19–21 октября 2011 г. М.: ИДВ РАН, 2011. С. 302–303.
18. К открытию Мемориала авиатрассы "Верблюжий горб" // Агентство Синьхуа. 10.10.2005. URL: <http://russian.china.org.cn/russian/198952.htm>; Кунцзюнь да цыдянь [Большой словарь военно-воздушных сил]. Шанхай: Шанхай цышу чубаньшэ, 1996. С. 766.
19. Там же.
20. *Демин А.* Указ. соч.
21. URL: <http://imgsrc.baidu.com/forum/pic/item/a23eb13533fa828bec7ee06dfc1f4134>.
22. Lend-Lease Act From Concervapedia: http://www.concervapedia.com/lend-Lease_Act.
23. Чжунго хайцзюнь байкэ цюаньшу [Военно-морская энциклопедия Китая]. Пекин, 1998. Т. 2. С. 1965.
24. История Второй мировой войны. М., 1980. Т. 11. С. 374.
25. *У Цзинпин.* Указ. соч.
26. The Pacific War Online Encyclopedia. URL: <http://pwencycl.kgbudge.com/L/e/Lend-Lease.htm>.
27. Там же.
28. История Второй мировой войны. М., 1978. Т. 9. С. 375.
29. Советская военная энциклопедия. М., 1977. Т. 4. С. 599; Большая советская энциклопедия. 3-е изд. М., 1973. Т. 14. С. 292.
30. Большая российская энциклопедия. М., 2010. Т. 17. С. 227.
31. *Цао Цзяхань.* Канчжань шици чжунмэй цзущэ гуанси яньцзю (1941–1945) (Изучение китайско-американских отношений по линии ленд-лиза в период войны с Японией). URL: <http://cdmd.cnki.com.cn/Article/CDMD-10246-1011183611.htm>.
32. URL: <http://news.cntv.cn/2012/09/18ART11347968584402929.shtml>.
33. *Цао Цзяхань.* Указ. соч.
34. *Чжан Сюэкунь.* Чжун-э гуансидэ яньбяньной фачжань [Эволюция и развитие российско-китайских отношений]. Шанхай, 2013. С. 80.
35. *Горбачев Б.* Москва и Пекин: плечо к плечу в кровавых битвах // Независимое военное обозрение. 2011. № 37. С. 14–15.

36. Эти данные выглядят преувеличенными. Имеются сведения, что в конце 1941 г. китайский фронт отвлекал около 30% японских вооруженных сил, а в 1945 г. — всего 15% (История Второй мировой войны. М., 1982. Т. 12. С. 232).
37. *Ло Юань*. Вэй чжунго дуй эрчжань шэнлидэ гунсянь чжэн мин [Верное имя вклада Китая во Вторую мировую войну] // Хуаньцюшибао. 2015. 30 янв.
38. *Beck S.* China at War 1937–1949. URL: <http://www.san.beck.org/21-5-ChinaatWar1937-49.html>.
39. Определение людских потерь в Китае представляет значительную трудность. Некоторые специалисты (Б. Урланис, В. Петрович, В. Эрлихман) считают, что потери Китая нельзя оценить даже приблизительно, так как не существует ни демографической статистики, ни сколь-нибудь надежной статистики потерь правительственных войск и военных формирований КПК. Российские демографы предполагают, что безвозвратные потери китайских вооруженных сил составили 2–2,5 и более млн человек. Данные о потерях мирного населения носят вообще условный характер и называются от 5 до 10 млн человек (*Соколов Б.* Как подсчитать потери во Второй мировой войне // *Континент*. 2006. № 128. URL: <http://magazines.russ.ru/kontinent/2006/128/so10.html>). Поэтому в публикациях существует разноречивость данных, хотя проглядывается определенная тенденция увеличивать свои потери, чтобы показать свой вклад в общую копилку жертв войны и приподнять свою роль в войне.
40. Китай в период войны против японской агрессии (1937–1945). М.: Наука, 1988. С. 296.
41. *Галенович Ю.М.* Два генералиссимуса: И.В. Сталин и Цзян Чжунчжэн [Чан Кайши]. М.: ИДВ РАН, 2008. С. 253; *Beck S.* China at War 1937–1949. URL: <http://www.san.beck.org/21-5-ChinaatWar1937-49.html>.
42. *Горбачев Б.* Китайский фронт // *Азия и Африка сегодня*. 1995. № 7. С. 22.
43. *Галенович Ю.М.* "Исторический счет" к России и к СССР в "Истории Коммунистической партии Китая". М., 2012. С. 81–82. Ху Цзиньтао и В. Путин подчеркнули исторический вклад Китая и России в победу во всемирной антифашистской войне // *Жэньминь жибао он-лайн*. 2010. 10 мая. URL: <http://russian.people.com.cn/31519/6978003.html>; *Горбачев Б.* Третий фронт — Азиатская часть Второй мировой войны // Независимое военное обозрение. URL: http://nvo.ng.ru/history/2010-08-27/1_war.html.
44. *Ван Хунгуан*. Лиши бун"гофэнь"дэ ичжи вэй чжуаньни [Историю не повернешь по воле "поклонников гоминьдана"] // Хуанцю шибао. 2015. 29 янв.
45. *Ло Юань*. Указ. соч.
46. *Тавровский Ю.В.* Забытая половина Второй мировой // *Независимая газ*. 2010 17 мая. URL: http://www.ng.ru/2010-05-17/9_china_ww2.html.
47. *Чжан Сюэжунь*. Указ. соч. С. 80.
48. Шэнь Цян, Ван Синьхуа. Шэнь Цян, Ван Синьхуа. Канчжань шици сулянь юань хуа шилунь [Исторический обзор помощи СССР Китаю в период войны сопротивления Японии]. Пекин: Шэньхуэй кэсюэ вэньсянь, 2013.. С. 91; *Сладковский М.И.* Указ. соч. С. 147–148.
49. Там же.
50. *Горбачев Б.* Китайский фронт // *Азия и Африка сегодня*. 1995. № 7. С. 22.
51. *Толубко В.Ф.* Всемирно-историческое значение Победы Советского Союза на Дальнем Востоке // *Проблемы Дальнего Востока*. 1975. № 3. С. 10.
52. *Горбачев Б.Н.* Китайский фронт // *Азия и Африка сегодня*. 1995, № 7. С. 16.
53. *Мао Цзэдун*. Избранные произведения. М.: Изд-во иностр. лит., 1953. Т. 4. С. 462.
54. *Ян Сюйгуань*. О взаимодействии Советского Союза и Китая в разгроме милитаристской Японии // *Международ. научно-практ. конф. «Сотрудничество антигитлеровской коалиции — важный фактор победы во Второй мировой войне» (К 70-летию открытия Второго фронта)*. Москва, 21 мая 2014 г. URL: <http://histrf.ru/uploads/media/default/0001/12/a50fc45e7d6f408db694fa4e59236e30549b77a4.pdf>.

Операции Красной Армии против Квантунской армии в 1945 г. (по материалам газеты «Амурская правда»)

© 2015

И. Чернышев

Статья отражает освещение газетой «Амурская правда» операций Красной Армии по освобождению Северо-Восточного Китая от японских милитаристов. Ее основу составляют материалы газеты за август-октябрь 1945 г., написанные корреспондентами ТАСС, местными журналистами и непосредственными участниками операции.

Ключевые слова: «Амурская правда», Красная Армия, Квантунская армия, освобождение, Маньчжурия.

Если для европейской части СССР боевые действия Второй мировой войны завершились 9 мая 1945 г., то для приграничных территорий советского Дальнего Востока период с мая по август 1945 г. стал периодом подготовки военной операции против японской Квантунской армии в Северном Китае — в Маньчжурии, Корее, на Северном Сахалине и на Курильских островах.

В час ночи 9 августа начали наступление войска Забайкальского и I Дальневосточного фронтов. В это же время в составе II Дальневосточного фронта с плацдармов в Еврейской АО пошли в наступление на Харбин 15-я армия, а на Жаохе — Баоцин 5-й стрелковый корпус¹. Дислоцированные в Приамурье войска 2-й Краснознаменной армии до 11 августа имели задачу оборонять рубеж по государственной границе от Благовещенска до Пояркова². 9 и 10 августа десантные группы Краснознаменной амурской военной флотилии, составленные из моряков и пограничников, уничтожили большинство японских полицейских пограничных постов и смертников в верхнем и среднем течении Амура³. В это время «армия вела боевые действия за овладение многочисленными островами и плацдармом на противоположном берегу Амура»⁴. Ранним утром 11 августа после массивной артиллерийской подготовки началась переправа через Амур войск 2-й Краснознаменной армии из районов Благовещенска и Константиновки в направлениях Сахалин — Айгунь — Сунью — Бэйань — Цицикар — Мэргэнь.

Амурская пресса стала прифронтовой. В ней ежедневно печатались оперативные сводки Совинформбюро, правительственные сообщения, приказы Верховного командующего Красной Армии. Каждый номер содержал статьи, заметки, очерки, донесшие до наших дней живые подробности тех боев, наполняющие жизненными деталями то, что мы называем теперь «освобождением китайского народа от японских милитаристов». В качестве авторов выступали журналисты «Амурской правды», спецкоры ТАСС и непосредственные участники военных действий. В материалах прослеживается ход операции на территории Китая, Кореи, Южного Сахалина, Курильских островов. В публикациях отражены ожесточенный характер боев, героизм красноармейцев, сопротивление японцев и их капитуляция, торжества в Москве, Китае и Благовещенске.

12 августа «Амурская правда» опубликовала статью Филарета Плоскова «В прифронтовом городе». «Мы живем на границе... Только река Амур, только каких-нибудь семьсот метров пространства отделяют нас от другого, чужого мира, где хозяйничали японские милитаристы. Всего семьсот метров! И мы постоянно помнили и знали, что японцы денно и нощно готовились к войне за завоевание «азиатского пространства», за завоевание всего мира». Очевидно, корреспондент был прав. Освобождавший город Жаохэ старший лейтенант Лисенков в своей заметке от 7 ноября писал, что в японских казармах среди разбросанных книг нашел «учебник русского языка с японскими пояснениями. Многие места в этой книге подчеркнуты, заложены бумажками. Японских солдат учили русскому языку. Из них готовили завоевателей Дальнего Востока и Сибири»⁵. О милитаристских стремлениях японцев свидетельствует и сам Плосков в путевой записке «Дорога в Мегрэнъ» от 23 сентября. «Мимо то и дело виднеются различные военные укрепления — свидетельства бешеной подготовки к нападению на нашу страну. Мы едем по Айгуню мимо вокзала. Всякий, даже сугубо гражданский человек, скажет, что строители этого вокзала меньше всего заботились об удобстве пассажиров, а больше думали о том, как бы сделать это здание сосредоточием мощного огня. Айгуньский вокзал — это огромный дот, мощный бастион. В нем есть окна, но когда присмотришься поближе, то становится понятно, что они предназначены не для того, чтобы пропускать свет, а для стрельбы из артиллерийских орудий. Окна — амбразуры!»

Филарет Плосков так описывает Благовещенск и благовещенцев в начале военных действий. «Эта война началась утром 9 августа. Несмотря на то, что наш неприятель был буквально рядом, Благовещенск оставался спокойным. Люди самозабвенно трудились на предприятиях и в учреждениях, заботились о противовоздушной обороне, об отражении возможного нападения врага. Никто не дрогнул, когда на рассвете 10 августа загремели пушки. Матери и дети спокойно прошли в бомбоубежища, мужчины и женщины были на своих местах. Одна женщина рассказывала мне: «Все вели себя хорошо. Наше бомбоубежище в огороде расположено, так, знаете, в огороде ни одного кустика картошки, ни одного растения не попортили, а ведь приходили почти со всего квартала. Так спокойно все шло, осторожно, по тропкам, по дорожкам... Старики и девушки, матери и подростки дежурили на крышах по случай бомбардировки, они бесстрашно несли свою вахту...».

Информация Плоскова об ответных действиях японцев свидетельствует, что они «...не выдержали наших ударов. Напротив Благовещенска на южном берегу Амура в городе Сахалян (ныне Хэйхэ) они начали в бессильной злобе жечь и разрушать предприятия. Всю ночь на 10 августа над Сахаляном стояло зарево пожаров». Об этом же сообщают форсировавшие Амур майор А. Терехин и старший лейтенант В. Байдерин: «Японские купцы, содержатели публичных домов и прочие мастера жульничества и закабаления трудящихся перед занятием этого города Красной Армией подожгли магазины, некоторые дома. Все, что могли, они вывезли, что не могли вывезти — разбили и уничтожили. Сейчас советская военная комендатура прилагает все усилия к тому, чтобы жизнь города вошла в нормальную колею, чтобы предприятия и учреждения работали нормально, чтобы были изжиты случаи грабежа и краж»⁶.

Особую историческую ценность сегодня для нас представляют свежие впечатления советских людей, описывающих представшую перед ними жизнь простых китайцев. Авторов поразила жуткая нищета китайского населения, грязь, антисанитария на улицах и в домах, бесчеловечное отношение к японцев местному населению.

По свидетельству специального корреспондента «Амурской правды» З. Петрова все китайские деревни, стоящие вдоль Амура, были окопаны глубокой траншеей. «И взрослых, и детей, осмелившихся перейти заветную черту, японцы расстреливали из винтовок и автоматов. Из деревни был только один выход, около которого стоял самурайский пост. Там велась регистрация и обыск всех, кто ехал или шел в поле, пахать, сеять или собирать урожай. Отлучаться подальше в сопки за дикоросами или на охоту, переезжать из одной деревни в другую китайцам не разрешалось»⁷.

Приведем еще несколько выдержек.

«Мы беседовали со старым китайцем Янь Ю-чином. В его семье трое детей, старшему из которых 17 лет. Семья обрабатывает 2,5 шана (примерно 1,25 га). Землю она арендовала у японской управы... Года три назад Янь Ю-чин захотел выпутаться из долгов и приобрести хотя бы маленький клочок земли. И он продал двух своих дочерей. Одну увезли в Японию на ткацкую фабрику. Другая угодила в сахалинский дом терпимости, хозяином которого был японец. Но китаец не выпутался из долгов, не купил землю»⁸. В 1944 году японцы отобрали у местного населения весь урожай. На каждую семью оставили всего по 35 фунтов кукурузы на месяц, а риса вовсе не полагалось. Японцы не считали нас людьми. В наших районах японцы ввели гужевою повинность. Каждый китаец обязан был работать на строительстве дорог или военных укреплений. Тот, кто не мог работать по состоянию здоровья, обязан был уплатить налог в размере годового дохода крестьянской семьи. На некоторых военных объектах все рабочие по окончании работ расстреливались»⁹.

Свидетельства об уничтожении японцами китайских рабочих имеются и в других газетных материалах того периода. Филарет Плосков в одной из путевых записок «Из жизни китайца» от 23 сентября пишет о расстрелах после строительства Шаньго-отуньского военного городка в 40 км от Сахалина. Кого не казнили, перегнали на другие объекты в Айгуне и в десятках других мест, но, со слов китайцев, «особо опасных» рабов, знающих расположение укреплений, японцы расстреливали, чтобы избавиться от лишних свидетелей. Вернуться удалось только единицам, счастливым, случайно избежавшим смерти».

Имели место в амурской прессе и повествования о фактах, мягко говоря, вызывающих сомнения. Так Н. Буртасов в своей заметке «Из Сахалина» рассказывает о встрече с дочерью русских эмигрантов Юлией, родившейся в этом городе. Автор утверждает, что девушка, закончившая Харбинскую гимназию, ничего не знала о Горьком и Маяковском, а М.Ю. Лермонтова считала плохим писателем (только писателем, вовсе не поэтом). Это очевидный пропагандистский перегиб. Смее утверждать, что, если Юлия действительно закончила харбинскую гимназию, такого не может быть. Я знаком со многими русскими харбинцами-эмигрантами. Все эти глубоко и разносторонне образованные люди основной багаж знаний вынесли из русских харбинских образовательных учреждений. Даже в период японской оккупации «идеология Ван-Дао, проповедовавшая «мирное сотрудничество всех наций и народов» под эгидой Японии, способствовала достаточно лояльному отношению японских властей к деятельности русской школы, делавшей все возможное для сохранения и приумножения русских духовных традиций и культуры до-революционной России»¹⁰. Утверждение же Н. Буртасова о том, что «японцы не только скрывали от местных жителей все о жизни Советского Союза, но и вели бешеную пропаганду против нас», что эмигрантка Юлия называла Ленинград Петроградом и была уверена, что с набережной Невы снесли памятник Петру Первому, вполне могло соответствовать действительности. Русские люди в Маньчжурии хоть и не повергались таким унижениям, как китайцы, однако жили тоже далеко не просто. Но об этом в амурской прессе того времени ничего не писалось. Упоминается вскользь только о помощи русских эмигрантов при овладении Харбином. Так что юная эмигрантка Юлия из Сахалина («одета она, как и ее подруги, бедно: темно-коричневое ситцевое платье перепоясано ремешком, на ногах — туфли на деревянной подошве») в амурской прессе августа 1945 г. осталась единственной в своем роде.

Местное население радостно встречало освободителей. Об этом рассказывается почти в каждой публикации. «Впервые мы подъехали к городу Сяосуньфэнхэ, когда передовые части н-ского соединения только что выбили отсюда японцев. — пишет спецкор ТАСС П. Макрушенко. — С противоположной стороны города еще доносилась артиллерийская и пулеметная стрельба, треск автоматов. Но несмотря на продолжающуюся стрельбу, навстречу входившим в город войнам Красной Армии хлынула толпа китайцев — мужчин и женщин. Их перегоняли ватаги полураздетых ребятишек. У китайцев прицеплены к одежде красные ленточки, на руках — повязки, многие держали в руках кра-

сные флажки. Женщины подходили к нашим солдатам, предлагали холодную воду. Это, пожалуй, единственное угощение, которое могла предложить своим освободителям китайская беднота, ограбленная до нитки японскими оккупантами»¹¹. «Мы были свидетелями волнующей картины, — рассказывают капитаны Красной Армии В. Шашкин и В. Топильский. — Навстречу нашим танкистам вышла пестрая толпа китайцев. Мужчины несли дымящиеся трубки с мундштуками, юноши — тарелки с угощениями. Женщины высоко поднимали детей. Когда толпа приблизилась, женщины разостлали принесенный с собою ковер, мужчины поставили угощение и, обнажив голову, приглашали к коврику воинов»¹². В Чанчуне «несмотря на проливной дождь, тротуары были заполнены местными жителями, восторженно приветствовавшими победителей»¹³. Корейцы тоже приветствовали советских моряков. Освобождавший корейский город-порт Расин И. Четверяков писал: «Местное население тепло встречает советских воинов. К морякам приходят делегации местных жителей, приносят подарки, предлагают свои услуги»¹⁴.

В настоящее время китайское телевидение демонстрирует многочисленные сериалы об организованной героической борьбе китайского народа против японских захватчиков. Быть может, в Центральном и Южном Китае что-то подобное действительно имело место. Очевидно, китайцы пытались сопротивляться и в приграничных с СССР районах. Об этом, в частности, имеется свидетельство в статье Филарета Плоскова «Конец самурая» от 7 октября 1945 г. При осмотре японской школы в Сахалине внимание журналиста привлекла одна из фотографий японского полицейского. «На ней были видны отрубленные головы шести китайцев, надетые на гвозди и выставленные напоказ в уездном городе Тэли. Под отрубленными головами на большой фанерной доске — объявление о том, что шестеро китайцев, назвавшись лесорубами и воспользовавшись небдительностью полицейских, захватили на полицейском посту все винтовки и патроны, ушли в сопки, и что их в районе Сулунь поймал японский полицейский караульный отряд. «Руководителю Ша Вэньдэ и остальным пяти были отрублены головы, о чем и доводится до всеобщего сведения»»¹⁵. Фото датировано 1940 г. Надо полагать, подобная самоотверженность китайских патриотов носила не единичный характер, но, исходя из анализа советских публикаций 1945 г., в Маньчжурии Красная Армия со стороны китайцев широкой военной поддержки не получала. Они лишь помогали выявлять и ловить японских диверсантов и бежавших пленных.

В газетных материалах, повествующих о непосредственных боевых действиях, отразились, с одной стороны, наличие глубоко эшелонированной, хорошо укрепленной обороны противника, его самурайский милитаристский боевой дух, а с другой, решимость, отвага, мужество и огромный боевой опыт Красной Армии. Наиболее эффективно воевали соединения, личный состав которых в основном состоял из подразделений, перебросенных с фронтов Великой Отечественной. Их главной целью было взламывание многокилометровой многополосной сплошной железобетонной фортификации врага.

Несмотря на сложные погодные условия, связанные с проливными дождями на Дальнем Востоке, пустыню Гоби и горные хребты Большого Хингана, преграждающие путь нашим войскам в Забайкалье и Монголии, операция начала развиваться успешно с самого начала. Оперативные сводки Совинформбюро говорили о повсеместном наступлении Красной Армии, несмотря на то, что в приграничье на укрепленных рубежах японцы оказывали отчаянное сопротивление. Здесь уместно будет привести статью И. Грибова «Прорыв железобетонного пояса», опубликованную в «Амурской правде» 25 августа 1945 г. «Характерен в этом отношении опорный пункт, созданный японцами на двугорбой горе Верблюд. На этой высоте, почти со всех сторон прикрытой болотами, обвитой тремя реками, японцы построили железный бастион. Они опоясали гору глубокими противотанковыми рвами, окружили ее шестью рядами колючей проволоки, в толще гранита оборудовали долговременные огневые точки. Огромные доты были врезаны в скалы и с флангов защищены 15-метровой толщей гранита. Передние железобетонные стены тяжелых дотов достигают здесь полутораметровой толщины. Амбразуры закрываются бронированными щитами. Общая площадь сооружений только на этой высоте со-

ставляет более 600 квадратных метров. Все огневые точки «Верблюда» — бронированные, похожие на каски колпаки, доты и дзоты — были соединены несколькими ярусами подземных галерей, выдолбленных в граните и облицованных железобетоном. Опорный пункт «Верблюд» не был исключением в японской обороне. Десятки, сотни высоток, прилегающих к восточной части советско-маньчжурской границы, были так же оборудованы и так же укреплены. В районе Ляохэшань, ныне очищенной от врага, располагался командный пункт дунинского укрепленного района. Он был скрыт в скале и насчитывал 100 бетонных, комфортабельно обставленных комнат, также соединенных между собой подземными галереями».

После прорыва приграничных укреплений тактика советского командования заключалась в стремительных действиях подвижными механизированными корпусами советских бронетанковых и мотострелковых соединений. На Забайкальском фронте в состав советских корпусов входила и монгольская кавалерия.

«Сражения носили исключительно ожесточенный характер. Особенно тяжелые бои происходили на основных коммуникациях неприятеля, — пишет И. Грибов. — Характерен в этом отношении бой за крупный населенный пункт, лежащий на главной дороге к столице Маньчжурии. Сам город и прилегающая к нему железнодорожная станция являлись своеобразными бастионами, прикрывающими дальние подступы к важнейшим хозяйственным и административным центрам страны... Особенно упорный бой завязался в районе одной высоты, превращенной противником в крупный опорный пункт. На вершине ее японцы построили бетонированный колпак в три этажа, куда входило в общей сложности пятнадцать дотов и дзотов. Численность гарнизонов отдельных дотов достигала 60 человек, а прочность сооружения была такова, что на их разрушение требовалось до тонны взрывчатки». Далее автор описывает бой, отражающий основные тактические приемы штурма красноармейцами большинства подобных укреплений. «Успех ликвидации этого опорного пункта решила тактическая внезапность. Батальон капитана Куренкова, действуя ночью, бесшумно подошел к высоте. Японцы не успели сделать ни одного выстрела до тех пор, пока наши бойцы буквально не сели на их сооружения. На утро высота была полностью очищена от противника. Бойцы Куренкова, не теряя времени, сели на танки и форсированным маршем двинулись к городу. После короткого огневого налета по наиболее крупным очагам сопротивления японцев танкисты вышли на главную улицу города, затем резко свернули влево и оседлали дорогу, идущую вглубь Маньчжурии. Таким образом, японцы лишились пути отхода и вынуждены были принять бой. На территории военного городка среди домов, расположенных на склонах сопек, в тесных проходах танки не имели маневра. Их выручили стрелки. Они указывали цели, которые необходимо было подавлять. Вражеский гарнизон был полностью истреблен. В районе военного городка осталось несколько сот трупов японских солдат и офицеров».

Однако Квантунская армия не только оборонялась. «День 16 августа на Дальнем Востоке, — сообщало Совинформбюро, — прошел под знаком контрнаступления японских войск против советских войск». О результатах этих действий можно судить по дальнейшему тексту сообщения: «Войска 1-го Дальневосточного фронта, преодолев атаки японцев, овладели городом Ванцин. В течение дня японцы вели безуспешные контратаки против наших войск, занимающих Сейсин. Войска 2-го Дальневосточного фронта во взаимодействии с Амурской речной флотилией отбили контратаки противника и овладели городом Цзямусы. Войска Забайкальского фронта на ряде участков отбивали сильные контратаки японцев и в ходе упорных боев овладели городом и крупным железнодорожным узлом Таоань. На остальных участках фронта — без изменений».

О высокой эффективности действий Красной Армии позднее говорили и пленные представители высшего командования Квантунской армии. Так командующий 5-й японской армией генерал-лейтенант Симидзу Норицуни заявлял: «5-я армия прикрывала главное операционное направление на Харбин и к началу военных действий 8 августа имела в своем составе 65.000 человек. Мы не думали, что русская армия пройдет через труднопроходимые районы тайги. Такое молниеносное наступление русских для нас ста-

ло неожиданным. Строительство оборонительного рубежа на линии Линькоу — Мулинь далее на Муданцзян армией не было закончено. Потери армии составили более 40.000 человек. Отстоять Муданцзян не представлялось возможным. Оказывать дальнейшее сопротивление армия не стала»¹⁶.

Формально Япония капитулировала 14 августа 1945 г., однако оперативные сводки Совинформбюро за 15 и 16 августа говорят о непрекращающихся боях. Поэтому 17 августа появляется следующее разъяснение Генерального штаба Красной Армии о капитуляции Японии:

«1. Сделанное японским императором 14 августа заявление о капитуляции является только общей декларацией о безоговорочной капитуляции. Приказ вооруженным силам о прекращении боевых действий еще не отдан, и японские вооруженные силы по-прежнему продолжают сопротивление. Следовательно, капитуляции вооруженных сил Японии еще нет.

2. Капитуляцию вооруженных сил Японии можно считать только с того момента, когда японским императором будет дан приказ своим вооруженным силам прекратить боевые действия и сложить оружие, и когда этот приказ начнет практически выполняться.

3. Ввиду изложенного вооруженные силы Советского Союза на Дальнем Востоке будут продолжать свои наступательные операции против Японии».

И Красная Армия продолжила наступление по всем направлениям: в Маньчжурии, Корею, на Северном Сахалине, на Курильских островах. Наступление, отмеченное неизменным мужеством и героизмом своих воинов, о которых писала амурская пресса.

Героем был летчик-штурмовик Николай Яцко. При атаке вражеских транспортов в японском порту его самолет подвергся жесточайшему зенитному огню, а затем атаке нескольких японских истребителей. «Видя, что машину спасти нельзя, летчик твердой рукой направил ее на самое крупное здание порта — электростанцию. Товарищи видели как самолет Яцко, словно огненный факел, врзался в электростанцию»¹⁷. Героем был и пулеметчик Тахаутдин Багаутдинов, умело уничтожавший врага и прикрывавший товарищей. О нем пишет в своей заметке старшина Никитин¹⁸. О другом герое — командире отделения сержанте Урузбаеве, со своими бойцами уничтожившем вражеский дот, мешавший наступлению роты, пишет спецкор ТАСС Г. Камилев¹⁹. И это лишь три материала одного номера «Амурской правды». А ведь в каждом выпуске газеты было по несколько подобных публикаций.

Неудивительно, что в оперативной сводке за 17 августа сообщалось о сдаче в плен 20 тыс. японских солдат и офицеров. 18 сентября перед войсками 1-го Дальневосточного фронта начали складывать оружие и сдаваться части 3-й японской армии. А войскам Забайкальского фронта в районе Хайлара сдался окруженный гарнизон в составе 5 тыс. солдат и офицеров во главе с японским генерал-майором Намура. 19 августа войскам 1-го Дальневосточного сдались 55 тыс., 2-го Дальневосточного — 23 тыс. и Забайкальского — 20 тыс. японских солдат и офицеров. Далее пленение частей и соединений Квантунской армии продолжилось.

Война шла не только на фронтах. На всем протяжении полотна Китайско-чаньчуньской железной дороги «от станции Маньчжурия до станции Пограничная японцы сняли металлические подкладки, взорвали 11 мостов, в том числе такие многопролетные мосты, как Муданцзянский, Хайларский, Чжалайнорский. Кроме того, японские смертники подорвали два моста на железнодорожной линии Харбин—Сахалия»²⁰. Японцы разрушили телефонную связь, минировали пути, направляли группы смертников, которые препятствовали восстановлению дороги, нападали на ремонтные бригады, убивали обходчиков. Воины-железнодорожники почти ежедневно вступали с ними в бой. 38 бойцов-железнодорожников во главе со старшим лейтенантом Евменовым спасли от взрыва проложенный в 1903 г. русскими и китайскими строителями КВЖД Хинганский тоннель протяженностью 3077 м. К 13 сентября была перешита и восстановлена главная колея дороги длиной более 1500 км., перешито более 500 км станционных путей.

Переговоры о капитуляции Квантунской армии состоялись 19 августа. Встреча маршала Советского Союза Василевского с японскими начальником штаба генерал-лейтенантом Хата, генеральным консулом Японии в Харбине и группой старших офицеров началась в 15 час. 30 мин. по дальневосточному времени в лесном домике неподалеку от советско-маньчжурской границы. «В домик вошли генерал Хата, консул Миякава и начальник 1-го отдела штаба Квантунской армии полковник Сидзима. Сняв головные уборы, японцы низко поклонились представителям советского командования. С маршалом Василевским находились маршал Мерецков, главный маршал авиации Новиков, член Военного совета генерал-полковник Штыков и др. Переговоры велись несколько часов. Японцы заявили о своем согласии на безоговорочную капитуляцию. Были уточнены места разоружения и сдачи в плен советскому командованию каждой дивизии и армии в отдельности, порядок сдачи складов с оружием и стратегическим сырьем»²¹. После этой встречи началось не просто пленение отдельных частей и соединений, а капитуляция — сдача в плен и разоружение всей Квантунской армии.

2 сентября 1945 г. Япония подписала акт о безоговорочной капитуляции. При этом разгром Квантунской армии был воспринят в СССР не только как факт устранения источника постоянной напряженности на дальневосточных границах, но и как восстановление исторической справедливости. В «Обращении И.В. Сталина к народу» говорилось: «... поражение русских войск в 1904 году в период русско-японской войны оставило в сознании народа тяжелые воспоминания. Оно легло на нашу страну черным пятном. Наш народ верил и ждал, что настанет день, когда Япония будет разбита, и пятно будет ликвидировано. Сорок лет ждали мы, люди старого поколения, этого дня. И вот этот день наступил. Сегодня Япония признала себя побежденной и подписала акт о безоговорочной капитуляции»²².

Указ Президиума Верховного Совета СССР от 2 сентября 1945 г. гласил: «В ознаменование победы над Японией установить, что 3 сентября является днем всенародного торжества — ПРАЗДНИКОМ ПОБЕДЫ над Японией. 3 сентября считать нерабочим днем»²³.

В «Амурской правде» за 12 сентября 1945 г. сообщалось, что потери японцев и трофеи наших вооруженных сил на Дальнем Востоке за время с 9 августа по 9 сентября 1945 года оказались следующими:

ЗАХВАЧЕНО: самолетов — 925, танков — 369, бронемашин — 35, полевых орудий, в том числе самоходных — 1226, минометов — 1340, пулеметов — 9936, винтовок — около 300 000, радиостанций — 133, автомашин — 2300, тракторов и тягачей — 125, лошадей — 17 497, складов с боеприпасами, вооружением, снаряжением и продовольствием — 742.

Нашим войскам **СДАЛОСЬ В ПЛЕН** более 594 тыс. японских солдат и офицеров и 148 генералов, в том числе до 20 тыс. раненых. Японцы потеряли только убитыми свыше 80 тыс. солдат и офицеров.

Таким образом, общие потери японцев в людях, не считая погибших команд потопленных японских кораблей, составляют: пленными и убитыми свыше 670 тыс. человек.

Кораблями и частями Тихоокеанского флота за тот же период времени **ПОТОПЛЕНО СЛЕДУЮЩЕЕ КОЛИЧЕСТВО КОРАБЛЕЙ И ПЛАВСРЕДСТВ ЯПОНЦЕВ:** эсминцев — 2, транспортов — 28, танкеров — 3, катеров — 5, барж и шхун — 12.

За это же время потери наших войск на Дальнем Востоке составляют: убитыми — 8219 и ранеными — 22 264 человека.

Таким было содержание материалов газеты «Амурская правда» в период конца лета — осени 1945 г.

Целью данной статьи является не столько исторический анализ военных действий, сколько выявление характера отражения их конкретным периодическим изданием в дискурсе современной теории российской журналистики, которая, в частности, определяет, что «в советской прессе круг тем был весьма ограничен, и раскрывались они так, что создавалась лишь иллюзия передачи знаний, главным инструментом воздействия яв-

лялась не фактологическая, а концептуальная информация — политический миф или идеологема: «Мы построили развитой социализм; наша страна — самая передовая и т.п.»²⁴. Хотя «Амурская правда» развивалась в общем русле проводимой тогда пропагандистской политики и в основном посвящала свои материалы идее строительства социализма, народнохозяйственным проблемам, борьбе с внутренними и внешними врагами, однако разгром милитаристской Японии в августе 1945 г. занимает в газете особое место.

Что касается характера информации, содержащейся в материалах того периода, то ее идеологичность отходит на задний план. На передний же выходит то, что она весьма разнообразна, вполне объективна и представляет достаточно широкий круг авторов, тем и жанров. Это возводит подавляющее большинство публикаций на тему разгрома Квантунской армии Японии в 1945 г. в разряд исторических документов, подлежащих неперемому введению в научный оборот в качестве эмпирической базы для научных исследований.

1. Краснознаменный Дальневосточный: История Краснознаменного Дальневосточного военного округа. 3-е изд., испр. и доп. М.: Военное изд-во, 1985. С. 213.
2. Там же.
3. В.Н. Бугров, ИНВ. №Н. Сунгоркин. Краснознаменная Амурская Флотилия. Военное издательство. М. 1970. с. 145.
4. Краснознаменный Дальневосточный. История Краснознаменного Дальневосточного военного округа. С. 217.
5. Лисенков М. В городе Жаохэ // Амурская правда. 1945. 7 окт. (ГААО. Инв. № 408).
6. Терёхин А., Байдерин В. В Сахалине // Амурская правда. 1945. 14 авг. (ГААО. Инв. № 408).
7. Петров З. По ту сторону Амура: Письмо из китайской деревни // Амурская правда. 1945. 2 сент. (ГААО. Инв. № 408).
8. Макрушиченко П. Маньчжурские встречи // Амурская правда. 1945. 25 авг. (ГААО. Инв. № 408).
9. Плосков Ф. Дорога в Мегрень // Амурская правда. 1945. 23 сент. (ГААО. Инв. № 408).
10. Потапова И.В. Русская система образования в Маньчжурии, 1898–1945 гг. Автореф. дис... канд. исторических наук. Хабаровск, 2000.
11. Макрушиченко П. Указ. соч.
12. Шапкин В., Топильский В. На правом берегу Амур // Амурская правда. 1945. 17 авг. (ГААО. Инв. № 408).
13. Пухов К. Подробности капитуляции Чанчуня // Амурская правда. 1945. 28 авг. (ГААО. Инв. № 408).
14. Четвериков И. В Расине // Амурская правда. 1945. 18 авг. (ГААО. Инв. № 408).
15. Плосков Ф. Конец самурая // Амурская правда. 1945. 7 окт. (ГААО. Инв. № 408).
16. Амурская правда. 1945. 25 авг. (ГААО. Инв. № 408).
17. Подвиг героя // Амурская правда. 1945. 25 августа. (ГААО. Инв. № 408).
18. Никитин. Отвага пулеметчика // Амурская правда. 1945. 25 августа. (ГААО. Инв. № 408).
19. Камитов Г. Мужество наших бойцов // Амурская правда. 1945. 25 авг. (ГААО. Инв. № 408).
20. На Китайско-Чанчуньской железной дороге: Беседа с уполномоченным советского командования по железнодорожным перевозкам в Маньчжурии генерал-директором движения третьего ранга тов. А.Ф. Журавлевым // Амурская правда. 1945. 16 сент. ГААО. Инв. № 408.
21. Макрушиченко П. Так началась капитуляция // Амурская правда. 1945. 24 авг. (ГААО. Инв. № 408).
22. Амурская правда. 1945. 4 сент. (ГААО. Инв. № 408).
23. Там же.
24. Скороходова Е.Ю. Теория нормы и ее реализация в текстах современных средств массовой информации. М.: Прометей, 2006. С. 90.

Концептуальное искусство в Китае: социально-политический аспект*

© 2015

Е. Войтишек, Л. Червинская

Статья посвящена исследованию феномена концептуального искусства в Китае в противовес традиционной культуре. Указываются политические и экономические предпосылки его становления, прослеживается история развития на фоне социокультурных изменений в стране. Обосновывается идея о том, что китайский концептуализм подвержен сильному влиянию со стороны государства и общества, поскольку зачастую выступает в роли своеобразного зеркала, отражающего реальность.

Ключевые слова: традиционная культура, концептуальное искусство, китайский авангард, инсталляция, перформанс, политический акционизм, кризис культуры.

В современном мире Китай уже давно заявил о себе как претендент на мировое лидерство, а внезапный подъем современного китайского искусства стал одним из наиболее заметных явлений последних десятилетий.

Планомерные усилия китайского руководства по сохранению и развитию наследия традиционной культуры (прежде всего, каллиграфии, живописи и литературного творчества, музыкального исполнительского искусства, разнообразных художественных ремесел, чайной культуры и искусства благовоний, к которому вновь возрождается повсеместный интерес) очевидны и вполне прогнозируемы. Эта тенденция всегда поддерживалась обществом. Более того, на протяжении тысячелетий развитию этих искусств во многом способствовал такой социальный феномен, как многогранная деятельность интеллектуальной элиты Китая — т.н. «людей культуры» *вэньжэнь*, ученых мужей *цзюньцзы*, чиновников, чья деятельность в свободное время подразумевала занятия, опирающиеся на владение разнообразными формами досуга, приносящими радость творчества. Их достижения во многих областях традиционного искусства и национальной культуры давно очевидны и неоспоримы для специалистов, поскольку сопоставимы по уровню профессионального мастерства с художественными произведениями самого высокого класса.

Войтишек Елена Эдмундовна, доктор исторических наук, доцент, заведующая кафедрой востоковедения гуманитарного факультета Новосибирского государственного университета.

Червинская Людмила Валерьевна, студентка 5 курса отделения востоковедения гуманитарного факультета Новосибирского государственного университета. E-mail: orient@lab.nsu.ru.

* Работа подготовлена при финансовой поддержке гранта РГНФ «Игровые традиции стран Восточной Азии и антропологическая модель “человека культуры”» (проект № 14-01-00507).

Политические потрясения и социальные катаклизмы XX в. не убергли «людей культуры», которые веками были носителями и хранителями китайской национальной традиции. В настоящее время вместе с развитием информационных технологий, нарастанием модернизации и глобалистских тенденций в современном мире понятие *вэньжэнь* стремительно сужает свои границы: способность к синтезу искусств теряется, возрастает значение узкопрофессиональной деятельности¹. На смену понятию «человек культуры» зачастую приходят термины, конкретно обозначающие мастеров живописи, каллиграфии, различных процессуальных искусств. Этому способствует и нарастающая коммерциализация художественной деятельности, что идет вразрез с принципом «свободного служения музам», который проповедовали «люди культуры» прошлого.

При этом политическое руководство КНР осознает важность поддержания всех видов традиционного искусства, справедливо усматривая в нем идеологическую константу и устойчивые перспективы по противостоянию негативным факторам влияния западной культуры, что в итоге способствует укреплению национальной идентичности в современном многополярном мире.

В отличие от указанных факторов развития традиционной культуры, современное искусство Китая мало подчиняется контролю со стороны китайских политических деятелей и руководителей разных уровней. Феномен современного китайского искусства заключается в том, что оно не может восприниматься как культурное, политическое или экономическое явление в чистом виде. Китайская современность — это, в первую очередь, перестройка общественного сознания и психологии, без которой государство не в состоянии соответствовать требованиям мирового сообщества. Это касается и искусства, которое находится в тесной связи с культурно-экономическим развитием государства и часто рассматривается через призму социально-политических и экономических изменений в стране.

В китайском обществе долгое время господствовал прагматизм, который во многом ограничивал возможности индивидуального сознания. С окончанием в 70-х годах XX в. «культурной революции» и началом эпохи реформ китайское общество испытало большое потрясение, когда т.н. единое сознание, формировавшееся не одно десятилетие, перестало существовать, и перед страной остро встал вопрос о дальнейшей идеологической и культурной ориентации. Коммунистическая партия КНР вслед за экономическими, техническими разработками и революцией в сфере массовой информации взяла курс и на развитие идеологии, однако осталась непоколебимой в намерении искоренить плюрализм мнений.

Вслед за наметившимися общественными и политическими изменениями определенное потрясение испытала и художественная сфера: к 80-м годам в китайском искусстве наметились существенные идейные изменения, которые породили немало сомнений на тему искусства как такового.

Новым ориентиром для дальнейшего развития становится Запад, и с конца 70–80-х годов китайское искусство начинает активно включаться в мировой процесс, перенимая опыт западных стран. Столетиями закрытая для внешнего мира, китайская цивилизация столкнулась с вызовом другой культуры, едва не потеряв самобытность. Это заставило китайских интеллектуалов задуматься о таких проблемах, как сравнение западной и китайской цивилизаций, и особенно — выявление значения достижений традиционной китайской культуры для развития современного искусства.

Начиная с 1985 г., китайское искусство переходит в новую фазу, развиваясь, в основном, за счет молодых художников. Формируется «Новое течение-85» (85' *мэйшу юньдун*) — отправная точка китайского авангардизма². В это время на авансцену китайского искусства выходит группа художников, родившихся в 50-е гг. и переживших «культурную революцию». Их искусство основывается на освобождении мыслей, на критике традиционных порядков, на реалиях сложившейся ситуации. Это молодое поколение начи-

нает постепенно перенимать опыт практически всех течений западного авангарда, отказываясь воспроизводить традиционное искусство.

Автором термина «концептуальное искусство» (англ. *conceptual art*) считается американский критик Генри Флинт, опубликовавший в 1961 г. эссе под таким названием³. Концептуальное искусство в качестве художественного движения возникло и оформилось в Нью-Йорке в 1965 г., когда художник Эдвард Кинхольц сформулировал особую концепцию, необходимую, по его мнению, настоящим картинам: «сокращение искусства до чистых идей, которые уже не играют никакой художественной роли»⁴.

Одним из первых теоретиков концептуального искусства был крупнейший художник-минималист США Сол Левитт, который изложил свою точку зрения относительно данного направления в «Параграфах о концептуальном искусстве»⁵, изданных в Нью-Йорке в 1969 г. В своей работе художник, размышляя о сущности концептуального искусства, определяет его как искусство, основным механизмом которого является идея. При этом автор утверждает, что искусство интуитивно и не обязательно логично, поскольку логика скрывает настоящие намерения художника и создает у зрителя иллюзорное ощущение понимания искусства. Концептуальное искусство, по мнению американского художника, не должно ориентироваться преимущественно на зрительные ощущения, поскольку не важно, понимает зритель задумку и концепцию художника или нет.

Благодаря переосмыслению западных тенденций в рамках собственной культуры и текущей политической ситуации китайские художники начали развивать такие направления, как «циннический реализм» (*ваньши сяньши чжуи*), «политический поп-арт» (*чжэньчжи боу*), «вульгарное искусство» (*яньсу шиу*). Социально-политический контекст, а также эпатажные и агрессивные формы выражения заставили весь мир обратить внимание на китайский концептуализм и способствовали формированию нового специфического феномена современности.

Как известно, с 1990-х гг. в Китае реализуется экономическая модель социального рынка. Рыночная экономика расширяет пространство для свободного художественного творчества, что, в свою очередь, оказывает влияние на создание рынка современного искусства и оживление выставочной деятельности уже в международном масштабе. Китайские художники с того времени экспериментируют с заимствованными у Запада формами, пытаясь синтезировать собственный и полученный опыт для привлечения внимания публики, и часто становятся постоянными участниками зарубежных выставок. Предлагаемые коммерческими галереями внутри страны и за ее пределами произведения современного китайского искусства становятся товаром широкого потребления. Некоторые официальные китайские музеи развивают глобальные проекты, связанные с китайским концептуализмом как с важным элементом мирового современного искусства.

Китайское искусство под влиянием политических и экономических концептов начинает объединять в себе и художественные, и рыночные элементы. Однако современный глобальный художественный рынок все больше превращается в «политическую платформу китайской экономики»⁶.

Развивающееся на рубеже всков концептуальное искусство — символ новой эпохи, художественное и идейное течение, которое дало толчок новому осмыслению ценности искусства и ознаменовало переход от создания традиционных произведений к воспроизводству идей (концептов) художников. Произведения китайских концептуалистов, безусловно, привлекают внимание коллекционеров как выгодное капиталовложение. С другой стороны, они важны и для кураторов, экспертов по истории искусства, критиков, интерпретирующих их с идеологической, социологической и психологической точек зрения. Другими словами, концептуальное искусство становится новой интеллектуальной поддержкой для дальнейшего развития китайской культуры.

Согласно позиции известного китайского критика и деятеля искусств Гао Минлу, в Китае термину «концептуальное искусство» соответствует два понятия: *гуаньнянь шиу*

(«искусство идей»), которое ссылается на «общий смысл вещей в определенном контексте», и *гайнянь шиу* («искусство концептов»), которое относится более узко к заданному понятию или определению. При этом Гао Минлу отдает предпочтение первому варианту. В качестве источника для развития концептуального искусства на Востоке он, как и многие другие, видит чань-буддизм, «который поощряет ироническую чувствительность и отвергает привилегию любой доктрины в поисках просветления». Чань-буддисты верят, что истоки правды нужно искать не в логических и буквальных ответах, а в окружающем мире и отдают приоритет идеям, а не физическому объекту⁷.

В китайском концептуальном искусстве генерируются новые чувства и идеи, которые ведут к подчеркиванию его самобытности, что играет важную роль в интернационализации китайского авангарда. Для него характерны определенные тенденции и специфический круг проблем.

Говоря о данном направлении искусства, можно выделить несколько способов классификации его произведений. Так, произведения концептуального искусства можно разделить согласно особенностям их художественного языка. Большинству концептуальных работ присуща ироническая имитация, подражание (*фэнфан*), но при близком рассмотрении можно выделить ее разновидности: параллелизм, или интертекстуальность (*хувэньсин*); пародию (*сифан*); аллегорию (*юй и*)⁸.

Основой концептуализма по праву можно считать качественную идею, а формулировку — источником ее жизни: хорошее концептуальное искусство существует только при хорошей концептуальной формулировке. *Ироническая имитация* подразумевает подражание индивидуальной манере, стилю, характерным особенностям и стереотипам оригинала (в данном случае — определенным явлениям общественной жизни), причем степень комичности и утрированности определяется отношением художника к тому или иному явлению. Метафоры концептуалистов крайне уничижительны, а их основная мысль заключается в том, что искусство обладает самосознанием и способно оценивать общество. *Параллелизм, или интертекстуальность* — это прием, когда элементы целого ссылаются друг на друга разнообразными способами. Концептуальное искусство как таковое и есть проявление интертекстуальности: оно ссылается на социальные и политические явления, играет роль особой дискурсивной практики общества (при этом в одних произведениях параллелизм более явственен, чем в других). *Пародия* — еще один важный элемент концептуального искусства, которое стремится стать зеркальным отражением общественной жизни и мировых реалий. Пародия концептуалистов — это подражание, искажающее образец, превращающееся в насмешку и издевательство. *Аллегория* — прием, позволяющий художнику наглядно продемонстрировать суть явления, художественное выделение посторонних явлений с помощью конкретных предметов (животных, элементов повседневного использования, предметов антиквариата и др.). Аллегория часто присутствует в работах концептуалистов, но далеко не всегда.

Работы китайских концептуалистов можно классифицировать в соответствии с тематической направленностью их работ. Например, можно выделить работы только социальной или политической направленности, социально-политические, а также работы, обращающиеся к историческому прошлому, нейтральные работы, нацеленные лишь на самовыражение и т.д.

Наконец, все концептуальное искусство можно разделить на группы в зависимости от методов и художественных форм работ.

К первой группе относятся художники, использующие в своем творчестве *иероглифическое письмо* (например, Сюй Бин). Иероглифы, которые всегда играли важную роль в искусстве Китая, сохраняют свое значение и в концептуальном искусстве в качестве важнейшей отсылки к традиционной культуре. Кроме того, с помощью иероглифов художник может передать сообщение, понятное публике. Это направление называется концептуальной каллиграфией (*гуаньянь шуфа*).

Во второй группе — художники, использующие собственное тело для проведения художественных акций (например, Чжан Хуань). Такие художественные акции являются нетипичными для обыденной жизни, поэтому вызывают еще больший общественный резонанс. Это направление называется *искусством акционизма, или перформанса (синвэй ишу)*.

Третья группа — художники, которые специализируются на *инсталляциях (чжунанчжи ишу)* и демонстрируют свои идеи, помещая предметы в трехмерное пространство (например, Ай Вэйвэй). Такое искусство не имеет никаких ограничений, поскольку для реализации своего проекта художник может использовать любые предметы и материалы. Главной особенностью этого направления является то, что инсталляции, как правило, создаются на определенную тематику, заданную музеем или галереей (хотя бывает и наоборот: музеи подстраиваются под тематику, предлагаемую автором). Кроме того, очень важна связь между произведением искусства и аудиторией, поскольку без участия зрителя инсталляция теряет смысл.

Еще одно направление, набирающее обороты, — *концептуальное фото и видео (гуаньянь шэ ин)*.

Китайский критик Ван Линь выделяет три основные категории художников: 1) те, кто занимается исследованием традиционной культуры и ее трансформации, а также анализом жизни китайцев сегодня (например, Чжан Хуань, Цю Чжицзе); 2) те, кто заимствует западные концепты и анализирует культурные явления, с которыми сталкивается современный человек (Чжан Синь, Сун Дун, Дай Гуаньюй); 3) те, кто интересуется культурным обменом между Западом и Востоком и изучает явления, с которыми сталкивается современное общество с точки зрения национальной принадлежности (Братья Гао)⁹.

Ни одна из предложенных классификаций не противоречит остальным, а напротив, служит инструментом для более глубокого анализа произведений. Все направления концептуализма появились практически одновременно и развивались параллельно, каждый своим путем, но их объединяло стремление использовать искусство в качестве социально-политического комментария.

В настоящее время в Китае концептуальное искусство и политика находятся в постоянном конфликте: концептуализм критикует политику и старается избежать политической ангажированности, присущей более ранним художественным формам, а политика, в свою очередь, критикует концептуализм за его излишнюю откровенность и эпатажность. В результате возникает проблема диалога официального, политически ангажированного искусства и концептуального искусства, которое фактически считалось подпольным в первый период своего существования.

На основе изученного материала можно выделить несколько основных проблем, волнующих китайских концептуалистов, работающих в области каллиграфии, акционизма, инсталляции или фото- и видеоарта.

Прежде всего, китайских художников волнует тема отношений между искусством и повседневной жизнью. В течение 80-х годов китайский авангард фокусировался на подрыве идеологических основ и освобождении художественного языка. Уже с начала 90-х годов концептуалисты обращают внимание на более широкий спектр социальных тем (например, снос и новая застройка в городах, бедность и условия жизни рабочих-мигрантов, роль ребенка в обществе, роль женщины, проблемы окружающей среды и т.д.) и работают для того, чтобы выйти за рамки повседневности и научить людей критически относиться ко всем явлениям, окружающим их.

В качестве примера можно привести работы такого художника, как Чжан Хуань. В 1994 г. он подготовил скандально известный и шокирующий перформанс («12 кв. м»), задуманный как экзистенциальное и социальное исследование. Идея заключалась в том, что художник, обмазанный медом и рыбьим жиром, просидел без движения несколько часов в общественном туалете. Данный перформанс, по задумке автора, отразил положение и ус-

ловия жизни людей, находящихся в самом низу социальной лестницы, подразумевая все те душевные травмы, которые они получали, контактируя с обществом. Он также имел в виду те личные обстоятельства жизни, которые он преодолевал, продолжая творить. Это было доказательством сопротивляемости тела к враждебно настроенной среде.

Художник Лю Болин, известный как «человек-невидимка», создает живые инсталляции, маскируясь под окружающую его среду. Его творчество представляет собой синтез инсталляции, боди-арта и в какой-то мере граффити. Самая известная серия художника — «Урбанистический камуфляж» («Hiding in the city») — была создана под впечатлением от сноса квартала современного искусства в Пекине в 2005 г.

Рис. 1. Лю Болин. «Единая идеология, пропаганда, воспитание» (из серии «Урбанистический камуфляж») (2006).

Важными проблемами, затрагиваемыми китайскими концептуалистами, являются также политическое диссидентство и инакомыслие в качестве оппозиции нормативным художественным практикам, тема диалога между официальным и подпольным искусством.

Главный диссидент китайской современности — художник Ай Вэйвэй создает работы в жанре инсталляции и перформанса, резко критикуя правительство. После страшного землетрясения 2008 г. в провинции Сычуань самой яркой работой художника на выставке в мюнхенском Доме искусства становится огромная инсталляция, составленная из 9000 школьных рюкзаков и складывающаяся во фразу одной из матерей, потерявшей своего ребенка: «Она прожила счастливо семь лет в этом мире»¹⁰. Таким оригинальным образом художник выражает свое сострадание всем матерям погибших детей, в то же время критикует правительство за утаивание сведений о погибших и о коррупционных махинациях в строительном бизнесе. Художник известен и другими работами, вы-

полненными в стиле «политического активизма» (кроме акционизма он работает с инсталляциями и видео-артом).

Еще одна тема, привлекающая внимание художников, касается проблемы, что можно считать легальным и толерантным в КНР, и чем определяется политический климат современного китайского искусства. Концептуалисты работают с такими темами, как политическая цензура и культура пропаганды, проблема политического ангажемента и т.д.

В качестве наиболее ярких примеров можно привести работы художников-акционистов, выполненные на площади Тяньаньмэнь. Гонконгский художник Юн Хай в 2000 г. провел перформанс «Добрый день, Юн Хай». Во время своей акции художник прогуливался по площади, неся за спиной огромное пустое полотно и создавая «визуальный диалог с людьми, архитектурным пространством, историей и политическими табу». По требованию стражей порядка художник покинул площадь через 20 минут, хотя планировал завершить свой перформанс под портретом Мао Цзэдуна, повесив вместо него белое полотно и запечатлев это на фото. Целью акции было заставить людей включить воображение, однако, художник обнаружил, что «воображение также находилось под запретом на площади»¹¹.

Еще одна интересная работа принадлежит художнице Ма Яньлин. Она задокументировала себя, приставившей пистолет к виску под портретом Мао Цзэдуна. И хотя для нее перформанс совсем не имел политического подтекста, контекст площади Тяньаньмэнь добавил его. Изначально идеей акции была своеобразная игра: показать людям, что можно сделать нечто запретное¹².

Среди проблем, поднимаемых современными китайскими авангардистами, можно упомянуть следующие: цивилизационные изменения внутри страны (конфликт поколений, противопоставление традиций и современности, культурной и коллективной памяти); вестернизация и проблема влияния общества потребления в условиях социалистической идеологии; кризис культуры.

В 2011 г. критиками авторитетного издания «Art Review» художник Ай Вэйвэй был назван самым влиятельным человеком в искусстве благодаря серии инсталляций (2006–2012), в которых он использует предметы древней китайской культуры — вазы времен династии Хань (206 г. до н.э.—220 г. н.э.). Во время одной акции он разбил такую вазу и запечатлел этот факт с помощью фотокамеры. Данная инсталляция наполнена размышлениями художника о ценности искусства и обыденных предметов, а также о неустойчивом характере культурных явлений: люди должны критически подходить к собственной истории и современной реальности.

Художнику также принадлежат инсталляции «Цветные вазы», когда он покрывает предметы антиквариата разноцветной краской, включая сосуд, представляющий собой вазу стоимостью в 1 млн долларов с изображенным на ней логотипом компании «Coca-Cola». Свои абсурдные работы художник объясняет следующим образом: «Во время культурной революции они уничтожали все! Если ты разрушаешь что-либо, ты должен отдавать себе отчет в том, что ты разрушаешь...»¹³. Таким образом, протест художника заключается не только в том, что он публично уничтожает достояние цивилизации, — он делает это намеренно, отдавая себе полный отчет в содеянном.

Проблема межкультурного взаимодействия всегда волновала китайских художников. Одна из ключевых тем начального периода становления концептуального искусства в Китае касалась использования китайских концептов по западной методологии. Более того, перед художниками до сих пор остро стоит проблема качественного концепта. Удачная работа характеризуется соответствующим содержанием конфликтом, подходящим языком выражения и умением художника найти отклик у аудитории. Если исходить из этих критериев, по-настоящему ярких мастеров не так уж и много.

Рис. 2. Ай Вэйвэй. «Цветные вазы» (2010).

Таким образом, развитие концептуального искусства в Китае — это история становления специфического феномена, обращающего на себя пристальное внимание всего мира. За короткое время работы китайских мастеров не просто стремительно ворвались на международный художественный рынок (цены на них также резко возросли) — эти произведения стали важным посредником в диалоге между современным искусством Китая и искусством всего мира.

Вероятно, появлению данного феномена способствовало несколько факторов. Во-первых, стремительное развитие экономики Китая. Привыкшие к своему доминированию на политико-экономическом и культурном пространстве на протяжении всего XX в. страны Запада с усилением экономики и очевидным повышением международного статуса КНР в 90-х годах были вынуждены обратиться в сторону Китая и его культуры.

Во-вторых, особенности исторического развития страны. История китайского современного искусства — это отражение процесса развития государства. Вслед за стремительными изменениями в сфере политики и экономики большие перемены коснулись и художественных кругов.

В-третьих, следует учитывать тот факт, что китайский концептуализм, будучи «импортированным продуктом», во многом ориентируется на западного зрителя, развивается и распространяется за счет международных выставок и западных коллекционеров, которых привлекает сочетание известных принципов авангардного искусства (форма) с яркой национальной спецификой (содержание).

Наконец, одну из самых значимых особенностей китайского концептуализма составляет тематика работ художников. Китай в качестве главной стратегии и фокуса современного искусства выбрал общественно-политический дискурс. Требуя от искусства отражения реальности, китайское общество получает его в довольно жесткой форме. Метафоры концептуалистов зачастую критичны, негативны: бросая вызов современному обществу, они порождают чувство безысходности и даже отвращения. С другой стороны, эта критичность современного искусства уже давно стала элементом глобальной культу-

ры, что частично оправдывает эпатаж концептуализма. Это направление авангардизма рассматривает социальные и политические вопросы через призму китайских реалий, акцентируя внимание на сопоставлении их с международной ситуацией и демонстрируя сложность и многополярность проблем, с которыми сталкивается современное общество и государство.

Будучи включенным сегодня в мировое глобальное пространство, Китай не может не быть озабоченным проблемой сохранения своей культурной и национальной идентичности. В этом смысле со стороны властей идеологически оправданной становится всемерная поддержка представителей культуры и искусства. Однако с уходом старшего поколения «людей культуры» XX в., среди которых было немало знаменитых писателей, художников и каллиграфов¹⁴, перед китайским обществом остро встает закономерный вопрос, кто же дальше продолжит их традиции.

В связи с этим творчество представителей современного китайского авангардного искусства в известной мере претендует на эту роль. Они, несомненно, являются интеллектуалами: их произведения наполнены многочисленными историко-литературными аллюзиями. Как и средневековые «люди культуры» *вэньжэнь*, они часто обращаются к культурному наследию прошлого и в определенном смысле стремятся к синтезу различных видов искусств. Художники-авангардисты, как и их предшественники, сознательно используют разнообразные игровые практики, и, смело экспериментируя и «играя» с образами и формой, ломают стереотипы и зачастую переходят рамки дозволенного. Характерно, что современные концептуалисты, провозглашая право «творить искусство» не столько за самим художником, сколько за обычным человеком, по сути повторяют главные идеи «людей культуры» прошлого, которые предпочитали творить на досуге.

С другой стороны, полностью считать их продолжателями традиций интеллектуалов *вэньжэнь* мешает несколько обстоятельств. Во-первых, в их творчестве прослеживается намеренная тенденция смещения акцентов с традиционных эстетических ценностей в сторону современных, отчасти сформированных под влиянием контактов с западной культурой. Во-вторых, эстетика концептуализма подразумевает, что искусство создается именно в контексте текущего момента. Критикуя и комментируя действительность, искусство в этом смысле провоцирует человека на размышления и поиски ответа на насущные вопросы. Кроме того, такие факторы, как социально-политическая направленность художественных произведений, привязка к проблемам современности, поданным через призму нарочитой эпатажности и «антиэстетики», прагматичность и коммерциализация искусства, создают преграды на пути смыкания эстетики концептуалистов с эстетической системой «людей культуры» прошлого.

Пойдут ли дальше художники-концептуалисты по пути сближения с традиционной эстетикой интеллектуалов *вэньжэнь*, подразумевающей гармонию человека и природы, а также насколько искусство Китая в целом будет способно отвечать вызовам современности, покажет будущее, но в любом случае китайское концептуальное искусство стоит на страже социально-политических интересов огромной страны, и его игнорировать невозможно.

-
1. Войтишек Е.Э., Измайлова М.В. «Человек культуры» *вэньжэнь* и развитие китайского искусства лаговоний: опыт культурно-антропологического исследования // Вестн. Новосиб. гос. ун-та, Сер. История, филология. 2014. Т. 13, вып. 4: Востоковедение. С. 122–123.
  2. Ван Фэй. Современное искусство Китая в контексте мирового художественного процесса: диссертация... кандидата искусствоведения. М., 2008. 212 с.
  3. Flynt H. Essay: Concept Art // Henry Flynt "Philosophy" (Электрон. версия эссе из «Антологии» 1963 г.). URL: <http://www.henryflynt.org/aesthetics/conart.html> (дата обращения 15.12.2012).
  4. Там же.

5. *Levitt С.* Параграфы о концептуальном искусстве / пер. П. Жураковской // Художеств. журн. М.: ИМА-пресс. 2008 (69). URL: <http://xz.gif.ru/numbers/69/paragr-concept/> (дата обращения: 11.10.2012).
6. *Пу Цзе.* Вэйшэнмэ ши дандай ишу [Зачем нужно современное искусство?]. Шанхай: Шанхай дасюэ чубаньшэ, 2011. С. 110.
7. Гуаньянь ишу: цюаньцю ишудэ цзичу, хайши ишудэ чжунцзе [Концептуальное искусство: основа глобального искусства, или конец искусства // Эстетика и искусство глобализации]. Чэнду: Сычуань жэньминь чубаньшэ, 2007. С. 18–21.
8. *Ван Цзехун.* «Юйянь» дэ ишуцзопинь — дандай чжунго гуаньянь ишудэ сюэцзисин сян цзичи бяочжэн [«Аллегоричные» произведения искусства — риторика и характеристики концептуального искусства современного Китая // Точка зрения]. Ухань: Ухань дасюэ чубаньшэ, 2011. С. 26; *Он же.* Дандай чжунго гуаньянь ишудэ сюэцзюэ юйяньлунь [Обсуждение образного языка концептуального искусства современного Китая // Теорет. исслед.]. Ухань, 2013. С. 11.
9. *Wang Lin.* Conceptual art and the China experience. Chongqing, 2000. URL: <http://www.chinese-art.com/Contemporary/volume3issue1/feature.htm> (дата обращения: 10.12.2014).
10. *Ai Weiwei.* Without fear or favor [Ай вэйвэй цзилупянь: гунпин; Документальный фильм об Ай Вэйвэе «Справедливость»]. URL: <http://www.youtube.com/watch?v=FjfnF55hUZg> (дата обращения: 23.12.2014).
11. Цит. по: *Valjiakka Minna.* Performance art at Tian'anmen // Kontur. 2010 (20). P. 24.
12. Там же. P. 26.
13. *Ai Weiwei.* Op. cit.
14. Вплоть до недавнего времени в Китае официально выделяли шесть современных представителей сообщества «людей культуры» *вэньжэнь*, что отразилось в устойчивой аббревиатуре Лу–Го–Мао–Ба–Ляо–Цао. Под этими фамильными знаками зашифрованы имена классиков литературы XX в.: Лу Синь (1881–1936), Го Можо (1892–1978), Мао Дунь (1896–1981), Ба Цзинь (1904–2005), Ляо Шэ (1899–1966) и Цао Юй (1910–1996). Будучи не только маститыми писателями, видными каллиграфами, но и талантливыми учеными, литературными критиками, авторитетными общественными деятелями, именно они олицетворяли энциклопедически образованных людей, сопоставимых с представителями традиционной когорты *вэньжэнь* (*Войтишек Е.Э., Бордзигид А., Карлова Т.К., Измайлова М.В.* Традиционный китайский праздник каллиграфии в Павильоне Орхидей и судьбы китайских интеллектуалов // Вестн. Новосиб. гос. ун-та, Сер. История, филология. 2012. Т. 11, вып. 10: Востоковедение. С. 172).

Письмо в редакцию

Память о войне и победе священна

Россия и Китай — крупнейшие в мире соседи. Их общая береговая линия — одна из самых длинных на Земле, а протяженность сухопутной границы составляет более 4000 км. Добрососедство великих держав предполагает и соседство добродетелей: «Не одинока добродетель, есть непременно у нее соседи» («Лунь ю» — «Суждения и беседы». IV, 25).

Россия — страна, внесшая величайший вклад в современную мировую культуру, который высоко ценят несколько поколений моих соотечественников. История китайской цивилизации насчитывает пять тысячелетий, а великая культура Китая испокон веков служит фундаментом государства. И это одна из причин того, почему непрерывное укрепление связей двух стран, особенно в годы совместного противодействия фашистским и милитаристским захватчикам, было исторически неизбежно.

В торжествах, посвященных 70-й годовщине Победы во Второй мировой войне, участвуют и китайцы, родившиеся уже после этой победы. Этим людям от 60 до 70 лет. Они выросли на произведениях советской литературы и искусства, созданных под влиянием событий Второй мировой войны.

Эти люди послевоенного поколения постепенно выросли, и воспоминания об этой победе сопровождали большую часть их жизни.

Идеалы молодости этого поколения до сих пор живы в их сердцах. Издаются книги, посвященные подвигам героев войны, песни, которые их прославляют, не смолкают на китайской земле. Эти произведения — книги, песни, фильмы и телепередачи — словно оживляют их дух, помогают поддерживать твердость убеждений, оказывают влияние на все стороны жизни.

Первое послевоенное поколение было воспитано на литературных произведениях, пропитанных духом коллективизма, патриотизма, революционной романтики и мечтами о любви и благополучии. Впечатления от них неизгладимы до сих пор.

Среди книг советских писателей, оказавших влияние на жизнь, мировоззрение и систему ценностей этого поколения китайцев, хочется выделить трилогию о войне Константина Симонова: «Живые и мертвые», «Солдатами не рождаются» и «Последнее лето», роман лауреата Нобелевской премии М. А. Шолохова «Они сражались за Родину», автобиографическую книгу «Назван человеком из легенды» И. А. Леонова.

В Китае были переведены и получили широкую известность произведения советских авторов, опубликованные во время войны.

Это очерк Петра Лидова «Таня» — первый рассказ о подвиге Зои Космодемьянской, напечатанный в «Правде» 27 января 1942 г.; повесть Константина Симонова «Дни и ночи» (1944) о Сталинградской битве; повесть Александра Бека «Волоколамское шоссе» (1944); повесть Ванды Василевской «Радуга», написанная в 1942 г.; изданный в начале 1945 г. роман Николая Бирюкова «Чайка» о Герое Советского Союза Лизе Чайкиной.

Героизм вечен! Любой китаец 50–60 лет без труда скажет вам, кто такие Зоя и Шура Космодемьянские, Александр Матросов, Гуля Королева. Это поколение было воспитано на революционном героизме. Люди зачитывались произведениями об их подвигах, воодушевлялись духом того времени, когда доблесть была в набат и вела за собой других. Все главные герои этих книг — Герои Советского Союза. Ценой жизни и пролитой крови они защищали Отечество, смело шли вперед, вдохновляя нас своими подвигами.

Глубоко запечатлены в памяти китайского народа произведения советского кинематографа о Великой Отечественной войне, включая такие шедевры, как «Судьба человека» (1959), «Баллада о солдате» (1959), «А зори здесь тихие» (1972), «Горячий снег» (1972), «Командир счастливой “Щуки”» (1972), «Они сражались за Родину» (1975); грандиозные киноэпопеи Ю. Озерова «Освобождение» (1969–1972), «Битва за Москву» (1985), «Сталинград» (1989); более ранние ленты — «Дни и ночи» (1944), «Зоя» (1944), «Подвиг разведчика» (1947), «Повесть о настоящем человеке» (1948), «Молодая гвардия» (1948), «Падение Берлина» (1949) и другие. Телесериал «Семнадцать мгновений весны» (1973) любим китайскими зрителями так же, как и российскими.

Несмотря на то, что многие из этих фильмов были черно-белыми, увлекательные события, величественные образы героев, сияющая красота человеческой души оставили неизгладимый след в сердцах целого поколения моих соотечественников.

В свою очередь китайский кинематограф создал фильмы «Чистые сердца» (1995), «Красная вишня» (1995), «Багряный закат» (2001), китайскую версию картины «А зори здесь тихие» (2005), сериал «Дальневосточная оперативная группа» (2005) и другие ленты, отражающие совместную борьбу двух народов против агрессора и воспевающие героизм соратников, сражающихся плечом к плечу.

Славные песни о Великой Отечественной войне продолжают звучать на китайской земле. Каждые выходные в Русском клубе портового города Далянь, в общественном парке Цзиншань в Пекине несколько сотен энтузиастов, стихийно сформировавших коллективы хорового пения, исполняют такие шедевры, как «Священная война» А. Александрова, «Баллада о солдате» и «Вечер на рейде» В. Соловьева-Седого, «Моя Москва» И. Дунаевского, знаменитая «Катюша» М. Блантера. Так они вспоминают дружбу Китая и СССР в годы Второй мировой войны, чтят память героев, отдавших свои жизни за родину, создают своим торжественным и чистым пением величественную атмосферу.

Часто можно услышать популярные песни советских композиторов, посвященные верности, дружбе, любви к Родине. Их мелодии, пропитанные радостью и идеалами молодости, находят горячий отклик в сердцах послевоенного поколения.

Если Краснознаменный ансамбль Советской Армии им. Александра выступает в Китае, залы заполнены до отказа. Компакт-диски с песнями в исполнении его хора раскупаются без остатка. В этих песнях звучат воспоминания о борьбе народа с захватчиками. И хотя Советского Союза больше нет, героизм советских людей во имя родины продолжает зажигать сердца китайцев.

Сегодня, когда народы наших стран торжественно празднуют 70-ю годовщину Победы в Великой Отечественной войне и окончания Второй мировой войны, особенно кощунственно звучат призывы к пересмотру истории и оправданию военных преступлений. К сожалению, имеют место откровенная клевета и осквернение памяти павших героев. Появились люди, которые заявляют, что биография погибшего в бою с врагами «обыкновенного солдата» Александра Матросова — это ложь. Не сдавшийся под пытками, бесстрашный герой «Молодой гвардии» Олег Кошевой якобы «придуман его ненормальной матерью и так далее. Все это клевета и нападки на победу во Второй мировой войне, осквернение памяти павших героев, оправдание жестокости фашистов.

Все это должно пробуждать в нас величайшую бдительность. Конфуций предостерегал: «Богатство и знатность — вот чего страждет человек; если не пойдет по соответствующему пути, то, обретя их (ими не распорядится)... Если благородный муж откажется от человеколюбия, то чем же он оправдывает свое совершенное имя?» («Лунь юй» — «Суждения и беседы». IV, 5).

Если человечество будет ценить лишь власть и деньги, оно погрузится в пучину всеобщего порока и погрязнет в произволе. Народ не может жить без идеалов, уклон в меркантилизм — не только препятствие на пути развития моего отечества, но и злейший враг упрочения международных отношений.

Перемены, происходящие в некоторых сферах китайского общества, напоминают помешательство небольшого числа людей на огромных богатствах. Это уже принесло много несчастий народам России, а в будущем грозит небывалыми бедствиями для Китая и всего остального мира.

Большим мировым державам — Китаю и России — нужно, несомненно, выстраивать систему ценностей, основанную на прогрессе, науке, справедливости, культуре, коллективизме и патриотизме, продолжать отстаивать идею превосходства духа, непрерывно развивающихся культурно-исторических традиций.

Россия — одна из стран, где глубже других сохранились воспоминания о войне. Два завоевателя, возжелавших покорить Европу — Наполеон и Гитлер, были остановлены под Москвой. Поэтому русские особенно гордятся боевыми победами. Поминание погибших на поле боя и отдавших жизнь за Родину — это долг будущих поколений, и одновременно чувство, отражающее национальный дух и патриотизм. Память о пламенных патриотах связана с достоинством страны, с духом и совестью государства.

Нужно жить не только настоящим, но и оглядываться на прошлое! Как мы оцениваем наших предшественников, так и наши потомки будут оценивать нас. А от того, как мы будем оценивать прошлое, будет зависеть наше будущее.

Нынешняя мирная жизнь — следствие деяний тех, кто уснул вечным сном. Сегодняшнее благополучие — заслуга многих и многих людей, оставшихся в тени забвения. Мы живем, потому что они лежат в земле.

Поэтому, пожалуйста, уважайте наших героев и павших бойцов, они символизируют великий памятник духу страны. Они проявили великий дух нации, их моральные качества помогли народу пройти сквозь трудности и опасности и неустанно двигаться вперед!

Защищайте наших героев, нельзя, чтобы то, за что они проливали кровь, было разрушено! Желаю, чтобы великих героев не постигло забвение, чтобы они были навечно удостоены величайших почестей.

В 70-е годы прошлого века Мао Цзэдун написал пронизанные печалью стихи, адресованные Чжоу Эньлаю:

*Не преданность ли побеждала во мне боязнь не сносить головы?
А ныне страна к коммунизму идет, Китай сохраните ли вы?
Усталость моя, на висках седина претят завершенным делам.
Твое и мое поколение верны, кому я заветы отдам?*

Нам нельзя отказываться от нашего преимущества, то есть от знамени истины, культуры и единства, которое мы несем в руках. Это и есть продолжение традиции и передача нашим наследникам духовной и моральной силы. Ужасно, если у нации нет культурной опоры.

Прошло 70 лет, длинная река истории бурлит, вымывает грязь и выносит ил. Мы будем продолжать идти дорогой культуры, бороться с сопротивлением фашизма, демонстрировать презрение к смерти и отвагу народных героев. Мы будем выражать стремление к миру, счастью и благополучию двух братских народов.

Научная жизнь

Научная конференция ЦПИП ИДВ РАН

18–19 марта 2015 г. в Институте Дальнего Востока РАН состоялась ежегодная научная конференция Центра политических исследований и прогнозов «Новые аспекты социально-политического развития КНР».

В ее работе приняли участие ученые ИДВ, МГУ, МГИМО, специалисты, работающие в КНР. На Конференции было представлено более 20 докладов, посвященных различным аспектам внутренней и внешней политики КНР.

Первый день работы конференции был посвящен проблемам внутренней политики Китая. Его открыл доклад главного научного сотрудника ИДВ, д.э.н. Л.И. Кондрашовой «Меняется ли вектор китайских реформ?», в котором было подчеркнуто, что 2014 год явился первым годом «углубления реформы», предполагающего смену экономической модели и ряд серьезных политических преобразований. Докладчик отметила, что официальные заявления о придании рынку «решающей роли» в распределении ресурсов, существенном ограничении государственного вмешательства в хозяйственные процессы, равенстве общественной и общественной форм собственности противоречат ранее провозглашенным социалистическим принципам доминирования «плана» над «рынком», главенства общественной собственности на средства производства и принципа распределения по труду. Это дает повод некоторым китайским ученым объявлять о полной «победе рынка над планом», т.е. фактически о переходе на капиталистический путь развития. По мнению Л.И. Кондрашовой, такой вывод был преждевременным, но заслуживающим пристального внимания. Главная тенденция углубления реформ при Си Цзиньпине — снижение роли государства при одновременном усилении роли партии.

Д.полит.н., руководитель ЦПИП А.В. Виноградов в своем выступлении подчеркнул, что до самого последнего времени при анализе отечественными китаеведами преобразований в политической системе КНР внимание обращалось в первую очередь на потенциал ее развития и в значительно меньшей степени на угрозы и вызовы, поскольку доминирующей была тенденция к ее совершенствованию. После смены политического руководства КПК в 2012 г. целый ряд мер, предпринятых пятым поколением руководителей КП Китая, свидетельствовал о серьезных изменениях в достаточно целостной политической системе институционализированного авторитаризма, которые в известной степени нарушают преемственность и логику предыдущих трансформаций. Сегодня очевидно, что существующая политическая модель подвергается серьезным испытаниям и, как следствие, будет претерпевать изменения в обозримом будущем.

Ведущий научный сотрудник ИДВ РАН, к.ю.н. В.Ф. Бородич обратил внимание аудитории на внутривнутриполитическую борьбу в современном Китае, сделав ряд общетеоретических обобщений. С научной точки зрения внутривнутриполитическая борьба в КНР пред-

стает ничем иным как формой политической конкуренции, в определении стратегических, политических решений в ходе политики реформ. В последние десятилетия борьба внутри китайского руководства ведется по поводу модели реформ, а также ее т.н. «дорожной карты». В фокусе этой внутривластной борьбы — распределение руководящих постов в высших органах КПК, в центральных государственных структурах, в партийных и административных органах провинциального уровня. Именно путем такой борьбы происходит согласование интересов субъектов китайской политики.

Заместитель директора ИДВ РАН, д.э.н., проф. В.Я. Портяков посвятил свое выступление анализу некоторых особенностей современной социальной политики Китая на примере Шэньчжэня, который во многих отношениях выступает для КНР пилотным проектом. Докладчик дал собственное определение понятию социальной политики, охарактеризовал ее структуру на современном этапе, показал специфику Шэньчжэня в рамках демографической ситуации, политики доходов населения, функционирования общественных организаций и т.п. Одним из проявлений особого статуса Шэньчжэня, на взгляд В.Я. Портякова, является активизация деятельности профсоюзов после 2008 г. и более строгая партийная дисциплина.

Старший научный сотрудник ИДВ РАН Ю.Ю. Перепелкин выступил с сообщением на тему «Си Цзиньпин: всесторонние реформы и масштабная кадровая чистка», в котором отметил, что проводимые руководителем КНР реформы сопровождаются широкомасштабной антикоррупционной кампанией в центре и на местах, охватившей партийно-государственный аппарат, армию, органы государственной безопасности, ведущие средства массовой информации и крупнейшие корпорации. Размах кадровой чистки в Китае придает особую политическую значимость современному этапу реформ с точки зрения перспектив стратегического развития КНР.

На конференции был представлен доклад г.н.с., д.и.н. Л.С. Переломова «Кадровая политика КНР — творческое развитие традиционного института китайской государственности», в котором автор проанализировал книгу «XVIII Всекитайский съезд КПК. Китайская мечта и мир», изданную при поддержке пресс-канцелярии Госсовета КНР и отдела пропаганды ЦК КПК, в сопоставлении ее с результатами поездки Си Цзиньпина в Западную Европу. В ходе ее руководитель КНР особо подчеркивал роль китайской культуры как «мягкой силы» в стратегическом курсе Китая. Как подчеркнул Л.С. Переломов, именно в эпохи Чжаньго — Цинь — Хань зародились в теории и сформировались на практике основные институты китайской цивилизации, не только придавшие ей жизненную устойчивость, но и обеспечившие её основательное непрерывное развитие в течение тысячелетий вплоть до сегодняшнего дня. Именно к этому временному периоду можно отнести зарождение традиционной политической культуры. В тот период в китайском обществе сложилась система оценки личности по ее способности к государственной службе, где моральный фактор играл определяющую роль, сформировались критерии «социального лифта». Что касается нынешнего руководства КПК, то именно оно, по мнению докладчика, сумело наиболее творчески приспособить традиционную политическую культуру к стратегии развития КНР.

Д.и.н. С.А. Горбунова выступила на конференции с докладом «Религиозный экстремизм — вызов современному китайскому обществу», в котором отметила, что угрозы общественной стабильности и мирному сосуществованию различных религий в КНР представляют религиозно-политические экстремисты — уйгурские сепаратисты в Синьцзяне. На протяжении всего периода реформ, сопровождавшегося планомерной китаизацией СУАР, они осуществляли террористические акты с целью дестабилизации общественно-политической ситуации в Китае. В настоящее время синьцзянские этно-националистические религиозно-политические экстремисты смыкаются с носителями идей тотальной исламизации, насильственного захвата власти и джихада для создания безграничного халифата, включая борьбу как с иноверцами, так и с единоверцами, не разделяю-

щими эти взгляды. Патриотически настроенные китайские мусульмане, в свою очередь, расценивают религиозный экстремизм как внутренний вызов исламу. Учитывая реальные риски и долгосрочные террористические угрозы государственной целостности и общественной стабильности, исходящие от религиозного экстремизма, китайские власти предпринимают различные меры для противостояния подобной форме терроризма. Этим целям призван служить и разработанный недавно закон «О борьбе с терроризмом».

Научный сотрудник ИДВ РАН Л.А. Афонина представила сообщение о тенденциях в политике в отношении религий в первые годы пребывания Си Цзиньпина у власти. Партийные органы стали уделять заметно большее внимание религиозному фактору, пытаясь задействовать его, в том числе, для решения вопросов внешнеполитического характера. Религия стала использоваться в целях объединения Родины: одной из актуальных задач является развитие диалога с религиозными кругами Гонконга, Тайваня, Макао. Государство избрало тактику акцентирования в религии ее культурной составляющей. Частью государственной программы продвижения китайских культурных традиций стала антихристианская кампания, а наиболее ярким проявлением ее — меры по ограничению христианского влияния в провинции Чжэцзян, где концентрируется наиболее число последователей христианства в стране. Одной из них стало провозглашение курса на создание собственного «китайского христианского богословия».

Перед служителями ислама правительством поставлена задача не допускать проникновения в массы идей религиозного экстремизма. Острыми остаются тибетский вопрос, а также проблемы распространения сектанства. Государство продолжает контролировать идеологическую сферу, насаждает среди членов КПК и государственных служащих атеизм и запрещает им и участвовать в религиозной деятельности.

В.н.с., к.и.н., Т.В. Лазарева сообщила об особенностях политики в национальных районах КНР на примере закона об автономии применительно к развитию Автономного района Внутренняя Монголия. Она отметила, что за 30 лет, прошедшие со дня его принятия, закон сыграл заметную роль в экономическом и культурном развитии, сохранении государственного единства, обеспечении стабильности в национальных районах. Развитие автономного района охватывает все стороны жизни — политику, экономику, социальную сферу, культуру, образование, здравоохранение, сохранение национальных языков и письменностей, культивирование национальных обычаев, уклада жизни, издание литературы на языках неханьских национальностей, подготовку кадровых работников, учителей, владеющих как путунхуа, так и местными языками.

В.н.с., к.э.н., Е.С. Баженова проинформировала аудиторию о тех изменениях, которые претерпевает китайская семья в ходе экономических реформ. Быстрое социально-экономическое развитие и демографическая политика государства обусловили изменения размера, структуры и функций китайской семьи. Уменьшились ее размеры. В 1982 г. в семье было в среднем 4,43 человека, в 2010 г. — всего 3,15 человека. Основной формой стала состоящая только из семейной пары и несовершеннолетних детей, нуклеарная семья, в настоящее время составляющая более 70% всех семей в Китае. Особенно быстро растет число т.н. «маленьких семей»: с единственным родителем или состоящих из одного человека. Кроме того, старение населения и увеличение средней продолжительности жизни привели к появлению все большего количества семей, состоящих из одного пожилого человека. С учетом огромных масштабов миграции образовалось большое число семей оставленных мигрантами в сельской местности, и неполных семей мигрантов в городах. Правительство КНР приняло ряд важных мер по поддержке малообеспеченных семей, семей с пожилыми людьми, семей мигрантов и семей, имеющих другие трудности.

В.н.с., к.и.н., О.В. Почагина выступила с докладом о потребительских ценностях городской молодежи в современном Китае. В нем отмечалось, что устойчивые традиционные ценности — скромность и бережливость, представления о социальной, политической и экологической ответственности в потреблении вступают в явное противоречие с

тиражированием западных шаблонов потребительского общества. Потребление в молодежной среде является мощным средством обозначения статусной позиции, самовыражения, самооценки и общения. Эти тенденции, с одной стороны, повышают покупательский спрос на новые виды товаров и услуг среди этой группы населения, а с другой — создают условия для формирования нерациональных моделей потребления.

С.н.с. Н.Ю. Демидо осветила роль частного театра «Пэнхао» в социокультурной жизни Пекина. Реформа системы культуры в Китае стимулировала процесс появления негосударственных театральных коллективов, студий и театров. В условиях рыночной конкуренции с государственными театральными учреждениями и другими сферами развлечения и досуга негосударственным театрам Пекина приходится находить свою нишу в социокультурном пространстве города, вырабатывать собственную стратегию коммуникации с социумом. Частный театр «Пэнхао» позиционирует себя как «театр без границ», «открытое пространство» для новых театральных идей и творческих экспериментов.

Во второй день работы конференции ее участники заслушали и обсудили ряд докладов по проблемам внешней политики и международных отношений Китая.

Научный сотрудник ИДВ РАН А.Ч. Мокрецкий подробно рассмотрел теоретические новации Китая в области дипломатии после XVIII съезда КПК. Он отметил, что на центральном рабочем совещании по вопросам внешней политики, состоявшемся в ноябре 2014 г., Си Цзиньпин говорил о продвижении международных отношений нового типа. «Концепция сотрудничества и обоюдного выигрыша», согласно логике китайских руководителей, должна воплощаться в четырех плоскостях — политике, экономике, безопасности и культуре.

К.полит.н., с.н.с. кафедры социологии международных отношений социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова Е.Н. Грачиков проанализировал внешнюю политику Китая с точки зрения генезиса идентичностей и стратегий. История развития государственной идентичности свидетельствует, что страна прошла сложный и болезненный процесс трансформации идентичности от империи к полукolonии и теперь — к глобальной державе. Смена дипломатических стратегий — внешнеполитическая практика, связанная с китайской логикой и философской мыслью, явилась отражением тех внутренних и очень драматических изменений, которые переживало китайское общество.

Руководитель Центра научной информации и документации ИДВ РАН, к.ф.н. Е.Н. Румянцев выступил с докладом «Победа 1945 года под китайским углом зрения», в котором отметил, что в связи с 70-й годовщиной окончания Второй мировой войны китайское руководство проводит широкий комплекс мероприятий, пик которых придется на начало сентября текущего года, когда будет праздноваться юбилей победы над Японией. В центральных СМИ КНР соответствующая пропагандистская активность пока не слишком высока. В этом контексте обращают на себя внимание тезисы о китайском театре военных действий как главном на востоке; о наличии в Китае двух одинаково важных фронтов: регулярного, где главная роль отводилась Гоминьдану, и партизанского, где ведущая роль принадлежала КПК; о ведущей роли КПК в войне Китая с Японией в целом. Пропагандируется также точка зрения, согласно которой Китай «спас» Советский Союз от нападения Японии, ряд других положений и выводов, важных для анализа внутренней и внешней политики Китая в современных условиях.

Руководитель Центра международных проектов и программ института «Справедливый мир», ведущий иностранный научный сотрудник Чонгянгского института финансовых исследований Народного университета Китая, профессор, д.полит.н. Б.П. Гуселев сообщил о проекте экономического пояса Шелкового пути и его возможном влиянии на развитие отношений между Россией и Китаем. По его мнению, активизация инфраструктурного строительства — основа создания ЭШП и необходимое условие укрепления экономических связей между Китаем, странами Центральной Азии и Европой. Пеки-

ну и Москве нужно объединить усилия и обеспечить в регионе стабильность, безопасность и процветание.

В.н.с. ИДВ РАН, к.ю.н., доцент В.И. Балакин представил на конференцию доклад «Восточноазиатская интеграция и политическая мотивация участия в ней КНР», в котором подчеркивалось, что политические мотивы Китая при формировании собственной модели восточноазиатской интеграции определяются стремлением Пекина трансформировать геополитическую архитектуру Восточной Азии в стройную систему международных отношений, полностью отвечающую национальным интересам КНР.

На конференции был также представлен доклад г.н.с. ИДВ РАН, д.и.н. А.И. Картуновой «Антиимпериалистическое движение «30 Мая» 1925 г. и политика и тактика ВКП(Б) и Коминтерна». Она отметила, что движение «30 мая» положило начало национальной революции 1925–1927 гг. (в китайской историографии она именуется Великой революцией — *Да гэмин*). Главное внимание в докладе было сосредоточено на ряде вопросов, оказавших влияние на развитие и ход этого движения. Прежде всего, это роль КП Китая, единственной политической партии в стране, которая направила мощный спонтанный взрыв антиимпериалистического забастовочного движения рабочих и возмущение широких масс (в движении участвовали 17 млн человек), в русло организованной борьбы за национальное освобождение Китая. Далее, это политика и тактика Политбюро ЦК РКП(б) и ИККИ в движении «30 мая» на разных его этапах. Советское руководство и ИККИ все больше утверждались во мнении, что «решающим фактором национальной революции в Китае является военная сила, а массовое движение рабочих и крестьян, городской и мелкой буржуазии и интеллигенции призвано играть вспомогательную роль».

В завершающий день работы участникам конференции был представлен также блок выступлений по правовой системе и законодательству КНР.

В.н.с. ИДВ РАН, к.ю.н., П.В. Трошинский осветил основные направления развития правовой системы КНР в последние годы. В рамках политики углубления реформ планы правотворческой работы ВСНП предполагают принятие целого ряда важных законов, внесение изменений и дополнений в действующее законодательство. Правовая система китайского государства продолжает активно пополняться новыми законами и подзаконными правовыми актами, происходит точечное регулирование важных для страны общественных отношений. Законотворческая деятельность в Китае направлена на решение стоящих перед государством задач в социально-экономической и административной сферах.

С.н.с. ИДВ РАН, к.и.н., Н.В. Анисимцев представил краткий обзор истории, этапов и направлений развития системы гражданского права в современном Китае. Попытка разработки гражданского кодекса (ГК) была предпринята еще в конце XIX в., но его первая публикация была осуществлена лишь в 1929–30 гг. в гоминьдановском Китае. После победы революции и образования КНР новое руководство страны отбросило прежний ГК и приступило к разработке нового. Попытки принятия ГК делались в 1954 и в 1962 гг., но оказались безуспешными. Новый этап в этой работе начался с провозглашением «курса реформ и открытости» в 1978 г. Гражданско-правовая система КНР развивалась по двум направлениям – принятие отдельных наиболее актуальных законов, безотлагательно востребованных задачами развития страны, и параллельная разработка всеобъемлющего ГК. Важнейшим достижением на этом пути стало принятие в 1986 г. «Общих принципов гражданского права». Однако задача формирования всеобъемлющего ГК пока не решена. Трудность при в его подготовке обусловлена характером общественного развития страны, определением правильной сочетаемости развития рыночной экономики с руководящей ролью народного социалистического государства.

Преподаватель МГИМО МИД РФ, к.ю.н., О.О. Максимова проинформировала о формировании в китайском законодательстве правового статуса Председателя КНР. Впервые в истории Китая пост Председателя КНР был введен Конституцией 1954 г. Согласно положениям действующей Конституции, пост главы государства коллегиальный и

состоит из Председателя и Постоянного комитета ВСНП. Председатель КНР избирается ВСНП и поставлен Конституцией под контроль парламента, а его деятельность должна вестись в соответствии с принятыми ВСНП и ПК ВСНП законами. Срок полномочий Председателя составляет 5 лет, и он не может находиться на этой высокой должности более двух сроков подряд. По мере углубления административной реформы, создания новых комитетов в системе государственных органов, полномочия Председателя КНР существенно расширились. В настоящее время Си Цзиньпин сконцентрировал в своих руках все наиболее важные властные полномочия.

Руководитель Юридической компании Консалтинговой группы «Окно в Китай» А.Р. Зайнигабдинов проанализировал опыт КНР по стимулированию притока капиталовложений из-за рубежа. Проводимая политика углубления реформ предполагает разработку комплексных мер стимулирования развития экономики. Важное место в осуществляемых преобразованиях принадлежит политике государства в сфере привлечения иностранных инвестиций, повышения привлекательности Китая для зарубежного капитала. Начата разработка необходимого для правовой системы страны Закона КНР «Об иностранных инвестициях», главная задача которого — создание действенных механизмов привлечения в экономику Китая инвестиций из-за рубежа, устранение причин оттока капитала из страны, предоставление гарантий безопасности вложенных средств.

Адвокат Московской городской коллегии адвокатов В.А. Сухомлинов сделал сообщение на тему «Уголовное законодательство КНР: практика применения и перспективы развития на современном этапе (2014–2015 гг.)». Он отметил, что в настоящее время в КНР уделяется первостепенное внимание вопросам борьбы с коррупцией и проявлениями экстремизма. Активизация работы правоохранительных органов сопровождается законодательным расширением сферы применения уголовного права по данным направлениям и ужесточением санкций. Одним из способов информирования общественности является реализация государственной программы по облегчению доступа граждан посредством возможностей Интернета к судебным ресурсам.

Практически все выступления докладчиков вызвали заинтересованное обсуждение участников конференции. Наибольшее внимание привлекли доклады А.Ч. Мокрецкого, представившего квалифицированный обзор современных китайских внешнеполитических концепций, и Е.Н. Румянцева, обратившего внимание на новые острые моменты в интерпретации Второй мировой войны китайскими историками и общественными деятелями. В юридическом разделе конференции выделялось выступление А.Р. Зайнигабдинова, занимающегося практической юриспруденцией в Китае.

Содержание журнала «Форум Северо-Восточной Азии» (Дунбэй Я луньтань) (КНР) за первое полугодие 2015 г.

№ 1

РЕГИОНАЛЬНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

Статья номера

Ричард Купер (США). Перспективы развития мировой экономики до 2035 года.

Об Азиатско-Тихоокеанской зоне свободной торговли

Сун Чжиюн. Анализ влияния соглашения КНР и Южной Кореи о зоне свободной торговли на региональную архитектуру Восточной Азии.

Куан Мэй. Модель зоны свободной торговли в Восточной Азии и стратегический выбор Китая.

Сунь Шаоянь, Ши Хуншуан. Исследование китайско-российских приграничных расчетов в юанях.

Ван Цзиньцян. Формирование отношений сотрудничества в сфере логистики в АТР и политический выбор Китая.

ПОЛИТИКА И ДИПЛОМАТИЯ В СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

Ли Вэнь, Ван Юйи. Влияние политического фактора на региональное сотрудничество в Северо-Восточной Азии.

Ли И. Об официальном провозглашении территориального суверенитета государства и его значении с точки зрения международного права.

Лю Баоин, Гуань Хайтин. Упорядочение политики «мягкой силы» на новом этапе трансформации российской дипломатии.

СЕТЕВАЯ И КОСМИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

Чжан Цзиньцюань, Чэн Пэнсян. Новая сфера американо-японского альянса: сотрудничество в киберпространстве и в космосе.

ИССЛЕДОВАНИЕ ПРОБЛЕМ НОВОГО «ШЕЛКОВОГО ПУТИ»

Юй Хунян (Монголия), Оу Дэка, Ба Дяньцзюнь. О фундаменте и препятствиях создания китайско-монгольско-российского экономического «коридора».

Гань Цзюньсянь. Анализ вопросов конкуренции и сотрудничества Китая, США и Индии в контексте «нового Шелкового пути».

№ 2

БЕЗОПАСНОСТЬ МОРСКИХ АКВАТОРИЙ

Чжу Фэн. Новое в дискуссиях о суверенитете Южно-Китайского моря: стратегическая конкуренция крупных держав и многочисленные интересы малых государств.

Хуан Дахуэй, Чжао Лоси. Послевоенное урегулирование проблемы Окинавы и конфликт вокруг острова Дяюйдао.

Ли Чжэньфу. Государства арктической сети и стратегические исследования Арктики Китая.

К 70-ЛЕТИЮ ПОБЕДЫ В ВОЙНЕ ПРОТИВ ЯПОНИИ

Ван Шэнцзинь, Гао Ин. Вторжение японских агрессоров под девизом «освоения земель» (Анализ архивных материалов об агрессии японских завоевателей).

Сун Чжиюн. Сопоставление Нюрнбергского и Токийского судебных процессов.

РЕГИОНАЛЬНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

Об использовании юаня в международных расчетах

Сян Вэйсин, Ван Гуаньнань. Валютная политика США и полемика вокруг китайского юаня.

Се Сяогуан, Чжоу Шуай. Инклюзивная система международных финансов и тактический выбор Китая.

НОВЫЙ ШЕЛКОВЫЙ ПУТЬ

Ли Син. Экономический пояс «Шелкового пути»: поддержка стратегии «китайской мечты» или тактический выбор?

Лю Гобинь. Исследование стратегии выбора Северо-Восточной Азии в качестве опорной основы реализации концепции «Один пояс — один путь».

ПОЛИТИКА И ДИПЛОМАТИЯ В СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

Хуан Цисюань. Международная безопасность с учетом взаимных интересов великих держав.

Би Инда. Пространство углубления отношений стратегического партнерства между Китаем и Южной Кореей: вызовы и их преодоление.

№ 3

ОТНОШЕНИЯ КРУПНЫХ ДЕРЖАВ

Лю Цзяньюн. «Политология Абэ» и отношения между Китаем, Японией и Южной Кореей.

Хуан Дэсюэ. Новая «холодная война»: фантазия или реальность? (Хитроумные игры России и США на фоне украинского кризиса).

Дай Юй. Отрицание «поражения в войне и подчинения Соединенным Штатам»: характерная сущность послевоенной Японии.

Хань Айюн, Хань Баоцзян. Корни азиатского парадокса (Взгляд на процессы модернизации в государствах Восточной Азии).

ИССЛЕДОВАНИЯ НА ТЕМУ «ОДИН ПОЯС — ОДИН ПУТЬ»

Ван Да. Соображения Китая и всемирная значимость Азиатского инвестиционного банка.

И Баочжун, Чжан Цзянь. Системное исследование симбиоза регионального сотрудничества в Северо-Восточной Азии в соответствии с концепцией «Один пояс — один путь».

Ли Цзиньюй, Чжан Чжэньяо. Стратегические замыслы о расширении на северо-восток сотрудничества Китая и России в зоне Морского Шелкового пути XXI века.

РЕГИОНАЛЬНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

Лю Цинцай, Лю Тао. Стратегия развития российского Дальнего Востока в условиях западных санкций и китайско-российское региональное сотрудничество.

Ван Чжифан, Чжан Хайбинь. Выбор Китаем методов регионального сотрудничества в «новой нормальной ситуации» в области охраны окружающей среды в Северо-Восточной Азии.

БЕЗОПАСНОСТЬ МОРСКИХ АКВАТОРИЙ

Ян Чжэнь, Фан Сяочжи. О сотрудничестве КНР и США по окончании «холодной войны» в стратегических структурах, связанных с проблемами Мирового океана.

Лай Ию. Остров Йонагуни — военный форпост или особая зона коммуникаций.

Contents

Information Message Following the Meeting of the Council of Heads of Member States of the Shanghai Cooperation Organization (Ufa, July 9–10, 2015)

POLITICS

S. Uyanayev. Chinese Project "One Belt — One Road": Concept, Plan and Cooperation with Russia

Yang Yuheng. The 2001 Treaty as the Legal Basis of the Russian-Chinese Strategic Partnership

ROUND TABLE IN FEA

PRC—USA Relations at the Present Stage: Status, Prospects and Challenges for Russia

ECONOMY

V. Chuvankova. The Role and Place of Small Businesses in the PRC Economy on the New Stage of Economic Reform

VIEW POINT

Hu Angang. The Way of Chinese Modernization (1949–2014)

MILITARY BUILD-UP

A. Shlyndov. The Ground Forces of the People's Liberation Army of China on the Path of Modernization

STATE AND SOCIETY

O. Pochagina. Single Mothers in Contemporary China: Status and Problems

RUSSIAN FAR EAST

V. Zausaev. Chukotka: a New Model for the Development of the Far East?

HISTORY

B. Gorbachev. External Assistance to China during the War with Japan (1937–1945)

I. Chernyshev. The Operations of the Red Army against the Kwantung Army in 1945 (in the Publications by the Newspaper "Amurskaya Pravda")

CULTURE

E. Voitischek, L. Chervinskaya. Conceptual Art in China: the Socio-Political Aspect

LETTER TO THE EDITOR

Huang Lilian. The Memory of the War and the Victory Is Sacred

SCIENTIFIC EVENTS

Scientific Conference of the CPRP of the IFES RAS

Contents of the Journal "Dongbei Ya Longtan" (Forum of North-East Asia) (PRC) for the First Half of 2015

Contents

Summary

Summary

S. Uyanayev. Chinese Project "One Belt — One Road": Concept, Plan and Cooperation with Russia

The article discusses the geographical scope, main objectives, principles and implementation methods of Chinese initiative to build "the economic belt of the Silk road and maritime Silk road of the XXI Century", analyses adopted in March 2015 governmental concept and action plan for this project. The author explores the opportunities and challenges that exist in the field of Russian-Chinese cooperation.

Key words: China, the initiative, the Silk Road, belt, concept, Russia, transport infrastructure, challenges, prospects.

Yang Yuheng. The 2001 Treaty as the Legal Basis of the Russian-Chinese Strategic Partnership

The article argues that a consistent and comprehensive development of relations between Russia and China in the spirit of the Russian-Chinese Treaty of 2001 on Good Neighbourship, Friendship and Cooperation brings real benefits not only to the peoples of the two countries, but also serves to the consolidation of peace, security and stability at regional and global levels.

Key words: China, Russia, strategic partnerships, security, cooperation, treaties, influence, stability.

V. Chuvankova. The Role and Place of Small Businesses in the PRC Economy on the New Stage of Economic Reform

The role and place of small businesses in the PRC economy on the new stage of economic reform is discussed. Special attention is paid to the situation in individual and private sectors of the economy — the main component of small businesses in the country.

Key words: China, small and mini- enterprises, private and individual sector, the third national economic census, the NPC session.

Hu Angang. The Way of Chinese Modernization (1949–2014)

In the focus of the article the author, a prominent Chinese political scientist, puts the definition and content of modernization in China; its historical stages, the genesis of its understanding and interpretation in the leadership of the CPC of different generations, the specificity of modernization in Chinese style and the influence on it from the outside world.

Key words: modernization, innovations, socialism with Chinese characteristics, Xi Jinping, the calculations of GDP at PCP, "four stages of the product life cycle".

A. Shlyndov. The Ground Forces of the People's Liberation Army of China on the Path of Modernization

The article analyses the modern state and prospects of development of the PLA Ground Forces, indicates the goals and objectives of modernization of this type of armed forces of the PRC. The author notes the strengths and weaknesses of the PLA Ground Forces, reveals their combat capabilities.

Key words: manoeuvring forces, motorized mechanized formation, modularity, military district, reactive system of volley fire.

O. Pochagina. Single Mothers in Contemporary China: Status and Problems

The author examines the causes of the phenomenon of single motherhood in contemporary China, the attitude of Chinese society and social scientists to this problem. Legislative and social aspects of the status, economic and psychological problems of mothers who are not married, the situation of children born out of wedlock are analyzed.

Key words: China, family, single mothers, children born out of wedlock.

V. Zausaev. Chukotka: a New Model for the Development of the Far East?

The article discusses basic tendencies of development of subjects of the Russian Far East. Comparative data on the Chukotsky Autonomous Region and the Jewish Autonomous Region, as well as the Khabarovsk Region confirm the paradoxical trends: the southern territories of the Far East, located in the most favorable climatic conditions, on the border with fast developing countries and having more diversified and innovative economy, essentially lose to the Northern Regions in terms of economic efficiency.

Key words: northern and southern regions of the Far East, macro-indicators, comparative evaluation, development scenarios.

B. Gorbachev. External Assistance to China during the War with Japan (1937–1945)

The author describes the importance of aid to China from the USA and the USSR in the war against Japan in 1937–1945. He analyzes forms of Soviet military assistance to the struggle of Chinese people against Japanese aggression at different stages of the Second World War, as well as the U.S. military supplies to China under lend-lease.

Key words: military assistance, China, the war against Japan (1937–1945), USSR, USA, lend-lease.

I. Chernyshev. The Operations of the Red Army against the Kwantung Army in 1945 (in the Publications by the Newspaper "Amurskaya Pravda")

The article reflects the coverage of operations of the Red Army for the liberation of northeastern China from the Japanese militarists by the newspaper "Amurskaya Pravda". It is based on materials of the newspaper for August-October 1945, written by TASS correspondents, local journalists and direct participants of these operations.

Key words: "Amurskaya Pravda", the Red Army, the Kwantung army, liberation, Manchuria.

E. Voitischek, L. Chervinskaya. Conceptual Art in China: the Socio-Political Aspect

The article is devoted to the study of the phenomenon of conceptual art in China as opposed to traditional culture. It identifies political and economic preconditions of its formation, traces the history of development on the background of socio-cultural changes in the country. The authors substantiate the idea that the Chinese conceptualism has been strongly influenced by the state and society, because often acts as a kind of mirror reflecting the reality.

Key words: traditional culture, conceptual art, Chinese avant-garde, installation, performance, political actionism, the crisis of culture.

Журнал «Проблемы Дальнего Востока» включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается. К тексту статьи соискателя ученой степени должна быть приложена рецензия.

Интересующие вас вопросы вы можете задать заведующей редакцией «ПДВ» Елене Александровне Лапшиной (комн. 414). Тел.: 8 (499) 124-02-15.

На электронную версию журнала «Проблемы Дальнего Востока» можно подписаться в компании «Рунет». Тел.: 8 (495) 935-01-01.

С условиями подписки можно ознакомиться на сайте www.elibrary.ru. ISSN 0131-2812

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

*Перепечатка материалов без согласия редакции не разрешается.
При использовании их в любой форме, в том числе в электронных СМИ,
ссылка на журнал "Проблемы Дальнего Востока" обязательна.*

Мнение автора не обязательно совпадает с точкой зрения редакции.

Подписано к печати 27.07.2015 г. Дата выхода в свет 20 числ. Формат 70x100 1/16
Цифровая печать. Усл. печ. л. 15,6. Усл. кр.-отт. 8,6 тыс. Уч.-изд. л. 14,6 Бум. л. 6,0
Тираж 459 экз. Зак. 377. Цена свободная.

Издатель: Российская академия наук. Издательство "Наука",
117997, Москва, Профсоюзная, 90
Адрес редакции: 117997, Москва, Нахимовский проспект, 32
Тел. (499) 124-09-02; E-mail: pdv@ifes-ras.ru

Оригинал-макет © 2015 г. Дмитрий Славинский
Отпечатано в ППП, "Типография "Наука", 121099, Москва, Шубинский пер., 6

Требования к материалам, предоставляемым авторами в редакцию

Редакция и редколлегия журнала “Проблемы Дальнего Востока” приветствуют направление в журнал рукописей статей, отражающих научную разработку различных аспектов современного положения и тенденций развития стран и регионов российского и зарубежного Дальнего Востока, процессов в АТР, многосторонних и двусторонних отношений стран региона. Журнал помещает также статьи и документальные публикации, посвященные проблемам прошлого стран Дальнего Востока, которые важны для понимания современности. Приветствуется также направление в журнал рецензий на новейшие издания по соответствующей тематике.

1. Статья по объему, как правило, не должна превышать 1 авторского листа (40 тыс. знаков).

2. Статья должна сопровождаться аннотацией с кратким изложением ее содержания и основных положений (около 600 знаков).

3. Статьи и аннотации представляются в электронном виде на CD/DVD диске или USB носителе в формате Microsoft Office Word или в формате RTF с указанием имени файла и распечатками текстов в 2 интервала на русском и английском языках.

4. Графические файлы предоставляются отдельно в файлах формата TIFF в оттенках серого с разрешением не менее 300 dpi.

5. Китайские имена и названия даются в системе Pinyin.

6. Сноски даются в конце статьи. Оформление сносок:

Книги.

а) На русск. яз.

Автор. Название. Место издания: Издательство, год издания. С. ...

б) На кит. яз.

Автор. Транслитерация китайского названия книги [Перевод названия на русск. яз.]. Место издания: Издательство, год издания. С. ...

в) На англ. яз.

Author. Title of Book. Place of Publication: Publisher, date. P. ...

Статьи.

а) Из печатных изданий

Автор статьи. Название статьи // Название издания. Место, год (дата) издания. (Т.) № ... С. ...

б) Из Интернет

Автор статьи. Название статьи // Полный электронный адрес.

*Консультации по вопросам подготовки статьи к опубликованию в журнале
можно получить по тел.: 8 (499) 124-09-02.*

Редакция оставляет за собой право редакторской правки.

Ответственность за достоверность опубликованных в статьях сведений несут авторы.